

Олег
Лекманов

ПОЭТЫ
И ГАЗЕТЫ

Российский государственный гуманитарный университет

Олег Лекманов

ПОЭТЫ И ГАЗЕТЫ

Очерки

Москва
2013

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2 Рос=Рус) 6
Л43

Художник Михаил Гуров

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ*

ISBN 978-5-7281-1452-9

© Лекманов О.А., 2013
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2013

Содержание

[От автора]	7
Генерал Раевский и сыновья. <i>Из комментария к одной пушкинской газетной рецензии</i>	9
«Ах, все знакомые мотивы». <i>О «Современном Онегине» М.Я. Пустынина</i>	25
Стихи в журнале «Нива», 1890–1917. К теме «Русский модернизм и массовая поэзия»	34
О том, как встретились два одиночества	51
Об одном «маленьком» околоакмеистическом манифесте и вокруг	58
У «Лукоморья». <i>К истории одного журнала</i>	69
У рисунка двойное дно? <i>К иконографии Ахматовой</i> ...	86
Акмеизм и «Цех поэтов» в оценках критики начала 1910-х годов. <i>Цитаты с комментариями</i>	90
«Пусть они теперь слушают...». <i>О статье Ал. Блока «“Без божества, без вдохновенья” (Цех акмеистов)»</i>	100

15 помет Александра Тинякова на книге Зинаиды Гиппиус «Последние стихи». <i>К построению читательской истории литературы</i> ...	123
Уточнение про (из) газеты. <i>Об одном стихотворении Маяковского</i>	135
«Великий комбинатор»: источник формулы	142
Киноолейников. <i>К построению биографии поэта</i>	146
«Перемена фамилии» Н. Олейникова в газетном контексте	153
О двух редакциях одного перевода Даниила Хармса	163
«Я говорю с эпохой...». <i>Газетный фон стихотворений Мандельштама 1930-х годов</i>	172
Об одной групповой карикатуре на советских писателей (в соавторстве с И. Венявкиным и М. Котовой)	282
Как формировалась советская репутация Сергея Есенина	311
Агитпрофсоюзеский лубок (в соавторстве с А. Сергеевой-Клятис)	331
Анна Ахматова в мемуарах Ирины Одоевцевой	346
Русские модернисты – «соавторы» заголовков московских газет (1985–1995)	359
Стихотворение И. Бродского «На смерть Жукова». <i>Конспект анализа</i>	399
«Что же пишут в газетах?». <i>Смерть Иосифа Бродского в зеркале московской прессы</i>	405
Интертекст и Интернет. <i>К постановке проблемы</i>	409

Под обложкой этой книги я собрал свои работы разных лет, связанные единством метода: разговор об отечественной, в первую очередь модернистской, литературе прошлого столетия сопряжен почти во всех статьях с анализом и систематизацией (подчас – более, подчас – менее) обширного газетного и журнального материала эпохи. Во всех статьях я стремился к точности и изгнанию «красот» стиля. Смысловым центром книги стала большая работа о газетном фоне стихотворений Осипа Мандельштама 1930-х годов.

Все статьи, ранее изданные, в ходе работы над этой книгой были существенно переработаны.

Олег Лекманов

Генерал Раевский и сыновья
*Из комментария к одной пушкинской
газетной рецензии*

В первом номере «Литературной газеты» за 1830 г., в разделе «Смесь», Александр Сергеевич Пушкин без подписи опубликовал короткую рецензию на анонимную «Некрологию генерала от кавалерии Н.Н. Раевского», автором которой был зять героя, декабрист Михаил Федорович Орлов.

Напомним текст пушкинского отклика: «В конце истекшего года вышла в свет “Некрология генерала от кавалерии Н.Н. Раевского”, умершего 16 сентября 1829. Сие сжатое обозрение, писанное, как нам кажется, человеком, сведущим в военном деле, отличается благородною теплотою слога и чувств. Желательно, чтобы то же перо описало пространнее подвиги и приватную жизнь героя и добродетельного человека. С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году!.. Отечество того не забыло»¹.

Почему М.Ф. Орлов в своем апологетическом очерке о Н.Н. Раевском ни словом не обмолвился о легендарном подвиге генерала и его сыновей? Почему Пушкин счел

Впервые опубликовано: Лотмановский сборник. [Вып.] 3. М., 2004. С. 230–239.

необходимым строго попенять Орлову за такое упущение? Цель данной статьи – попытаться ответить на оба эти вопроса.

Начнем с того, что интересующая нас лакуна в орловской биографии героя войны 1812 года была столь разительной, что ее заметил и второй рецензент «Некрологии» Раевского, подписавшийся «П. Св.», т. е. – Павел Свиньин. В отличие от Пушкина Свиньин не стал упрекать Орлова за пренебрежение к славному подвигу, а восстановил справедливость между делом, напомнив в рецензии о том, как отважный генерал «бросался на батареи Наполеона с детьми своими»².

М.Ф. Орлов в своем очерке дипломатично умолчал о деянии Раевского и его сыновей. Другой участник войны 1812 года, близкий в свое время к Раевскому, и вовсе опроверг легендарный подвиг генерала. Этот *другой* был поэт Константин Николаевич Батюшков, который в 1813–1814 гг. служил у Раевского адъютантом, о чем вспоминал в своих записных книжках 1817 г., при жизни поэта не опубликованных и Орлову, вероятно, не известных.

Приведем обширный фрагмент из этих записок: «Раевский командовал тогда гренадерами. Призывает меня вечером кой о чем поболтать у камина <...>. “Из меня сделали римлянина, милый Батюшков, – сказал он мне. – Из Милорадовича – великого человека, из Витгенштейна – спасителя отечества, из Кутузова – Фабия. Я не римлянин, но зато и эти господа – не великие птицы <...>. Про меня сказали, что я под Дашковкой принес на жертву детей моих”. – “Помню, – отвечал я, – в Петербурге Вас до небес превозносили”. – “За то, чего я не сделал, а за истинные мои заслуги хвалили Милорадовича и Остермана. Вот слава, вот плоды трудов!” – “Но помилуйте, ваше высокопревосходительство, не вы ли, взяв за руку детей ваших и зная, пошли на мост, повторяя: вперед, ребята; я и дети мои откроем вам путь к славе или что-то тому подобное”. Раевский засмеялся. “Я никогда так не говорю витиевато, ты сам знаешь. Правда, я был впереди. Солдаты пятились,

я ободрял их. Со мною были адъютанты, ординарцы. По левую сторону всех перебило и переранило, на мне остановилась картечь. Но детей моих не было в эту минуту. Младший сын сбирал в лесу ягоды (он был тогда сущий ребенок, и пуля ему прострелила панталоны); вот и всё тут, весь анекдот сочинен в Петербурге. Твой приятель (Жуковский) воспел в стихах. Граверы, журналисты, нувеллисты воспользовались удобным случаем, и я пожалован римлянином. Et voila comme on ecrit l'histoire"*.

Вот что мне говорил Раевский³.

Как известно, Батюшков в течение короткого времени был сотоварищем Орлова по «Арзамасу». Автор некрологии ссылается на один из устных военных рассказов поэта о Раевском⁴. Резонно предположить, что и устная вариация только что приведенного эпизода была Орлову известна. Куда вероятнее, впрочем, что он и сам слышал нечто подобное от своего тестя.

Интересно, что хорошо осведомленный Денис Давыдов, детально разобравший упущения и ошибки очерка Орлова в специальной статье, о подвиге генерала Раевского и его сыновей упомянул по случайному поводу, да еще так неотчетливо и бегло, что даже въедливый батюшковед В.А. Кошелев этого не заметил. Давыдов «подробно описал бой под Дашковкой, но ни словом не упомянул о сыновьях Раевского», как указывает исследователь⁵. Ср. в «Замечаниях на некрологию Раевского» (1832) Дениса Давыдова: «...как будто *не он, а другой*, следуемый двумя отроками-сынами, впереди колонн своих ударил в штыки по Салтановской плотине**»⁶.

Как показания Батюшкова (= умолчание Орлова) соотносятся с финалом пушкинской рецензии? Возможны, по крайней мере, четыре варианта ответа на этот вопрос.

* И вот как пишу историю! (фр.).

** Дело сие называется *делом под Дашковкой*, но истинная свалка была на Салтановской плотине (примеч. Д. Давыдова).

Первый вариант. Весь рассказ Раевского измышлен Батюшковым. Генерал никогда ничего подобного своему адъютанту не говорил.

При желании легко подобрать и гипотетическую причину, которая могла спровоцировать Батюшкова мистифицировать предполагаемого читателя: комментаторы избранных батюшковских сочинений, не затрагивая проблемы правдивости свидетельства поэта, совершенно справедливо отмечают, что «рассказ о Раевском направлен против облачения Отечественной войны в одежды римской героики, всячески культивировавшегося русской журналистикой»⁷.

Всё же первый вариант представляется нам наиболее уязвимым и наименее вероятным хотя бы потому, что Батюшков имел твердое намерение, соответствующим образом обработав свои записи, предать их печати, а Раевский в это время был еще жив и полон сил. Хорошо можно представить себе реакцию желчного генерала, посмей Батюшков опубликовать о нем заведомую ложь, да еще и оформленную как монолог самого героя.

Второй вариант. Батюшкова мистифицировал Раевский (что психологически может быть хорошо объяснено общей неудачей русских войск в этой битве).

Такой возможности, судя по всему, не отвергал Ю.М. Лотман, назвавший, впрочем, подвиг под Дашковкой легендой⁸. В одной из своих работ исследователь писал: «...вполне можно допустить, что, беседуя с Батюшковым, Раевский перекодировал свое реальное поведение в <...> систему – “генерал-солдат”, простодушный герой и рубака <...> в примере с генералом Раевским важно, что он мог вести себя в сфере реального поведения и как герой трагедии, “римлянин”, и как “генерал-солдат”. Когда Раевский осуществлял второе поведение, а современники осознавали его в системе первого, создавалась легенда, как это было с эпизодом на мосту в Дашковке. Однако оба кода принадлежали к входившим в круг реально возможных»⁹.

Гораздо более энергично эту версию в свое время защищал видный историк А.Т. Борисевич, особенно упиравший на удивительную личную скромность героя: «...после славного боя 11-го июля 1812 г. под Салтановкой Н.Н. Раевский уверяет, что участие в бою его сыновей – “небылица”, а между тем непреложность этого факта подтверждается не только показаниями близких людей, но и беспристрастными архивными документами»¹⁰.

«Показания близких людей» и «беспристрастные архивные документы» нам еще предстоит цитировать и анализировать далее, а пока представляется своевременным привести фрагмент письма самого Раевского, отправленного Е.А. Константиновой 22 июля 1812 г., т. е. по свежим следам сражения под Дашковкой (оригинал по-французски): «Сын мой, Александр, выказал себя молодцом, а Николай даже во время самого сильного огня беспрестанно шутил; этому пуля прорвала брюки; оба сына повышены чином»¹¹.

Следует обратить внимание на одно соответствие и одно несоответствие данного описания с тем рассказом, который передан в записках Батюшкова. Соответствие: и беседуя с адъютантом, и в письме к Константиновой Раевский украсил свое повествование броской, запоминающейся деталью (простреленные панталоны младшего сына). Несоответствие: Батюшкову Раевский рассказывал, что обоих детей не было с ним в эту минуту. Из письма к Константиновой становится очевидным, что старший сын точно принимал участие в боевых действиях. Что же касается младшего сына, то о его присутствии на поле боя генерал напрямую ничего не сообщает (хотя, конечно, трудно себе представить, что он «беспрестанно шутил во время самого сильного огня», собирая при этом ягоды). Но ведь даже Б.Л. Модзалевский, в чью задачу входило доказать подлинность подвига Раевского и его сыновей (он издавал архив генерала под семейным патронажем П.М. Раевского), изучив формулярные списки детей героя, несколько обескураженно отмечал: «В формулярном списке Александра Николаевича Раевского значится, что в 1812 г. он участвовал в сражении 2-го июля при селе-

нии Романовке и 11-го июля при селении Салтановке <...>. Что касается Николая Николаевича Раевского [младшего. – О. Л.], то <...> о Салтановке не упоминается»¹².

Не снимает всех вопросов даже вполне определенное, казалось бы, письмо Раевского к жене от 15 июля 1812 г.: «Я сам с Васильчиковым, сыном [Александром. – О. Л.] и адъютантом шел в первом ряду в штыки <...>. Александр сделался известен всей армии, он далеко пойдет... Николай, находившийся в самом сильном огне, лишь шутил. Его штанишки прострелены пулей»¹³. Непонятно: если генерал шел в первом ряду в штыки с Александром, то с кем шел Николай? И опять же: как все это соотносится с рассказом Раевского Батюшкову? Может быть, в этот момент генерал находился во власти уже родившейся красивой легенды?¹⁴

Третий вариант. А.С. Пушкин в отличие от Батюшкова и Орлова не был посвящен генералом и/или его семьей в подробности дела под Дашковкой.

В пользу данной гипотезы говорит то обстоятельство, что многочисленные представители дружественного Пушкину клана Раевских публично никогда не опровергали легенды о подвиге генерала и его сыновей, а, напротив, всячески эту легенду поддерживали. Так, любимая дочь героя Мария Раевская в своих известных мемуарах, писавшихся в конце 1850-х годов, выразительно изобразила реакцию отца на ее решение последовать за мужем, декабристом Сергеем Волконским, в Сибирь: «Мой отец, этот герой 1812 года, с твердым и возвышенным характером, этот патриот, который при Дашковке, видя, что войска его поколебались, схватил двух своих сыновей, еще отроков, и бросился с ними в огонь неприятеля, нежно любил свою семью; он не мог вынести мысли о моем изгнании, мой отъезд представлялся ему чем-то ужасным»¹⁵.

Приведем также текст короткой записки сводного брата Раевского, будущего декабриста В.Л. Давыдова, обращенной к дочерям генерала и его сыну Николаю: «Я прошу моих дорогих племянниц и героя Салтановки вспоминать время от времени их дядю и обнимаю их от всего сердца»¹⁶.

Еще более красочно поведал о подвиге Раевского и его сыновей внук генерала Н.М. Орлов: «В деле под Дашковкой они [сыновья. – *О. Л.*] были при отце. В момент решительной атаки на французские батареи Раевский взял их с собою во главе колонны Смоленского полка, причем младшего, Николая, он вел за руку, а Александр, схватив знамя, лежащее подле убитого в одной из предыдущих атак подпрапорщика, понес его перед войсками. Геройский пример командира и его детей до исступления одушевил войска: замаявшиеся было под картечью неприятеля, они рванулись вперед и всё опрокинули перед собою»¹⁷.

Несколько даже комически отстаивал семейные интересы Раевских Иван Петрович Липранди в своем нелицеприятном разборе истории Отечественной войны 1812 года, написанной М.И. Богдановичем. Богданович попытался рассказать о подвиге под Дашковкой предельно осторожно и корректно: «Вместе с Васильчиковым и всеми офицерами своего штаба, в числе которых были сыновья самого Раевского, он сошел с коня и стал впереди Смоленского полка, назначенного идти в голове колонны»¹⁸. Такая осторожность спровоцировала гневную инвективу Липранди: «Как же было умолчать в Отечественной войне о подвиге, объясняющем величие свойства русского! Вельможа-отец, сопровождаемый двумя единственными, несовершеннолетними еще сыновьями своими, под градом ядер, гранат, картечи и пуль, – и в эту минуту сын его требует нести знамя! <...> Между тем, как ничтожные эпизоды, не имеющие никакого общего интереса в Отечественной войне, нашли в ней [в «Истории» Богдановича. – *О. Л.*] место. Несомненно, что для находящихся еще в живых сына и двух дочерей Н.Н. Раевского было бы несомненно приятнее найти в истории Отечественной войны подвиг отца своего, равняющийся со всем тем, что история повествует нам о великом характере некоторых из древних римлян, чем ... ни на чем не основанную и ничего не значащую полемику»¹⁹.

Не следует, однако, упускать из вида тот факт, что это описание легендарного деяния генерала и его сыновей было опубликовано спустя много лет после смерти героя и,

самое главное, после 14 декабря 1825 г. Итоги этого дня для Раевских, напомним, оказались следующими: сводный брат генерала В.Л. Давыдов был осужден по I разряду, как и зять Раевского С.М. Волконский. М.Ф. Орлов, благодаря заступничеству своего брата, отделался ссылкой в наследное село Милятино. Что же касается двух сыновей Раевского – тех самых, которых прославила на всю Россию легенда о подвиге под Дашковкой, то они были арестованы по подозрению в участии в заговоре, но вскоре освобождены с оправдательными аттестатами. Недобрая молва в лице, например, Ф.Ф. Вигеля (ненавидевшего старшего брата – Александра) была склонна усматривать причину столь благополучного для сыновей Раевских исхода дела в заступничестве престарелого генерала перед молодым царем: «Александр и Николай, друзья Пушкина, прикосновенны были к заговору декабристов, но отделались легко благодаря заслугам отца»²⁰.

Кажется весьма вероятным, что в подобной ситуации, хотя бы и смягченной прошедшими годами, «забывчивость» М.Ф. Орлова вызвала нешуточное раздражение у семьи и ближайшего круга друзей Раевских. Это раздражение явственно сквозит в датированном 12 июня 1830 г. письме Марии Волконской к Вере Вяземской, содержащем благодарности за присылку «Литературной газеты» с анонимной пушкинской рецензией на «Некрологию» Раевского (оригинал по-французски): «Поблагодарите тех, кто сумел принести дань уважения моему отцу, его памяти. Я разделяю их справедливое недовольство его биографом: он многое упустил или забыл»²¹. Отметим всё же, что в этом письме Волконская еще избегала прямого упоминания о подвиге под Дашковкой, хотя явно имела в виду именно его.

Четвертый вариант. Осведомленный о подлинном положении дел А.С. Пушкин сознательно совершил в финале своей рецензии сильный ход и упрекнул М.Ф. Орлова в пренебрежении к воинской доблести генерала и его детей.

Прежде чем приводить аргументы в защиту этой, самой убедительной, на наш взгляд, версии, попробуем задаться трудным и, может быть, почти неразрешимым вопросом о *подлинном положении дел* в сражении под Дашковкой или (что несколько проще) о том, какие безусловно истинные факты легли в основу героического предания. Для этого попытаемся пунктирно проследить за тем, как рождалась и обрастала всё новыми подробностями легенда о Раевском и его сыновьях.

Мы уже цитировали выше письмо героя Отечественной войны к Е.А. Константиновой, из которого ясно вычитывается только то, что сын Александр принимал участие в битве, а сын Николай, как минимум, находился где-то неподалеку.

Но уже подробная программа, 7 июля 1813 г. назначенная Советом Академии художеств живописцу Антонио Каппони для картины на звание академика, содержит почти весь набор атрибутов легенды, варьировавшихся в течение последующих полутора столетий: «Представить героический подвиг российского генерала Раевского, когда он, взяв двух малолетних своих сыновей и дав одному из них нести знамя, идет с ними вперед пред войсками и сам своим примером возбуждает в сердцах воинов то мужество, с которым они отразили гораздо превосходнейшие силы французов под Смоленском»²².

Сходное описание сражения под Дашковкой находим в «Полном собрании анекдотов о достопамятнейшей войне россиян с французами» (1815), с той лишь разницей, что анонимные авторы этого «Полного собрания анекдотов...» для вящего эффекта завершили свой анекдот... изображением гибели сына Александра²³. Так что возмущенному А.В. Писареву пришлось напоминать: в сражении у генерала убит был «адъютант его, ротмистр Маслов, а не сын его»²⁴.

С составителями «Полного собрания анекдотов...» может поспорить разве что современный владивостокский журналист Валерий Бельцов, который написал в одной из газетных заметок, что подвиг генерала и его сыновей состоялся «в битве на Бородинском поле»²⁵.

С сожалением прибавим, что из всех участников легендарного сражения, кроме самого генерала, только А.П. Бутенев кратко упомянул о сыновьях героя (в позднейших мемуарах): «Раевский с двумя сыновьями своими (одному из них было 14 лет) дрался, как лев»²⁶. Увы, и на это свидетельство невозможно положиться, хотя бы потому, что, по крайней мере, одна неточность Бутенева бросается в глаза: Александру Раевскому в описываемый период было 17 лет, Николаю – 11.

Новые обертоны в изложении легенды о подвиге Раевского и его сыновей под Дашковкой зазвучали в новую идеологическую эпоху. Приведем здесь только три, почти наугад выбранных, примера из текстов, предназначенных для разных категорий читателей.

Советский популяризатор Константин Ковалев счел возможным слегка подкорректировать тот монолог, с которым, согласно «каноническому» тексту легенды, генерал обратился к своим солдатам. В «каноническом» варианте Раевский восклицал: «Вперед, ребята, за Веру и за Отечество! Я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь». Ковалев «Веру», по понятным причинам, элиминировал, компенсировав эту купюру народолюбивыми пассажами генерала (в частности, «ребята» у него стали «братцами»): «Слушайте, братцы! Я здесь с Вами. И дети мои со мной. Мы все идем в этот смертный бой. Жертвую всем ради вас и ради Отечества. Поднимем французов на штыки! Вперед! За мной!»²⁷.

Советский журналист Александр Кривицкий украсил описание сражения высокохудожественными подробностями и злободневными аналогиями: «Солнце кровавым глазом косит на черноволосого генерала. Нежно и твердо обнял он сыновей – один из них повыше ростом, другой еще совсем ребенок. Над их почти скульптурной группой реет знамя Смоленского полка с позолоченным навершьем древка. <...> Как боялся я за этих ребят в дни своего отрочества – старший был моим сверстником – и как я им завидовал! В то время мы уже хорошо знали слово “фашист”, ходили в тир, целились в его карикатурное изображение,

и меткого стрелка вознаграждало всеобщее признание ребят»²⁸.

А советский историк, генерал П.А. Жилин, в данном случае не утрудивший себя ссылками на какие бы то ни было источники своих сведений, уверенно писал, что в битве под Дашковкой вместе с Раевским «шли его сыновья. Старший сын нес знамя Смоленского полка, младший шел с отцом»²⁹.

Возвращаясь к истокам легенды о подвиге генерала Раевского и его сыновей, отметим, что особую роль в повсеместном ее распространении сыграла отечественная поэзия, прежде всего – «Певец во стане русских воинов» (сентябрь–октябрь 1812 г.) Василия Жуковского, по не вполне счастливому и справедливому выражению современного исследователя, «разрекламировавшего» «анекдот, сочиненный в 1812 году»³⁰:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.

Ключевую роль стихотворению Жуковского в беседе с Батюшковым отвел сам Раевский («Твой приятель (Жуковский) воспел в стихах»). Об этой роли вспоминал и А.И. Михайловский-Данилевский: «Бессмертный подвиг сей был бы, вероятно, как и многие другие, забыт, если бы Жуковский не упомянул о нем в “Певце во стане русских воинов”. Прекрасное назначение стихотворчества, когда оно заменяет историю!»³¹.

Также подвиг генерала и его сыновей под Дашковкой воспели в своих стихах Сергей Глинка:

Себя и юных двух сынов,
Приносишь всё Царю и Богу...

Генералу Раевскому

и Николай Иванчин-Писарев:

О тень Пожарского! тень Минина святая!
Возрадуйтесь! се ваш потомок, наш Герой!
Детей *не заложил*, Отечество спасая,
Нет – он на верну смерть повел их за собой.

Надпись к портрету генерала Раевского

Те три пушкинских текста, в которых возникают интересные нас мотивы, образуют на этом фоне особую группу. Помимо рецензии на орловскую «Некрологию» сюда входят и юмористически ситуативное стихотворение «Раевский, *молодонец* прежний...» (1819) и финальные строки «Посвящения» южной поэмы «Кавказский пленник» Николаю Раевскому младшему.

В стихотворении «Раевский, *молодонец* прежний...» обыгрываются образы «Певца во стане русских воинов», в ранней редакции которого строка «С отважными сынами» звучала «С младенцами-сынами». Посетив Жуковского вместе с Николаем Раевским младшим и не застав его дома, Пушкин оставил автору «Певца» такую шутливую записку:

Раевский, *молодонец* прежний,
А там уже *отважный сын*,
И Пушкин, школьник неприлежный
Парнасских девственниц-богинь,
К тебе, Жуковский, заезжали,
Но к неописанной печали
Поэта дома не нашли –
И, увенчавшись кипарисом,
С французской повестью «*Борисом*»
Домой уныло побрели.
Какой святой, какая сводня
Сведет Жуковского со мной?
Скажи – не будешь ли сегодня
С Карамзиным, с Карамзиной? –
На всякий случай – ожидаю,
Тронися просьбою моей,
Тебя зовет на чашку чаю
Раевский – *слава наших дней*.

В заключительных строках «Посвящения» к «Кавказскому пленнику» вновь находим реминисценцию из Жуковского («Младенец избранный»), однако теперь Пушкин и младший Раевский противопоставляются друг другу вполне всерьез как участники романтической антитезы (счастливый и несчастливый представители «нашего поколения»):

Мы в жизни розно шли: в объятиях покоя
Едва, едва расцвел и вслед отца-героя
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел.
Отечество тебя ласкало с умилением,
Как жертву милую, как верный свет надежд.
Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем;
Я жертва клеветы и мстительных невежд;
Но сердце укрепив свободой и терпением,
Я ждал беспечно лучших дней;
И счастье моих друзей
Мне было сладким утешеньем.

Еще десять лет спустя автореминисценция из этого текста перекочевала в рецензию Пушкина на «Некрологию» Орлова (ср.: «*В поля кровавые, под тучи вражьих стрел...*» и «*...приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году...*»).

Как известно, сходное «отношение к настоящему и будущему России – одна из сильнейших точек сближения Пушкина и Жуковского в 1830-е годы»³². Неудивительно поэтому, что финал пушкинского отклика на очерк Орлова прозвучал в унисон «Певцу во стане русских воинов». Тем не менее именно сопоставление с «Певцом...» (как, впрочем, и с поэтическими произведениями С. Глинки и Н. Иванчина-Писарева), на наш взгляд, позволяет в полной мере оценить своеобразие пушкинской концепции подвига Раевского и его сыновей. В отличие от своих предшественников Пушкин предпочел опереться на единственный, безусловно подлинный факт, лежавший в основе

героической легенды: юные сыновья Раевского были при нем в действующей армии «в кровавом 1812-м году». Пушкин, как кажется, совершенно сознательно избегал уснащения своих текстов мотивами, метафорами и ассоциациями, которые привязывали бы подвиг Раевских к конкретному сражению под Дашковкой. Напротив, и в «Посвящении» к «Кавказскому пленнику», и в рецензии на «Некрологию» Орлова у него не случайно употреблено множественное число. Согласно языковым нормам пушкинской эпохи сказать «в поля кровавые» допустимо было и об одном сражении, как это сделал, например, всё тот же Батюшков в стихотворении «Мщение. Из Парни»: «...с полей кровавой битвы». А вот формула, употребленная в рецензии Пушкина на орловскую «Некрологию» («...приведенных отцом на поля сражений»), уже вполне недвусмысленно переключает внимание читателя с одного лишь легендарного подвига под Дашковкой на множество сражений, где оба сына были в непосредственной близости от отца-героя.

Таким образом, Пушкин-историк избежал описания сомнительных – с точки зрения достоверности и хорошего вкуса – подробностей сражения под Дашковкой (высprenний монолог отца, знамя полка, подхваченное сыном, и проч.). Пушкин – друг своих друзей поддержал младшее поколение семьи Раевских. Пушкин-идеолог получил возможность не отказываться от дорогой его сердцу государственной (а отчасти – и религиозной) метафоры, как бы предлагая «упреждающий» ответ на саркастический вопрос Льва Николаевича Толстого, прозвучавший в третьем томе «Войны и мира»: «...зачем же было приносить такую жертву? И потом, зачем тут, на войне, мешать своих детей?»³³.

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 11. Л., 1949. С. 84.

² Московский телеграф. 1829. № 24. С. 460.

³ Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1978. С. 412, 413–414. Серия «Литературные памятники».

⁴ См.: Орлов М.Ф. Некрология генерала от кавалерии Н.Н. Раевского // Замечания на некрологию Н.Н. Раевского, из-

данную при Инвалиде 1829 года, с прибавлением его собственных записок на некоторые события войны 1812 года, в коих он участвовал (см.: сочинение Д. Давыдова. М., 1832. С. 11–12).

⁵ Кошелев В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987. С. 147.

⁶ См.: Сочинение Д. Давыдова. С. 23.

⁷ Зорин А.Л., Проскурин О.А. Комментарий // Батюшков К.Н. Избранные сочинения. М., 1986. С. 484.

⁸ См.: Лотман Ю.М. Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека конца XIX века // Лотман Ю.М. Об искусстве. М., 1998. С. 645.

⁹ Там же. С. 644–645.

¹⁰ Борисевич А.Т. Генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский: (Историко-биографический очерк). Ч. 1. СПб., 1912. С. IX; Он же. К столетию боя под Салтановкой 11 июля 1812 года // Русский инвалид. 1912. № 154.

¹¹ Русская старина. 1874. Т. 9, № 3. С. 767.

¹² Архив Раевских / Ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. Т. 1. СПб., 1908. С. 163, 164.

¹³ Цит. по: 1812–1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии. Из собрания Государственного исторического музея. М., 1992. С. 215. На это издание указал мне Н.Г. Охотин, которому приношу глубокую благодарность.

¹⁴ Ср.: Проскурин О.А. Комментарий // Пушкин А.С. Сочинения. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. 1. М., 2006. С. 205–206.

¹⁵ Записки княгини М.Н. Волконской. Чита, 1991. С. 25.

¹⁶ 1812–1814... С. 210.

¹⁷ Русская старина. 1874. Т. 9, № 3. С. 765–766.

¹⁸ История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Составлена по Высочайшему повелению // Сочинение генерала-майора М. Богдановича. Т. 1. СПб., 1859. С. 215–216.

¹⁹ Архив Раевских. С. 161–162.

²⁰ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 456.

²¹ Цит. по: Друзья Пушкина: В 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 129.

²² Архив Раевских. С. 165.

²³ См.: Полное собрание анекдотов о достопамятнейшей войне россиян с французами. Ч. 1. СПб., 1815. С. 4–6.

²⁴ *Писарев А.В.* Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим. Ч. 2. М., 1817. С. 180.

²⁵ *Бельцов В.* Недаром помнит вся Россия // Владивосток. 1998. 23 февр.

²⁶ Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 69.

²⁷ Герои 1812 года: Сборник. М., 1987. С. 156. Серия «Жизнь замечательных людей».

²⁸ *Кривицкий А.* Отблески Бородина // Смена. 1982. № 17. С. 18.

²⁹ *Жилин П.А.* Гибель Наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 113.

³⁰ *Епанчин Ю.Л.* Николай Николаевич Раевский (1771–1829): Жизнь. Деятельность. Личность: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1996. С. 3.

³¹ Русская старина. 1897. № 6. С. 465.

³² *Киселева Л.Н.* Пушкин и Жуковский в 1830-е годы: Точки идеологического сопряжения // Пушкинская конференция в Стэнфорде: Материалы и исслед. М., 2001. С. 183; Ср.: *Проскурин О.А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999.

³³ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Т. 11. М.; Л., 1932. С. 56.

«Ах, все знакомые мотивы»
О «Современном Онегине» М.Я. Пустынина

В 6-м номере петербургского журнала «Весна» за 1908 год¹ было опубликовано четырехстрочное юмористическое стихотворение «Современный Онегин», подписанное псевдонимом «Недотыкомка». Под этим псевдонимом укрылся журналист и пародист Михаил Яковлевич Пустынин (настоящая фамилия Розенблат, 1884–1966)².

Приведем полный текст пустынинской пародии:

·СОВРЕМЕННЫЙ ОНЕГИН

I.

Бывало, он еще в постеле,
К нему записочки несут;
«Жениться мне бы в самом деле,
А то года идут, идут!
Какие б я давал обеды! –
Моя жена в костюме Леды, –
Причина споров и страстей, –
Всех принимала бы гостей

Впервые опубликовано: *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи. Ч. 2. Тарту, 2006. С. 251–258. Приношу глубокую благодарность аакобра, gloomov, n_bogomolov, _niece, romov и seminarist за содействие и помощь в работе.

И угощала б их вареньем,
И занимала бы подруг,
И беллетристов модный круг
Ее встречал бы одобреньем...
Ах, мысль Каменского мила:
Ходить, в чем мать нас родила!

II.

Чудак мой, пасмурный Евгений,
Увы, по старому хандрил;
Засиживался часто в «Вене»,
Зато к «Давыдке» не ходил;
Он всякий спорт любил сугубо,
И гимнастического клуба
(Тот губит жизнь, кто не спортсмэн!)
Он обязательный был член.
На Невском покупал Баркова
И, уж в постели, при свече,
О женском он мечтал плече...
Он не читал ни «Речь», ни «Слово»,
Но «Время новое» читал, –
И Меньшикова одобрял.

III.

Когда однажды, в час рассвета,
Домой Онегин мой спешил, –
Просить какого-то совета
Он у Аврахова решил;
Встал – за газету; и во взоре
Спермин, электросуспензорий,
Пестрея, замелькали вдруг
Меж «свах», «натурщиц» и «подруг».
Ах, все знакомые мотивы:
Здесь доктор Мензинг, доктор Флит,
Лаин, каптол и абсорбит,
Экзематин, презервативы...
(Обычный лексикон газет) –
всех этих слов на русском нет!

IV.

Но, глупой, может быть из лени,
Своим он планам изменил:
Разочарованный Евгений
Аврахова не посетил..
Пиленко с Ксюниным любили
Кататься с ним в автомобиле
Перед Таврическим дворцом
И вместе думали о том,
Что из Онегина бы вышел
Весьма примерный октябрист,
Но, тонкий автомобилист,
Онегин этих дум не слышал!
Его пленял другой удел;
Он правил, фыркал и гудел.

На эти четыре немудреные строфы в полной мере распространяется закон, обязательный почти для всех стихотворных текстов XX столетия, использовавших пушкинский роман в качестве пародической формы³. В вольное или невольное подражание великому образцу, пародии на «Евгения Онегина», как правило, стремились преобразиться если не в полномасштабную картину *современной* им эпохи, то хотя бы в острую выразительную карикатуру на *современную* им эпоху.

Более того, вероятно, не будет преувеличением увидеть в так и не выросшем из сора стихотворении Пустынина своего рода метатекст. Ведь тематический реестр мотивов, репрезентировавших в различных переложениях «Евгения Онегина» современность⁴, представлен здесь едва ли не с исчерпывающей полнотой. Подобно паззлу, карикатура на петербургские 1900-е годы складывается у Пустынина из нескольких фрагментов, главные из которых политика, эротика, спорт, технические новшества, а также изящная словесность⁵.

Мотивы, обыгрывающие политические реалии 1908 г., возникают в финале второй строфы «Современного Онегина» и в четвертой его строфе. Все они сосредоточены во-

круг газеты «Новое время» и деятельности III Государственной думы, заседавшей в Таврическом дворце. Отсюда: «Пиленко с Ксюниным любили // Кататься с ним в автомобиле // Перед Таврическим дворцом». Александр Александрович Пиленко (1873–1948)⁶ и Алексей Иванович Ксюнин (1880–1937) были думскими обозревателями «Нового времени», представителями левого, «октябристского» крыла этой консервативной газеты⁷, меж тем как популярнейший «нововременский» фельетонист Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918) придерживался крайне правых взглядов⁸. Современный Онегин «Меньшикова одобрял», а октябристом становиться не желал.

На специфичность рекламных объявлений, помещавшихся в том же «Новом времени», намекает третья, «медицинская», строфа «Современного Онегина», где перечисляются популярные тогда средства от импотенции, «нервной и половой слабости», а также «упадка сил». Целитель Дионисий Аврахов, у которого хотел «просить какого-то совета» современный Онегин, прославился изобретением бальзама для лечения сифилиса «из нескольких кореньев и трав», имевшего якобы индийское происхождение. Ссылаясь на свою 20-летнюю практику, в рекламных объявлениях 1906 г. Аврахов утверждал, что «порченная кровь вся вытягивается лекарством в прямую кишку и выходит вон, и поэтому болезнь излечивается навсегда и без возврата». Как и следовало ожидать, бурная деятельность Аврахова увенчалась позором и затяжными судебными процессами: столичное врачебное управление, заинтересовавшись «целителем», установило, что некоей А.В. Завгородней разрешение на «Индийский бальзам» было добыто как на косметическое средство для... полоскания зубов. Однако торговля снадобьем продолжалась, причем в провинции расплодились аферисты, выдававшие себя за полномочных представителей фирмы Аврахова.

Наряду с рекламой сомнительных врачебных услуг «Новое время» охотно помещало на своих страницах чуть замаскированные рекламные объявления проституток и содержанок. В пародии Пустынина это обстоятельство отражено в строке «Меж “свах”, “натурщиц” и “подруг”»⁹.

В целом третью строфу «Современного Онегина» интересно сопоставить с соответствующим фрагментом топорного многостраничного памфлета Владимира Пуришкевича «Павел Дупенский¹⁰. Дневник неперемного члена министерской передней» (1913): «Встаю в 12, Иван подает кофе и газеты “Новое время”, “Петербургскую газету”, “Петербургский листок”. Усаживаюсь. Просматриваю покойников¹¹, а потом, шмыг, на страницы объявлений и тут читаю с толком, расстановкой, запасшись блокнотом и карандашом. Прочтешь, и порой, в день от Думы свободный, и день определится. Не угодно ли, напр<имер>, сегодня, прямо глаза разбегаются» (– далее следуют четыре (!) страницы газетных объявлений от «свах», “натурщиц” и “подруг“») ¹². Заметим, что герой памфлета Пуришкевича, член Государственной думы и политический единомышленник современного Онегина, мнит себя поэтом и сочиняет пародические тексты на основе строк пушкинского романа. При этом он соотносит себя с героем «Евгения Онегина»:

Мой дядя самых честных правил,
Но я на дядю не похож,
Меня зовут то Польш, то Павел,
Я покупаюсь не за грош¹³.

Интересную и характерную параллель к финалу стихотворения Пустынина (освоение современным Онегиным автомобиля) находим в позднейшей пародии «Перевод Пушкина на язык эгофутуристов», напечатанной в 1913 г. в «Сатириконе» и подписанной «Г. Е.»:

Зима! Пейзанин, экстазуя,
Ренувелирует шоссе,
И лошадь, снежность ренифлуя,
Ягуарный делает эссе.
Пропеллером лансуя в’али,
Снегомобиль рекордит дали,
Шофер рулит; он весь в бандо,
В люнетках, маске и манто¹⁴.

Наиболее частотны в «Современном Онегине» мотивы, отображающие некоторые особенности литературного процесса и литературной ситуации конца 1900-х годов.

Так, «Вена» и «Давыдка» – это два петербургских ресторана, завсегдатаями которых всегда были писатели и поэты¹⁵. «На Невском» современный Онегин, скорее всего, покупал не только и не столько стихи самого Ивана Семеновича Баркова, сколько многочисленные подражания его порнографическим произведениям – образцы так называемой «барковианы». Сравним с записью из дневника Михаила Кузмина за 1906 г., сделанной, правда, не в Петербурге, а в Нижнем Новгороде: «...к нам ежеминутно приставали, то с камнями, то с фотографиями, то с похабными стишками. Я купил 3 книжечки Баркова»¹⁶.

В первой же строфе пародии Пустынина подразумевается скандально знаменитый рассказ Анатолия Каменского «Леда» (1906). Но, возможно, имеется в виду и одноименная пьеса 1907 г., представлявшая собой переработку рассказа самим Каменским. Пьеса эта была поставлена на сцене и пользовалась широкой популярностью, главным образом потому, что в кульминационном ее эпизоде героиня предстала перед зрителями обнаженной.

Следует отметить, что легко распознаваемые отсылки к современной массовой культуре – это общая черта большинства пародий на «Евгения Онегина», создававшихся в XX в. Приведем здесь фрагмент из поэмы Тимура Кибирова «История села Перхурова», насыщенный цитатами из российских блатных и кабацких песен 1990-х годов:

И сверкнул в руке у Женьки ствол – черный ствол –
и навел наган он в сердце друга.

Выстрел прогремел, а Таня с Олей – эх, сестрой! –
зарыдали в горе и испуге!

«Что же ты, братуха? Не стреляй – эх, не стреляй! –
не стреляй в меня, братан-братишка!» –
прошептал Володя и упал – эх, упал, –
весь в крови молоденький мальчишка¹⁷.

А также микрофрагмент менее изощренной пародии на «Евгения Онегина», сочиненной нашим безвестным современником:

Вовану Женьке б дать по роже,
Да запаadlo – понты дороже.
И молвил он: «Сошли с базара!
Наш спор решат лишь два “макара”!»¹⁸

К сказанному остается прибавить, что «Современный Онегин» может быть включен в число пародий на пушкинский роман, фоновых для «Петербургских строф» (1913) Осипа Мандельштама. Упоминание в четвертой строфе мандельштамовского стихотворения о «старинн<ой> тоск<е>» Онегина разрешается в финале «Петербургских строф» появлением «чудака Евгения» из «Медного всадника»¹⁹ в обрамлении мотивов, открыто вводящих в «Петербургские строфы» тему современности и перекликающихся с заключительной строфой пустынинской пародии:

Летит в туман моторов вереница;
Самолюбивый, скромный пешеход –
Чудак Евгений – бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!

¹ Об этом журнале, издававшемся Н. Г. Шебуевым, см., например, в беллетризованных воспоминаниях футуриста Василия Каменского «Путь энтузиаста» (*Каменский В.* Степан Разин. Пушкин и Дантес. Художественная проза и мемуары. М., 1991. С. 511–519) и в злобном фельетоне будущего акмеиста Владимира Нарбута (*Нарбут В.* Версификатор // *Gaudeamus.* 1911. № 11. С. 12).

² Ср. книгу его стихотворных эпиграмм и пародий («Современный Онегин» в нее, разумеется, не вошел): *Пустынин М.* Сучки и задоринки. М., 1955 (Б-ка «Крокодила»; № 62). О Пус-

тынине см. также: *Кушлина О.Б.* Пустынин Михаил // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М., 2007. С. 177–178.

³ Как, впрочем, и XIX столетия. См., например, знаменитую пародию Дмитрия Минаева «Евгений Онегин нашего времени» (1865). Приведем здесь начальные строки одной из ее строф, пародирующие ту строфу «Евгения Онегина», которую в числе прочих перепевает и Пустынин: «Бывало он еще в постеле, / Чтoб дать себя кухарке знать, / Начнет пред нею не без цели / Авторитеты разрушать, / Бранить Вольтера и Бэкона, / Корнеля, Гете и Мильтона / И булкой набивая рот, / Цикорный кофе жадно пьет» (*Минаев Д.* Избранное. Л., 1986. С. 237).

⁴ Богатый материал для сопоставления дает сборник: Судьба Онегина / Сост., вступ. ст. и коммент. В. и А. Невских. М., 2001 (пародия М. Пустынина в этот сборник не вошла).

⁵ Из этих же элементов, но куда менее отчетливо проявленных, составлено остроумное «Возвращение Онегина» А. Хазина (см.: Ленинград. 1946. № 10).

⁶ Ср.: *Пиленко А.А.* Русские парламентские прецеденты: Порядок производства в Государственной Думе. Вып. 1. СПб., 1907.

⁷ Органом октябристов была упоминаемая в пародии Пустынина газета «Слово». Газету «Речь» издавали кадеты.

⁸ См. яркую характеристику его журналистской деятельности в мемуарах: *Энгельгардт Н.* Эпизоды моей жизни / Публ. С.В. Шумихина // Минувшее: Истор. альманах. Вып. 24. СПб., 1998. С. 33–35. Ср. здесь же описание досуга редакции «Нового времени», возглавлявшейся Ксюниным: «Это была сплоченная компания, которая ночью, после того, как номер спускали в машину, собиралась в Артистическом клубе возле ресторана Лейнера на Невском и там ужинала, пила и дулась в карты и на заре уезжала в автомобиле домой спать» (Там же. С. 55).

⁹ Не гнушалась газета печатать и более рискованную рекламу. «Мне всегда хотелось мальчиков, но в гимназии ничего не было, – вспоминал Георгий Адамович в парижской беседе с Юрием Иваском. – Я был студентом-первокурсником. Отозвался на объявление в “Новом времени”» (цит. по: Проект «Акмеизм» / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 161).

¹⁰ Очевидный намек на А.Н. Крупенского.

¹¹ Подразумеваются некрологи. – *О. Л.*

¹² *Дупенский П. [Пуришкевич В.М.].* Дневник неперменного члена министерской передней. СПб., 1913. С. 285–286.

¹³ Там же. С. 109–110. Ср. с дневниковыми рассуждениями антигероя памфлета Пуришкевича: «Ох, молодость, молодость, что я буду делать, когда постарею, когда Дианы грудь, ланиты Флоры и ножка, ножка Терпсихоры не в состоянии будут взволновать мой дух, мой пыл, мой жар, мои чувства?» (Там же. С. 60–61).

¹⁴ Перепечатано О.Б. Кушлиной в сб.: Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология. М., 1993. С. 123.

¹⁵ О «Вене» подробнее см.: Десятилетие ресторана «Вена»: Лит.-худож. сб. СПб., 1913. «Давыдку», как известно, часто посещал еще Ф.М. Достоевский.

¹⁶ *Кузмин М.* Дневник. 1905–1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб., 2000. С. 206–207.

¹⁷ *Кибиров Т.* Парафразис: Книга стихов. СПб., 1997. С. 92.

¹⁸ Цит. по: <http://deerp.webestnet/forum/91734/all/>.

¹⁹ Ср. в пародии Пустынина об Онегине: «Чудак мой, пасмурный Евгений» с опорой на пушкинскую аттестацию героя романа.

Стихи в журнале «Нива». 1890–1917
К теме «Русский модернизм и массовая поэзия»

...Где однодумы-генералы
Свой коротают век усталый,
Читая «Ниву» и Дюма...

О. Мандельштам. 1912

Разномасштабность достижений высокой и низкой культуры обычно приводит к тому, что их сопоставление превращается в их противопоставление. Выразительный тому пример – начало одной из глав «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова: «Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны “Мертвые души”, построена Днепровская гидростанция и совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изобретен кричащий пузырь “уйди-уйди”, написана песенка “Кирпичики” и построены брюки фасона “полпред”».

В течение весьма долгого времени, говоря о русской поэзии 1890–1920-х годов, исследователи, за редкими и почти случайными исключениями, обращали внимание

Впервые опубликовано: Вопросы литературы. 2003. Июль–Август. С. 310–322.

только на те стихотворные тексты, которые создавались в «большом мире». Соответственно, всей эпохе было торжественно присвоено горделивое оценочное наименование «Серебряный век русской культуры».

Лишь в 1993 г. М.Л. Гаспаров в предисловии к лучшей на сегодняшний день антологии «серебряновечных» поэтов внятно указал не только на существование «малого мира» отечественной словесности, но и на то, что как раз этот «малый мир» с определенной точки зрения было бы корректно называть «большим»: «Модернизм никоим образом не исчерпывает русскую поэзию начала века. Стихи модернистов количественно составляли ничтожно малую часть, экзотический уголок тогдашней нашей словесности. Массовая печать заполнялась массовой поэзией, целиком производившейся по гражданским образцам 1870-х годов и лирическим образцам 1880-х годов»¹.

Попробуем теперь сделать следующий шаг и предельно детализировать, а кое в чем и уточнить это сравнение массовой и модернистской поэзии. Не отвергая, в частности, потенциальную возможность их взаимовлияния, что потребовало бы не только их контрастного *противопоставления*, но и их диффузного сопоставления.

Материалом для нас послужат все номера самого читаемого российского журнала «Нива» с 1890 по 1917 г. (1434 номера, поскольку ежегодно неукоснительно выходили 52 выпуска журнала; в 1917 г. некоторые из них выходили сдвоенными и даже строенными).

В первой части работы речь пойдет о собственно модернистах и их взаимоотношениях с журналом «Нива», во второй – о массовой поэзии журнала «Нива» и ее связях с модернизмом.

Именуя того или иного стихотворца «поэтом “Нивы”», мы, разумеется, несколько смещаем акценты – далеко не для всех авторов журнала участие в нем стало этапным или даже хоть сколько-нибудь значимым. Для ясности условимся, что в рамках данной статьи определение «поэт “Нивы”» будет синонимично характеристике «поэт-немодернист». В свою очередь, «поэтами-немодер-

нистами» в этой статье будут считаться те стихотворцы, чьи произведения не появлялись на страницах модернистских изданий.

1

«Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни» «Нива» издавался Адольфом Федоровичем Марксом (1838–1904)² начиная с 1870 г. Небольшие стихотворные подборки (от одного до трех текстов) в «Ниве» печатались часто, но не регулярно, от случая к случаю. Если автор приносил больше трех стихотворений, то их, как правило, публиковали подряд, маленькими порциями, из номера в номер, пока запас не иссякал.

С годами отношение к стихотворной продукции в журнале изменилось, что, на наш взгляд, может послужить первым косвенным доказательством модернистского влияния на издательскую деятельность «Нивы». За все 1890-е годы «Нива» опубликовала 210 стихотворных подборок, за 1900-е – уже 276, за 1910–1917 гг. – 353 стихотворные подборки. Модернисты возродили в обществе острый интерес к стихам; массовый журнал не мог на это не отреагировать.

Среди частных причин резкого возрастания роли стихов в «Ниве» – смерть в 1904 г. А.Ф. Маркса и переход журнала в руки Л.Ф. Маркс и В.Я. Светлова. По иронии судьбы первым поводом расширить стихотворный отдел журнала послужила как раз кончина не жаловавшего поэзию почтенного издателя. В 40-м номере «Нивы» за 1904 г. помещены стихотворения рекордного для журнала числа авторов – девяти. Из них восемь оплакивают смерть А.Ф. Маркса.

Произведение модерниста «Нива» впервые опубликовала достаточно рано: в 26-м номере за 1892 г. появилось стихотворение Дмитрия Мережковского «Я бы людям не мог рассказать, почему...». На протяжении 1890-х годов стихи Мережковского печатались в «Ниве» еще трижды: в 1-м и 49-м номерах за 1893 г. и в 47-м номере за 1894 г.

В 8-м номере за 1897 г. была напечатана новелла Мережковского «Превращение». Следующее произведение этого автора – исторический очерк «Первенцы свободы» о декабристах – появилось в «Ниве» десятилетия спустя, после Февральской революции, в 16–17-х номерах за 1917 г.

Хотя дебютные выступления Мережковского в «Ниве» по времени совпадали с выходом в свет его поэтической книги «Символы (Песни и поэмы)» (1892) и первым чтением его программных лекций «О причинах упадка русской литературы» (октябрь 1892 г.), вряд ли правомерно предполагать, что, привечая Мережковского, «Нива» сознательно предоставляла ему трибуну как лидеру громко заявившего о себе русского декадентства. Скорее всего, А.Ф. Маркс долгое время печатал Мережковского по инерции, видя в нем слегка сбившегося с пути выученика Н.К. Михайловского и Глеба Успенского. Нужно тем не менее отметить, что «Нива» не прекратила публиковать произведения Мережковского и после того, как его литературные пристрастия и литературная репутация определились вполне однозначно. По всей видимости, инициатива прекратить сотрудничество с «Нивой» также исходила не от редакции журнала, но от самого Мережковского, все более и более осознававшего необходимость создания собственного печатного органа, который проводил бы в свет новые идеи и новые взгляды на искусство³. По тонкому замечанию М.Л. Гаспарова, к началу 1900-х годов модернисты уже «намеренно поддерживали» «выигрышный для них контраст» с массовой поэзией, «они не только боролись за читателя, но и отгораживались от читателя (настолько, насколько позволяла необходимость всё же окупать свои издания). Это и привлекало к ним всеобщее внимание»⁴.

Так или иначе, но первая недвусмысленно модернистская стихотворная публикация появилась в «Ниве» только через два года после смерти А.Ф. Маркса – в 49-м номере за 1906 г. было напечатано стихотворение Александра Блока «Ты прошла голубыми путями...»⁵. В 1-м номере за 1907 г. опубликовано стихотворение Верхарна «Шаги»

в переводе Блока, а в 15-м номере за этот же год – целая символистская микроподборка – стихотворение Ал. Блока «Белой ночью месяц красный...»⁶ и стихотворение В.Я. Брюсова «Который раз».

С этого номера и вплоть до закрытия журнала модернисты начали печататься в «Ниве» стабильно. Причем не только привередливые стихотворцы первого ряда, привлечь которых к участию в массовом журнале удавалось далеко не всегда, но и поэты куда более скромного масштаба, как это водится, компенсирующие недостаток дарования утрированным, густого замеса модернизмом. Пример: стихотворение А. Рославлева «На закате», появившееся в 11-м номере «Нивы» за 1907 г.: «Один в затаенности хмурых палат, / У ниши склонясь на ступени, / Раздумно слежу я багряный закат / И черные ждущие тени. / <...>. / В одно из ушедших друг в друга зеркал, / Замкнувшихся прямо и строго, / Луч длинный, как золото, ярко упал, / И стало их огненно-много».

Кроме уже перечисленных стихотворцев, в «Ниве» печатались следующие авторы-модернисты: *Н. Агнiewicz* (1914. № 31), *А. Ахматова* (1912. № 44; 1913. № 5, 10), *К. Бальмонт* (1908. № 29; 1909. 42; 1910. № 41, 44; 1911. № 1, 33, 45; 1913. № 9, 18, 22, 29, 39, 43; 1915. № 39, 42; 1916. № 41, 52; 1917. № 28, 30, 31), *С. Городецкий* (1909. № 42, 43, 48, 51; 1912. № 22, 43; 1914. № 29, 35, 46; 1915. № 24, 25), *Грааль-Арельский* (1913. № 45; 1915. № 15), *Н. Гумилев* (1913. № 46; 1916. № 9, 11), *С. Дурьлин* (1914. № 47), *С. Есенин* (1917. № 10); *Л. Зиновьева-Аннибал* (проза – 1907. № 9), *Г. Иванов* (1911. № 22; 1913. № 41; 1914. № 3, 9, 34, 44; 1915. № 38, 39; 1916. № 15, 27; 1917. № 3, 6, 7, 14, 17, 38), *П. Карпов* (1911. № 2; 1913. № 51), *Н. Клюев* (1912. № 45), *М. Кузмин* (проза – 1912. № 44–50; 1917. № 15), *О. Мандельштам* (1914. № 43), *Н. Минский* («мистерия в четырех поклонениях с прологом и эпилогом» «Мудрые и неразумные» – 1912. № 31; 1914. № 5), *В. Нарбут* (1911. № 35; 1912. № 14; проза – 1912. № 46–47), *П. Потемкин* (1914. № 21), *А. Ремизов* (проза – 1914. № 9), *И. Рукавишников* (1907. № 29; 1912. № 16), *Б. Садовской* (1908. № 32; 1911. № 46;

1913. № 20; 1914. № 29, 50), *Ф. Сологуб* (1913. № 12, 42; 1917. № 20, 22, 24), *А. Тиняков* (1915. № 49), *Г. Чулков* (1910. № 46).

Необходимая оговорка: начиная с 31-го номера за 1914 г. и вплоть до 1917 г. «Нива» публиковала только военные стихи-репортажи. Исключение было сделано лишь для стихотворений Б. Садовского и С. Городецкого, посвященных юбилею И.Е. Репина (№ 29, 1914), а также для нескольких подборок любимца редакции Константина Бальмонта. Если не учитывать двух-трех стихотворений («Я ребенком любил большие...» Н. Гумилева, «Поляки!» О. Мандельштама), то придется признать, что военные стихи модернистов мало чем отличались от военных стихов немодернистов⁷, а все они вместе – от «урапатриотических» виршей всех времен и народов.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что приведенный список значимо зияет отсутствием имен футуристов, даже самых умеренных⁸. Оно и понятно: и будетлянам не было резона печататься в скучной, благопристойной «Ниве», и журналу – отпугивать своих верных читателей стихами поэтов, пользовавшихся сомнительной репутацией литературных хулиганов. Несколько запоздалый реванш футуристы и их эпигоны взяли в массовых изданиях гораздо более поздней, советской, эпохи.

Напротив, круг акмеистов и первого «Цеха поэтов» был представлен в «Ниве» весьма неплохо. Решимся даже высказать предположение, что в конце 1912 г. остро нуждавшиеся в собственном печатном рупоре участники «Цеха» попробовали осторожно прибрать «Ниву» к рукам⁹. В 43-м номере журнала за этот год было напечатано стихотворение С. Городецкого «Пиза», в 44-м – стихотворение А. Ахматовой «Приходи на меня посмотреть...»; в 45-м – стихотворение Н. Клюева «Певучей думой обуян...», в 46–47-м номерах – рассказ В. Нарбута «Пелагея Петровна», в 44–50-м – повесть М. Кузмина «Мечтатели» (писалась в Царском Селе, у Гумилевых, и активно обсуждалась с ними). Вряд ли столь репрезентативное представительство участников «Цеха» на страницах журнала, пришед-

шеется к тому же на период начинавшихся «бури и натиска» акмеизма, можно объяснить простой случайностью.

Из всех модернистских школ именно акмеизм с его псевдореалистической ставкой на конкретность и предметность был наиболее приемлем для традиционалистского массового журнала¹⁰.

2

Тем удивительнее на первый взгляд выглядит то обстоятельство, что влияние модернизма на массовую поэзию «Нивы» ограничилось исключительно рамками раннего символизма¹¹.

В большинстве стихотворений, опубликованных в журнале в 1890–1910-е годы, безраздельно властвовала аллегория – самое близкое к символу поэтическое средство по видимости и самое далекое по существу. Многие тексты строились как образные загадки с однозначной расшифровкой (разъяснением аллегории) в финальной строфе. Среди жанров преобладали пейзажные миниатюры, любовные романсы и сказочно-гражданские стилизации с нерасчетливо обильным использованием славянизмов.

Впервые стихотворение немодерниста, явственно окрашенное воздействием раннего символизма, появилось в 48-м номере «Нивы» за 1898 г. Его автором был переводчик, поэт и драматург Владимир Лихачев:

В ГОРАХ (с немецкого)

Со мшистой крутизны спускался я
Тропинкою лесною. На вершине
Еще горел последний отблеск дня,
Но тьма была глубокая в долине.

Толпа теней навстречу мне плыла,
В сплошную сень над головой смыкаясь,
Тоска на грудь, как камень, налегла,
Пока во тьме скользил я, спотыкаясь.

Вдруг хлынул на меня жемчужный свет –
Волшебный свет луны над перелеском.
Я шел, а тень моя шагала вслед,
Ночной росы увенчиваясь блеском.

Как серебро живое, ручейки,
Журча, со скал в долину ниспадали,
И острыми зубцами ледники
В лазурной мгле таинственно мерцали.

Я долго, очарованный, стоял,
Восторженным вокруг блуждая взглядом...
Что лунный свет в ту ночь мне нашептал –
В моей душе легло, заветным кладом.

С одной стороны, модернистское влияние проявляется в этом стихотворении еще совсем робко, не говоря уже о том, что всё оно представляет собой то ли подлинный, то ли квазиперевод¹². С другой стороны, образное противопоставление тьмы и света, а также «вершины» и «долины» – весьма характерное, между прочим, для раннего модернизма – в стихотворении Лихачева не аллегорическое, но символическое, т. е. не сводимое к оппозиции двух или нескольких четко обозначенных абстрактных понятий (например, добра и зла или веры и безверия). Более того: именно в последней строфе стихотворения сконцентрирована наибольшая порция таинственности и недосказанности.

Отказ от аллегии в пользу символа потребовал от автора стихотворения «В горах» воспользоваться и словарем символистов: особенно выразителен в этом отношении цветовой эпитет «лазурный», употребленный в 16-й строке стихотворения, как, впрочем, и вся эта строка («В лазурной мгле таинственно мерцали»).

Вполне очевидно, что стихотворение «В горах» (равно как и еще целый ряд текстов, которые нам предстоит цитировать далее) напрашивается на сопоставление не только с поэтическими произведениями первых русских символи-

стов, но и с образцами лирики поздних романтиков и Тютчева. Влияние Тютчева и романтиков на стихотворцев-немодернистов зачастую трудно отделить от воздействия на авторов «Нивы» поэтики символизма. Не столько потому, что русский символизм и был «своеобразной модификацией европейского романтизма»¹³, сколько потому, что Тютчева и романтиков «канонизировали» для большинства отечественных читателей именно символисты¹⁴. Случай с германофилом Владимиром Лихачевым, возможно, является исключением из этого общего правила. А вот поэты-немодернисты 1900–1910-х годов сплошь и рядом получали «своего» Тютчева из рук модернистов, воспринимая поэтические открытия далековатого Тютчева и далеких романтиков как новации злободневно актуальных символистов.

Еще один «запатентованный» русскими модернистами вслед за Тютчевым и романтиками мотив (мотив «бездны») находим в том стихотворении Владимира Лихачева, которое также называлось «В горах» и было опубликовано в 47-м номере «Нивы» за 1899 г.:

И поезд, как по воздуху, над бездной
Стрелою пролетев, исчез в горах...

Однако в целом это стихотворение ничем существенно не отличается от типичных для массовой поэзии «Нивы» рифмованных пейзажей. Как и стихотворение Бориса Никонова «Невыразимое» (напечатанное в 26-м номере журнала за 1899 г.), хотя и у Никонова мотив «бездны» встречается: «Молчим, плывем над сонной бездной».

Лишь пять лет спустя в «Ниве» (в 49-м номере за 1904 г.) было опубликовано стихотворение немодерниста (Михаила Гербановского), где о глубинном воздействии поэтики символизма сигнализировал не только отчетливо символистский словарь, не только отдельные образы, восходящие к Бальмонту и Брюсову, но и ключевое для символизма «устремление к искусству не как к отражению видимого мира, а как к ознаменованию невидимого»¹⁵:

Что-то смутное мечется в безднах души,
Чувств неясных дрожащие тени,
Но ведут неизбежно к простору, к тиши
Погруженные в сумрак ступени.

До зари далеко, но ликующий день
Намечается в сумраке ночи:
Всё тревожней рассвета бегущая тень,
Всё пугливее звездные очи.

Робкий шорох врывается в сонную тишь,
Заставляя ее содрогаться,
И безмолвный в глубокую полночь камыш,
Шелестя, начинает качаться.

Каждый миг прибавляет к звенящей волне
Волны звуков, победно растущих,
И надежда на яркий рассвет в тишине
Всё прочней для томительно ждущих.

Может быть, и для сердца, объятого тьмой
Непонятных ему ощущений,
Луч блеснет, направляющий к правде иной,
К правде высших еще настроений.

Может быть, недалекий рассвет озарит
Всё, что в сумраке ночи не видно,
И клянущим ликующий радостно свет
Будет стыдно, до ужаса стыдно.

Именно знаково символистская тема *двоемирия* оказалась непреодолимо заразной для массовой поэзии 1900–1910-х годов. Ей подчинил свое стихотворение, опубликованное в 8-м номере «Нивы» за 1910 г., Владимир Мазуркевич:

Есть высшая сила за гранью миров,
В ней истина, в ней непреложность, –
Лишь ей, Безыменной, молился без слов,
Пред нею мы прах и ничтожность!

И Лев Василевский (в 30-м номере «Нивы» за 1910 г.), в стихах которого современная ему критика отмечала влияние Брюсова и Федора Сологуба: «Рождаются воздушные мосты / От тайного, нездешнего, к земному, / Они равны, – но в каждом по-иному / Хранится след неясной красоты».

И публицист Лев Косунович (в 44-м номере за 1911 г.), в чьей поэзии увлекающийся В.Г. Короленко находил все то, «чего добиваются символисты»¹⁶: «Не жалею о земле я, / О страдающей, убогой, – / Я плыву своей дорогой, / В сонном царстве тихо млея».

И наконец, Михаил Пепенин (в 7-м номере «Нивы» за 1912 г.): «В безумном вихре огней мятежных / Забуду горечь земных обид, // Туман печалей моих безбрежных, / Излом и холод моих орбит»¹⁷.

При этом иной – таинственный и зыбкий – мир, как и у ранних декадентов, со знаком плюс противопоставлялся скучной обыденности. Примером могут послужить следующие строки из стихотворения поэтессы и переводчицы Зинаиды Ц. (псевдоним Зинаиды Быковой)¹⁸, напечатанного в 24-м номере «Нивы» за 1908 г.:

Пусть житейский вихрь в своем порыве властном
Затемнит меня... Но разве нет чудес?
Я смахну ту пыль, горя желаньем страстным,
И останусь чистой, как лазурь небес...

Или стихотворение Виктора Никлича «Омут», опубликованное в 22-м номере «Нивы» за 1913 г.:

Так и манит,
Так и тянет
В сладкий омут погрузиться –

С ним сдружиться.
Закружиться,
С снами сжиться – не проснуться...

Так всё серо!
Гаснет вера...
В чувствах – мера, в жизни счёты...

Как послушно,
Как бездушно
Пчелы скучно лепят соты!

До Отходной
Нет свободной
Жизни грез, без слез, без бою...

Так и тянет,
Так и манит
В сладкий омут с головою!

Обратим внимание на то обстоятельство, что в этом стихотворении, как и в процитированных выше строках Л. Косуновича, переход в нездешний мир реалистически мотивирован ситуацией сна¹⁹. Сон или бред – вот два состояния, которые и прежде позволяли авторам-модернистам ощутить размытость границ земного, «твердого» мира. Обязывающее и провоцирующее соседство с русским символизмом заставляло поэтов «Нивы» прибегать к спасительно компромиссному изображению сновидений гораздо чаще, чем раньше. И реалистические овцы оставались целы и модернистские волки сыты.

Таково, например, стихотворение Леонида Афанасьева «Белая ночь», появившееся в 14-м номере журнала за 1911 г. (в недалеком будущем Афанасьеву, единственному среди поэтов «Нивы», предстояло мимолетное сотрудничество в эгофутуристическом издании – в газете «Петербургский глашатай»):

Точно призрак непонятный,
Смотрит ночь сквозь полусвет,
Грезы дремы ароматной
Переходят в странный бред.

Что-то умерло, погасло,
Что-то²⁰ в бездну утекло...
И белеет даль чрез прясло
Тускло, мутно, как стекло.

И стихотворение Алекс. Селянина «Лунная соната»
(№ 26 за 1913 г.):

Лунные призраки лунными взорами
В сердце рождают виденья тревожные;
Лунные призраки – призраки ложные –
Манят открытыми в небе просторами,
Лунные призраки – лунными взорами.

Подчеркнем еще раз: воздействие модернизма на массовую поэзию журнала «Нива» вполне исчерпывается именами первых русских символистов. В полном соответствии с концепцией Ю.Н. Тынянова выдвинувшиеся в центр литературной жизни начала XX в. новые явления спустя какое-то время автоматизировались в поэтических текстах подражателей с периферии. Художественные открытия, совершенные вторым поколением отечественных символистов, не говоря уже об акмеистах и футуристах, поэтическая периферия освоить просто не успела.

Единственным исключением из общего правила, пожалуй, можно считать стихотворение уже цитировавшегося нами Льва Косуновича, напечатанное в 5-м номере «Нивы» за 1909 г. Здесь возникает выразительный образ демонического маскарада, который послужил декорацией для целого ряда произведений Александра Блока и Андрея Белого этого же и чуть более раннего времени:

Ха-ха-ха!.. Паяц хохочет
И велит смеяться вам...
Пусть змеится по устам
Смех у всех – паяц так хочет.

Посмотрите, как вас много,
А над всеми я один –
Ваш паяц и властелин,
Дивной милостию Бога.

Смейтесь, смейтесь... Небо плачет,
Плачут камни, – вам лишь смех...
Смейтесь все... Паяц вас всех
Презирует и дурачит.

Не забудем, впрочем, что карнавальная образность повсю использовалась не только символистами второй волны, но и русской агитационной поэзией эпохи 1905 г., что еще раз указывает на существование в сознании массовых поэтов причудливой связи между революцией в искусстве и революцией в политике.

Не случайно «модернистский» пик в стихах поэтов «Нивы» пришелся на те номера журнала, которые вышли в свет после двух революций 1917 г. Февраль породил произведения оптимистические («На убогой земле, на безвольной земле / Одинокий расцвел ярко-красный цветок» – из стихотворения Н. Антокольской, опубликованного в 23-м номере «Нивы» за 1917 г.). Октябрь – мрачные, упаднические, на новом временном витке продолжающие декадентство 1890-х годов. Так, в номере 41–43 журнала за 1917 г. (поступил к подписчикам 28 октября!) была опубликована «Ода смерти» Филарета Чернова²¹:

Тебе безначальной, незримо живущей
Во всех отдаленьях – небесных, земных,
Тебе богоравной, Тебе вездесущей,
Тебе посвящаю мой стих.

В 46–47-м номерах за 1917 г. появилось стихотворение Алексея Липецкого (А.В. Каменского) с не менее выразительным заглавием «Гора черепов (человеку)»: «О, человек, ты погибаешь, – / Взгляни же вверх, взгляни скорей».

А в 48-м номере «Нивы» за 1917 г. было напечатана вариация Анатолия Леоненко на тему Апокалипсиса:

Из бездны падения вышел на свет
Оживший, прозревший боец,
С омытой душой для великих побед
За светлый, лучистый венец.
От зверя – до Бога пустынной тропой...
Минута и вечность – предел.
Толпу небольшую ведет за собой
Для радостных, блещущих дел.

В заключение остается констатировать, что массовая отечественная поэзия 1890–1910-х годов все же не очень спешила брать уроки у русского модернизма. В частности, соответствующие попытки авторов «Нивы» едва ли не ограничиваются примерами, приводимыми в данной работе.

¹ *Гаспаров М.Л.* Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия серебряного века. 1890–1917: Антология. М., 1993. С. 7.

² Подробнее о нем и его издательской деятельности прежде всего см.: *Динерштейн Е.А.* «Фабрикант» читателей: А.Ф. Маркс. М., 1986.

³ Подробнее о стремлении Д.С. Мережковского и его соратников обрести стабильную печатную площадку см.: *Соболев А.Л.* «Грядущее» Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус // *De visu.* 1993. № 2 (3); *Богомолов Н.А.* Журналистика русского символизма: Учеб. пособие. М., 2002.

⁴ *Гаспаров М.Л.* Указ. соч. С. 7.

⁵ До этого, впрочем, журнал часто привлекал поэтов, которых с разной степенью условности можно назвать предтечами символизма и, в частности, учителями А.А. Блока (К. Случевского, К. Фофанова, М. Лохвицкую, не говоря уже об А. Фете и Я. Полонском). Первая подборка репродукций художников-модернистов («мирискусников») появилась в 7-м номере за 1903 г. Первая репродукция французского импрессиониста (Клода Моне) – лишь в 42-м номере за 1910 г.

⁶ Стихотворения Блока также печатались в 10-м номере за 1908 г. и в 1-м номере за 1909 г.

⁷ Крайний случай – публикация в 45-м номере журнала за 1916 г. любительских виршей полкового офицера, которые несильно отличались от соответствующих опусов, например, Георгия Иванова.

⁸ Как, впрочем, и имен поэтов, входивших в окружение Вячеслава Иванова, а также – имени Андрея Белого. Эти символисты в отличие от, например, тяготевшего к демократичности Блока, по-видимому, не желали видеть свои стихи напечатанными в «Ниве». Об Андрее Белом и массовой поэзии см.: *Лекманов О.А.* О стихотворении Андрея Белого «Жертва вечерняя» (1903). К теме: «Модернизм и массовая поэзия» // *Russian Literature*. 2005. [Vol.] 58–I/II. P. 109–113.

⁹ О сходной попытке, которую акмеисты предприняли в отношении «Нового журнала для всех», см. далее в этой книге.

¹⁰ «С акмеизмом, если суждено ему окрепнуть, снова выдвинется в литературе то содержание, которое обычно разумеют под реализмом» (*Долинин А.* «Акмеизм» // *Заветы*. 1913. № 5. С. 161).

¹¹ Ср. с суждением авторитетного исследователя: «В до-революционную эпоху последки символистского слога составляли основу обывательской литературы» (*Гинзбург Л.Я.* О старом и новом: Статьи и очерки. Л., 1982. С. 417).

¹² Весьма отчетливой представляется лишь ориентация этого текста на поэзию Данте. О текстах символистов подобного типа см.: *Силард Л., Барта Б.* Дантов код русского символизма // *Studia Slav. Acad. Sci. Hung.* 1989. Т. 35. Fasc. 1/2.

¹³ *Корецкая И.В.* Символизм // *Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов)*. Кн. 1. М., 2000. С. 688. Одним из первых об этом написал Л.В. Пумпянский и как раз в связи с Тютчевым: «...декадентство есть <...> неизбежный эпилог всякой догматической эпохи (в данном случае – романтизма). <...> декадентство исходит целиком из романтического дуализма» (*Пумпянский Л.В.* Поэзия Ф.И. Тютчева (1928) // *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 239).

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Аверинцев С.С.* Вяч. Иванов и русская литературная традиция // Связь времен. Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX – начала XX в. М., 1992. С. 302–307. См. также глубокую и, как обычно у этого автора, богатую материалом работу: *Гудзий Н.К.* Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Известия АН СССР по русскому языку и словесности. 1930. Т. 3. Кн. 22.

¹⁵ *Степун Ф.* Встречи. М., 1998. С. 220. Подробную ироническую характеристику стихов Гербановского см.: *Антон Крайний [Гиппиус З.]* Литературный дневник (1899–1907). СПб., 1908. С. 165–168.

¹⁶ *Короленко В.Г.* Дневник. Т. 1. Полтава, 1925. С. 267.

¹⁷ Приведем также «модернистские» строки из его стихотворения, опубликованного в 8-м номере «Нивы» за 1912 г.: «И прочтет ночные знаки / Потерявший нить дороги, / Утомленный пилигрим». Более подробно о М. Пепенине – знакомце Вячеслава Иванова и Хлебникова – см.: *Азадовский К.М.* Эпизоды // Новое литературное обозрение. [1994]. № 10. С. 121–123.

¹⁸ В 47-м номере «Нивы» за 1910 г. была опубликована ее подборка переводов «Из Верлена». Это единственный случай появления в журнале стихотворений не отечественного модерниста.

¹⁹ Мотив сна – ключевой и для раннего стихотворения Константина Бальмонта «Успокоение», запоздало помещенного автором на той же странице того же номера журнала, что и «Омут» Виктора Никлича: «Как дышат мечты в ароматах, / Бесплотные образы снов».

²⁰ Это дважды повторенное «что-то» вносит в стихотворение требуемую неопределенность (прием, чрезвычайно характерный для раннего русского символизма) и может послужить еще одной безошибочной приметой влияния модернизма на массовую поэзию. К уже приведенным ранее примерам (из стихотворений М. Гербановского и Л. Афанасьева) прибавим еще один, из стихотворения Л. Дудина, появившегося в 11-м номере «Нивы» за 1908 г.: «И все шепчет мне чей-то насмешливый голос жестоко: / “Ты не солнцу ль, не небу ль довериться хочешь опять?”».

²¹ Подробнее о нем см.: *Кропивницкий Е.* Воспоминания о Филарете Чернове // Новое литературное обозрение. [1993]. № 5.

О том, как встретились два одиночества

Стало уже общим местом в разговорах о жизнетворчестве символистов цитировать пронзительное суждение Владислава Ходасевича: «Символисты не хотели отделять писателя от человека, литературную биографию от личной <...>. Это был ряд попыток, порой истинно героических, – найти сплав жизни и творчества, своего рода философский камень искусства»¹. Не менее часто приводится горестное сетование того же Ходасевича, по собственному признанию, опоздавшего к расцвету символизма и начавшего входить в известность «как раз тогда, когда самое значительное из современных» течений в русском искусстве «уже начало себя исчерпывать»².

Как для Ходасевича, так и для многих других стихотворцев его поколения и его круга проблема жизнестроительства продолжала оставаться одной из центральных и мучительных поэтических задач. Эта задача многократно усложнялась в связи с тем обстоятельством, что постсимволисты (или – модернисты третьей волны, как мы бы предпочли их именовать) не могли не ощущать, что спектр воз-

Впервые опубликовано: Toronto Slavic Quarterly. № 6;
www.utoronto.ca/slavic/tsq

возможностей на путях жизнестроительства едва ли не исчерпан их старшими соратниками и учителями.

Чтобы рабски не копировать символистов, каждому из модернистов третьей волны приходилось искать свой собственный вариант поведенческой стратегии. Александр Иванович Тиняков (1886–1934) выбрал для себя утрированное, до шутовства доведенное, следование образу поэта-неудачника, поэта-отщепенца.

Как известно, его жизненный и творческий путь не был усыпан розами. Совсем наоборот: Тинякова с позором изгоняли из редакций порядочных газет и журналов, обзывали «дрянце-человеком» (Б. Садовской) и «паразитом», пусть даже и «не в бранном, а в точном смысле слова» (В. Ходасевич). О его стихах отзывались как о «смердяковски вдохновенных», а о нем самом как о «животном более страшном, чем какое-либо иное, ибо оно тащило за собой привычные профессиональные навыки поэта» (М. Зощенко).

Увы, приходится признать, что большинство горьких упреков Александр Иванович вполне заслужил и во многих своих неудачах ему оставалось винить не кого-нибудь, а самого себя.

Однако Тинякову не везло и в тех редких случаях, когда, казалось бы, судьба первоначально благоволила к нему и когда он не прикладывал никаких особых усилий для того, чтобы быть оплеванным и осмеянным. Такова, например, отчасти комическая история, приключившаяся с поэтом в момент сотрудничества в популярном петербургском ежемесячнике «Новый журнал для всех». Виной всему стал вроде бы красивый и звучный многолетний псевдоним Тинякова – «Одинокий».

Когда в июне 1913 г. вместо поэта-акмеиста Владимира Нарбута редактором-издателем «Нового журнала для всех» неожиданно стал Александр Гарязин, все порядочные литераторы перестали там печататься. Сам Нарбут вынужден был напечатать в либеральных «Биржевых ведомостях» специальное объяснительное письмо:

«М<илостивый> г<осударь>, г. редактор!

Прошу вас дать место в вашей уважаемой газете следующему заявлению:

Вследствие затруднительного материального положения приблизительно в половине июня с. г. издание “Нового журнала для всех” я передал г. Гарязину, а сам остался редактором названного журнала и нес таким образом ответственность за направление и содержание его. Теперь же, когда я окончательно убедился в том, что г. Гарязин, являющийся в настоящее время редактором-издателем националистического черносотенного еженедельника “Дым Отечества”, решил обратиться и “Новый журнал для всех” в подобный же орган, – теперь я счел моим долгом сложить с себя редактирование “Нового журнала для всех”.

Весьма сожалея о допущенной мною громадной ошибке и о моем оппортунизме, с одной стороны, и не желая, с другой стороны, быть соучастником “гарязинского дела”, я обращаюсь к гг. сотрудникам и подписчикам “Нового журнала для всех” с необходимым предупреждением о совершившейся перемене и рекомендую относиться с крайней осторожностью к “Новому журналу для всех”, поставленному отныне на одну доску с “Русским знаменем”, “Земщиной”, “Грозой” и прочими изданиями реакционного типа.

“Журнала для всех”, того яркого, демократического журнала, который был создан В.С. Миролюбовым, более *не существует*. Чистый, идейный журнал *умер*.

Пусть же заглохнет он даже и в той уродливой форме, в какую вылился теперь.

Гг. сотрудники! Знайте, что с сегодняшнего дня вы сотрудничаете в том журнале, в помещение которого нельзя входить без маски.

Гг. подписчики. Если вы подпишетесь на “Новый журнал для всех”, знайте, что интересы ваши в нем будут охраняться не только г. Гарязиным и его присными из черносотенного “Дыма Отечества”, а, пожалуй, и самим “охранным отделением”.

Ошибка моя непростительна, но провокатором я не был и не буду никогда.

Июньская книжка (№ 6) “Нового журнала для всех” (набраны мною рассказы К. и О. Ковальских, А. Мусин-Пушкина, Кудрявцева, Х. Толшемского и др.) редактирована будет не мною.

В интересах большей осведомленности общества и гг. подписчиков, горячо прошу все газеты и журналы перепечатать это заявление.

Бывший редактор-издатель “Нового журнала для всех” Владимир Нарбут»³.

И лишь Александр Тиняков, по обыкновению, бравировал своей беспринципностью и заявлял в письме к Борису Садовскому от 11 ноября 1913 г.: «Был и в “Заветах”, но там объявили мне бойкот и Иванов-Разумник сказал, что не будет печатать моих вещей “по соображениям принципиального характера”, так как я работаю у Гарязина. Я в сущности рад этому и все повторяю в душе золотые слова Императрицы Елизаветы Петровны: “От врагов Христовых интересной прибыли не желаю”»⁴.

Нужно сказать, что за отсутствием серьезных конкурентов дела у Тинякова в «Новом журнале для всех» шли на удивление хорошо. Он преуспевал во всех жанрах: в 10-м номере за 1913 г. было опубликовано тиняковское стихотворение «Мой прадед». В 6, 9, 10 и 12-м номерах за 1913 г., а также в 3-м номере за 1914 г. появились тиняковские рецензии на разнообразные издания. В том же 3-м номере за 1914 г. «Новый журнал для всех» напечатал повесть Тинякова в девяти главах «Старый редактор» (одним из ее главных героев стал сам автор, спрятанный под фамилией «Чефранов»: «Это был широкоплечий брюнет, с длинными волнистыми волосами и небольшой кудрявой бородкой»)⁵.

И все шло бы чудесно, если бы во 2-м номере «журнала» не появилось сентиментальное четырехстрочное стихотворение с соответствующим заглавием – «Олечке», обыгрывающее, как нам ворчливо, но справедливо под-

сказал Денис Иоффе, мотивы катулловской «Смерти воробья»:

Замолчала наша веселая птица,
Заснула навеки наша маленькая детка...
Еще недавно все щебетала синичка
И наша девочка плакала так редко.

Еще так недавно были так быстры ее ножки
И сзади болтались две смешные косички...
А теперь опустели в саду дорожки
И не поют больше песен птички.

Умерла наша маленькая принцесса,
Засыпаны землею ее радостные глазки...
Словно пришел злой волшебник из леса
И унес нашу девочку, как в сказке.

Нет, всякой сказки жизнь много страшнее
В сказке все лучше, чем бывает на свете,
Но нет ничего ужасней и больнее,
Когда умирают маленькие дети⁶.

Для Александра Тинякова самым печальным в этом горестном стихотворении стало то, что его автор (авторша?) счел (сочла?) необходимым подписать свой опус псевдонимом «Одинокий». То есть как это – «Одинокий»? Но ведь всем известно, что «Одинокий» это он – Тиняков. Да к тому же он еще и сотрудничает в «Новом журнале для всех». Что коллеги-литераторы подумают? А может быть (что еще хуже), они вовсе не обратят внимания на очередную неудачу Александра Ивановича? И вот в 4-м номере журнала за 1914 год один «Одинокий» помещает возмущенное письмо редактору, в котором он отрекается от другого «Одинокого»:

Милостивый Государь г. редактор!

Будьте любезны поместить на страницах Вашего журнала нижеследующее:

С 1903-го по 1910-й год я подписывал мои произведения, появившиеся в печати, псевдонимом «Одинокий», но с тех пор этот псевдоним оставлен мною и стихотворение «Олечке», напечатанное во 2-м № «Нов<ого> журн<ала> для всех» за 1914 г. принадлежит не мне, а неизвестному автору.

С уважением

Александр Тиняков

25 февраля 1914 г.
Петербург⁷

Остается сообщить, что более произведения Тинякова в «Новом журнале для всех» не появлялись, как, впрочем, и того таинственного плакальщика, который попытался покуситься на одиночество Александра Ивановича.

И с чего, спрашивается, было расстраиваться да права качать? Ведь согласно известному словарю псевдонимов Масанова в различных газетах и журналах, не считая Тинякова, публиковались девятнадцать «Одиноких». И плюс одна «Одинокая»⁸.

¹ Ходасевич В.Ф. «Некрополь» и другие воспоминания. М., 1992. С. 22.

² Там же. С. 200.

³ Нарбут В. Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1913. № 13620 (28 июня). С. 3.

⁴ Цит. по: Варжанетян В. «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи: Повесть в документах // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 21. О Тинякове подробнее см.: Богомолов Н.А. Предисловие // Тиняков А. (Одинокий). Стихотворения. Томск, 1998.

⁵ Новый журнал для всех. 1914. № 3. С. 11.

⁶ Там же. № 2. С. 24.

⁷ Там же. № 4. С. 58.

⁸ См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. М., 1957. С. 292–293.

Об одном «маленьком»
околоакмеистическом манифесте
и вокруг

В разгар Первой мировой войны, казалось бы, надолго, если не навсегда, отодвинувшей в тень борьбу между литературными группировками, в августовском номере «Нового журнала для всех» (далее – «НЖ») за 1915 г. была опубликована небольшая по объему, но весьма претенциозная по содержанию заметка поэтессы Марии Моравской «Волнующая поэзия». В следующем, 9-м номере редакция поместила два отклика на статью Моравской, принадлежавшие перу Дмитрия Крючкова и Николая Ашукина. В отклике Ашукина была верно угадана и сформулирована та основная задача, которую поставила себе Моравская, когда бралась за написание статьи. «За последние годы, – напоминал Ашукин, – мы были свидетелями неимоверно быстрого возникновения поэтических школ: одна сменяла другую (вспомним акмеизм, футуризм и пр.). Статья г-жи Моравской является в некоторой степени тоже маленьким манифестом (или по крайней мере носит черты его) новой поэтической школы»¹.

Впрочем, мнение Ашукина о заметке Моравской как о попытке «манифеста *новой* поэтической школы» нуж-

Впервые опубликовано: Новое литературное обозрение. [1997]. № 28. С. 195–201.

дается в существенном уточнении. Внести это уточнение способно если не само имя автора «манифеста» («Милой М.Л. Моравской, товарищу по цеху. Анна Ахматова» – таков был инскрипт на книге «Вечер» одной участницы первого «Цеха поэтов» другой)², то уже начальная фраза статьи «Волнующая поэзия»: «В последние годы на смену символизма приходит новое поэтическое движение, это поэзия конкретная, близкая к жизни, близкая каждому будничному дню». Приведем еще две цитаты из манифеста Моравской, отчетливо указывающие на тот источник, откуда черпала свои идеи поэтесса: «...одухотворенность обычных вещей – крупная отличительная черта новой поэзии»; «Мир для человека, а не человек для мира!» (НЖ. 1915. № 8. С. 39, 40); (С. 40).

Слово «акмеизм» в статье «Волнующая поэзия» не встречается ни разу, тем не менее кажется вполне очевидным, что эта статья варьировала именно акмеистическую программу.

Зачем Моравской понадобилось в 1915 г. воскрешать лозунги акмеизма? В ком Моравская видела своих союзников – потенциальных участников «новой поэтической школы»? И наконец, как статья «Волнующая поэзия» соотносилась с общей программой журнала, в котором она была опубликована? На все эти взаимосвязанные между собой вопросы мы попытаемся ответить.

Прежде всего необходимо вкратце изложить историю «Нового журнала для всех» за 1913 – первую половину 1916 г. – время, в которое друг друга успели сменить три издателя и три редактора журнала, имевшие каждый собственное представление о целях и задачах журнала.

Весной 1913 г. «Новый журнал для всех» неожиданно для многих возглавил Владимир Нарбут – поэт-акмеист, известный своими многочисленными экстравагантными, если не сказать эпатажными, поступками. Пору редакторства Нарбута выразительно описал в своих беллетризованных мемуарах не всегда правдивый в деталях, но почти всегда точный по существу Георгий Иванов: «Журнал был с “направлением”, выписывали его сельские учителя,

фельдшерицы, то что называется “сельской интеллигенцией”. Нарбут поднес этим читателям <...> собственные стихи во вкусе “Аллилуйя” [вторая, чрезвычайно эпатажная книга стихов Нарбута. – О. Л.], а отделы статей от политического до сельскохозяйственного “заял” под диспут об акмеизме с собственным пространным и сумбурным докладом во главе»³.

«Новый журнал для всех» на короткое время действительно превратился в близкое к акмеизму или, точнее будет сказать, «Цеху поэтов» издание, хотя никаких диспутов об акмеизме Нарбут в своем журнале не печатал. Здесь публиковались стихи Н. Бруни, Вас. Гиппиуса, С. Гедройца (Веры Гедройц), С. Городецкого, М. Зенкевича, Г. Иванова, рассказы Б. Верхоустинского, а также разножанровая литературная продукция самого Нарбута. Однако уже с июньского, 6-го номера журнал, как мы помним из предыдущей статьи этой книги, обрел нового издателя, которым стал некто Александр Гарязин – личность более чем одиозная, активный деятель Союза русского народа. Соответственно, со страниц журнала на долгое время почти исчезли имена акмеистов и близких к акмеистам поэтов⁴ (если, конечно, не иметь в виду статьи самого Гарязина «К переходу издания» (1913. № 6. С. 3), в которой несколько раз с обидой говорится о «наглости Нарбута»)⁵.

С ноябрьского, 11-го, номера 1914 г. по апрельский, 4-й номер 1916 г. редактором и издателем «Нового журнала для всех» значилась А.Н. Яворовская (Боане). В этот период в нем пропагандировался и процветал, если так можно выразиться, «ползучий» акмеизм – акмеизм, не желающий именоваться акмеизмом⁶. Таким образом журнал, по-видимому, рассчитывал стать проводником нового направления в искусстве, избегнув при этом огня критики, которая со всех сторон обрушилась на акмеизм.

Произведения «главных» акмеистов публиковались в «Новом журнале для всех» лишь эпизодически; избалованные успехом, допущенные в изысканный «Аполлон» застрельщики движения не спешили отдавать свои стихи в непритязательный журнал А. Яворовской. Их «звездные»

имена лишь изредка вспыхивали на страницах, служа ориентиром для начинающих поэтов. Зачастую редакции приходилось «имитировать» присутствие акмеистов на его страницах. Так, Анна Ахматова помимо стихотворения «Милому» была «представлена» в «НЖ» своим портретом работы Н. Альтмана (1915. № 4)⁷. На соседних страницах 4-го номера в очерке Льва Бруни «Натан Альтман» речь шла о еще одном акмеисте из первой «шестерки»: «Как в поэзии Мандельштам сделал из русского языка латынь не потому, что язык нашел свои законченные формы, перестал развиваться, а потому, что еретическая кровь требует такой чеканки, что вялостью кажется еврею гибкость русского языка, – такое же желание вылить свое живописное чувство в абстрактные, т. е. органические, формы есть и у Альтмана» (1915. № 4. С. 37)⁸. Михаил Зенкевич не поместил в журнале А. Яворовской ни одного стихотворения, но зато его имя в лестном контексте было упомянуто в рецензии И. Оксенова на одесский сборник «Авто в облаках» (НЖ. 1915. № 12. С. 59). Гумилев публиковался в «Новом журнале для всех» дважды: во 2-м (стихотворение «Новорожденному») и в 5-м (стихотворение «Жалобы влюбленного») номерах за 1915 г. Плодовитый Городецкий с 1914 по 1916 г. напечатал в «НЖ» только одно стихотворение (1915. № 2. С. 32). А произведения Нарбута после злополучной истории с продажей его Гарязину не появлялись в журнале вовсе.

В то же время, с ноября 1914 г. по апрель 1916 г. в «Новом журнале для всех» регулярно, из номера в номер, печатались стихотворения, эссе и рассказы второстепенных и третьестепенных литераторов – участников «Цеха поэтов»⁹. Почти все их произведения идеально укладываются в русло одной из двух наиболее влиятельных в «Цехе» тенденций. «Народной» – насаждаемой Городецким:

Пил я водку из настоя
Из кореньев наговорных,
В бане парился – пустое...

С. Гедройц. «Любжа»

Голубей ручных кормила я
Оржаны́м зерном.
Голос вдруг за мною: – Милая!
Думаешь о ком?

Б. Верхоу́стинский. «Суженый»¹⁰

Или «городской», «утонченной» – идущей прежде всего от Кузмина и отчасти Ахматовой (эту тенденцию грубый Нарбут в 5-м номере журнале за 1913 г. определил как «манерничание и выкрутасы»):

Я все твой мальчик синеглазый,
И ты укутана в бурнус.

В. Курдюмов. «Ни разу»

Улыбка одна и та же,
Сухой неподвижен рот.
Такие как ты на страже
Стоят в раю у ворот.

Г. Иванов. «Любовь»

Я узнал, что стану мудрее,
Скоро буду немного седым,
Но нежность убить не сумею
Даже к привычкам твоим.

Н. Бруни. «Голос веры в траве склоненной...»¹¹

Из поэтов и прозаиков, прошедших «цеховую» выучку¹², в журнале Яворовской печатались, например: *Г. Адамович* – стихотворения «Вот все, что помню: мосты и камни...» (1915. № 6) и «Так беспощаден вечный договор...» (1916. № 8) с посвящением «Анне Ахматовой»), *Грааль-Арельский* – рассказ «Тойво Куохонен» (1915. № 5), *Н. Бруни* – «Записки санитар-добровольца» (1914¹³. № 12), рассказ «Лесник» (1915. № 4), стихотворения «Смерть сестры» (1915. № 5), «Голос ветра в тревоге склоненный...» (1915. № 7), рассказ «Кузьма-Тележка» (1916. № 4–6), *Б. Верхоу́стинский* – рассказы «Утренняя звезда» (1914.

№ 11), «Турнир» (1915. № 1), стихотворения «Суженый» (1915. № 1), «В воротах срывается калитка...» (1915. № 2), новелла «Чудеса великого Альбрехта» (1915. № 5), «Апокалиптический триолет» (1915. № 9), Г. Иванов – рассказ «Террибливое дитя» (1915. № 5 с посвящением Г. Адамовичу), мини-цикл из двух стихотворений «Любовь» (1915. № 7, в № 9 того же года помещена рецензия анонимного автора на книгу Г. Иванова «Памятник Славы»), В. Курдюмов – цикл стихотворений (1915. № 6, одно с посвящением Г. Иванову), стихотворение «С горя...» (1915. № 10), два стихотворения (1915. № 11), два стихотворения (1915. № 12), стихотворение «Розине – Разиня» (1916. № 2–3), Н. Оцун – стихотворение «Глаза удава» (1915. № 1), два стихотворения из цикла «Женское» (1915. № 6), В. Рощественский – рецензия на книгу Вл. Пруссака, будущего секретаря тифлисского «Цеха поэтов», «Цветы на свалке» (1916. № 2–3), М. Струве – стихотворение «Оттого, что апрельские сумерки у вас под глазами...» (1915. № 6), рассказ «Мгновенное» (1915. № 10), стихотворение «Прозябший и голодный...» (1915. № 12)¹⁴.

Именно от лица и о творчестве перечисленных стихотворцев был написан «маленький» манифест Марии Моравской, которая неспроста указывала, что «образцы» «волнующей поэзии» «читатели могут встретить в любом номере “Нового журнала для всех”» (1915. № 8. С. 40). Стоит ли говорить, что произведения самой Моравской и отклики на ее книги занимали в журнале почетное место. Здесь были напечатаны: очерк поэтессы «Встреча в церкви цусимцев» (1915. № 1), ее статья «Защита народов» (1915. № 3), стихотворения «Польская Богородица» (1914. № 12) и «Я куплю семян, я посею ромашку...» (1915. № 5), рассказ «Латынь» (1915. № 12), рецензия на книгу М. Сандомирского «Марина Мнишек» (1915. № 4), а также две рецензии на книги стихов Моравской «Апельсиновые корки» (1915. № 1) и «Золушка думает» (1915. № 8)¹⁵. Интересно, что Моравская ощущала себя не столько Ахматовой «нового» акмеизма, сколько его Гумилевым, о чем помимо программной статьи «Волнующая поэзия» свидетельствует опубли-

кованное в 3-м номере «журнала» за 1915 г. стихотворение поэтессы «Прощайте, принц», несколько комически «рифмующеся» с темами и мотивами ранних произведений основателя акмеизма:

Мечтать о принце! Боже, Боже,
Это бессилье, это позор!
Нет, я не Золушка – это ложь,
Меня зовут – Конквистадор!
Держаться за руку чужую,
Всю жизнь ждать – какая грусть!
Сама до радости доберусь,
Сама счастье завоюю!
Пусть будет долг путь мой тяжкий,
Я – рыцарь, я на всё готов.
Ярко горят на солнце пряжки
Моих победных башмаков¹⁶.

По-видимому, редакция «журнала» всерьез отнеслась к притязаниям Моравской возглавить новую поэтическую школу, в которой роль отличников предназначалась недоучившимся до акмеистов троичникам. Иначе трудно себе объяснить, например, следующий пассаж рецензента «Нового журнала для всех» (Иннокентия Оксенова), утверждавшего, что одесский поэт «И. Бобович копирует Моравскую и Зенкевича» (1915. № 12. С. 59). Приведем еще одну схожую цитату, как кажется, подтверждающую справедливость нашего предположения о том, что «НЖ» стремился создать несколько отличную от устоявшейся (хотя и ориентированную на акмеизм) систему литературных авторитетов: в 1-м номере журнала за 1916 г. Иннокентий Оксенов характеризует как «ценность непреходящую» роман Б. Верхоустинского «Молодое вино» (1916. № 1. С. 58). Заметим, что в одном из предыдущих номеров все тот же Оксенов сурово порицал акмеизм, так сказать, подлинный, *рафинированный* за то, что «поэты-акмеисты и слышать не хотели о какой-то тайне, лежащей за пределами явлений» (НЖ. 1915. № 10. С. 41).

Завершить эту статью представляется уместным цитатой из мемуарного очерка участника «Цеха поэтов» и автора «Нового журнала для всех» «нарбутовской» поры Василия Гиппиуса: «М. Моравская, рассказывающая в рифмованной полупрозе о своих домашних вещах и домашних настроениях; Георгий Иванов, научившийся недурно писать о чем угодно, – и некоторые другие, не враждебно, но и не дружелюбно, а как-то кисло-сладко встретившие декларацию акмеистов – были схвачены потоком эклектизма и оппортунизма, захлестнувшим нашу поэзию. В этом потоке они потерялись и исчезли – так и должно быть»¹⁷.

Можно, впрочем, подобрать и иную цитату. Например, из эссе Венедикта Ерофеева «Саша Черный и другие», написанного в 1982 г.: «...я влюблен во всех этих славных серебряновековых ребяташек, от позднего Фета до раннего Маяковского, решительно во всех, даже в какую-нибудь трухлявую Марию Моравскую, даже в суконно-камвольного Оцупа»¹⁸.

¹ Ашукин Н. О волнующей поэзии: (Ответ на статью М. Моравской) // НЖ. 1915. № 9. С. 59.

² Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. М., 1989. С. 32. См. также суждение современной исследовательницы: «Лирика Моравской находилась как бы на обочине акмеизма. В “Цехе поэтов” она была не мастером, а подмастерьем» (см.: Кушлина О.Б. <Мария Моравская> // Русская поэзия серебряного века. 1890–1917: Антология. М., 1993. С. 739). 1 июля 1915 г. Моравская писала Е.Л. Янтареву: «...единственное неиспользованное в поэзии – красота обыденности <...> А символизму надо дать по шапке. Красота обыденности идет ему на смену» (цит. по: Тименчик Р.Д. К символике телефона в русской поэзии // Труды по знаковым системам. [Вып.] 22. Тарту, 1988. С. 162).

³ Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 114–115. Повидимому, Нарбут действительно собирался писать программную статью об акмеизме для «Нового журнала для всех». 7 апреля он сообщал в письме к М. Зенкевичу: «...я уверен, что акмеистов

только два: я да ты. Ей-богу! Вот я думаю писать статью в журнал, так и смоляну – пусть дуются». (*Нарбут В., Зенкевич М.* Статьи. Рецензии. Письма. М., 2008. С. 239).

⁴ Если имена модернистов и упоминались в «Новом журнале для всех» в пору редакторства Гарязина, то чаще всего приблизительно в таком контексте, как в рассказе В. Грязнова-Веченова «Два мира»: «Кто-то высказал мысль, что “Мелкий бес” Соллогуба [так! – *О. Л.*] выше “Губернских очерков” Щедрина» (1914. № 6. С. 29).

⁵ Тем не менее в третьем номере «НЖ» за 1914 г. акмеизм приветствовался с нехарактерным для «толстых» журналов того времени энтузиазмом: «...важно указать одно течение, еще находящееся в поре цветения, переживающее сумеречную пору своего оформления, но таящее, быть может, то, вокруг чего безуспешно бьется мысль современника. Это новое – акмеизм» (*Пиш П.* В борьбе за Землю // *НЖ.* 1914. № 3. С. 50).

⁶ Уже в ноябрьском номере «Нового журнала для всех» за 1914 г. поместили анонс произведений Б. Верхоустинского, С. Городецкого, М. Моравской. Впрочем, здесь же содержалось обещание, впоследствии трогательно выполненное и перевыполненное, опубликовать стихи самого нового редактора – А. Яворовской (Боане).

⁷ В сдвоенном 7–8-м номере «Нового журнала для всех» за 1916 г. было опубликовано стихотворение В. Аренс «Вечерами сиюху я на башне...» с посвящением «Анне Ахматовой».

⁸ О взаимоотношениях Мандельштама с братьями Бруни см. содержательную статью: *Парнис А.Е.* Мандельштам в Петрограде в 1915–1916 гг.: Материалы к иконографии поэта // *Литературное обозрение.* 1991. № 6. Во 2–3-м номерах «НЖ» за 1916 г. был опубликован отзыв присяжного рецензента журнала, участника второго «Цеха поэтов» И. Оксенова на мандельштамовский «Камень», а также на «Колчан» Гумилева и «Облака» Георгия Адамовича. См. также статью Оксенова «Литературный год»: «Н. Гумилев, глава акмеистов, побывав на войне, написал прекрасные стихи, в которых совсем нет любования какой-нибудь изысканной простотой» (*НЖ.* 1916. № 1. С. 57). Об Оксенове подробнее см., например: *Тименчик Р.Д.* По поводу антологии петербургской поэзии эпохи акмеизма // *Russian Literature.* 1977. Vol. 5. P. 320.

⁹ Об их участии и месте в акмеистическом движении прежде всего см.: *Тименчик Р.Д.* Заметки об акмеизме // *Russian Literature*. 1974. № 7/8; *Тименчик Р.Д.* По поводу антологии петербургской поэзии эпохи акмеизма.

Разумеется, журнал печатал отнюдь не только акмеистов и близких к акмеистам поэтов. Эпизодически здесь публиковались, например, Блок, Есенин, Кузмин; регулярно – К. Большаков, Рюрик Ивнев. Речь идет об общей тенденции журнала, отчасти совпадающей, заметим, с тенденцией первого «Цеха поэтов», также стремившегося объединить в своих рядах возможно большее число подающих надежды стихотворцев-постсимволистов.

¹⁰ Ср. в статье М.Л. Моравской: «Наша новая поэзия счастливо встретила поэзию народной» (НЖ. 1915. № 8. С. 41). Ср. также с характеристикой творчества самой поэтессы, принадлежащей Д. Святополку-Мирскому: «...Мария Моравская, соединявшая крайнюю сентиментальность с интересными попытками учиться у современной частушки» (*Мирский Д.* История русской литературы с древнейших времен до 1925 года. Л., 1992. Р. 759–760). Отметим, кстати, что у «современной частушки» учились многие акмеисты, в том числе Ахматова и Нарбут.

¹¹ Влияние поэтики Гумилева в большей степени испытывали участники второго и третьего «Цеха поэтов», чем первого. Ср., однако, приводимое ниже стихотворение М. Моравской.

¹² В нижеследующем перечне мы сочли возможным привести имена участников первого, второго и даже третьего «Цеха поэтов».

¹³ Эти заметки Н.А. Бруни, кстати сказать, могли бы помочь «реконструировать» впечатления Осипа Мандельштама, который, как известно, по примеру Бруни в 1914 г. отправился в Варшаву с целью стать военным санитаром в русской армии.

¹⁴ В 1-м номере за 1916 г. были опубликованы «Избьяные песни» Николая Клюева, к этому времени, впрочем, давно отошедшего от «Цеха поэтов». В 12-м номере за 1915 г. было напечатано стихотворение И. Оксенова с посвящением «В. Чернявскому», также являвшемуся в свое время участником «Цеха поэтов». А в уже упоминавшемся отклике Д. Крючкова на статью «Волнующая поэзия» речь шла о поэме «Поппида» еще одного «цеховика» – Павла Радимова (НЖ. 1915. № 9. С. 57).

¹⁵ См. также в № 7–8 за 1916 г. рассказ Л. Исаковой «Аква-рели» с посвящением «М. Моравской».

¹⁶ Стихотворение Моравской вызвало ответ Т. Кладо, помещенный в этом же номере журнала: «А если к победе душа остыла / И труден холодный путь без цели? / А если я Золушка, в самом деле, / И рыцарем быть не хватает силы?»

¹⁷ Цит. по: *Ахматова А.А.* Десятые годы. М., 1989. С. 85. Прогноз Гиппиуса относительно Георгия Иванова, как известно, не оправдался.

¹⁸ *Ерофеев Вен.* Оставьте мою душу в покое (Почти всё). М., 1995. С. 165.

У «Лукоморья»
К истории одного журнала

Начну с признания и покаяния: заявляя тему для доклада, положенного в основу настоящей статьи, я руководствовался беглым просмотром нескольких материалов журнала «Лукоморье», представлением об одиозной репутации его издателя Михаила Алексеевича Суворина и фельетоном критика-марксиста Вячеслава Полонского, который «благословил» рождение суворинского журнала следующим образом: «...у ихнего “лукоморья” “русский дух”. “Здесь Русью пахнет”. Еще бы! Кто в этом сомневался! Не только пахнет: можно сказать – разит. И не просто русским духом – а, так сказать, почти что истинно русским»¹. Кроме того, я держал в памяти скандальную историю с выходом осенью 1915 г. из числа постоянных авторов «Лукоморья» большой группы писателей (С. Ауслендера, Г. Иванова, М. Кузмина, Б. Садовского, Ю. Слезкина, Ф. Сологуба и др.), объяснивших свой поступок в открытом «Письме в редакцию» «Биржевых ведомостей»: «Мы участвовали в журнале “Лукоморье” до тех пор, пока чисто литературная и в общем приемлемая физиономия этого журнала не

Впервые опубликовано: *Studia Russica helsingiensia et tartuensia*. 12. Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадьевича Исакова. Тарту, 2011. С. 411–426.

возбуждала в нас принципиальных сомнений <...>. Нисколько не смущаясь нападками, от кого бы они ни исходили, мы видим, что в последнее время “Лукоморье” приняло нежелательную для нас тенденциозную окраску, доказательством чего служат статьи Бурнакина и портрет Буренина. Ввиду этого мы считаем дальнейшее сотрудничество в “Лукоморье” невозможным»².

Тщательное изучение всех номеров «Лукоморья» в очередной раз показало, как опасно историку литературы доверяться беглым просмотрам, устойчивым репутациям, коллективным заявлениям и критикам-марксистам. Предлагаемый далее обзор журнала М.А. Суворина, хочется надеяться, послужит отправной точкой для его объективного, нетенденциозного изучения.

Первый номер этого «еженедельного литературно-художественного и сатирического журнала»³ датирован 16 апреля 1914 г. В дальнейшем журнал выходил регулярно, по средам, вплоть до сентября 1917 г. Изредка номера выпускались сдвоенными. Издателем «Лукоморья» с 1-го номера 1914 г. по 18-й номер 1917 г. был Михаил Суворин, сын известного публициста Алексея Суворина от первого брака, с 1907 г. – фактический редактор консервативного «Нового времени». Редактором же «Лукоморья» первоначально числился еще один любитель «русского духа» – журналист и писатель Андрей Селитренников (псевдоним – Ренников), затем сам Суворин, а в последние месяцы существования журнала – писательница из суворинского круга Наталья Жуковская (Лисенко). Заведующим художественным отделом журнала долгое время значился художник-график Герасим Магула.

У «Лукоморья» был большой формат и не очень большой объем. Печатался журнал на отличной бумаге, каждый номер содержал изрядное количество репродукций и иллюстраций первоклассных художников: И. Билибина, Б. Григорьева, М. Добужинского, Б. Кустодиева, Е. Лансере, Г. Лукомского, Д. Митрохина, П. Митурича, Г. Нарбута, И. Репина, К. Сомова, Н. Тырсы, К. Юона и многих других. Материалы в номерах, как правило, рас-

пределялись следующим образом: стихи, небольшие рассказы русских писателей (очень редко – переводные вещи и никогда – повести с продолжением)⁴, художественные обзоры и рецензии, изредка – публицистические статьи и отзывы на книги лирики и прозы. Завершался журнал обширным юмористическим разделом. «Кузмин и Буренин... / Какой винегрет! / В рисунках отменен, / В поэзии нет... / Во взглядах упорен / И лих, как гусар... – / Там лозунг: “Суворин”, / Пароль: “Гонорар”» – такую эпиграмму на «Лукоморье» сочинил Лев Никулин.

Относительно «упорства» политических взглядов журнала Никулин сильно сгустил краски. Уже принцип распределения материалов в «Лукоморье» ясно показывает, что идеологическая составляющая в нем отнюдь не доминировала: в очень многих номерах статьи о политике просто отсутствовали. Более того, по нашим наблюдениям, реальная идеологическая платформа «Лукоморья» не слишком сильно отличалась от позиции, например, либеральной «Нивы»⁵ и должна быть рассмотрена в своей эволюции.

В истории издания Суворина достаточно четко выделяются пять этапов, в целом совпадающих с периодизацией всей русской *неконсервативной* печати 1914–1917 гг. Это этап становления журнала (апрель–июль 1914 г.); этап ура-патриотизма и очарования войной (август 1914 г. – январь 1915 г.); этап ослабления интереса к войне (февраль 1915 г. – март 1917 г.); этап очарования Февральской революцией (апрель–июль 1917 г.) и, наконец, этап разочарования в Февральской революции (август 1917 г.).

В номерах «Лукоморья» первого периода была предпринята попытка нащупать и сформулировать художественную и идеологическую программу журнала. Эти поиски не слишком удачно велись вокруг да около журнального названия – «Лукоморье». Так, в дебютном номере журнала появилась установочная, с потугами на остроумие, статья А. Ренникова с одноименным заглавием, в которой зачин «Руслана и Людмилы» юмористически прикладывался к современности: «Не нужно быть почетным членом Акаде-

мии наук по отделу изящной словесности, чтобы догадаться, кто здесь дуб, кто кот и что за сказки может рассказывать бедная бессловесная тварь, сидящая на цепи у лукоморья. Финский залив, господа, ведь не что иное, как лукоморье! Дуб зеленый – Россия. Кот – обыватель, а сказки кота – это сидящая на цепи периодическая печать»⁶. В номерах 5, 7 и 8 за этот же год были помещены сатирические заметки А. Столыпина под общим названием «Сказки двадцатого века», публикация которых прекратилась в июне 1914 г. и более не возобновлялась. А в 13-м номере за 1914 г. (от 9 июня) журнал напечатал групповую карикатуру «Кадетское лукоморье» с котом-Милюковым в центре.

В этот же период шла активная вербовка постоянных авторов для журнала, что было относительно нетрудно, поскольку Суворин установил для писателей и художников, печатавшихся в «Лукоморье», весьма высокие гонорары и авансы.

Вяловатый старт «Лукоморья» отнюдь не предвещал той бурной активности, которую журнал развил после начала Первой мировой войны (начало второго этапа деятельности журнала). С 17-го (от 6 августа) номера за 1914 г. по 1-й номер за январь 1915 г. «Лукоморье» не напечатало ни одного материала, прямо не связанного с войной. При этом практически не ощущается качественной разницы между военными произведениями маститых писателей и дилетантов, утонченных модернистов и топорных реалистов. Приведем три характерных фрагмента из стихотворений двух профессионалов и одной графоманки о войне, напечатанных в «Лукоморье» в этот период, а читатель пусть угадает, где стихи графоманки, а где – профессионалов (проверить себя он сможет, заглянув в соответствующие примечания):

Выкован крепко ваш меч заповедный,
Скосит он жатву свою, –
Словно колосья, под клич наш победный
Лягут Тевтоны в бою⁷.

.....

С тобою Бог! На подвиг правый
Недаром меч ты подняла
И мир глядит на бой неравный,
Моля, чтобы орел двуглавый,
Сразил двуглавого орла⁸.

.....

За Карпаты, за Карпаты
Рвется царственная рать
Ярослава древний ратай,
Выносил из бедной хаты
Образа ее встречать⁹.

Как с издевкой вспоминал спустя год автор фельетона, напечатанного, заметим, в том же «Лукоморье», «великое единодушие проявила в те дни поэзия. Куда девались акмеизмы с футуризмами, как сквозь землю провалились направления, нет больше вырожденцев, нет отщепенцев, все патриоты, все спасают отечество <...>. Все говорят в один голос? Но ведь это единодушие, ведь теперь же “общерусское единение”. “Ночью все кошки серы”. И это отнюдь не однообразие, а “унисон сердец”¹⁰. Действительно, война на время как бы отменила литературные школы, поэты и прозаики разных течений вдруг ввели в свой активный словарь церковнославянизмы, запели о великой Руси, заговорили выпрненным языком, пользоваться которым в мирное время считалось безвкусным и даже стыдным.

В этот и последующие периоды значительное место в журнале стало отводиться материалам, пропагандировавшим славянское и русское искусство, славянское единство и русскую идею. Среди таких материалов статьи Г. Магулы «Война и народные картины» (1914. № 30. 6 дек.) и «Русская икона» (1914. № 11. 14 марта); заметки Я. Прохорова «Война в народном песнетворчестве славян» (1914. № 31. 13 дек.) и «Музыкально-патриотическое творчество женщины-крестьянки» (1915. № 2. 10 янв.); репортажи М. Влагина «У врат Царь-Града» (1915. № 11. 14 марта)

и «Славянство и германизм» (1915. № 17. 25 апр.); его же рецензия на переписку А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова, названная «Пионеры славянофильства» (1915. № 37. 12 сент.); статья профессора А. Погодина «Единение славян» (1915. № 15. 11 апр.); заметка И. Евдокимова «Древнерусская иконопись» (1915. № 27. 4 июля); пламенное воззвание М. Дитрих-Рошфор «Возрождение Руси» (1916. № 8. 20 февр.); заметка Бориса Садовского «Новгород-Великий» (1915. № 25. 20 июня) и др.

Важно только отметить, что в своем патриотическом раже и воспевании славянства «Лукоморье» в это время было отнюдь не одиноко. Пожалуй, невозможно назвать отечественный журнал, который бы в первые годы мировой войны не пел бы осанну русскому воинству и не проклинал бы «варвара-тевтона»¹¹.

Спецификой «Лукоморья» стало повышенное внимание к месту и роли женщины на войне. Эта тема на все лады трактовалась в журнале как писательницами-женщинами, так и представителями сильного пола, часто пишущими от лица женщин. К примеру, поэт, прозаик, драматург и юрист Владимир Опочинин напечатал в «Лукоморье» «Песню армянской девушки», из которой (в целях экономии места) приведем здесь лишь одну строфу:

Мы враги по духу и по крови, –
Так оставь меня, безумный Сулейман...
Каждый день я строго хмурю брови,
Глядя вдаль, на села мусульман¹².

Перечисляя другие произведения о женщинах на войне, ограничимся именами авторов и названиями: Павел Орешников «Женские стихи. Из “Дневника”» (1914. № 29. 28 нояб.); Ник. Кузнецов «Кармен» (1914. № 30. 6 дек.); Л. Никулин «Жанна Д’Арк» (1914. № 31. 13 дек.); Юрий Слезкин «Мать-командирша» (1914. № 31. 13 дек.); П. Потоцкий «Женские письма (с натуры)» (1915. № 10. 7 марта); Дмитрий Чивилев «Сестра милосердия» (1915. № 17. 25 апр.); М.Г. «Дежурная» (1916. № 10. 5 марта); Е. Джун-

ковская «Вражеское знамя. Письмо сестры милосердия» (1916. № 32. 6 авг.); Е. Джунковская «Подле позиций. Письмо сестры милосердия» (1917. № 8. 18 февр.) и т. д.

В свой третий период журнал «Лукоморье» незаметно для многих пристрастных критиков и читателей превратился в крепкое стабильное издание с весьма неплохими разделами прозы и поэзии. Из тех писателей и поэтов, которые оставили в истории русской литературы заметный след, в журнале Суворина печатались: *Сергей Ауслендер* – 3 публикации¹³; *Константин Бальмонт* – 2 публикации¹⁴; *Юрий Верховский* – 3 публикации¹⁵; *Владимир Гиляровский* – 1 публикация¹⁶; *Сергей Городецкий* – 41 публикация¹⁷; *Александр Грин* – 2 публикации¹⁸; *Николай Гумилев* – 2 публикации¹⁹; *Михаил Зенкевич* – 3 публикации²⁰; *Георгий Иванов* – 53 публикации²¹; юный *Валентин Катаев* – 1 публикация²²; *Александр Кондратьев* – 1 публикация²³; *Михаил Кузмин* – 33 публикации²⁴; *Алексей Ремизов* – 6 публикаций²⁵; *Рюрик Ивнев* – 7 публикаций²⁶; *Борис Садовской* – 6 публикаций²⁷; *Игорь Северянин* – 1 публикация²⁸; *Федор Сологуб* – 11 публикаций²⁹; *Александр Тиняков* – 2 публикации³⁰; *Александр Ширяевец* – 1 публикация³¹; *Илья Эренбург* – 5 публикаций³².

Как видим, печататься в «Лукоморье» считали для себя незазорным писатели из тогдашней первой и даже высшей литературной лиги (Бальмонт, Гумилев, Ремизов, Игорь Северянин, Сологуб). Почти в каждом номере журнала появлялось хоть одно произведение автора с «именем». Нужно, впрочем, признать, что эти писатели часто помещали в издании Суворина проходные, написанные для заработка вещи. Недаром в «Лукоморье» мы можем найти так много «датских» стихов и рассказов, приуроченных к церковным и иным праздникам, военным победам, а также к календарным сменам времен года.

В литературно-критическом разделе журнала абсолютно неизвестного широкой публике, хотя и очень задиристого, Марка Влагина в третий период деятельности «Лукоморья» постепенно потеснили обладавшие более солидной репутацией и широтой кругозора Сергей Городец-

кий, Борис Садовской и Димитрий Крючков. Безапелляционные влагинские нападки на Бунина³³, Куприна³⁴ и Леонида Андреева³⁵ сменились тремя статьями Городецкого о стихах тогдашних и будущих участников «Цеха поэтов»³⁶, доброжелательной рецензией Садовского на книгу стихов футуриста-одиночки Тихона Чурилина «Весна после смерти»³⁷ и его же обзором «О современной поэзии» (с проклятиями футуристам и похвалой Вячеславу Иванову)³⁸, заметкой Крюčkова «Неуместные мысли», защищавшей от наскоков критики военные стихи Сологуба и прозу Ремизова³⁹ и его же хвалебной статьей о Борисе Зайцеве «Земная печаль»⁴⁰. На долю Влагина осталось дважды воспеть талант Садовского-критика⁴¹ да в заметке «Тэффи» сдержанно-одобрительно отозваться о юмористических произведениях этой писательницы⁴². И только о Максиме Горьком и Дмитриии Мережковском, которых очень не любил лично Михаил Суворин, «Лукоморье», как правило, писало резко неприязненно. Горького в журнале ругали Влагин, А.А. Б. и Крючков⁴³. Нападки на Мережковского начались уже в 1-м номере за 1914 г., где в разделе «Почтовый ящик» (со 2-го номера из журнала навсегда исчезнувшего) был помещен такой малоостроумный текст: «Никодиму Мережковскому. Спасибо, но исторических романов не печатаем. Кстати, у вас в рукописи описывается прием Ярославом Мудрым американского посольства. Разве вы не знаете, что открывать Америку раньше времени так же скверно, как и слишком поздно?»⁴⁴ В 52-м номере (от 25 декабря) за 1916 г. была напечатана неприязненная заметка о Мережковском «Мелея» Димитрия Крюčkова⁴⁵.

С подачи Садовского в «Лукоморье» стали изредка появляться материалы историко-литературного характера. Назовем здесь его собственные заметки «Новый автограф Пушкина. находка в старинном альбоме» (1915. № 16. 18 апр.), «Академический Пушкин» (1915. № 21. 23 мая) и «Венгеровский Пушкин» (1915. № 24. 13 июня), статью Крюčkова «Воскресающий» о Баратынском (1916. № 4. 23 янв.) и хвалебную рецензию Влагина на сборник статей П.Е. Щеголева о Пушкине (1916. № 36. 3 сент.). Также

укажем на семейную публикацию, появившуюся на раннем этапе существования журнала: «Из неизданных писем А.П. Чехова к А.С. Суворину» (1914. № 12. 2 июля).

Сатирический отдел «Лукоморья», пожалуй, можно назвать ахиллесовой пятой журнала Суворина: здесь с самого начала войны из номера в номер печатались плоские остроты о немцах и их союзниках и бесконечные карикатуры на императора Вильгельма. Ситуация несколько выправилась лишь с конца февраля 1916 г., когда постоянным автором отдела стал талантливый Николай Агнивцев, в итоге напечатавший в «Лукоморье» 27 стихотворных фельетонов⁴⁶. Особо отметим единственную в этом журнале, в юмористическом разделе, публикацию Осипа Мандельштама, под псевдонимом Анк Сульпициус напечатанного в 6-м номере (от 7 февраля) за 1915 г. несколько юмористических стихотворений из своей «Антологии античной глупости».

«Лукоморье», редактором-издателем которого по-прежнему оставался Михаил Суворин, с энтузиазмом встретило Февраль 1917 г. (начало четвертого периода деятельности журнала). Уже первый пореволюционный номер (1917. № 9–11. 2 апр.) открылся портретом П.А. Кропоткина и обширной публикацией «Из писем П.А. Кропоткина к близким». На протяжении нескольких последующих месяцев в «Лукоморье» помещались в основном приветствующие революцию или антимоноархические материалы, среди которых особо можно выделить сатирическую «Историю Дома Романовых» Николая Агнивцева (1917. № 14. 25 апр.). Пыл журнала, как и всей либеральной российской прессы, угас к августу 1917 г. (начало краткого пятого периода). В сдвоенном 24–25-м номере «Лукоморья» были опубликованы направленная против большевиков статья «Политические партии в России», горькая заметка Михаила Андреева «Это ли свобода» и фельетон-антиутопия Козерога «Кошмар», начинавшийся так: «И вот настало. Экстренные выпуски газет вышли со списками новых министров. Иностранных дел – Ленин. Военный и морской – Троцкий. Внутренних дел – Зиновьев.

Финансов – Коллонтай»⁴⁷. Вскоре предприятие Суворина прекратило свое существование.

Подводя общие краткие итоги настоящей статьи, выскажу твердое убеждение, что «Лукоморье» *не было* консервативным и националистическим изданием. «Русью» в нем «разило» ничуть не больше, чем в остальной периодике военного времени, так что Ан.Н. Чеботраевская в письме к М.О. Гершензону имела все основания характеризовать издание М.А. Суворина как «очень чистенький литературный журнальчик»⁴⁸. Однако для современников на журнал, увы, падала тень от «Нового времени» и других одиозных идеологических проектов его главного редактора. Интересная и значимая деталь: заявив о своем выходе из состава авторов «Лукоморья» осенью 1915 г., двое из подписантов, Михаил Кузмин и Георгий Иванов⁴⁹, в журнал Суворина очень быстро вернулись. Иванов тихо, без лишнего шума, а Кузмин, напечатав специальное объяснительное письмо в «Биржевых ведомостях»: «Подписывая письмо об уходе из “Лукоморья”, я руководствовался дружеской солидарностью с авторами письма, отнюдь не соглашаясь с мотивировкой их выхода, конечно шаткой и неубедительной»⁵⁰. Представленная статья может восприниматься в том числе и как комментарий к этому месту открытого письма Кузмина.

¹ Полонский Вяч. Случайные заметки: Об Эртелевом перелуке, о сатире, о звонкой монете и о г.г. Городецком и Гумилеве // Рубикон.1914. № 6. Апр. С. 29.

² Биржевые ведомости. 1915. № 15182. 30 окт. Утренний выпуск. Фотография Буренина была опубликована в качестве приложения к заметке Н. Жуковской «Театр имени А.С. Суворина» (1915. № 41. 10 окт.). Статьей Бурнакина «Лукоморье» не печатало. Он лишь выступил с восхвалением этого журнала в «Новом времени» (1915. 4 сент.)

³ Из анонса «Лукоморья». Приведем также фрагмент другого анонса журнала, печатавшегося в течение 1916 г.: «В настоящее время особенное внимание уделяется войне, события кото-

рой иллюстрируются известными художниками. В журнале печатаются повести, рассказы, фельетоны, стихи лучших современных писателей, помещаются произведения выдающихся художников, даются иллюстрации событий, карикатуры, шаржи. Особенностью журнала являются красочные рисунки.

⁴ Среди этих вещей выделим: *Франс А.* Мадам Матье (1915. № 36. 5 сент.); *Конан Дойль А.* Оправданный (1916. № 7. 13 февр.); *Брженчковский Г.* Разговор с пирамидами (Из Ю. Словацкого) (1916. № 20. 14 мая).

⁵ Как и «Нива», журнал Суворина предназначался для самой широкой аудитории в отличие, скажем, от «Золотого руна».

⁶ *Ренников А.* <Селитренников А.> Лукоморье // Лукоморье. 1914. № 1. 16 апр. С. 14.

⁷ *Федотова Е.* Народ-исполин (1914. № 21. 3 окт.).

⁸ *Иванов Г.* Родине. 1914. № 21. 3 окт.

⁹ *Городецкий С.* Русская рать. 1914. № 23. 17 окт.

¹⁰ *Пегас.* Поэзия для тугоухих. Расцвет. 1915. № 42. 17 окт.

¹¹ О русской «военной» поэзии эпохи Первой мировой войны см.: *Hellman В.* Встречи и столкновения: Статьи по русской литературе. Helsinki, 2009.

¹² Лукоморье. 1914. № 25. 31 окт.

¹³ «Я должен» <рассказ> (1914. № 27. 14 нояб.); «Высокая защита» <рассказ> (1915. № 3. 17 янв.); «Грозная весть» <рассказ> (1915. № 10. 7 марта)*.

¹⁴ «Легенды» (1915. № 23. 6 июня); «Стрела» (1915. № 24. 13 июня).

¹⁵ «Коснулся неосторожно...» (1915. № 29. 18 июля); «Ты мне сказал, что соловьи поют...» (1915. № 32. 8 авг.); «Я помню жгучую усладу...» (1916. № 34. 20 авг.).

¹⁶ «В деревне» (1916. № 42. 15 окт.).

¹⁷ «К жаворонку» (1914. № 1. 16 апр.); «Явление народа» (1914. № 17. 6 авг.); «Воздушный витязь. Памяти Нестерова» (1914. № 18. 12 сент.); «Русская рать» (1914. № 23. 17 окт.); «Прибытие поезда» (1914. № 27. 14 нояб.); «Дед-Мороз» (1914. № 32.

* Здесь и далее перечисляются художественные произведения авторов «Лукоморья». Литературно-критические статьи во внимание не принимаются.

25 дек.); «Пятнадцатый» (1915. № 1. 1 янв.); «Гибель сэра Арчи-
бальда Дугласа» <рассказ> (1915. № 7. 14 февр.); «Моя земля»
(1915. № 8. 21 февр.); «Двойной грех» <рассказ> (1915. № 14.
4 апр.); «Прообразы весны» (1915. № 18. 2 мая); «Римляне» (1915.
№ 21. 23 мая); «Родине» (1915. № 27. 4 июля); «Венеция» (1915.
№ 28. 11 июня); «Исцеление» <рассказ> (1915. № 32. 8 авг.); «Как
ветер и как солнце» <рассказ> (1915. № 40. 3 окт.); «Последний
штрих» <рассказ> (1915. № 48. 28 нояб.); «Причащение детей»
(1915. № 49. 5 дек.); «Пышный плат» (1915. № 50. 5 дек.); «Угод-
ник ходит» (1916. № 1. 1 янв.); «Янко» (1916. № 3. 16 янв.); «Вой-
на» (1916. № 5. 30 янв.); «Русская весна» (1916. № 10. 5 марта);
«Шабли» <рассказ> (1916. № 11. 12 марта); «Бриллиант» <рас-
сказ> (1916. № 17. 23 апр.); «Страдная доля» (1916. № 21. 21 мая);
«Венера» (1916. № 23. 4 июня); «Крымские сонеты» (1916. № 24.
11 июня); «На земле» (1916. № 26. 25 июня); «Любимой» (1916.
№ 29. 16 июля); «Добро дело» <рассказ> (1916. № 33. 13 авг.);
«Персидская птичка» (1916. № 34. 20 авг.); «Ввысь» (1916. № 35.
27 авг.); «Ирис» (1916. № 37. 10 сент.); «В Персии» (1916. № 40.
1 окт.); «Победа сердца» (1916. № 41. 8 окт.); «Поэт» (1916. № 46.
12 нояб.); «На войне» (1917. № 3. 14 янв.); «Сады Семирамиды»
<рассказ> (1917. № 7. 11 февраля); «Монах под спудом» (1917.
№ 8. 18 февр.).

¹⁸ «Поединок» <рассказ> (1914. № 18. 12 сент.); «Урбан
Грец принимает гостей» <рассказ> (1914. № 19. 19 сент.).

¹⁹ «Пролетела стрела...» (1914. № 1. 16 апр.); «Конквиста-
дор» (1915. № 50. 5 дек.).

²⁰ «Албанский романс» (1914. № 9. 11 июня; псевдоним
«М. Зе»); «Паяц» <рассказ> (1914. № 12. 2 июля); «Прощанье»
(1916. № 8. 20 февр.).

²¹ «Песня», «Песни звонкие девчонок» (1914. № 3. 30 апр.),
«Мы с мамашею скучаем...», «Простодушные березки...» (1914.
№ 14. 16 июля); «На начинающего Бог» (1914. № 20. 26 сент.);
«Родине» (1914. № 21. 3 окт.); «Песенка у вертепа» (1914. № 22.
10 окт.); «Весть, которая опоздала» <рассказ> (1914. № 24.
24 окт.); «Видение в Летнем саду» (1914. № 25. 31 окт.); «Как
странно, сердце не болит...», «Надежды не обманут нас...» (1914.
№ 28. 21 нояб.); «Рождество в скиту» (1914. № 32. 25 дек.); «Де-
вичье гаданье» (1915. № 2. 10 янв.); «Морозный день» (1914. № 9.

28 февр.); «Снега буреют, тая...» (1915. № 11. 14 марта); «Снова влечет тебя светлое знамя...» (1915. № 12–13. 21 марта); «Люблю рассветное сиянье...» (1915. № 15. 11 апр.); «Петроградские волшебства» (1915. № 21. 23 мая); «Итальянская песня» (1915. № 22. 30 мая); «Час и дом» (1915. № 27. 4 июля); «Годовщина войны» (1915. № 30. 25 июля); «Пожелтевшие гравюры» (1915. № 30. 25 июля – подписано «Г. И.»); «Недвижны липы, небо сине...» (1915. № 33. 15 авг.; в юмористическом разделе); «Павловск» (1915. № 36. 5 сент.); «У памятника Петра» (1915. № 37. 12 сент.); «Покров» (1915. № 40. 3 окт.); «Болгарам» (1915. № 41. 10 окт.); «Монастырская липа» <рассказ> (1915. № 42. 17 окт.); «Новогодние стансы» (1916. № 1. 1 янв.); «Мороз и солнце, опять, опять...» (1916. № 2. 9 янв.); «Москва» (1916. № 4. 23 янв.); «Белый снег синеет в поле...» (1916. № 6. 6 февр.); «Монастырские стихи» (1916. № 8. 20 февр.); «Русская красота» (1916. № 9. 27 февр.); «Зеленый фон, немного мутный...» (1916. № 12. 19 марта); «Опять заря горит светла...» (1916. № 15–16. 9 апр.); «Русская весна» (1916. № 18. 30 апр.); «Вновь зеленые шорохи в лесе...», «Ветер, ветер и плещут воды...» (1916. № 21. 21 мая); «Когда вечерняя прохлада...», «Мерцают тускло шандалы...», «И тени тают, тени блекнут...» (1916. № 24. 11 июня); «"Стройны вы, как тростинка..."» (1916. № 26. 25 июня); «В широких окнах – сельский вид...» (1916. № 32. 6 авг.); «Старинные портреты» (1916. № 34. 20 авг.); «Князь Карабах» <рассказ> (1916. № 41. 8 окт.); «Стихи о Петрограде» (1916. № 47. 19 нояб.); «Я слышу святые восторги...», «Стихи о Петрограде» (1916. № 48. 26 нояб.); «Верхарн» (1916. № 50. 10 дек.); «Святочная поездка» (1916. № 52. 25 дек.); «Моя любовь, она все та же...» (1917. № 2. 7 янв.); «Остров надежды» <рассказ> (1917. № 3. 14 янв.); «Теплятся жаркие встречи...» (1917. № 4. 21 янв.); «Куликово поле» (1917. № 6. 4 февр.); «Масляная» (1917. № 8. 18 февр.); «Декабристы» (1917. № 14. 25 апр.); «Кто говорит: "Долой войну!"» (1917. № 19–20. 17 июня); «Сколько лет унижений и муки...» (1917. № 21. 6 июля); «Выхожу я в родные просторы...» (1917. № 28–29. 31 авг.).

²² «Теплый, тихий, ясный вечер...» (1915. № 11. 14 марта).

²³ «После долгой и трудной дороги...» (1914. № 10. 18 июня).

²⁴ «Завтра будет хорошая погода» <рассказ> (1914. № 3. 30 апр.); «Напрасные удачи» <рассказ> (1914. № 15. 23 июля);

«Два брата» <рассказ> (1914. № 23. 17 окт.); «Великое приходит просто...», «Не шлет вестей нам барабаном...» (1914. № 32. 25 дек.); «Пять путешественников» <рассказ> (1915. № 2. 10 янв.); «Третий вторник» <рассказ> (1915, № 5. 31 янв.); «Зеленый соловей» <рассказ> (1915. № 14. 4 апр.); «Пять мартовских дней» <рассказ> (1915. № 18. 2 мая); «Я встречу с легким удивлением...» (1915. № 23. 6 июня); «Успенье» (1915. № 33. 15 авг.); «Двое и трое» <рассказ> (1915. № 36. 5 сент.); «Невеста» <рассказ> (1915. № 39. 26 сент.); «Отчего не убраны нивы...» (1915. № 40. 3 окт.); «Все тот же сон, живой и давний...» (1915. № 45. 7 нояб.); «Волнения г-жи Радовановой» <рассказ> (1915. № 49. 5 дек.); «Я вижу в дворежном окошке...» (1915. № 50. 5 дек.); «Аврорин бисер» <рассказ> (1916. № 2. 9 янв.); «Мой герой» (1916. № 5. 30 янв.); «Портрет с последствиями» <рассказ> (1916. № 7. 13 февр.); «Последняя капля» <рассказ> (1916. № 12. 19 марта); «Пасхе» (1916. № 15–16. 9 апр.); «Бабушкина шкатулка» <рассказ> (1916. № 19. 7 мая); «Забытый параграф» <рассказ> (1916. № 23. 4 июня); «Какая-то лень недели кроет...» (1914. № 25. 18 июня); «Царевич Дмитрий» (1916. № 27. 2 июля); «Я недостоин» (1916. № 28. 9 июля); «Дама в золотом тюрбане» <рассказ> (1916. № 31. 30 июля); «Под вечер выдь в луга темные...» (1916. № 37. 10 сент.); «Машин рай» <рассказ> (1916. № 40. 1 окт.); «Успокоительной прохладой...» (1916. № 49. 3 дек.); «Хорошая подготовка» (новелла) (1916. № 51. 17 дек.); «Рождество» (1916. № 52. 25 дек.); «Мы в слепоте, как будто не знаем...» (1917. № 7. 11 февр.).

²⁵ «Лей иконописец» <рассказ> (1915. № 32. 8 авг.); «Последнее прибежище» <рассказ> (1916. № 8. 20 февр.); «Sancta Sophia» <рассказ> (1916. № 15–16. 9 апр.); «Воронец. Народная сказка» (1916. № 33. 13 авг.); «Костяной дворец. Народная сказка» (1916. № 40. 1 окт.); «Разные зайцы. Тибетская сказка» (1917. № 7. 11 февр.).

²⁶ «Екатерининские часы» <рассказ> (1915. № 47. 21 нояб.); «Детище финогенов» (1916. № 4. 23 янв.); «Скупой рыцарь» <рассказ> (1915. № 50. 5 дек.); «Ее первый друг» <рассказ> (1916. № 1. 1 янв.); «Чужая любовь» <рассказ> (1916. № 35. 27 авг.); «Малиновая шапочка» (1916. № 36. 3 сент.); «Медный кофейник» (1917. № 2. 7 янв.).

²⁷ «Ты бранным отроком погиб...» (1915. № 8. 21 февр.); «Невеста» (1915. № 20. 16 мая); «Двойник» <рассказ> (1915. № 23. 6 июня); «Самара» (1915. № 31. 1 авг.); «Швейка» (1915. № 34. 22 авг.); «Гробовый мастер» <рассказ> (1915. № 42. 17 окт.).

²⁸ 1916. № 5. 30 янв.

²⁹ «Вражий страж» (1914. № 31. 13 дек.); «Незамерзающий мальчик» <рассказ> (1915. № 1. 1 янв.); «Весенним дождем разнежены...» (1915. № 22. 30 мая); «В ночной воде купаться мило...» (1915. № 24. 13 июня); «Тебя Господь накажет...», «В немую бездну канут...» (1915. № 26. 27 июня); «Отчего у тебя утомленные руки...» (1915. № 27. 4 июля); «Надоело уж нам, зеркалам...» (1915. № 31. 1 авг.); «Наперекор осенней скуке...» (1915. № 34. 22 авг.); «Вот наше озеро: широко...» (1915. № 39. 26 сент.); «Я пришла к тебе в порфире...» (1915. № 41. 10 окт.); «Признать, что все на свете благо...» (1915. № 43. 24 окт.).

³⁰ «Оправдание войны» (1915. № 5. 31 янв.); «Страшна смиренная Россия...» (1915. № 16. 18 апр.).

³¹ «Прощание» (1915. № 31. 1 авг.).

³² «Непостижимое» <рассказ> (1916. № 44. 29 окт.); «Кровать Людовика XV» <рассказ> (1916. № 46. 12 нояб.); «Мартин Зеельбек» <рассказ> (1916. № 51. 17 дек.); «Искусственная нога "Селект"» <рассказ> (1917. № 6. 4 февр.); «Поль де-Виньи. Письмо из Парижа» (1917. № 15. 1 мая).

³³ «Жемчужное ожерелье» (1914. № 2. 23 апр.), «О гражданине вселенной» (1914. № 15. 23 июля).

³⁴ «Жемчужное ожерелье» (1914. № 2. 23 апр.), «Безликий талант» (1914. № 31. 13 дек.).

³⁵ «Предсказания и рецепты» (1914. № 16. 30 июля).

³⁶ См.: *Городецкий С.* Тотс и Пруссак. Две маски (1916. № 2. 9 янв.); *Он же.* Поэзия для себя <ругательная заметка о М. Лозинском, Г. Адамовиче и Рюрике Ивневе> (1916. № 6. 6 февр.); *Он же.* Поэзия как искусство <рекламная статья об акмеизме> (1916. № 18. 30 апр.).

³⁷ «Он несомненно даровит и оригинален, хотя и не без постороннего влияния: учителями его в поэзии являются Андрей Белый (главнейшее, как автор "Панихиды") и отчасти Иван Ко-невской» (1915. № 26. 27 июня. С. 16).

³⁸ 1915. № 45. 7 нояб. Против футуризма (впрочем, не русского, а итальянского) было направлено сатирическое стихотворение Long ogle «Футурист»: «Внимайте, дети! / Спокойно кайзер может спать, – / Пронесся слух, что Маринетти / Решил его обвенковать» (1914. № 30. 6 дек.).

³⁹ 1915. № 50. 5 дек. Заметим, что Сологуб в это время уже подписал письмо против «Лукоморья», о котором идет речь в начале нашей статьи. См. также заметку П. Владимировой «Поэзия в дни войны», где хвалились стихи Сологуба, Гумилева и Ив. Рукавишникова (1916. № 38. 17 сент.). В ней находим забавную опечатку: обсуждается стихотворение Гумилева «Памяти Аксинского» (вместо «Анненского»).

⁴⁰ 1916. № 42. 15 окт.

⁴¹ «Искренний голос» (1915. № 15. 11 апр.); «О Борисе Садовском» (1916. № 22. 28 мая).

⁴² 1916. № 27. 2 июля.

⁴³ «Под радикальным соусом» (1916. № 30. 23 июля); «В защиту Максима Горького» (1916. № 34. 20 авг.); «Порченный» (1915. № 46. 14 нояб.).

⁴⁴ 1914. № 1. 16 апр. С. 18.

⁴⁵ Ср., впрочем, вполне корректную рецензию Н.Л. Ж. на постановку пьесы Мережковского «Романтики» (1916. № 45. 5 нояб.).

⁴⁶ «Очень просто» (1916. № 4. 23 февр.); «Три чуда Магадэвы» (1916. № 5. 30 янв.); «Intime» (1916. № 11. 12 марта); «Песня корсара» (1916. № 13. 26 марта); «На вербе» (1916. № 14. 2 апр.); «История взятки российской» (1916. № 15–16. 9 апр.); «1906–1916 гг.» (1916. № 18. 30 апр.); «Звездные песенки» (1916. № 20. 14 мая); «Давно там» (1916. № 22. 28 мая); «Вечерняя история» (1916. № 24. 11 июня); «Ночью в городе» (1916. № 25. 18 июня); «Женское» (1916. № 35. 27 авг.); «История театра русского» (1916. № 44. 29 окт.); «Случай в Сент-Джемском сквере» (1916. № 45. 5 нояб.); «Жираф и гиппопотамша» (1916. № 47. 19 нояб.); «Новое издание старых сказок» (1916. № 50. 10 дек.; 1916. № 51. 17 дек.); «Ванька-Встанька» (1916. № 52. 25 дек.); «Три новогодних тоста» (1917. № 1. 1 янв.); «Dausse de portefeuille» (1917. № 7. 11 февр.); «Песня свободы» (1917. № 9–11. 2 апр.); «История дома Романовых» (1917. № 14. 25 апр.); «Японская ваза с барелье-

фами: японочкой и самураем» (1917. № 18. 5 июня); «Сказочка о дедке и репке» (1917. № 22–23. 17 июля); «Радуйтесь», «Адам и Ева» (1917. № 26–27. 25 авг.).

⁴⁷ 1917. № 24–25. 6 авг. С. 18.

⁴⁸ Цит. по: *Соболев А.Л.* К истории «Сборника финляндской литературы» // *Russian Literature*. 2012. № LXXI–II. С. 246.

⁴⁹ Ср. его вполне доброжелательные, хотя и с передержками, воспоминания о журнале М. Суворина (см.: *Иванов Г.В.* Китайские тени // *Иванов Г.В.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 243–245).

⁵⁰ Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15189. 4 нояб. Подробнее см. комментарии Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина к дневнику этого писателя: *Кузмин М.А.* Дневник. 1908–1915. СПб., 2005. С. 752.

У рисунка двойное дно?
К иконографии Ахматовой

В 19-м номере петроградского журнала «Лукоморье» за 1916 г. (от 7 мая) Михаил Кузмин опубликовал рассказ «Бабушкина шкатулка», сопровождавшийся рисунками штатного иллюстратора журнала Михаила Макарова.

В одной из иллюстраций мы с удивлением и радостью опознали вариацию на тему знаменитого портрета Анны Андреевны Ахматовой работы Натана Альтмана. Как известно, альтмановский портрет был написан в 1914 г., впервые экспонировался на выставке «Мира искусства» в 1915 г. и стал известен очень широкой публике благодаря публикации его репродукции в 4-м номере «Нового журнала для всех» за 1915 г.

Зачем Макаров придал юной героине рассказа Кузмина Лии Павловне черты отчетливого портретного сходства с Ахматовой?

Сразу же признаемся, что нет четкого и однозначного ответа на данный вопрос, а есть лишь несколько достаточно шатких гипотез, худо-бедно объясняющих, почему так произошло.

Печатается впервые.

Первая из них – интертекстуальная. Нельзя ли предположить, что иллюстратора соблазнило определенное сходство ключевого сюжетного хода «Бабушкиной шкатулки» с зачином ахматовского стихотворения 1910 г.?

Весенним солнцем это утро пьяно,
А на террасе запах роз слышней,
А небо ярче синего фаянса.
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна;
Читаю в ней элегии и стансы,
Написанные бабушке моей.

В рассказе Кузмина Лия Павловна весенним утром читает «связку старых писем и две тетрадки в розовом коленкоре»¹, в которых изложена тайная история любви ее бабушки.

Вторая гипотеза – биографическая. Как и тогдашний муж Ахматовой Николай Гумилев, возлюбленный героини рассказа Фомушка Завьялов находится в разлуке с любимой. Он участвует в сражениях Первой мировой войны. Две фотографии Фомушки в военной форме украшают столик Лии Павловны на интересующей нас сейчас иллюстрации Макарова к рассказу Кузмина.

Выдвинуть третью причину, которая могла спровоцировать Макарова подарить Лии Павловне облик Анны Андреевны, позволяет недавний разбор Л.Г. Пановой еще одного рассказа Кузмина «Портрет с последствиями». Рассказ был напечатан в «Лукоморье» за четыре месяца до «Бабушкиной шкатулки», в № 7 от 13 февраля 1916 г. без каких бы то ни было иллюстраций². Если верить исследовательнице, прототипом главной героини «Портрета с последствиями» послужила как раз Ахматова. Если Кузмин сообщил об этом Макарову, тот мог своеобразно «компенсировать» отсутствие иллюстраций к «Портрету...».

Правомерно, впрочем, будет допустить, что в случае с нашим рисунком ответом на известный тыняновский вопрос: «<И>ллюстрируют ли иллюстрации?»³, будет – «нет» или – «не вполне». Ведь Макаров мог захотеть

не столько «обогащать» и «в чем-то конкретизировать»⁴ иллюстрируемое им произведение, сколько предъявить читателю и зрителю «самостоятельное произведение графики»⁵ – портрет популярной поэтессы, только маскирующийся под изображение кузминской Лии Павловны. Тем более что оторванных от текстов макаровских рисунков ни «Лукоморье», ни какой-нибудь иной художественный журнал на своих страницах не печатали.

Остается напомнить, что не один Михаил Макаров наделил литературную героиню внешним обликом Ахматовой. Иллюстрируя поэму Георгия Чулкова «Мария Гамильтон», так поступил и Вениамин Белкин⁶.

¹ Кузмин М. Бабушкина шкатулка // Лукоморье. 1916. № 19. С. 8.

² См.: Панова Л. Экфрасис с последствиями (Кузмин, Г. Иванов, Ахматова) // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011. С. 373–379.

³ Тынянов Ю.Н. Иллюстрации // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 310.

⁴ Там же. С. 311.

⁵ Там же. С. 310.

⁶ Белкинские иллюстрации воспроизведены в издании: Ахматова Анна: Фотобиография / Сост. В.Я. Мордерер и Р.Д. Тищенко. М., 1989. С. 74.

Акмеизм и «Цех поэтов»
в оценках критики начала 1910-х годов
Цитаты с комментариями

Как читающей публикой начала 1910-х годов было принято рождение первого «Цеха поэтов», а затем акмеизма?

Два видных участника литературного процесса того времени спустя несколько лет дали на этот вопрос взаимоисключающие ответы.

Александр Блок в 1921 г. так описал реакцию прессы на статью Николая Гумилева «Наследие символизма и акмеизм», опубликованную в 1-м номере «Аполлона» за 1913 г.: «Большинство собеседников Н. Гумилева было занято мыслями совсем другого рода: в обществе чувствовалось страшное разложение, в воздухе пахло грозой, назревали какие-то большие события; поэтому *Н. Гумилеву как-то и не возражали энергично*¹ (курсив мой. – О. Л.). Совершенно иначе в 1963 г. вспоминала об атмосфере, склудившейся вокруг акмеистических манифестов Гумилева и Городецкого, Анна Ахматова: «С необычайным воодушевл<ением> и редкостным единодушием всё и все ринулись душить новое течение. От суворинского “Нового времени” до футуристов, салоны символистов (Сологубы, Мережковские), литературные общества [(т. н. “Физа”)],

Впервые опубликовано: Modernités russes 10. Le temps dans la poétique acméiste. Lyon, 2010. P. 15–25.

бывш<ая> “башня”, т. е. окружение В. Иванова, и т. д. и т. д. без жалости когтили аполлоновские манифесты. Борьба с занявшими командные высоты символистами была делом безнадежным»².

Кто из двух участников этого заочного спора был более прав или, может быть, менее неправ?

Что касается Блока, то его неправота и пристрастность в данном случае очевидны³. Вряд ли кто-нибудь решится назвать «не энергичными» весьма многочисленные «возражения» на тезисы акмеистических манифестов, прозвучавшие в критических отзывах современников. «Акмеизм – выдумка, прихоть, столичная причуда»⁴. Так характеризовал новую школу старший символист Валерий Брюсов. «<Т>еория “акмеистов” до того слабо обоснована, до того беспомощна, что, слушая ее, как будто в кривое зеркало глядишься... “Акмеисты” – детски беспомощны в области философии и всё-таки пытаются слепить эстетическую теорийку. Это безнадежно»⁵. Это было мнение народника и сочувственника символизма Иванова-Разумника. «А рядом выползла свора адамов с пробором – Гумилев, С. Маковский, С. Городецкий, Пяст, попробовавшая прицепить вывеску акмеизма и аполлонизма на потускневшие песни о тульских самоварах и игрушечных львах»⁶. Подобным образом дразнили акмеистов кубофутуристы Давид, Бурлюк, Владимир Маяковский, Бенедикт Лившиц и компания. «“Акмеизм” или “адамизм” существует покамест в виде недодуманной и недочувствованной идеи в воображении его изобретателей <...>, да еще тщится существовать в виде эстетической теории на страницах журнала “Аполлон”, в истинно убогих критико-проповеднических опытах Н. Гумилева и С. Городецкого»⁷ – так оценивала акмеистические манифесты принципиально сторонившаяся каких бы то ни было школ и направлений поэтесса София Парнок. «Иногда вдруг убийц <поэзии> потянет к эстетическому, изящному слогу, туманности. Тогда они собираются в преступное сообщество, издают журнал “Гиперборей” (С. П. Б. 1912 г. передо мной № 1) и стараются»⁸, – пугал доверчивого обывателя бульварный фельетонист Аркадий

Бухов. «Сергей Городецкий, Гумилев и другие (счетом ровно шесть человек) – от современной ли серой сумеречной скуки, от тщеславного ли желания стать соиздателями новой поэтической школы – изобрели эту тошную теориейку с пышным вызолоченным ярлыком: “акмеизм” и пустили ее в оборот»⁹. Это было суждение об акмеизме неудачливого поэта, пародиста и фельетониста Владимира Голикова. «<П>риходится сознаться, что акмеизм – это кукла, не говорящая больше, чем “папа-мама” и, в конце концов, даже не особенно искусно сделанная»¹⁰. К подобному сравнению прибегнул участник футуристического «Мезонина поэзии» Вадим Шершеневич. «Это напоминает не то название одной из ересей первых веков христианства, не то медицинский термин, служащий для обозначения какой-нибудь душевной болезни или какого-нибудь из многочисленных видов полового извращения»¹¹. Такими догадками о происхождении слова «адамизм» делился с читателями газеты «Речь» «прогрессивный» критик Давид Левин. «Акмеизм – это страх перед задачами, которые ставит себе символизм, – более того, – это страх смерти»¹². К этому противопоставлению прибегнул символист Георгий Чулков. «<С>транно говорить об акмеизме, как о существующем явлении жизни. Он существовал лишь на бумаге, в статьях г.г. Городецкого и Гумилева»¹³. Так отпевал акмеизм «стилизатор» Борис Садовской...

Нападки на акмеизм в разговорах и в частной переписке, а также на публичных диспутах по понятным причинам были и того жестче. «<А>кмеисты одолевают. “Мышечные жеребчики”, вообразившие себя новорожденными; куда как хорошо!»¹⁴, – сетовал «неоклассик» Владимир Княжнин в письме к Борису Садовскому в марте 1913 г. «“<А>кмеисты” помешаны на теоретическом, конечно, и *платоническом*, но от этого не менее яростном преследовании “старших”, – жаловалась переводчица Александра Чеботаревская в письме к Вячеславу Иванову от 21 января 1913 г. – Как в былые времена считалось почетным для молодого считать себя чьим-нибудь учеником (ну, хоть Брюсова, Бальмонта), так теперь считается почетным быть

врагом старших, не признавать никого, кроме себя»¹⁵. А шурин Александры Чеботаревской Федор Сологуб обратил к акмеистам финальную строфу своего лютого стихотворения «Продукты сельского хозяйства...», опубликованного лишь в конце 1990-х годов.

Дерзайте ж юные поэты,
И вместо древних роз и грез
Вы опишите нам секреты
Всех ваших пакостных желез!¹⁶

«Одни заглавия антиакмеистических статей могут дать представление об общем тоне полемики, – итожила Ахматова в 1963 г. – (“Замерзающий Парнас”, “У ног африканского идола”, “Без божества, без вдохновенья” и т. п.). Брюсов в влиятельной “Русской мысли” назвал Н<иколая> С<тепановича> – “господин Гумилев”, что на тогдашнем языке означало некто, находящийся вне литературы»¹⁷.

Однако, перечитав многое из того, что писалось о «Цехе поэтов» и акмеизме в начале 1910-х годов, приходится признать, что поздняя Ахматова, стремившаяся представить акмеистов чуть ли не ритуальными жертвами модернистской и реалистической критики, сильно сгустила краски.

Во-первых, целым рядом газетных и журнальных обозревателей, писавших об акмеизме и «Цехе поэтов», двигала вовсе не злоба, а искреннее желание разобраться, что же все-таки на самом деле объединило этих молодых и очень мало известных широкой публике поэтов. О том, что, кроме Гумилева и Городецкого, никто из акмеистов не был толком знаком читателям, в том числе и профессиональным, красноречиво свидетельствует путаница в инициалах и другие фактические ошибки, которые допускали критики, рассуждая об участниках группы. Так, в статье тогдашнего умеренного футуриста Бориса Лавренева «Замерзающий Парнас» Михаил Зенкевич фигурирует как «В. Зенкевич»¹⁸, в заметке критика широких эстетических воззрений Михаила Цетлина как «Н. Зенкевич»¹⁹; марксист

Владимир Львов-Рогачевский называет автора «Камня» «С. Мандельштам<ом>»²⁰. А анонимный составитель литературной хроники журнала «На берегах Невы» и вовсе превратил Анну Ахматову... в мужчину: «Сергей Городецкий выступил на всероссийском литературном обществе в СПб. с докладом об акмеистах, как называют поэтов, прикнувших к “цеху поэтов”, как-то Нарбута, Гумилева, Ахматова [не «Ахматовой». – О. Л.], Мандельштама, Зенкевича, Городецкого и др.»²¹.

Во-вторых, разобравшись, многие критики готовы были признать, что участники «Цеха поэтов» и акмеисты талантливы. «Большинство сборников нового издательства – первые сборники, первая работа учеников на звание подмастерья. А между тем некоторые из них сделаны мастерски», – писал М. Цетлин²². «Было бы, однако, несправедливым не отметить, что среди “вершинников” есть талантливые поэты», – признавал и традиционалист Александр Редько в статье с тем самым «страшным» заглавием «У подножия африканского идола», на которое ссылается Ахматова²³. «Талантливы ли они? Да, постольку, поскольку они были таковыми и до акмеизма <...>, – делился впечатлениями от прочитанных акмеистических стихов молодой филолог, поклонник Вячеслава Иванова и Василия Розанова Аркадий Долинин (Искоз). – Городецкого и Гумилева мы уже давно знаем в литературе как хороших поэтов. А. Ахматова и М. Зенкевич тоже заявили себя как люди талантливые <...>. Вл. Нарбут и О. Мандельштам еще под сомнением, несмотря на то что отдельные образы им иногда удаются»²⁴. «Мы уверены, или по крайней мере надеемся, что и Н. Гумилев, и С. Городецкий, и А. Ахматова останутся и в будущем хорошими поэтами и будут писать хорошие стихи», – благодушествовал в своем фельетоне об акмеизме даже и Валерий Брюсов, как видим, вовсе не выводивший Гумилева за пределы «литературы»²⁵.

В-третьих, некоторые критики реалисты и марксисты вполне сочувственно отнеслись к акмеистам, увидев в них потенциальную пятую колонну русского модернизма. Именно поэтому счел для себя возможным защищать

акмеистические манифесты от Брюсова один из вождей марксистской критики Анатолий Луначарский: «Недавно в “Русской мысли”, в статье, посвященной так называемым акмеистам, В. Брюсов сверху вниз набросился на те определения символизма, которые дает ему группа молодых русских поэтов, теоретически, по крайней мере, старающихся сбросить с себя оковы пониженной жизненчувствительности и неопределенного, но вполне враждебного действительности мистицизма»²⁶. Поэтому же приветствовал образование «Цеха поэтов» социал-демократ Михаил Неведомский: «В Петербурге рядом с таким последним словом модернизма (гордо отрицающим все слова предыдущие), как кружок “футуристов” с его вычурами и молодым школьничеством, образовался и крепнет совсем иной по духу и всем своим аспирациям кружок молодых певцов, назвавший себя “Цехом поэтов”. Во главе его стоят С. Городецкий и Гумилев <...>. <Н>адо сказать, что именно возврат к действительности, к конкрету, к краскам и трепету жизни является основной нотой в настроении этих молодых стихотворцев»²⁷.

В лице Осипа Мандельштама и Ильи Эренбурга²⁸ акмеизм противопоставил символизму (в лице Константина Бальмонта) всегда старавшийся находиться над литературной схваткой Корней Чуковский: «Строй свою поэму, как башню, как часовню, как мост, будь не музыкантом, но каменщиком. У акмеистов Эренбурга и О. Мандельштама много таких каменных стихов <...>. Акмеистам не уйти от музыки, но эта их жажда “каменности”, “вечности” – несомненно плодотворна и нужна: ужасная участь музыканта-Бальмонта, который вот превратился в шарманку, должна быть мemento для многих»²⁹.

В пользу акмеизма против символизма высказался и критик «Нового журнала для всех» П. Пиш: «В акмеизме бесспорным, до сих пор, имеет одно – влюбленность в лик Прекрасной Дамы – Жизни, блага которой ставятся превыше всех других абстрактных ценностей. И что их сильно отличает от “демонизма” и “бунтарства” символистов, вышедших из черной тени Достоевского, это смелое

утверждение своего бессилия перед лицом Неведомого, за завесу которого всегда стремились заглянуть символисты»³⁰. Сходным пафосом окрашена инспирированная Владимиром Нарбутом³¹ статья плодовитого беллетриста Николая Сергиевского «Литературное обозрение», где акмеизм со знаком плюс противопоставляется «хулиганствующему» футуризму: «Конец сюсюкающим “рыцарям ослиного хвоста”, воспевающим “перину железной мысли проводов”, на которую “оперлись ноги легко встающих звезд”. Слава Богу, не за горами, по-видимому, новая или вернее старая здоровая, бодрая, вдохновляющая на все прекрасное поэзия»³². Похоже оценивал акмеистические манифесты в сопоставлении с декларациями футуристов (только на этот раз не «кубо-», а «эго-») критик-реалист, тайно сочувствовавший модернизму, Илья Игнатов: «Вообще в объяснениях гг. Гумилева и Городецкого все понятно и все интересно. Гораздо менее понятно то, что говорят о себе эго-футуристы»³³.

Справедливости ради нужно, впрочем, отметить, что сами акмеисты были от подобной защиты далеко не в восторге, поскольку они себя реалистическими «блудными сыновьями» отнюдь не чувствовали. После доклада Городецкого об акмеизме «один из оппонентов, г-н Неведомский, критик из марксистского лагеря, приветствовал акмеизм как тенденцию к неореализму и от души радовался отношению акмеистов к декадентам и символистам <...>, – злорадно рассказывал читателям эгофутурист Виктор Ховин. – Однако Зенкевич, как видно не привыкший к кружковой дисциплине, обиделся почему-то и с необычайной гордостью заявил врагам: “Мы декаденты”»³⁴.

Получается, таким образом, что, как и от всякой молодой силы, громко заявившей о себе, каждая литературная партия ждала от участников «Цеха поэтов» и акмеистов чего-то своего. Кто – нового; кто – хорошо забытого старого; а те, кому акмеисты себя противопоставили, естественно, не желали сдавать занятых позиций. Как и те, кто в любом «новом» привык видеть только манерничанье и желание перечить старшим.

Вернувшись, в заключение, к началу этой заметки зададимся следующим простым вопросом: зачем Александру Блоку и Анне Ахматовой ретроспективно понадобилось столь сильно корректировать реакцию критики 1910-х годов на дебют акмеистов? Ответом пусть послужат еще две цитаты. Первая относится к эпохе боевого дебюта акмеизма. Она извлечена нами из дневника Блока от 17 декабря 1912 г.: «Придется предпринять что-нибудь по поводу наглеющего акмеизма и адамизма»³⁵. Вторая цитата взята из записной книжки Ахматовой 1965 г., когда споры об акмеизме и его месте в истории литературы вновь обрели актуальность: «А еще что такое акмеизм? – Чувство ответственности, кот<орого> у символистов вовсе не было»³⁶.

¹ Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 177.

² Записные книжки Анны Ахматовой. 1958–1966. М.; Torino, 1996. С. 376.

³ Как прямое «упреждающее» возражение на процитированную реплику Блока смотрится эпитафия к шуточному стихотворению Георгия Фэйтнера «Неунывающие футуристы»: «Акмеизм – новое художественное направление, явившееся на смену символизму, стало источником споров литературной богемы» (см.: Фэйтнер Г. Неунывающие футуристы // На берегах Невы. Журнал начинающих писателей и молодого театра. 1913. № 7. <Апрель>. С. 11).

⁴ Брюсов В. Новые течения в русской поэзии. Акмеизм // Русская мысль. 1913. № 4. Апр. С. 134.

⁵ Ред. <Иванов-Разумник Р.В.> // Заветы. 1913. № 5. Май. С. 152–153.

⁶ Бурлюк Д., Крученых А., Лившиц Б., Маяковский В., Северянин И., Хлебников В. Идите к черту! // Рыкающий Парнас. Футуризм. Деятели книги. Стихи. <1914>. <СПб.> С. <2>.

⁷ Полянин А. <София Парнок>. В поисках пути искусства // Северные записки: Литературно-политический ежемесячник. 1913. № 5–6. Май–июнь. С. 227.

⁸ Как убивают поэзию: Несколько цитат Арк. Бухова // Синий журнал. 1912. 16 нояб. № 47. С. 7.

⁹ Голиков В.Г. Бесслезные глаза // Вестник знания. 1913. № 7. Июль. С. 684.

¹⁰ Шершеневич В. Футуризм без маски: Компилятивная интродукция. М., 1913. С. 40.

¹¹ Левин Д. наброски // Речь. 1913. № 33. С. 2.

¹² Чулков Г. Вчера и сегодня: Очерки. М., 1916. С. 104.

¹³ Садовской Б. Конец акмеизма // Современник: Журнал литературы, общественной жизни, политики, истории, науки и искусства. 1914. Авг. Кн. 13, 14 и 15. С. 233.

¹⁴ Блок в неизданной переписке и дневниках современников // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. С. 414.

¹⁵ Там же. С. 409–410.

¹⁶ Цит. по: Лавров А.В. Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 297.

¹⁷ Записные книжки Анны Ахматовой. 1958–1966. С. 376.

¹⁸ Б. С – вь <Лавренив Б.>. Замерзающий Парнас // Жатва. Кн. 4: <Осень>. М., 1913. С. 351.

¹⁹ Ам-и <Цетлин М.>. Заметки любителя стихов. О самых молодых поэтах // Заветы. 1912. № 1. Апр. С. 90.

²⁰ Львов-Рогачевский В. Символисты и наследники их // Современник. 1913. Кн. 7. С. 300.

²¹ На берегах Невы: Журнал начинающих писателей и молодого театра. 1913. № 4. <Февр.>. С. 5.

²² Ам-и <Цетлин М.>. Заметки любителя стихов. С. 88.

²³ Редько А.М. У подножия африканского идола // Русское богатство. 1913. № 7. Июль. С. 184.

²⁴ Долинин А. «Акмеизм» // Заветы. 1913. № 5. Май. С. 162.

²⁵ Брюсов В. Новые течения в русской поэзии: Акмеизм. С. 142.

²⁶ Луначарский А. Молодая французская поэзия // Современник. 1913. Кн. 8. Авг. С. 209.

²⁷ Неведомский М. Еще год молчания: Наша художественная литература в 1912 г. // За 7 дней. 1913. № 1. <Янв.>. С. 12.

²⁸ О взаимоотношениях И. Эренбурга с кругом первого «Цеха поэтов» см. в пионерской и до сих пор не утратившей своего значения работе: Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. № 7/8. С. 38–39.

²⁹ Чуковский К. Цветущий посох. (Заметки читателя.) // Журнал журналов: Еженед. нового типа. <1915>. № 1. С. 8.

³⁰ Пиш П. В борьбе за Землю // Новый журнал для всех. 1914. № 3. Март. С. 51.

³¹ Во всяком случае на эту статью Нарбут одобрительно ссылается в своей рецензии на «Лесные были» Николая Клюева: «В нем чувствуется перевал символизма – из тумана в ясный день – и, если Н. Клюев попристальнее взглянется в душу свою, он может стать акмеистом (см. “Литературное обозрение”. Март); Родная страна. 1913. № 6. Июнь. С. 264.

³² Н. С – ий <Сергиевский Н.>. Литературное обозрение // Родная страна. 1913. № 3. Март. С. 134. В приведенном отрывке Сергиевский неодобрительно цитирует строки из стихотворения Владимира Маяковского «Утро».

³³ Игнатов И. Литературные отклики. Новые поэты. «Акмеисты», «адамисты», «эго-футуристы» // Русские ведомости. 1913. № 78. 4 апр. С. 3.

³⁴ Ховин В. Модернизированный Адам // Небокопы. Эго-футуристы. 1913. Вып. 8. С. 13. Ср. с изложением выступления Зенкевича на вечере акмеистов во Всероссийском литературном обществе 25 апреля 1914 г. в газетном репортаже: «Талантливый Мих. Зенкевич выступил с декларацией культурных прав акмеизма. Если хотите, назовите акмеиста неореалистом. Такое название для него почетнее названия символиста или романтика. Но этот “неореализм акмеизма” не имеет ничего общего ни с обывательским реализмом, ни с подновленным академизмом парнасцев. Представить явление во время его наибольшего напряжения изнутри, наибольшей готовности ко взрыву, а снаружи подвергнуть его давлению, во много раз превышающему давление воздушного столба над землей, – вот задача для акмеиста, и такой идеал наиболее соответствует современной культуре. Атлантами этой новой мировой культуры будут великие страны Азии и одна из первых наша Россия» (День. 1914. 27 апр.).

³⁵ Блок А.А. Собр. соч.: Т. 7. 1963. С. 193.

³⁶ Записные книжки Анны Ахматовой. 1958–1966. С. 650.

«Пусть они теперь слушают...»
О статье Ал. Блока «“Без божества, без вдохновенья”»
(Цех акмеистов)»

В автобиографии, датированной 1958 г., бывший вождь акмеистов Сергей Городецкий привычно кается, варьируя текст печально известного доклада Жданова: «...действительность мы видели на поверхности жизни, в любовании мертвыми вещами и на деле оказались лишь привеском к символизму и были столь же далеки от живой жизни, от народа. Я хотел привлечь и Блока в наш кружок, но он ответил убийственной статьей “Без божества, без вдохновенья”»¹. Кажется очевидным, что Городецкий, с чуткостью барометра реагиовавший на малейшие колебания литературной политики коммунистической партии, совершенно сознательно передернул здесь простейшие факты. Он и в самом деле приглашал Блока в «Цех поэтов», но было это в октябре 1911 г., т. е. почти за десять лет до апреля 1921 г., когда Блок якобы ответил ему статьей «“Без божества, без вдохновенья” (Цех акмеистов)». Но вот и верный ученик Гумилева эмигрант Николай Оцуп, которому никакого дела не было до того, что блоковская руга-

Впервые опубликовано: Новое литературное обозрение. 2007. № 87. С. 214–227. Приносим глубокую благодарность И.Е. Усок и Р.Д. Тименчику за ценные дополнения к первоначальному варианту этой работы.

тельная статья в конце 1950 – начале 1960-х годов наряду с постановлением 1946 г. приобрела в Советском Союзе едва ли не официальный статус главного развернутого критического очерка об акмеизме², в 1961 г. признает, пусть и частично, «правоту» Блока: «Есть доля правды в словах Блока, будто поэтическая школа Гумилева (акмеизм) была “привозной заграничной штучкой” (смотри несправедливую и все же прекрасную статью Блока “Без божества, без вдохновенья – о “Цехе акмеистов”). Доля правды потому, что русскому писателю, конечно, не свойственна ни в какой мере поза Леконт де Лиля, свысока озирающего дальние страны и минувшие времена с большей охотой, чем свою родину, свою эпоху»³.

А вот весьма далекий от акмеистов Владислав Ходасевич в мемуарах о Блоке и Гумилеве признается, что ему статья «“Без божества, без вдохновенья” (Цех акмеистов)» «кажется очень вялой и туманной, как и многие статьи Блока»⁴.

Какая «доля правды» содержалась (если и содержалась) в блоковской статье? Была она «убийственной» или «очень вялой и туманной»? Ответить на эти и некоторые другие важные вопросы можно, только поместив «“Без божества, без вдохновенья” (Цех акмеистов)» в историко-литературный контекст. Иными словами, необходимо, во-первых, выявить основную идею статьи Блока, во-вторых, проверить на прочность блоковскую аргументацию и, в-третьих, установить главные причины, спровоцировавшие поэта весной 1921 г. войти с Гумилевым и его учениками в жесткую конфронтацию.

1

Основную идею статьи «“Без божества, без вдохновенья” (Цех акмеистов)» Оцуп уловил совершенно верно: Блок действительно и во что бы то ни стало хотел представить акмеизм «привозной “заграничной штучкой”» (181)⁵, а акмеистов «знатными иностранцами, цеховыми и гильдейскими» (184). Решению этой задачи подчинено в бло-

ковской статье все. От обидного кулинарного сравнения «мы привыкли к окрошке, ботвинье и блинам, и французская травка с уксусом в виде отдельного блюда может понравиться лишь гурманам. Так и “чистая поэзия” лишь на минуту возбуждает интерес и споры среди “специалистов» (176), – до многозначительной цитаты из пафосного стихотворения Пушкина «Клеветникам России», лоб в лоб сталкивающей отечественных символистов с Гумилевым: «...шел обычный русский “спор славян между собою” – “вопрос неразрешимый” для Гумилева» (178)⁶. Презрительное уподобление Николая Гумилева иностранцу красной нитью проведено через всю статью Блока. «Н. Гумилев пренебрег всем тем, что для русского дважды два – четыре» (177); «...в краткой, но достаточно сухой и скучной статье Гумилева среди каких-то сентенций и парадоксов вовсе не русского типа...» (179); «В стихах самого Гумилева было что-то холодное и иностранное, что мешало его слушать»... (181)⁷.

Как резюме ко всем приведенным цитатам смотрится блоковская реплика в его споре с Гумилевым, приводимая в мемуарах Корнея Чуковского: «Гумилев со своим обычным бесстрашием напал на символизм <...>. Блок однотонно отвечал... то, что вы говорите, для меня не русское. Это можно очень хорошо сказать по-французски. Вы – литератор и притом французский»⁸.

В своих нападках на акмеизм и на Гумилева Блок не был слишком оригинален. Более того, некоторые фрагменты его текста почти дословно совпадают с соответствующими отрывками из статьи С. Дмитриевича «Бессилие современной критики», опубликованной еще в 1913 г. «Совсем не русский по духу, – писал тогда Дмитриевич, – чуждый мук, воплей и страданий, Гумилев не критикует, а резонерствует, не бранится, а морщится, не хвалит, а похлопывает по плечу»⁹. Сравним у Блока: «...он принял Москву и Петербург за Париж, совершенно и мгновенно в этом тождестве убедился и начал громко и развязно, полусветским, полупрофессорским языком разговаривать с застенчивыми русскими литераторами о их “формальных достижениях”,

как принято теперь выражаться; кое за что он поощрял и *похлопывал их по плечу* (курсив мой. – О. Л.), но больше порицал» (177)¹⁰. Сходно с Дмитриевичем и Блоком о Гумилеве уже в советскую эпоху, если верить Всеволоду Рождественскому, высказался Максим Горький: «...не русский он писатель. Настоящий француз в манжетах. Описывает всякие убийства и страсти, упивается римским кровопролитием, а сам вот такой ширины крахмальные воротнички носит»¹¹. Впрочем, у нас нет никакой уверенности в том, что Рождественский, опубликовавший свои мемуары в 1959 г., намеренно не вложил в уста Горького реплику, отчетливо перекликавшуюся с идеологически выдержанной (как казалось в ту пору) статьей Блока.

Внутреннее напряжение вполне банальным высказываниям Блока об акмеизме придает то, что они базируются на ключевой для позднего и не только позднего творчества поэта оппозиции *арийского* и *романского* искусства и мировоззрения. Так, незадолго до начала работы над статьей «“Без божества, без вдохновенья”» в заметке «О иудаизме у Гейне (По поводу доклада А.Л. Волынского)» (1919 – январь 1921) Блок защищал от посягательств инородцев «гигантск<ую> и чисто арийск<ую> основ<у> христианства»¹², а в дневниковой записи от 11 января 1918 г. обвинил в отсутствии арийского духа Англию, Германию и, что особенно важно для нас, – Францию: «Тычь, тычь в карту, рвань немецкая, подлый буржуй. Артачься, Англия и Франция. Мы свою историческую миссию выполним.

Если вы хоть “демократическим миром” не смоете позор вашего военного патриотизма, если нашу революцию погубите, значит, вы уже *не арийцы больше*»¹³.

Не углубляясь здесь в сложную и очень интересную историю использования слова «арийцы» в символистской среде¹⁴, отметим только, что оно активно эксплуатировалось уже Достоевским, в частности, в его программном очерке о Пушкине, который Блок внимательно перечитывал при подготовке к произнесению речи «О назначении поэта» в феврале 1921 г.: «Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги,

как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей»¹⁵.

В статье «“Без божества, без вдохновенья”» за арийское искусство и мировоззрение предстательствовал символизм, главный, по Блоку, участник «родимых “бурь и натисков”» (181)¹⁶. За романское искусство и мироощущение был назначен отдуваться акмеизм.

2

Рассмотрим теперь аргументы, которыми оперировал Блок, обосновывая центральную идею статьи «“Без божества, без вдохновенья” (Цех акмеистов)». Начнем с примера, выбранного почти наудачу. В первой главке еще до того, как обрушиться на акмеизм, Блок подробно рассуждает об отношении прежних прозаиков к поэзии и прежних поэтов к прозе: «...прозаик, свысока относящийся к поэзии, мало в ней смыслящий и считающий ее “игрушкой” и “роскошью” (шестидесятническая закваска), мог бы владеть прозой лучше, чем он владеет, и обратно: поэт, относящийся свысока к “презренной прозе”, как-то теряет под собой почву, мертвеет и говорит не полным голосом, даже обладая талантом. Наши прозаики – Толстой, Достоевский – не относились свысока к поэзии; наши поэты – Тютчев, Фет – не относились свысока к прозе» (175).

Разумеется, Блок не мог не понимать, что в отношении Льва Толстого он лукавит. Современникам было хорошо известно о нескрываемом пренебрежении автора «Войны и мира» к поэзии, о чем рассказано, например, в дневниковой записи толстовца М. Сухотина от 13 апреля 1908 г.: «Вышел в халате, горячо поговорил о поэзии, признавая эту отрасль литературы самой низкой, так как великий дар – слово – дан человеку для духовного общения, а поэт мысль калечит, втискивая ее в тесные формы ритма и рифмы»¹⁷. Однако для Блока в данном случае оказалось важнее не строго следовать фактам, а противопоставить якобы

ценившего поэзию прозаика Льва Толстого нетерпимому к прозе поэту Николаю Гумилеву. Лидер акмеистов, как известно, считал прозу «чем-то низшим в отношении поэзии, – так сказать, недоделанной поэзией» (из мемуаров Николая Чуковского)¹⁸ и в присущей ему категоричной манере ответил на один из вопросов анкеты К.И. Чуковского о Николае Некрасове: «Прозаик не судья поэту»¹⁹. Сравним в статье Блока: «Сопоставляя старые и новые суждения Гумилева о поэзии, мы можем сделать такой вывод: поэт гораздо лучше прозаика» (183).

Заочный ответ акмеистов Блоку прозвучал спустя год после написания им статьи «“Без божества, без вдохновенья”» в заметке Осипа Мандельштама с характерно гумилевским заглавием «Письмо о русской поэзии» (1922). Здесь к художественным открытиям Толстого, Достоевского и других великих прозаиков XIX столетия возводятся достижения лучшей акмеистической поэтессы: «Ахматова принесла в русскую лирику всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа девятнадцатого века. Не было бы Ахматовой, не будь Толстого с “Анной Карениной”, Тургенева с “Дворянским гнездом”, всего Достоевского и отчасти даже Лескова. Генезис Ахматовой весь лежит в русской прозе, а не поэзии. Свою поэтическую форму, острую и своеобразную, она развивала с оглядкой на психологическую прозу»²⁰.

Возвращаясь к блоковскому искажению реальных фактов в случае с Львом Толстым – «любителем поэзии», отметим, что сходным образом выстроена едва ли не вся аргументация этой обличительной статьи. Исторической правдой и доказательностью автор с легкостью жертвовал ради большей эффектности и убедительности.

К намеренной передержке Блок прибегнул уже в подзаголовке к названию своей статьи: «Цех поэтов» и «акмеизм» он склеил в никогда не существовавший гибрид – «цех акмеистов». Между тем в «Цехе поэтов», созданном Гумилевым и Городецким осенью 1911 г., никогда «не ставился знак равенства между принадлежностью к нему и к акмеистической школе»²¹. В «Цех поэтов», – и Блоку

это было хорошо известно, – входили стихотворцы, относившие себя к самым разным поэтическим направлениям. «Всем пишущим об акмеизме, – 28 марта 1913 г. информировал Гумилев Брюсова, – необходимо знать, что “Цех поэтов” стоит совершенно отдельно от акмеизма»²².

Используя изобретенную им самим формулу «цех акмеистов», Блок стремился обнажить «ремесленническую» и опять же «инострannую» суть ненавистной ему литературной группировки. Укажем на похожее обыгрывание слова «цех» в «Рояле Леандра» Игоря Северянина: «Уж возникает “Цех поэтов” / (Куда бездари как не в “цех”!)». Приведем также отрывок из открытого письма редакции журнала «Светлый луч» акмеисту Владимиру Нарбуту: «...Не будьте подпевалой, вернее, подмастерьем <ни> в каком “цехе поэтов”. Неужели ваше художественное чутье не страдает от такого названия?»²³.

А вот еще несколько выразительных цитат: «До сих пор мы знали цехи часовщиков, портных, сапожников и т. д., которыми ведают ремесленные управы, – иронизировал в газетной заметке писатель-сатирик Исидор Гуревич. – Поэты же, как вообще жрецы искусства, имели отношение единственно к храмам, именуемым академиями. Ведь понятия храм и жрец – синонимы. Но вот часть наших молодых поэтов скинула с себя неожиданно греческие тоги... отвернулась от своих храмов и взглянула в сторону ремесленной управы, образовав свой цех – цех поэтов <...>. Не может быть, чтобы все эти Ахматовы, Зенкевичи, Бестужевы и т. д. настолько скромные существа, что по скромности своей не дерзают называть себя жрецами искусства, а предпочитают являться перед публикой в качестве ремесленников»²⁴; «Явилась марка мастерской: “Цех поэтов”, – вторил И. Гуревичу эпигон символистов Александр Рославлев. – Цех – это очень характерно. Цех сапожников – и цех поэтов. <...> Цех выпускает их книги старательные, но без аромата, без проблесков индивидуальности»²⁵; «А впрочем, почему бы основателям “цеха поэтов” и не организовать “цеха пророков”?» – саркастически вопрошала в своей заметке об акмеизме София Парнок²⁶.

Значительная доля неправды содержится и в блоковском описании реакции критики на опубликование акмеистами своих манифестов в начале 1913 г. (вторая глава «“Без божества, без вдохновенья”»). Об этом подробно написано в предыдущей заметке, вошедшей в нашу книгу. «Чего только не вытерпел акмеизм за первый год своей жизни!» – с полным на то основанием сетовал Городецкий в предисловии к книге стихов «Цветущий посох»²⁷ (1914).

Предположить, что Блока могла просто подвести память, значило бы сделать ошибку: ведь, судя по всему, к написанию своей последней статьи он готовился достаточно тщательно. К примеру, одну из нужных ему цитат Блок взял из далеко не самого тривиального источника – из рецензии Гумилева на книгу стихов С. Городецкого «Ива», напечатанной в малотиражном акмеистическом журнале «Гиперборей». «Скоро, однако, – иронизирует Блок в «“Без божества, без вдохновенья”», – кто-то из акмеистов, кажется, сам Гумилев, заметил, что никто ему не ставит преград, и написал в скобках, в виде пояснения к слову “акмеизм”: “полный расцвет физических и духовных сил”» (179–180). Сравним в отклике Гумилева на «Иву»: «Читая его стихи, невольно думаешь ... о том расцвете всех духовных и физических сил, который за последнее время начинают обозначать словом “акмеизм”»²⁸. Отметим, впрочем, что в том же номере «Гиперборея», где появилась эта гумилевская рецензия, была опубликована поэтическая «переписка» самого Блока с Владимиром Гиппиусом – стихотворение Гиппиуса «Ал. Блоку» и блоковский «Ответ». Так что журнал № 2 за 1912 г. точно был в поле зрения Блока, тем более что ему высылались все его номера.

Откровенной натяжкой отзывается саркастическая реплика Блока, констатирующая, что гумилевское определение акмеизма из его рецензии на «Иву» Городецкого «отстало от духа нового времени, опередив лишь прежних наивных писателей, которые самоопределились по миро-созерцаниям (славянофилы, западники, реалисты, *символисты*); *никому из них в голову не приходило говорить о своей гениальности* и о своих физических силах; послед-

ние считались “частным делом” каждого, а о *гениальности и одухотворенности предоставлялось судить другим*» (180) (курсив мой. – О. Л.). Оставляя за скобками вопрос о славянофилах, западниках и реалистах, заметим, что эпатажное самовосхваление отечественных футуристов (в гораздо меньшей степени присущее акмеистам) есть следствие прилежного усвоения уроков ранних русских символистов, в первую очередь Валерия Брюсова и Константина Бальмонта. За явной очевидностью этого тезиса приведем только один пример, его иллюстрирующий, – начальные строки программного стихотворения Бальмонта 1901 г.: «Я – изысканность русской медлительной речи, / Предо мною другие поэты – предтечи, / Я впервые открыл в этой речи уклоны, / Перепевные, гневные, нежные звоны».

Сложнее определить, насколько Блок хитрил, когда в финале второй главки своей статьи признавался, что он не знает, считала ли сама себя акмеисткой Анна Ахматова (180). С одной стороны, трудно предположить, что автор «“Без божества, без вдохновенья”» не заглядывал, например, в журнальные подборки акмеистических стихов, где имя Ахматовой соседствует с именами остальных пяти акмеистов. Это, разумеется, не могло быть сделано без согласия поэтессы²⁹. С другой стороны, представляется вполне возможным, что Ахматова, встречаясь с Блоком в начале 1910-х годов, не без кокетства отзывалась об акмеизме и акмеистах приблизительно так, как и в своей тогдашней беседе с Сергеем Троицким. «Помню, – пишет он, – ее слова об акмеистах (передаю точно): “Я собственно ничего не думаю об этих теориях и на собраниях молчу, но меня сажают торжественно и считают видной представительницей”»³⁰.

Завершая разговор о тактике, которой придерживался Блок, подкрепляя аргументами основную идею своей статьи, обратим внимание на один из финальных фрагментов ее третьей, заключительной, главки. Здесь Блок противопоставил упомянутых в «“Без божества, без вдохновенья”» акмеистов... неупомянутым и, кажется, сам не заметил этого. «Если бы они все развязали себе руки, стали хоть на минуту корявыми, неотесанными, даже уродливыми, –

сетовал он, – и оттого больше похожими на свою родную, искалеченную, сожженную смутой, развороченную разрухой страну! Да нет, не захотят и не сумеют» (183–184). А далее и следует сакраментальное: «...они хотят быть значными иностранцами...» (184). Но ведь как раз к поэзии двух акмеистов левого крыла, Михаила Зенкевича и Владимира Нарбута, современная им критика прикладывала те самые эпитеты, которыми Блок наделил творчество акмеистов гипотетических, «развязавших себе руки». «Если художник видит только аляповатое, *уродливое* (курсив мой. – О. Л.), с непомерно развитой животностью, неужели он имеет “мужественно-твердый и ясный взгляд на жизнь”?» – вопрошал И. Игнатов, возмущаясь акмеистической книгой стихов Нарбута «Аллилуйя»³¹ (1912). А Городецкий в том номере «Гиперборея», который, как мы только что убедились, Блок внимательно читал, отзывался о книге Нарбута так: «В *корявых* (курсив мой. – О. Л.), но мощных образах заключается истинное противоядие против того вида эстетизма, который служит лишь прикрытием поэтического бессилия»³².

3

Переходя к перечислению главных поводов и причин, спровоцировавших Блока написать свою последнюю статью, попробуем представить здесь сверхкраткий очерк взаимоотношений Александра Блока с акмеистами.

Как мы помним, осенью 1911 г. Блок был приглашен Городецким участвовать в «Цехе поэтов». Он присутствовал на первом заседании этого объединения, о чем оставил благожелательную запись в своем дневнике от 20 октября 1911 г.³³ Однако претензии акмеизма на роль наследника символизма и существенную корректировку символистской теории и поэтики были восприняты Блоком сначала с пренебрежением, а затем – со стабильно возрастающим раздражением. 21 ноября 1912 г. он внес в дневник следующую запись: «Весь день просидел Городецкий и слушал очень внимательно все, что я говорил ему о его стихах,

о Гумилеве, о цехе, о тысяче мелочей. А я говорил откровенно бранясь и не принимая всерьез то, что ему кажется серьезным и важным делом»³⁴. Уже цитировавшаяся нами запись от 17 декабря 1912 г. окрашена еще более негативно: «Придется предпринять что-нибудь по поводу наглежащего акмеизма и адамизма»³⁵. Эта запись, вероятно, не в последнюю очередь была спровоцирована фельетоном Бориса Садовского «Аполлон-сапожник», напечатанным в «Русской молве» в этот день. Наконец, 12 января 1913 г. под впечатлением от телефонного разговора с Ал. Н. Чеботаревской, которая информировала поэта об устных нападках акмеистов на символизм, Блок записал в дневнике: «Ненависть к акмеистам»³⁶. По-видимому, только начавшаяся Первая мировая война и временное угасание публичной активности акмеистов отвлекли Блока от замысла предпринять что-нибудь по поводу враждебного младшего течения. С предложением выступить со статьей, отвечающей на критику акмеистами символизма, редактор газеты «Русская молва» Л. Гуревич обратилась к Блоку еще в письме от 3 февраля 1913 г.: «В “Р<усской> молве” должен вскоре появиться фельетон С. Городецкого на ту же тему, что в только что вышедшей книжке “Аполлона”, т. е. об акмеизме <...>. Вы поймете поэтому мое горячее желанье, чтобы Вы, выждав фельетон Городецкого (который, впрочем, не доставлен еще в редакцию), написали ответную статью на него. Прошу Вас об этом заранее, чтобы, читая фельетон, когда он появится, Вы сразу настроили себя на ответ в печати»³⁷. Статья Городецкого для «Русской молвы» не была написана, соответственно выступление Блока в газете тоже не состоялось. Но нужные источники, надо думать, были им внимательно просмотрены и, возможно, даже расписаны, так что собирание материалов для блоковской антиакмеистической статьи началось задолго до 1921 г.

Конфликт между Блоком, с одной стороны, и Гумилевым и его учениками – с другой, возобновился и усилился после создания летом 1920 г. петроградского отделения Союза поэтов, председателем которого был избран Блок, а также оживления в 1920 г. деятельности «Цеха поэтов».

О «миролюбивом развивающемся акмеизме» Гумилев в октябре 1920 г. писал Брюсову³⁸. Судя по воспоминаниям Ходасевича, Блок ответил отказом на предложение вступить в третий «Цех поэтов»³⁹. Стремление Гумилева занять лидирующие позиции в Союзе поэтов привело к тому, что 5 октября 1920 г. Блок заявил о своей отставке с поста председателя президиума. Однако явившаяся к нему 13 октября делегация поэтов во главе с Гумилевым уговорила автора «Двенадцати» остаться⁴⁰. Надежда Павлович свидетельствовала, что в тогдашнем разговоре со своими оппонентами Блок впервые воспользовался формулой «Без божества, без вдохновенья»⁴¹.

22 октября 1920 г. Блок внес в дневник запись о вечере, состоявшемся в клубе поэтов накануне, 21 октября, под эгидой Союза поэтов: «Верховодит Гумилев – довольно интересно и искусно. Акмеисты, чувствуется, в некотором заговоре, у них особое друг с другом обращение. Все под Гумилевым»⁴². Неудивительно, что сложившееся положение вещей не могло устроить Блока, тем более что увеличивающееся влияние Гумилева на литературную молодежь Блок считал духовно и поэтически пагубным⁴³.

В ретроспективном описании своей жизни за последние несколько месяцев, сделанном 25 мая 1921 г., Блок зафиксировал еще одно важное событие: «В феврале меня выгнали из Союза поэтов и выбрали председателем Гумилева»⁴⁴ – речь идет о лишении Блока поста председателя президиума Союза поэтов. Сравним в воспоминаниях Ходасевича: «Однажды ночью пришел ко мне Мандельштам и сообщил, что “блоковское” правление час тому назад свергнуто и заменено другим, в состав которого вошли исключительно члены “Цеха”»⁴⁵. Дабы не выглядеть априорными сторонниками акмеистов в их противостоянии с Блоком, особо подчеркнем, что в данном случае участники третьего «Цеха» выбрали далеко не самый этически безупречный способ для стратегической борьбы с автором «Двенадцати» и «Скифов».

22 февраля 1921 г. Блоку был вручен авторский экземпляр первого выпуска альманаха «Дракон», рецен-

зией на который формально и стала его статья «“Без божества, без вдохновенья” (Цех акмеистов)»⁴⁶. «Вчера Саша принес “Дракона”, издание цеха поэтов, – 23 февраля сообщила мать поэта, А. Кублицкая-Блок-Бекетова, К.И. Чуковскому. – Я прочла все эти стихи и поразились их убожеством, сочиненностью, вычурностью, холодностью, ветхостью <...>. Мне все это представляется поэзией вырождения: писано зря, парочито не из органической потребности и совсем не потому, что есть что сказать, а чтобы называться поэтом <...>. Как поражает Маяковский крупностью – рядом с этими выродившимися»⁴⁷.

Владимир Маяковский (незадолго до этого с триумфом читавший свои стихи в Петрограде) не только прямо противопоставлен матерью Блока авторам «Дракона», но и исподволь процитирован: его строка «Как вы смеее называться поэтом...» из «Облака в штанах» используется для нелицеприятной оценки стихов участников альманаха.

Противопоставление футуризма со знаком плюс акмеизму со знаком минус ясно чувствуется и в статье Блока. По Блоку, футуризм «отразил в своем туманном зеркале своеобразный веселый ужас, который сидит в русской душе и о котором многие “прозорливые” и очень умные люди не догадывались. В этом отношении русский футуризм бесконечно значительнее, глубже, органичнее, жизненнее, чем “акмеизм”»⁴⁸ (181). Не означает ли это, что акмеисты в гораздо большей степени посягнули на пересмотр заветных для младших символистов «заповедей», чем кубофутуристы, стремившиеся не столько ревизовать их, сколько поскорее воплотить в жизнь? И не будет ли правильным в этой перспективе назвать Маяковского символистом-экстремистом?

Сходным образом вспоминала о впечатлении, которое первый выпуск «Дракона» произвел на тогдашнее ближайшее окружение Блока, Е.Ф. Книпович в письме к П.Н. Зайцеву от 18 марта 1924 г.: «В это время вышел альманах “Дракон”, изданный Цехом поэтов. Акмеистический декорум его, отрыв не только от современности, но и от жизни очень возмутил всех нас: Ал<ександра> Андреевна

Кублицкая (мать А.А. Блока) и я, отчасти, сам Александр Александрович подбивали К.И. Чуковского как прекрасного полемиста выступить против них. Но Чуковский уверил, что “не талантлив” и не может, и предложил Ал<ександру> Ал<ександровичу> написать самому статью об акмеистах для второго номера журнала “Дом Искусств”. Надо сказать, что в это время Ал<ександр> Ал<ександрович> встречался с Гумилевым во “Всемирной литературе” и вел с ним нескончаемые споры, стараясь если не принять, то понять, найти что-нибудь живое и подлинное в *credo* акмеизма. Это не удалось, и тогда он согласился на предложение Чуковского и написал статью, которой несвойственное ему в последние годы полемическое заострение он объяснил тем, что “я десять лет слушал и старался, чтобы мне что-нибудь понравилось, и больше не хочу, пусть они теперь слушают”»⁴⁹.

Бряд ли Книпович была права, когда писала о несвойственном Блоку в последние годы полемическом заострении своих идей. Ведь даже самый беглый обзор блоковской пореволюционной критической прозы показывает, что в этот период он явно тяготел к жанру нравоучительного фельетона. С многозначительными риторическими вопросами и гротескными преувеличениями⁵⁰; с едкими и далеко не всегда справедливыми характеристиками и переходами на личности; с заменой реальных людей обобщенными сатирическими типами (и с обязательной моралью в конце, которая в фельетоне «“Без божества, без вдохновенья”» сформулирована так: «...Н. Гумилев и некоторые другие “акмеисты”, несомненно даровитые, топят самих себя в холодном болоте бездушных теорий и всяческого формализма; они спят непробудным сном без сновидений; они не имеют и не желают иметь тени представления о русской жизни и о жизни мира вообще; в своей поэзии (а следовательно, и в себе самих) они замалчивают самое главное, единственно ценное: *душу*» (183).

Отдельного комментария заслуживает в процитированном фрагменте слово «формализм». Возможно, в финале фельетона Блока сказалось его несогласие и со сторон-

никами так называемого формального метода в литературоведении. Приведем мемуарное свидетельство из записной книжки Л.Я. Гинзбург: «В 20-м, кажется, году Блок присутствовал ... на каком-то заседании опоязовского толка. Говорили о стихах. Блок, по-видимому, чувствовал, что от него ждут отзыва, и поэтому сказал: “Все, что вы здесь говорили, – интересно и, вероятно, правильно, но я думаю, что поэту вредно об этом знать”»⁵¹. В печати широкое обсуждение деятельности формалистов и самого термина «формальный метод» началось в конце 1921 г. Первой ласточкой стала статья М.С. Шагинян «Формальная эстетика»⁵².

По предположению Р.Д. Тименчика, в корректурном экземпляре «Литературной газеты», где в итоге был напечатан фельетон Блока⁵³, с ним мог ознакомиться Гумилев. «По-видимому, со слов петроградского окружения Гумилева, – пишет исследователь, – К.В. Мочульский сообщал: “Перед самой своей смертью руководитель Цеха задумывал большую статью ‘О душе’ в ответ на неуместные упреки критики в холодности и бездушии нового направления” (Последние новости. Париж. 1922. 2 декабря). Доклад Гумилева “Душа поэзии” числился как состоявшийся в хронике петроградского Дома ученых (Наука и ее работники. 1921. № 2. С. 7)»⁵⁴.

К тексту гумилевского доклада отсылает читателя в серии очерков «Петербургские зимы» Георгий Иванов, один из тех младших акмеистов, к которым был обращен страстный блоковский призыв не замалчивать свою душу. Но при этом Иванов, по обыкновению, путает все, что только можно. «Последняя статья, написанная Блоком, “О душе”, появившаяся незадолго до его смерти, – сообщает мемуарист, – резкий выпад против Гумилева, его поэтики и мировоззрения. Ответ Гумилева на эту статью, по-гумилевски сдержанный и корректный, но по существу не менее резкий, напечатан был уже после его расстрела»⁵⁵. Учитывая, что статья Блока «Душа писателя» датируется 1909 г., можно, почти не рискуя ошибиться, предполо-

жить, что Иванов в процитированном фрагменте своих воспоминаний присвоил фельетону Блока «“Без божества, без вдохновенья”» заглавие устного доклада Гумилева, который к тому же ни до, ни после его расстрела напечатан не был.

Именно этот доклад, по-видимому, имела в виду и Ахматова, когда в разговоре с П.Н. Лукницким упрекнула Гумилева «в отсутствии чуткости, позволившем ему вступить в полемику с задыхающимся, больным и желчным Блоком»⁵⁶. Важно отметить, что ахматовский упрек не лишен серьезных оснований. Тем, кто пишет о последнем этапе конфликта Александра Блока с Гумилевым и акмеистами, не мешало бы все время держать в голове, что старший поэт в этот период был поражен тяжелейшей болезнью, исподволь точившей его сознание и чувства.

Тем не менее, отвечая на вопросы, сформулированные в начале нашей статьи, следует признать, что доля правды в фельетоне Блока содержалась очень небольшая, а вот доля туманности и не подкрепленных доказательствами инвектив в адрес акмеистов заметно превышала любую допустимую норму. Следовательно, «“Без божества, без вдохновенья”» не может претендовать на роль объективного аналитического очерка об акмеизме, при том что блоковский фельетон, во-первых, является важным звеном в цепи «арийских» текстов автора «Скифов»⁵⁷ и, во-вторых, выразительно завершает собой непростую историю взаимоотношений Блока с Николаем Гумилевым и стихотворцами его круга.

¹ *Городецкий С.М.* Жизнь неукротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 1984. С. 12.

² Этот статус был надолго (казалось, что навсегда) закреплен за статьей Блока после ее перепечатки в 1962 г. в составе шестого тома собрания сочинений поэта. Так, «“Без божества без вдохновенья” (Цех акмеистов)» открывает список литературы к статье А.Д. Синявского «Акмеизм», опубликованной в издании: Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1. С. 118–119. За-

вершается этот список книгой А.А. Волкова «Очерки русской литературы конца XIX и начала XX века» (2-е изд., М., 1955), в части об акмеизме целиком опирающейся на текст доклада Жданова.

³ *Оцун Н.А.* Современники. Париж, 1961. С. 27.

⁴ *Ходасевич В.Ф.* Гумилев и Блок // *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 89.

⁵ Здесь и далее статья Блока цитируется по: *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6 с указанием в скобках номера страницы.

⁶ В формуле «вопрос неразрешимый» Блок сконтаминировал два фрагмента акмеистического манифеста Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» (1912–1913): «Однако, чтобы это течение утвердило себя во всей полноте и явилось достойным преемником предшествующего, надо, чтобы оно приняло его наследство и ответило на все поставленные им вопросы»; «Германский символизм в лице своих родоначальников Ницше и Ибсена выдвигал вопрос о роли человека в мироздании, индивидуума в обществе и разрешал его» (*Гумилев Н.С.* Наследие символизма и акмеизм // *Аполлон.* 1913. № 1. С. 42).

⁷ Краткий, но содержательный комментарий к этому фрагменту блоковской статьи см.: *Helman B.* An aggressive imperialist?; The controversy over Nikolaj Gumilev's war poetry // *Nikolaj Gumilev. 1886–1986: Papers from The Gumilev Centenary Symposium.* Berkeley, 1987. P. 135–136.

⁸ *Чуковский К.И.* Александр Блок как поэт и человек. Пг., 1924. С. 45.

⁹ *Дмитриевич С.* Бессилие современной критики // *Хмель.* 1913. № 7–9. С. 35.

¹⁰ В приведенном фрагменте, вероятно, отразились блоковские впечатления от устных докладов и лекций Гумилева. Ср., например, в мемуарах И. Одоевцевой: «Гумилев говорит торжественно, плавно и безапелляционно» (*Одоевцева И.В.* Избранное. Стихотворения. На берегах Невы. На берегах Сены. М., 1998. С. 203). За снисходительность по отношению к предшественникам Гумилева упрекали и его соратники, акмеисты. «Иванова Вячеслава» Гумилев даже – по головке погладил, – 7 июня 1913 г. писал Владимир Нарбут Михаилу Зенкевичу. – Совсем, как большой, как папа, сознающий свое превосходство в поэзии»

(Нарбут В., Зенкевич М. Статьи. Рецензии. Письма. М., 2008. С. 39).

¹¹ *Рождественский В.А.* Страницы жизни // Звезда. 1959. № 2. С. 182. См. также статью В.Я. Брюсова «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм» (Русская мысль. 1913. № 4. С. 139), с которой статья Блока имеет множество текстуальных переключек: «Парнасец по самому духу своей поэзии автор “Романтических цветов”, в которых романтического было не слишком много, безукоризненных баллад и красивых сонетов, г. Гумилев к переживаниям “лесных зверей” пока проявлял только интерес эста-та». Брюсов подразумевает следующий фрагмент из программной статьи Гумилева «Наследие символизма и акмеизм»: «Как адамиты, мы немного лесные звери» (*Гумилев Н.С.* Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1. С. 44). Ср. с насмешкой над этим местом гумилевской статьи в тексте Блока: «“Как адамиты, мы немного лесные звери” (как свежо это “немного”!)» (179). Тот номер «Русской мысли», где была напечатана цитируемая статья Брюсова об акмеизме, открывался поэтической подборкой Блока.

¹² *Блок А.А.* О иудаизме у Гейне: (По поводу доклада А.Л. Вольтинского) // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 146.

¹³ Там же. 1963. Т. 7. С. 317.

¹⁴ Важные соображения на этот счет см.: *Безродный М.В.* О «юдобоязни» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1997. № 28.

¹⁵ *Достоевский Ф.М.* Пушкин: (Очерк). СПб., 1899. С. 16. Очерк цитируется по доступному Блоку изданию. См. примечания к этому фрагменту в очерке Достоевского в его академической публикации (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 502).

¹⁶ Напомним, что свою статью 1922 г. о символизме и футуризме назвал «Буря и натиск» Осип Манделштам (как и Блок, отсылая читателя к немецкому термину «Sturm und Drang»).

¹⁷ *Сухотин М.С.* Из дневника / Публ. [и вступ. ст.] Л.Н. Кузиной // Лев Толстой: В 2 кн. М., 1961. Кн. 2. С. 204.

¹⁸ *Чуковский Н.К.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 42.

¹⁹ *Гумилев Н.С.* Сочинения: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 231. Первую публикацию см.: *Летопись дома литераторов*. 1921. № 3. 1 дек.

²⁰ *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 239.

²¹ *Пяст В.А.* Встречи. М., 1997. С. 141.

²² Переписка <В.Я. Брюсова> с Н.С. Гумилевым // *Литературное наследство*. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1994. Кн. 2. С. 512.

²³ *Светлый луч*. 1912. № 8. С. 1–2 (12-я пагинация).

²⁴ Цех поэтов: Заметка И. Ивича <И. Гуревича> // *Вестник литературы: Иллюстр. журнал словесности, науки и библиографии*. 1912. № 4. Апр. С. <89>. В процитированном отрывке упоминается Владимир Гиппиус, книга стихов которого «Возвращение» под псевдонимом «Вл. Бестужев» вышла в издательстве «Цеха поэтов».

²⁵ *Рославлев А.* Бумажные цветы // *Воскресная вечерняя газета*. 1912. 12 авг. С. 3.

²⁶ *Полянин А.* <*София Парнок*>. В поисках пути искусства // *Северные записки*. 1913. № 5–6. С. 230.

²⁷ *Городецкий С.М.* Цветущий посох: Вереница восьмиистиший. СПб., 1914. С. 16.

²⁸ *Гиперборей: Ежемесячник стихов и критики*. 1912. № 2. С. 25.

²⁹ См. суждение об ахматовской книге стихов «Вечер» в акмеистическом манифесте С. Городецкого: «Многим сразу стали дорогими изящная печаль, нелживость и бесхитрость этой книги. Но мало кто заметил, что пессимизм “Вечера” – акмеистичен, что, “называя” уродцев невращения и всякой иной тоски, Анна Ахматова в несчастных этих зверенышах любит не то, что искалечено в них, а то, что осталось от Адама, ликующего в раю своем. Эти остатки она ласкает в поэзии своей рукой почти мастерской» (*Городецкий С.М.* Некоторые течения в современной русской поэзии // *Аполлон*. 1913. № 1. С. 49).

³⁰ См.: *Новое литературное обозрение*. 1994. № 10. С. 63.

³¹ *Игнатов И.* Литературные отголоски. Новые поэты. «Акмеисты», «адамисты», «эго-футуристы» // *Русские ведомости*. 1913. 6 апр. С. 3.

³² *Гиперборей*. С. 27. Эта неподписанная рецензия атрибутирована Городецкому Р.Д. Тименчиком (см.: *Тименчик Р.Д.*

К вопросу о библиографии В.И. Нарбута // De visu. 1993. № 11. С. 55).

³³ Блок А.А. Собр. соч. Т. 7. С. 75.

³⁴ Там же. С. 181.

³⁵ Там же. С. 193. Спустя два дня, 19 декабря 1912 г., в «Бродячей собаке» состоялась лекция Сергея Городецкого «Символизм и акмеизм», позднее положенная в основу его акмеистического манифеста (см.: *Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Л., 1985. С. 201).

³⁶ Блок А.А. Собр. соч. Т. 7. С. 207. Ср.: Литературное наследство. Т. 92, кн. 3. С. 410.

³⁷ Литературное наследство. Т. 92, кн. 3. С. 414–415.

³⁸ Переписка <В.Я. Брюсова> с Н.С. Гумилевым. С. 513. А Мандельштам еще в 1919 г. на одном из своих поэтических вечеров перед чтением сделал доклад о новых путях в акмеизме (См.: Северные зори (Псков). 1920. № 1. С. 73).

³⁹ См.: *Ходасевич В.Ф.* Указ. соч. С. 87. Воспоминания о третьем «Цехе поэтов» см. также в очерке: *Рождественский В.А.* Н.С. Гумилев: (Из запасов памяти) // Николай Гумилев: Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 419–420.

⁴⁰ См.: *Зоргенфрей В.А.* А.А. Блок // Записки мечтателей. Пг., 1922. С. 146.

⁴¹ См.: *Павлович Н.А.* Воспоминания об Александре Блоке / Публ. З.Г. Минц и И.А. Чернова // Блоковский сборник. Вып. 1. Тарту, 1964. С. 479.

⁴² Блок А.А. Собр. соч. Т. 7. С. 371.

⁴³ См.: *Ходасевич В.Ф.* Указ. соч. С. 87.

⁴⁴ Блок А.А. Собр. соч. Т. 7. С. 420.

⁴⁵ *Ходасевич В.Ф.* Указ. Соч. С. 88.

⁴⁶ «Воскресший “Цех поэтов”, – писал Блок в третьей главе своей статьи, – выпустил альманах “Дракон”, в котором вся изюминка заключается в цеховом “акмеизме”, ибо имена Н. Гумилева и некоторых старых и новых поэтов явно преобладают над именами “просто поэтов”; последние, кстати, представлены случайными и нехарактерными вещами» (182). Как известно, альманах «Дракон» вышел под эгидой издательства «Цех поэтов» в Пе-

трограде, в 1921 г. В его первом выпуске были опубликованы стихи Г. Адамовича, самого А. Блока, Н. Гумилева, М. Зенкевича, Г. Иванова, М. Кузмина, М. Лозинского, О. Мандельштама, Н. Оцуна, В. Рождественского, Ф. Сологуба, М. Тумповской, поэмы Н. Гумилева, С. Нельдихена, И. Одоевцевой и Н. Оцуна. Последний раздел составили статьи Андрея Белого, Н. Гумилева и О. Мандельштама. Под «просто поэтами», напечатавшими в «Драcone» «нехарактерные вещи», Блок, вероятно, подразумевал М. Кузмина, Ф. Сологуба, Андрея Белого и себя.

⁴⁷ Литературное наследство. Т. 92, кн. 4. С. 317.

⁴⁸ Об этом фрагменте блоковской статьи см. у Э.Ф. Голлербаха: «Нужно увидеть и понять замечательную особенность футуризма, о которой вскользь молвил глубокое слово А. Блок в своей статье “Без божества, без вдохновенья”», посвященной акмеизму <...>. Кажется, Блок нашел верное слово: веселый ужас» (*Голлербах Э.Ф. Поэзия Давида Бурлюка. Нью-Йорк, 1931. С. 15–16*). Словосочетание «веселый ужас» встречается, например, в VII главке рассказа Л. Андреева «Так было» (1905).

⁴⁹ Цит. по: *Тименчик Р.Д. Примечания // Гумилев Н.С. Соч. С. 260–261*. Обратим особое внимание на то обстоятельство, что К.И. Чуковский, приятель и Блока, и Гумилева, выступил одним из инициаторов написания статьи «“Без божества, без вдохновенья”». Наверное, не случайно в тексте этой статьи Блок на Чуковского прямо ссылается, говоря о поэзии Ахматовой: «Чуковский еще недавно определял ее поэзию как аскетическую и монастырскую по существу» (180). Подразумевается зачин статьи Чуковского «Ахматова и Маяковский»: «Читая “Белую Стаю” Ахматовой – вторую книгу ее стихов, – я думал: уже не постриглась ли Ахматова в монахини?» (*Чуковский К.И. Ахматова и Маяковский // Дом искусств. Пг., 1921. № 1. С. 23*).

⁵⁰ Приведем только один такой пример из фельетона «“Без божества, без вдохновенья”»: «...футуристы разбили несколько графинов о головы публики первого ряда, особенно желающей быть “эпатированной”» (180). Ср. в мемуарах М. Бурлюк: «Крученных производил впечатление мальчика, которому на эстраде хочется расшалиться и... бросать в публику графином с водой» (см.: *Бурлюк М.Н. Первые книги и лекции футуристов // Бурлюк Д.Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста: Письма. Стихотворе-*

ния. СПб., 1994. С. 284). Сам Крученых от подобных обвинений открещивался: «Ни сумасшедшим, ни хулиганом я не был и не видел надобности в этих грубых эффектах» (См.: *Крученых А.Е.* К истории русского футуризма: Воспоминания и документы. М., 2006. С. 91).

⁵¹ *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки: Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 58.

⁵² См.: *Шагинян М.С.* Формальная эстетика // Жизнь искусства. 1921. 13 дек.

⁵³ Статья «“Без божества, без вдохновенья”» появилась в 1-м номере «Литературной газеты», задуманной как продолжение одноименного издания, выходявшего в 1830-е годы под редакцией А. Дельвига (возможно, это повлияло на выбор Блоком в качестве заглавия для своей статьи пушкинской строки). Вспоминая о «нескончаемом споре о поэзии», который вели между собой Блок и Н. Гумилев, К. Чуковский писал: «Их откровенные споры завершились статьей Блока об акмеизме, где было сказано много язвительного о теориях Н. Гумилева. Статья Блока была предназначена для затеваемой нами “Литературной газеты”» [см.: (*Чуковский К.И.* Указ. соч. С. 45). Черновая рукопись статьи сохранилась в архиве поэта. Это зафиксировано в его «Списке моих работ» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 373. Л. 21 (машинопись); Л. 46 (рукопись)]. В «Литературной газете» статья была набрана с другого, несохранившегося источника. См. ее первую публикацию по тексту корректурного экземпляра «Литературной газеты» (*Усок И.Е.* Последняя редакция статьи А.А. Блока «“Без божества, без вдохновенья”» // Шахматовский вестник. [Солнечногорск]. 1996. № 6. С. 10–20). Перед появлением в «Литературной газете» текст подвергся авторской стилистической обработке и был освобожден от ряда выпадов в адрес Н. Гумилева, показавшихся в итоге неудобными для печати самому Блоку или редакторам «Литературной газеты» (см.: *Сажин В.Н.* Неудавшийся порыв немоты: (О невышедшем номере «Литературной газеты» 1921 года) // Пятые тыняновские чтения: Тез. докл. и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 164). В ряде случаев Блок дополнял и уточнял фразу. Набора Блок не читал. В тексте наборного экземпляра чьей-то рукой исправлены опечатки: скорее всего, это сделал К.И. Чуковский или А.Л. Волынский. См. запись

в дневнике Чуковского от 25 мая 1921 г.: «...Номер “Литературной газ<еты>” сверстан – и нужно его печатать. Штрайх (выпускающий) дал вчера 2 номера: мне и другому редактору Волынского. Нужно было спешно за ночь продержать корректуру» (*Чуковский К.И.* Дневник. 1901–1929. М., 1997. С. 170). Обстоятельства запрещения первого номера «Литературной газеты» изложены в мемуарах В.Ф. Ходасевича (*Ходасевич В.Ф.* Указ. соч. С. 89). См. также: *Сажин В.Н., Устинов А.Б.* Ожог. К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 года // Литературное обозрение. 1991. № 2. В обзоре С. Зерновым новинок издательства «Алконост» (Руль. [Берлин]. 1921. № 246. 8 сент.) упоминается статья Блока «“Без божества, без вдохновенья”» в напечатанной, но не дошедшей до читателя «Литературной газете» Союза писателей.

⁵⁴ *Тименчик Р.Д.* Указ. соч. С. 261.

⁵⁵ *Иванов Г.В.* Петербургские зимы // Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 157.

⁵⁶ *Лукницкий П.Н.* Асиіана: Встречи с Анной Ахматовой. 1924–1925. Р., 1991. Т. 2. С. 151.

⁵⁷ С их знаменитыми строками: «Нам внятно всё – и острый галльский смысл, И сумрачный германский гений».

15 помет Александра Тинякова
на книге Зинаиды Гиппиус
«Последние стихи»
К построению читательской истории литературы

1

Если вы закажете в Российской государственной библиотеке «сам<ую> контрреволюционн<ую>» (по автохарактеристике)¹ книгу Зинаиды Гиппиус «Последние стихи. 1914–1918» (Пб., 1918), шифр Р $\frac{103}{375}$, то на ее обложке, в левом углу, вы обнаружите надпись фиолетовыми чернилами: «т. Чудакову “Известия”». Предположение о том, что этот экземпляр был предназначен для поэта Александра Ивановича Тинякова, печатавшего в пореволюционные годы многочисленные фельетоны и рецензии под псевдонимом «Герасим Чудаков» в советской прессе, очень скоро подтвердится. На титульном листе фиолетовыми чернилами выведена владельческая подпись: «Александр Тиняков 20 (7) сентября 1918. Москва»; на последней странице оглавления этим же почерком, но уже карандашом написано: «21 (8) сентября 1918 г. Орел». По свидетельству самого Тинякова, в 1918–1919 гг. он работал в газетах на своей родине, в Орле². Весьма вероятно, что именно

Впервые опубликовано: Антропология революции: Сборник статей по материалам XVI Банных чтений журнала «Новое литературное обозрение». М., 2009. С. 127–138.

по пути из Москвы в Орел Тиняков сделал на книге Гиппиус 15 карандашных помет. Нетрудно догадаться, что он размечал «Последние стихи» для будущей газетной рецензии.

Попытка реконструировать текст этой гипотетической рецензии, опираясь на сделанные пометы, будет принята в настоящей статье.

Начал Тиняков с мелкой придирки, по-видимому, еще не вполне понимая, что его ожидает впереди. В финальной строфе стихотворения «Адонай» Александр Иванович подчеркнул показавшийся ему неуклюжим и претенциозным эпитет «дымнобагровой» (с. 3). Претензии такого рода Тиняков далее выдвинет еще два раза. В стихотворении «Почему» он подчеркнет строфу:

Как я помню зори надпенные?
В черной алости чаек стон?
Или памятью мира пленною
Прохожу я сквозь ткань времен? (с. 43)

А в стихотворении «Тли» – строки:

Тли по мартовским алым зорям
прошли в гвоздевых сапогах (с. 47)

и подчеркнет эпитет «гвоздевых», чтобы потом съехидничать по поводу неуклюжего образа «тли в гвоздевых сапогах».

Куда более многочисленны не стилистические, а идеологические тиняковские претензии к автору «Последних стихов».

В стихотворении «Тогда и опять» он подчеркнул две начальные строки:

Просили мы тогда, чтоб помолчали
Поэты о войне (с. 27),

вероятно, для того, чтобы в рецензии припомнить Гиппиус ее ура-патриотический сборник «Как мы воинам писали

и что они нам отвечали. Книга-подарок. Составлено З. Гиппиус» (М., 1915). С другой стороны, Тиняков отчеркнул и две финальные строфы стихотворения «Все она»:

Нет напрасных ожиданий,
Недостигнутых побед,
Но и сбывшихся мечтаний,
Одолений – тоже нет.

Все едины, все едино,
Мы ль, они ли... смерть – одна.
И работает машина,
И жует, жует война... (с. 7)

Наверное, для того, чтобы потом бросить Гиппиус упрек в равнодушии к судьбам русских и немецких солдат (солдат – рабочих?), сражавшихся на полях Первой мировой войны.

Стихотворение «Ему» Тиняков, активно подвизавшийся на ниве антирелигиозной пропаганды, отметил галочкой:

Радостные, белые, белые цветы...
Сердце наше, Господи, сердце знаешь Ты.

В сердце наше бедное, в сердце загляни...
Ближих наших, Господи, близких сохрани! (с. 24)

Но старательнее всего потенциальный рецензент фиксировал в «Последних стихах» прямые антибольшевистские выпады, благо возможностей для этого ему было предоставлено с избытком. В стихотворении «Веселье» он отчеркнул знаменитые строфы:

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил – засек кнутом?

Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь! (с. 48)

В стихотворении «Липнет», обращенном к «“Новой жизни” и пр<очим>» (соглашательским, по мнению Гиппиус, газетам), отчеркнуты строки:

А то смотрите: как бы не повесили
мельничного жернова вам на шею! (с. 49)

В стихотворении «Сейчас» Тиняков отчеркнул вторую, третью и четвертую строфы:

Лежим, заплеваны и связаны
По всем углам.
Плевки матросские размазаны.
У нас по лбам.

Столпы, радетели, водители
Давно в бегах.
И только вьются согласители
В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель³ – пути... (с. 50–51)

На странице, где помещено стихотворение, озаглавленное «У. С.» о разгоне Учредительного собрания:

Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и воздыхание, –
Учредительное Собрание, –
Что мы с ним сделали...? (с. 52).

сделана карандашная приписка «sic!» к дате – «12 Ноября <19>17». Ироническое недоумение Тинякова может быть

объяснено тем, что Гиппиус сопроводила свое стихотворение датой не *разгона*, а *созыва* Учредительного собрания. Разогнано оно было лишь 6 января 1918 г., и это давало рецензенту потенциальный повод порезвиться, рассуждая о якобы пророческом даре поэтессы.

В стихотворении «14 декабря 17 года» отчеркнута строфа:

Ночная стая свищет, рыщет,
Лед по Неве кровав и пьян...
О, петля Николая чище,
Чем пальцы серых обезьян! (с. 54),

а две финальные (из процитированных) строки подчеркнуты. В стихотворении «Боятся» отчеркнута строфа:

Да крепче винты, завинчивай гайки.
Нацелься... Жутко? Дрожит рука?
Мне пуля – на миг... А тебе нагайки,
Тебе хлысты мои – на века! (с. 56)

Полностью Тиняков отчеркнул короткое стихотворение Гиппиус «Так есть»:

Если гаснет свет – я ничего не вижу.
Если человек зверь – я его ненавижу.
Если человек хуже зверя – я его убиваю.
Если кончена моя Россия – я умираю. (с. 9),

представляющее собой неожиданную идеологическую вариацию одного из самых известных верлибров Велимира Хлебникова:

Когда умирают кони – дышат,
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – они гаснут,
Когда умирают люди – поют песни.

И наконец, в стихотворении «Имя» Тиняковым была подчеркнута финальная строка: «Твое блудодейство, Россия!» (с. 62)⁴.

Почти не рискуя ошибиться, можно утверждать, что общий тон рецензии Тинякова на «Последние стихи» предполагалось выдержать в духе, которым позднее будет проникнут несколько запоздалый отклик на книгу Гиппиус, под псевдонимом «В.» напечатанный в номере петроградских «Известий» от 23 февраля 1921 г.: «Вот книга, заслуживающая безжалостного истребления: более тупого и грубого отношения к великой пролетарской революции, чем то, которое вылилось в стихах Гиппиус, нельзя себе представить. В эпоху, когда все русские люди призваны к революционному строительству, к созданию новой жизни, поэтесса восклицает: “Как в эти дни невероятные позорно жить!” Трусливая, шкурная психология обывателя звучит в этих причитаниях: “Лежим оплеваны и связаны по всем углам. Плевки матросские размазаны у нас по лбам”. Поистине, ничего лучшего и не заслуживают такие злобные защитники буржуазного благополучия, как Гиппиус, называющая революцию “блевотиной войны” и грозящая загнать народ “в старый хлев”»⁵.

Отметим, однако, что в заметке «Отрывки из моей биографии», датированной 11 апреля 1925 г., но при жизни поэта не опубликованной, Тиняков особо оговорил, что Зинаиду Гиппиус он и «сейчас счита<ет> самой замечательной и безусловно самой очаровательной личностью среди всех наших литераторов»⁶.

Еще более интересно и важно обратить внимание на то обстоятельство, что Тиняков не мог для себя не оценить отчетливое сходство поэтической манеры «Последних стихов» с собственными поисками тех лет. Недаром он отчеркнул в стихотворении «Свободный стих» ту строфу, которая пусть и неодобрительно, но исключительно точно описывала его поэтику и, как это ни странно, поэтику книги Гиппиус:

Немало слов с подолом грязным
Войти боялись... А теперь
Каким ручьем однообразным
Втекают в сломанную дверь... (с. 14)

Чтобы не ломиться в открытую дверь, приведем здесь только один пример использования Гиппиус и Тиняковым двух сходных низких мотивов. В уже процитированных строках из книги «Последние стихи» возникает отталкивающий образ inferнального пса: «Какому дьяволу, какому псу в угоду, / Каким кошмарным обуянный сном, / Народ, безумствуя, убил свою свободу, / И даже не убил – засек кнутом?» Эти строки напрашиваются на сопоставление с финальной строфой программного ненавистнического стихотворения Тинякова «Собаки», датированного ноябрем 1919 г.:

О, дьяволоподобные уроды!
Когда бы мне размеры Божьих сил,
Я стер бы вас с лица земной природы
И весь ваш род до корня истребил!

А строка «Плевки матросские размазаны» из стихотворения Гиппиус «Сейчас» заставляет вспомнить об одном из скандально известных стихотворений Тинякова «Плевочек» (1907). То есть Тиняков, как обычно, в интересах настоящего момента готов был обрушиться с язвительной критикой не на *чужое*, а на *свое*, на «безусловно самое очаровательное» и привлекательное. Совсем как в том самом романе: «Что-то на редкость фальшивое и неуверенное чувствовалось буквально в каждой строчке этих статей, несмотря на их грозный и уверенный тон. Мне все казалось, и я не мог от этого отделаться, – что авторы этих статей говорят не то, что они хотят сказать, и что их ярость вызывается именно этим».

2

Работая над этой статьей, я был почти уверен, что Тиняков так и не собрался написать рецензию на «Последние стихи» Зинаиды Гиппиус, ведь факт ее существования не зафиксирован в превосходной библиографии газетных тиняковских публикаций, составленной Н.А. Богомоло-

вым⁷. Тем большей оказалась нечаянная радость, когда в орловских «Известиях» я такую рецензию все же обнаружил. Она находится в очевидной тематической и стилистической зависимости от прогремевшего на всю Россию фельетона Александра Блока «Интеллигенция и революция» (январь 1918). Приведу полный текст тиняковского отзыва на «Последние стихи» с сохранением стилистических особенностей и авторской пунктуации: «Говоря о последней книге стихов К. Бальмонта (“Орл<овские> изв<естия>”, 11 августа)⁸, – я не мог определить состояние этого поэта иначе, как словами: “во власти классового бешенства”. То же самое я принужден сказать и о г-же Гиппиус.

Судите сами:

“Петля Николая чище,
Чем пальцы серых обезьян!”, – (стр. 54)

пишет буржуазная поэтесса в ноябре 1917 г., подразумевая под “обезьянами” восставший и победивший трудящийся народ.

“Лежим, заплеваны и связаны
По всем углам.
Плевки матросские размазаны.
У нас по лбам”, – (стр. 50)

пишет она в другом стихотворении в том же ноябре. А к январю месяцу 1918 г. злоба ее разгорается еще сильнее и, обращаясь к кому-то “в серой папахе”, – кто будто бы грозит ей расстрелом, – г-жа Гиппиус пишет или, – вернее, – кричит:

“Мне пуля – на миг... А тебе нагайки,
Тебе хлысты мои – на века!” (стр. 56)

И тут же, рядом с этой отвратительной и бессильной руганью, направленной против революционного народа,

мы встречаем такие сентиментальные вздохи об “учредилке”:

“Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и вздохание, –
Учредительное Собрание” (стр. 52)

Эта буржуазная “молитва” получает особенно острый и пикантный оттенок, когда мы в той же книжке находим следующее “предсказание” по адресу народа:

“И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!” (стр. 48)

Этих цитат мне кажется вполне достаточно, для того чтобы дать представление о политических настроениях г-жи Гиппиус. Ясное дело, что когда, – в заключение, – она восклицает: “Россия спасется!” – то мы почти безошибочно можем сказать, что “спасение” России г-жа Гиппиус видит не в чем ином, как в нагайке Савинкова⁹, в диктатуре какого-нибудь Дутова и в возвращении к власти пресловутого Милюкова-Дарданельского [так! – *О. Л.*] с компанией¹⁰.

Книжка г-жи Гиппиус, – как и разобранный мною ранее книжка Бальмонта, – не имея никакой чисто литературной ценности, – служит, однако, весьма важным обвинительным документом против нашей интеллигенции. Эта самая интеллигенция очень любит говорить о своей “сверхклассовой” психологии, о своей беспристрастии и бескорыстии, о своих заслугах перед революцией и перед народом. Книжки г-жи Гиппиус и Бальмонта с неопровержимой ясностью показывают, что интеллигенция наша, даже в лице культурнейших своих представителей, – вовсе не отличается какими-то небывалыми “сверхклассовыми” качествами и вполне и всецело примыкает к единому определенному классу – к буржуазии. И насколько враждебна народу буржуазия, настолько же враждебна ему и буржуазная

интеллигенция. Артур Арну, описывая разгром Парижской коммуны, говорит, между прочим, о том, что буржуазные дамы втыкали кончики своих зонтиков в зияющие раны еще живых рабочих (“Мертвецы коммуны”)¹¹. Г-жа Гиппиус сама откровенно заявляет, что она из породы как раз этих дам. “Нагайки” и “хлысты” для народа, – это ее подлинные слова.

Прибавить к ним почти нечего, – возгласы негодования в данном случае были бы только наивностью. Но можно и должно в виду подобных буржуазно-интеллигентских признаний, лишний раз напомнить трудовому народу, особенно пролетариату, – что стоит ему хоть на миг задремать, хоть на миг отступить – и буржуазная нечисть набросится на него и упьется народной кровью, – и нагайка Савинкова захлещет по лицам рабочих, и зонтик г-жи Гиппиус начнет ковырять зудящие раны борцов за свободу. – “Последние стихи” З. Гиппиус ручаются за то, что – в бешенстве своем – буржуазия способна на все»¹².

¹ См.: «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус / Подгот. текста М.М. Павловой; Вступ. ст. и примеч. М.М. Павловой и Д.И. Зубарева // Звенья: Ист. альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 98.

² Тиняков А. Отрывки из моей биографии // Тиняков А. (Одинокий): Стихотворения. 2-е изд., испр. и доп. / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова. Томск; М., 2002. С. 16.

³ Викжель – Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза. В его состав входили 14 эсеров, 6 меньшевиков, 3 большевика, 6 членов других партий и 11 беспартийных членов. 29 октября (11 ноября) 1917 г. Викжель провозгласил всеобщую забастовку железнодорожников («развел пути») с требованиями сформировать из партий эсеров, меньшевиков и большевиков «однородное социалистическое правительство» без участия в нем лидеров революции Ленина и Троцкого. В качестве угрозы использовалась всеобщая забастовка на транспорте. Г. Зиновьев, Л. Каменев, Виктор Ногин и Алексей Рыков отреагировали на требования Викжеля совместной позицией относительно необходимости переговоров с Викжелем и исполне-

ния его требований, объясняя это потребностью объединить все социалистические силы для противостояния угрозе контрреволюции. В.И. Ленин рассматривал начатые переговоры «...как дипломатическое прикрытие военных действий» (Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. С. 43). 20 ноября (3 декабря) 1917 г. Викжель принял резолюцию, в которой признавал советскую власть, но при условии, что ему будут переданы функции управления железнодорожным хозяйством. 12 (25) декабря 1917 г. в Петрограде был открыт Чрезвычайный Всероссийский съезд железнодорожных рабочих и мастеровых, созданный по требованию Совета народных комиссаров. Съезд встал на сторону советской власти, принял резолюцию о недоверии Викжелю и фактически постановил принять на себя выполнение всех функций Викжеля.

⁴ Ср. со сходной образностью во второй строфе стихотворения Ахматовой «Когда в тоске самоубийства...» (осень 1917): «Когда приневская столица, / Забыв величие свое, / Как опьяневшая блудница, / Не знала, кто берет ее».

⁵ Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1921. 23 февр. С. 2; О реакции интеллигентской критики на «Последние стихи» см.: *Лавров А.В.* З.Н. Гиппиус и ее поэтический дневник // Гиппиус З.Н. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова. СПб., 1999. С. 57–58.

⁶ *Тиняков А.* Отрывки из моей биографии. С. 15. Эпиграфом из стихотворения З. Гиппиус сопровождается стихотворение Тинякова «Шудра». Напомним также, что в 1915 г. Тиняков печатался в журнале Д.С. Мережковского «Голос жизни».

⁷ Отмечу, что в предисловии к своей публикации исследователь специально оговаривает: «Для составления списка мною были использованы комплекты газет в РНБ и РГБ, что, однако, не позволило ликвидировать все лакуны “Известий” – как орловских, так и казанских» (См.: *Богомолов Н.А.* Материалы к биографии А.И. Тинякова // *De visu.* 1993. № 10. С. 72). Я пользовался комплектом московской Исторической библиотеки. Раз уже выпала такая возможность, представляется уместным восполнить еще два пробела в газетной тиняковской библиографии: *Чудаков Герасим.* К. Либкнехт. Воспоминания о Марксе // Известия Орловского губернского и городского советов рабочих,

крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 12 нояб. С. 4; *Он же*. В. Керженцев. Новая Англия [рецензия] // Там же. 29 дек. С. 4. Рецензия Тинякова на «Последние стихи» не учтена и в прекрасном справочном издании: Литературная жизнь России 1920-х годов. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. Т. 1, ч. 1. М., 2005. С. 177).

⁸ См.: А. Т. Во власти классового бешенства // Известия Орловского губернского и городского советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 6 авг. С. 4. Между прочим, речь у Тинякова шла не о книге стихов Бальмонта, а о его публицистическом памфлете «Революционер я или нет?» (М., 1918).

⁹ Необходимо учитывать, что Борис Савинков был близким другом семьи Мережковских, о чем Тиняков, конечно, знал.

¹⁰ По весьма распространенному в те годы мнению, для П.Н. Милюкова Первая мировая война стала поводом усилить внешнеполитическое влияние России на Балканах. В своих публичных выступлениях он требовал передать России после войны контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, за что и получил ироническое прозвище «Милюков-Дарданелльский».

¹¹ Подразумевается брошюра: *Арну А.* Мертвецы Коммуны: Пер. с фр. Пг., 1918.

¹² *Чудаков Герасим.* Во власти классового бешенства. Заметка вторая // Известия Орловского губернского и городского советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 6 окт. С. 4. Попутно обратим внимание на вполне мирное объявление, напечатанное орловскими «Известиями» за несколько дней до публикации лютого фельетона Тинякова: «Научный кинематограф для красноармейцев. Пройдет картина “Смерть богов” (по произведениям Мережковского). Вступительное слово скажет т. Горовой» (Известия Орловского губернского и городского советов. 1918. 29 сент. С. 4). Речь идет о фильме 1917 г., снятого режиссером Владимиром Касяновым.

на серый
английский костюм.
Одѣжным
жирком
отложились года,
обуты –
прилично очень.
«Товарищи»
даже,
будто «мадам»,
шелками обчулочены.
Пошли,
пообедав,
живот разминать.
А ну,
не размякнете!
Нуте-ка!
Цветов
детвора
обступает меня,
так называемых –
лютиков.
Вверху
зеленеет
березная рядь,
и ветки
радугой дуг...
Пошли
вола вертеть
и врать
и тут –
и вот –
и вдруг...
Обфренчились
формы
костюма ладного,
яркие,
прямо зря,

все
доставают
из кармана
из заднего
браунинги
и маузера.
Ушедшие
подымались года,
и бровь
по-прежнему сжалась,
когда
разлетался пень
и когда
за пулей
пуля сажалась.
Поляна –
и ливень пуль на нее,
огонь
отзвенел и замер,
лишь
вздрагивало
газеты рваньё,
как белое,
рваное знамя.
Компания
дальше в кашках пошла,
револьвер
остыл давно,
пошла,
беседа,
в меру пошла.
Но –
знаю:
революция
еще не седа,
в быту
не слепнет кротóво, –

в стихотворении «Дачный случай» высокопоставленные друзья поэта. Стрельба чекистов перестает восприниматься как вовсе «бессмысленная», если предположить, что пни и лютики попались рыцарям революции, что называется, под горячую руку, а основной мишенью послужили оставленные кем-то на поляне газеты, после метких выстрелов превратившиеся в «газеты рвань», вздрагивающее как «белое, рваное знамя»⁴.

Сам Жолковский совершенно справедливо замечает, что речь здесь, возможно, идет «о той самой “Комсомольской правде”, где появятся эти стихи»⁵. Он же пишет о том, что праздник, упоминаемый в пятой строке «Дачного случая», «вероятно, первомайский, учитывая дату публикации (30 июня)»⁶.

Взглянув на первую страницу «Комсомольской правды» от 1 мая 1928 г., мы с легкостью обнаружим на этой странице целый ряд потенциальных метонимических мишеней для разгневанных большевиков. «Метонимических», поскольку ответственные товарищи палят, разумеется, не по заголовкам и передовицам советских газет, а, так сказать, в антигероев этих заголовков и передовиц, – обычная для Маяковского подмена.

Сначала в глаза бросается набранный очень крупным шрифтом заголовок: «Империалисты готовят поход против СССР. Социалисты помогают им закабалить рабочих». Затем взгляд упирается в набранную чуть мельче заметку «День борьбы и труда» о первомайской демонстрации в Китае и соответственно о китайской буржуазии, угнетающей трудящихся Востока⁷.

А потом обращаешь внимание на стихотворение «Вёсны» Ивана Молчанова, того самого, который был жестоко высмеян Маяковским в знаменитом «Письме к любимой Молчанова, брошенной им, как о том сообщается в № 219 “Комсомольской правды” в стихе по имени “Свидание”» (1927):

В гущу

ваших роздыхов,

под цветочки,
на реку
заграничным воздухом
не доносит гарьку?

Или
за любовной блажью
не видать
угрозу вражью?

Обратим внимание на то обстоятельство, что эту свою сатиру на Молчанова Маяковский счел необходимым поместить именно в «Комсомольской правде» (в номере от 4 октября 1927 г.), т. е. в той же газете, где Молчанов опубликовал свое «Свидание». Это, как кажется, может послужить дополнительным аргументом в пользу предположения Жолковского о «газеты рванье» как о «Комсомольской правде»: какую газету в стихотворении изображаем или упоминаем, в такую и несем стихотворение печатать.

В заключение отметим, что сусальные молчановские «Вёсны», текст которых предположительно омыт ливнем чекистских пуль (борьба с мещанством, замаскировавшимся под революционность), содержат целый ряд мотивов, пародийно и полупародийно обыгрываемых в стихотворении «Дачный случай» (выделим эти мотивы курсивом):

Я вижу:
На *полянку*
В *березовый* уют
Знамена спозаранку
Из города плывут.
.....
Мы тратили патроны
И жар своих речей,
Чтоб майские *знамена*
Горели горячей.

¹ Жолковский А.К. Поэтика произвола и произвольность поэтики («Дачный случай» Маяковского) // Жолковский А.К.

Избранные статьи о русской поэзии. Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М., 2005. С. 102.

² Там же. С. 105.

³ Там же.

⁴ Ср. у Жолковского: «газеты рвань» у Маяковского «сравнивается с неким белым знаменем, надо понимать белогвардейским» (там же. С. 103). К этому следует прибавить, что строка «белое рваное знамя» (газет) могла метонимически отсылать к тем газетным заметкам 1928 г., в которых сообщалось о смерти П.Н. Врангеля.

⁵ Там же. С. 103.

⁶ Там же. С. 583. Если это так (а мы считаем, что это так), то Маяковскому пришлось в своем стихотворении погрешить против истины. В Пушкино в 1928 г. он жил начиная с июня (см.: *Катанян В.А.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М., 1985. С. 433). И лютиков в начале мая тоже еще нет.

⁷ Ср. о «лачугах Китая» в стихотворении Маяковского «Солнечный флаг», напечатанном 1 мая 1928 г. в «Правде».

«Великий комбинатор»:
источник формулы

В вечернем выпуске ленинградской «Красной газеты» от 26 октября 1926 г. начал печататься цикл очерков, объединенных названием «Растратчики», а также общим серийным подзаголовком «“Герои” нашего времени». Автором этих очерков-фельетонов был П. Черский (псевдоним П.Ф. Червинского). Публикация первого из фельетонов сопровождалась следующим предисловием: «В 1924 и 1925 гг. широкой волной прокатилась по СССР волна растрат. В 1925 г. в Москве был учрежден институт по изучению преступности. В течение года он проделал громадную работу: во всех тюрьмах СССР он обследовал всех растратчиков, поставив своей задачей выявить их социальный и личный облик и выяснить причины, толкнувшие их на преступление. Сейчас эта работа закончена, подведены итоги.

Основываясь на материалах института и добытых им ценнейших “человеческих документах”, с сегодняшнего номера мы приступаем к печатанию очерков, которые представляют собой, так сказать, “портретную галерею” современных растратчиков».

Печатается впервые.

Многое в серии очерков «Растратчики» перекликается с одноименной повестью Валентина Катаева (1926) Куда интереснее, однако, убедиться в том, что заглавие четвертого очерка и сам очерк были почти наверняка использованы как исходное сырье соавторами популярнейшего советского сатирического романа 1920-х годов, задуманного при непосредственном участии Катаева. Мы имеем в виду «Двенадцать стульев» и фельетон П. Черского «Великий комбинатор», помещенный в вечернем выпуске «Красной газеты» от 6 ноября 1926 г. Хотя «великий комбинатор» в этом фельетоне больше смахивает на наивного отца Федора первых глав романа, чем на Остапа Бендера, в финале очерка он преобразуется в «искусителя» дураков, как бы превосходящая демоническую ипостась героя Ильфа и Петрова.

Поскольку ни Ю.К. Щеглов, ни М.П. Одесский с Д.М. Фельдманом в своих увлекательных комментариях к «Двенадцати стульям» на очерк-фельетон П. Черского не ссылаются, мы считаем уместным и полезным перепечатать его здесь полностью.

Встречающееся в очерке словечко «краскуп» расширяется как «красный купец».

«В пестрой галерее растратчиков это одна из любопытнейших фигур:

– “Великий комбинатор”.

По существу, это, если можно так выразиться, аферист с идеями. Если хотите, в некотором роде даже романтик. Его отличительные свойства: создавать в учреждениях, где он появляется, бредовые, иллюзорные настроения.

Человек с пылкой фантазией.

“Комбинатор” – почти всегда “художник в душе”.

Он постоянно “творит”. Постоянно является с какой-нибудь новой “комбинацией”.

– Вы не верите?... Вот перед вами живые цифры.

“Комбинатор” берет карандаш и высчитывает.

– Нет и 500 руб.? Ну, и черт с ними. Обойдемся и без денег. Ибо главное – это смекалка.

И он рисует схему “комбинаций”, которая в общем довольно примитивна.

Под некий товар – допустим, 5. 000 пуд<ов> подсолнечного масла, которого никто не видал, но которое удостоверено “бумагой”, – выдаются векселя – снова бумага... И начинается своеобразный балет обмена бумагами. “Китайская цепь”. Кадриль из фигуры “большого кольца”, в которой все берут друг друга за руки, а в сущности никто ни за кого не держится.

Конечно, масло, если даже допустить, что оно существует, не станет ценнее оттого, что его владелец переместится двадцать раз, или оттого, что дважды переехало из Вологды в Керчь, или от Алтая до Днепра, но для “комбинатора” – это та мутная водица, в которой он постоянно плавает и ловит рыбку.

Главное для него – создать ажиотаж. Создать впечатление “колоссального дела”, которое, как он сам в эту минуту верит, в конечном счете даст ему тысячи. А если не даст?

– Тоже не важно. Дело начато, и у “комбинатора” создается большая клиентура. Он верит в свой талант и не унывает:

– Не повезло на масле, на другом продукте сойдемся!

И сегодня “комбинатор” “краскуп”, завтра он “химик”, а послезавтра “лесопромышленник”.

Как ни наивны некоторые из комбинаторов, но есть такая поговорка:

– “Каждый человек находит своего дурака”.

И вот вам пример, приводимый исследователями.

Казалось бы, что может быть проще и невиннее... грубых мешков. Да, 3 тысяч мешков по семь гривен. Но для комбинатора это не мешки, а целая поэма. Начинается она с того, что он продает мешки Моссельпрому и получает за них деньги. Сделка кончена? Для всякого другого – да. Но у комбинатора это только пролог к поэме. Ибо, продав мешки, он их не сдает, а... получает обратно. Как? А очень просто. Он заключает с Моссельпромом договор о поставке муки, которой проданные мешки будут заполнены.

У комбинатора, таким образом, и мешки, и деньги.

Нетрудно представить себе, что будет, “если такому комбинатору дадут хозяйственный пост”. Тогда “вверенные” ему учреждения немедленно превращаются в сплошной “танцкласс”. Чуден тогда комбинатор!.. Но не менее чуден и опасен он и тогда, когда он такого поста не занимает. Тогда он обычно действует “за кулисами”. Делается просто “режиссером”.

Имея связи, он перебегает из одного учреждения в другое в поисках дураков. В большинстве случаев он их находит. Находит, сейчас же организует “кадриль” и мчится дальше.

Больше и чаще всего комбинатор “искушает” и “антрепренерствует”.

Как показывают материалы обследования, комбинатор – соучастник большинства растрат, скрывающийся в тени!

Сам комбинатор тратит, т. е. непосредственно запускает руку в кассу, сравнительно редко. И то почти всегда:

– На два, на три дня!

Так, по крайней мере, он сам уверен. Ибо, беря из кассы 500 руб., комбинатор убежден, что завтра он “заработает” на них тысячи и пополнит взятые. 500 руб. для него не деньги.

– Так... пустяк, необходимый для крупного оборота. “На самое короткое время”.

Таков в беглой обрисовке “комбинатор”.

Достоевский говорил:

– “Человек не только живет, но и самосочиняется”.

А комбинатор всегда самосочиняется».

Киноолейников
К построению биографии поэта

«Готовят академическое издание его произведений. Находка одного его письма – событие»¹. Эти слова Анны Андреевны Ахматовой об Осипе Мандельштаме, к сожалению, не могут быть приложены к Николаю Макаровичу Олейникову. Между тем автор «Таракана» и «Перемены фамилии» не просто написал множество первоклассных стихотворений, но и кардинально повлиял на творчество и художественные установки целого созвездия ленинградских поэтов и прозаиков 1920–1930-х годов. Назовем здесь и сейчас имена Евгения Шварца, Бориса Житкова, Самуила Маршака и, конечно, обэриутов – Даниила Хармса, Александра Введенского и Николая Заболоцкого. «Он единственный мог стать центром и сплотить всех». Так (что характерно – в условном наклонении) оценивал силу личности Олейникова философ из обэриутского круга Леонид Липавский². Может быть, именно в Олейникове будет уместно увидеть прообраз главного недействующего лица рассказа, задуманного автобиографическим героем повести Хармса «Старуха»: «Это будет рассказ о чудотворце, который живет в наше время и не творит чудес. Он знает, что он

Впервые опубликовано: От слов к телу: Сб. статей к 60-летию Юрия Цивьяна. М., 2010. С. 170–174.

чудотворец и может сотворить любое чудо, но он этого не делает <...>. Я сижу и от радости потираю руки. Сакердон Михайлович лопнет от зависти». Упоминание о Сакердоне Михайловиче в финале процитированного отрывка кажется весьма значимым, ведь прототипом для этого персонажа послужил не кто иной, как Олейников.

Несколько страничек в будущей биографии поэта, вероятно, будет заполнено рассказом о его киноувлечениях и написанных им киносценариях: напомним, что, перечисляя для дотошного Липавского список своих пристрастий, Олейников, единственный среди опрошенных, не забыл о «кино и фотографии»³.

В данной статье речь далее пойдет о напрочь забытой кинорецензии Олейникова и его друга Владимира Матвеева⁴, обсуждавшей уместность выхода в советский прокат фильма Сесиль Блаунта де Милля (Cecil Blount DeMille) «Безбожница» («The Godless Girl»). Эта рецензия была опубликована в ленинградской «Красной газете» 18 декабря 1930 г.⁵

Сесиль де Милль (1881–1959) уже числился в это время среди столпов голливудского большого стиля. Прозванный недоброжелателями «поэтом ваннх комнат» и «режиссером-хамелеоном», Милль вошел в историю кинематографа в том числе и как автор фильма «Царь царей» (1927), с размахом повествовавшего о жизни, смерти и воскресении Христа. Впрочем, в том же 1927 г. он снял слезливую мелодраму «Волжский бурлак», фоном для которой послужил октябрьский переворот в России.

Выпущенная в августе 1928 г. «Безбожница» провалилась в Америке, поскольку тамошняя публика жаждала звуковых картин, а фильм Милля был немым. Однако в Стране Советов и, например, в Германии «Безбожница» пользовалась большим успехом. Тем не менее, может быть, именно поэтому нашлись многочисленные ревнители идеологической чистоты, которые утверждали, что этому буржуазному и религиозному фильму не место на советском экране. Таким критикам и отвечали Матвеев с Олейниковым в своей заметке.

Известно, что Олейников испытывал трогательную нежность по отношению к американской культуре и американцам. «В них есть нечто старинное. Сотни обычных вещей они делают по-своему, точно и скромно, как йоги». Так Олейников отзывался об американцах в разговоре с Липавским⁶. Очевидно, что и «Безбожница» ему, как и Матвееву, очень понравилась, а потому соавторы воспользовались целым арсеналом демагогических приемов, защищая фильм Милля от проработчиков.

Первый такой прием пущен в ход уже в самом начале заметки Матеева и Олейникова. Рецензенты решительно отказываются обсуждать эстетическую ценность фильма Милля, подменяя какую бы то ни было аргументацию двумя напористыми утверждениями: «Сесиль де Милль – выдающийся мастер. В художественном отношении его работы бесспорны».

После этого рецензия переводится в идеологический план, где соавторам в данном случае действовать было сподручнее и привычнее.

В увлекательной статье Ю.Г. Цивьяна о перемонтаже рассказано, как с идеологическими целями был перемонтирован для советского проката фильм Сесиль де Милль «Мужчина и женщина»⁷. Мы не станем утверждать, что Матвеев и Олейников в своей рецензии перемонтировали «Безбожницу», а скажем строже и точнее: соавторы «Безбожницу» сознательно неточно пересказали, и в этом заключался второй примененный ими прием. У Милля упор делался на изображение любви, родившейся из яростной вражды девушки-атеистки и юноши – лидера христианского молодежного союза, а все остальные персонажи выступали в функции коллективной, почти сказочной злой силы, мешающей влюбленным воссоединиться. В пересказе Матвеева и Олейникова в результате ловкой переакцентуализации на первый план были решительно выдвинуты социальные обстоятельства: «Перед глазами зрителей проходит ряд потрясающих картин, которые вскрывают истинную сущность буржуазной культуры. Герои, присланные в

“дом принудительного воспитания”, попадают в условия, которые вызвали бы восхищение у самых отпетых тюремщиков царского режима. “Воспитательные” методы в “доме воспитания” проводятся при помощи самых утонченных пыток и издевательств. Результаты всего этого очевидны. Методы “воспитания” либо приводят искалеченных людей в лоно исповедуемой государством христианской религии, либо лишают рассудка. Лишь немногие способны выйти из “дома воспитания” несломленными, и это, очевидно, будущие борцы против капиталистического строя».

Не задерживаясь на том очевидном обстоятельстве, что «будущие борцы против капиталистического строя» могли присниться Сесилию де Миллю разе что в страшном сне, обратим особое внимание на эффектно и эффективно вставленный в этот синопсис пассаж об «отпетых тюремщиках царского режима»: вроде и не говорится, что они действуют в «Безбожнице», однако такое впечатление у читателя все же создается.

Третий прием, которым пользуются в своей рецензии Матвеев и Олейников, это помещение «Безбожницы» в «правильный» и опять же социальный контекст. Сперва констатируется, что «<n>аш зритель до сих пор привык видеть в американских фильмах пресловутое “процветание”. Беспечная жизнь, всеобщее довольство, жизнерадостные люди, тучные стада, словом – торжество американской государственности».

Затем выстраивается синонимический ряд из хорошо знакомых читателю советской прессы того времени разоблачительных примет американской действительности: «Только из сухих газетных сообщений мы знаем об оборотной стороне американского “процветания”. Об этой стороне свидетельствуют такие факты, как процесс Сакко и Ванцетти, суды Линча Ку-Клус-Клан, обезьяний процесс⁸ и прочие атрибуты американского “демократического” строя».

Потом называется имя широко разрекламированного в Советской России писателя, кстати, как раз в это

время получившего Нобелевскую премию: «В американской художественной литературе Синклер Льюис показал нам одичалого американского обывателя из “Главной улицы”».

А еще потом к остро социальному роману Льюиса произвольно пристегивается мелодрама Милля: «Теперь, едва ли не впервые мы видим обратную сторону “просперити” на экране».

Можно поручиться, что любого американского критика соседство имен создателей «Главной улицы» и «Безбожницы» в таком контексте удивило бы и насмешило.

Четвертый прием, используемый Матвеевым и Олейниковым для оправдания полюбившейся им «Безбожницы», заключался в ее сопоставлении с идеологически еще менее выдержанной продукцией западного кинематографа. При этом критики мелодрамы Милля недвусмысленно шельмовались как проявившие в свое время близорукость и недопустимую мягкость: «Как разоблачительная, противобуржуазная картина, “Безбожница” не может вызвать никаких разоблачений. И тем более странно слышать сейчас эти возражения, что они раздаются после того, как на наших экранах спокойно демонстрировались неприкрыто враждебные нам вещи (“Любовь моряка”). Эти картины держались на экране по несколько недель, не вызывая никаких протестов со стороны лиц, требующих теперь снятия “Безбожницы”».

И наконец, пятый прием был прибережен Матвеевым и Олейниковым для финала их рецензии. Соавторы по доброй советской традиции апеллировали здесь к мнению «нашего зрителя» (= «нашего народа»), причем, опять же по традиции, было совершенно непонятно, откуда это мнение им стало (или станет) известно – никакие социологические выкладки к ссылке на «нашего зрителя» не прикладывались: «<М>ы никогда и не предъявляли стопроцентных требований к фильмам, покупаемым за границей. В таких случаях мы ставим вопрос иначе, мы выясняем, какие реакции может вызвать картина у нашего зрителя».

Точно так же мы должны решать вопрос о “Безбожнице”.

Оправдывает ли в какой-либо мере эта фильма религию, вызывает ли она у зрителей сочувствие к американской государственности или же, наоборот, она разоблачает и вскрывает всю гнилость этой государственности?

Мы убеждены в последнем».

Мы видим, что речевая стратегия Олейникова как автора «Красной газеты» отнюдь не совпадает с его речевой стратегией как поэта. В кинокритике на «Безбожницу» Сесилия де Милля поэт примеряет на себя маску изощренного советского демагога, за которой прячется лицо умного, здравомыслящего человека с хорошим вкусом.

¹ Ахматова А. Листки из дневника // Ахматова А. Requiem. М., 1989. С. 145.

² См.: Липавский Л. Разговоры // Липавский Л. Исследование ужаса. М., 2005. С. 421.

³ Там же. С. 307.

⁴ Владимир Павлович Матвеев (1897–1940), журналист и детский писатель. Участвовал в Гражданской войне на стороне красных. В 1921 г. – ответственный секретарь «Известий». Позже переехал в Ленинград. Работал в «Ленинградской правде», в торговле (Финляндия), затем в Госиздате. Его повести, написанные на основе собственных впечатлений («Комиссар золотого поезда», «Конец Хлябинского Совнаркома»), характеризовались ангажированной критикой как «явно троцкистские и клеветнические» (Детская литература. 1937. №. 14. С. 7). Арестован в начале 1935 г. в «кировском потоке», погиб в лагере.

⁵ См.: Матвеев В., Олейников Н. Американское «процветание», как оно есть // Красная газета. Вечерний выпуск. 1930. № 298 (18 дек.). С. 4. Здесь и далее заметка Олейникова и Матвеева цитируется по этой публикации.

⁶ См.: Липавский Л. Указ. соч. С. 315.

⁷ См.: Цивьян Ю. Жест-каламбур: к истории перемонтажа // Неприкосновенный запас. 2008. № 5.

⁸ «Обезьяний процесс» – распространенное название судебного процесса, проходившего 10–21 июля 1925 г. в Дейтоне (штат Теннесси, США) над учителем Д. Скопсом, который обвинялся в том, что излагал в школе эволюционную теорию Ч. Дарвина (ее преподавание в ряде южных штатов было запрещено). Обвинителем на суде выступил один из лидеров Демократической партии У. Брайан. Суд отклонил требование защиты о вызове в качестве свидетелей ученых и приговорил Скопса к денежному штрафу.

«Перемена фамилии» Н. Олейникова
в газетном контексте

<I>

Пойду я в контору «Известий»,
Внесу восемнадцать рублей
И там навсегда распрощаюсь
С фамилией прежней моей.

<II>

Козловым я был Александром,
А больше им быть не хочу!
Зовите Орловым Никандром,
За это я деньги плачу.

<III>

Быть может, с фамилией новой
Судьба моя станет иной
И жизнь потечет по-иному,
Когда я вернуся домой.

Впервые опубликовано: Звезда. 2008. № 12. С. 159–163.

<IV>

Собака при виде меня не залает,
А только замашет хвостом,
И в жакте меня обласкает
Сердитый подлец управдом.
.....

<V>

Свершилось! Уже не Козлов я!
Меня называть Александром нельзя.
Меня поздравляют, желают здоровья
Родные мои и друзья.

<VI>

Но что это значит? Откуда
На мне этот синий пиджак?
Зачем на подносе чужая посуда?
В бутылке зачем вместо водки коньяк?

<VIa>

Я в зеркало глянул стенное,
И в нем отразилось чужое лицо.

<VII>

Я видел лицо негодяя,
Волос напوماженный ряд,
Печальные тусклые очи,
Холодный уверенный взгляд.

<VIII>

Тогда я ощупал себя, свои руки,
Я зубы свои сосчитал,
Потрогал суконные брюки –
И сам я себя не узнал.

<IX>

Я крикнуть хотел – и не крикнул.
Заплакать хотел – и не смог.
«Привыкну, – сказал я, – привыкну».
Однако привыкнуть не мог.

<X>

Меня окружали привычные вещи,
И все их значения были зловещи.
Тоска мое сердце сжимала,
И мне же моя же нога угрожала.

<XI>

Я шутки шутил! Оказалось,
Нельзя было этим шутить.
Сознание мое разрывалось,
И мне не хотелось жить.

<XII>

Я черного яду купил в магазине,
В карман положил пузырек.
Я вышел оттуда шатаюсь,
Ко лбу прижимая платок.

<XIII>

С последним коротким сигналом
Пробьет мой двенадцатый час.
Орлова не стало. Козлова не стало.
Друзья, помолитесь за нас!

Это стихотворение – одна из визитных карточек Николая Макаровича Олейникова. Софья Полякова числила его в ряду «наиболее интересных» олейниковских вещей. Лазарь Флейшман отметил, что в нем «отчетливо обнаруживается связь с мифологическими представлениями о тождестве имени и денотата». Удостоилась олейниковская «Перемена фамилии» и краткой, но содержательной интерпретации в статье Лидии Гинзбург, посвященной

творчеству поэта. «Стихотворение до конца сохраняет пародийную оболочку, – пишет Гинзбург. – Но очевидно смысл его не в том, чтобы пародировать уже малоактуальный балладный жанр, но чтобы сказать о страхе человека перед ускользающей от него двоящейся личностью, – старая тема двойника, воплощения затаившегося в личности зла».

Задача данной статьи – выявить не столько *старые*, сколько *новые* смысловые оттенки стихотворения «Перемена фамилии», уловить которые невозможно без его соотнесения с газетным контекстом советской эпохи. «Н. Олейников с современностью не связан ни тематически, ни каким-либо другим образом», – утверждал Анатолий Тарасенков, автор единственной и, увы, хулительной статьи о взрослых стихах поэта, появившейся в печати при его жизни¹. Мы постараемся показать, что это утверждение отразило действительное положение вещей с точностью до наоборот.

В дореволюционной России процедура смены фамилии была весьма затруднена. Поэтому как несомненное достижение диктатуры пролетариата было воспринято многими опубликование 4 марта 1918 г. декрета «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвища», выработанного комиссией Совнаркома, утвержденного советским правительством и подписанного В.И. Лениным.

Приведем здесь первые четыре пункта этого декрета: «1. Каждому гражданину Российской Советской Федеративной Республики по достижении им восемнадцатилетнего возраста предоставляется право изменить фамильное или родовое прозвище свободно, по его желанию, поскольку этим не затрагиваются права третьих лиц, обеспеченные специальными узаконениями. 2. Лица, желающие изменить свое фамильное или родовое прозвище, обращаются по месту своего жительства к заведывающему [sic!] отделом записи браков и рождений и лично представляют ему о том письменное заявление с приложением документов, удостоверяющих их личность, или копий этих документов, засвидетельствованных установленным порядком. 3. О сделанном заявлении заведующий отделом составляет

протокол, публикует его за счет просителя в местной правительственной газете в двухнедельный срок и одновременно пересылает для опубликования в правительственную газету центральной власти, а также извещает учреждение, ведущее списки об уголовной судимости. 4. По прошествии двухмесячного срока со времени опубликования в правительственной газете центральной власти лицо, изменившее свою фамилию или прозвище, имеет право требовать внесения этого имени во все акты гражданского состояния».

Соответственно, на последней странице центральной правительственной газеты «Известия» регулярно печатались списки граждан, решивших изменить фамильное или родовое прозвище.

Выскажем осторожное предположение, что в семье Олейниковых, как и во многих других интеллигентных семьях того времени, вычитывание из столбцов на последней странице «Известий» смешных фамилий могло входить в своеобразный ритуал ознакомления с этой газетой по утрам или вечерам. Во всяком случае, в комментарии к разбираемому стихотворению Олейникова, опубликованному в сборнике «Поэты группы “ОБЭРИУ”», сообщается: импульсом для его создания «явилось обнаруженное женой автора Л.А. Олейниковой объявление в газете о том, что “Иван Петрович Гнида меняет имя на Владимир”»².

Нам удалось найти точный текст этого объявления в номере «Известий» от 14 ноября 1934 г., причем на самом деле оно выглядит еще более забавно, хотя и менее абсурдно, чем это запомнилось жене поэта: некоторый Кирилл Васильевич Гнида, действительно, меняет, но не имя на Владимир, а фамилию на Райский³.

Желание изменить неблагозвучную фамилию на (более или менее) красиво звучащую – это, пожалуй, самая частая причина, толкавшая советских граждан навсегда распрощаться с прежними фамилиями и именами. Вспомнив для начала знаменитое «Наконец-то! Какашкин меняет свою фамилию на Любимов» из записной книжки Ильи Ильфа 1936–1937 гг., остальные примеры приведем из

газеты «Известия» за 1934 г., пожертвовав ради соблюдения благопристойности наиболее колоритными случаями. Менялись фамилии *Жеребилов* на *Барсов* (№ 45), *Хренов* на *Лондонский* (№ 119), *Негодяев* на *Виноградов* (№ 119), *Живолуп* на *Днепров* (№ 119), *Дрищук* на *Полонский* (№ 139), *Сопляков* на *Сибиряков* (№ 139), *Синепупов* на *Зорин* (№ 149), *Тупорылов* на *Туппор* (№ 167), *Новодранов* на *Новодаров* (№ 229).

Весьма часто встречаются в «Известиях» за 1934 г. примеры замены неблагозвучной фамилии именно на фамилию *Орлов*: *Голоштанов* (№ 74), *Бздюлёв* (№ 119), *Нюнин* (№ 135), *Жуликов* (№ 167), *Ширинкин* (№ 175), *Рохлин* (№ 178). Реже, но попадаются замены не слишком благозвучной фамилии с корнем *козёл-* или *козл-* на благозвучную: *Козлов* на *Фондаренко* (№ 265) и *Козёл* на *Грушницкий* (№ 175). Заметим в скобках, что замена своей фамилии на фамилию литературного персонажа (не обязательно – однозначно положительного) – случай достаточно частый. Приведем еще три примера из этой же газеты за 1934 г.: *Асанбаев* на *Печорин* (№ 45), *Пердунов* на *Дубровский* (№ 45), *Попов* на *Онегин* (№ 149).

Очень часто советские люди в 1920–1930-е годы меняли фамилию с «религиозными» обертонами на «нейтральную». Примеры из «Известий» за 1934 г.: *Всехсвятский* на *Лилин* (№ 74), *Богородские* на *Горские* (№ 119), *Богоявленский* на *Рудин* (№ 149), *Архангелов* на *Харьков* (№ 160), *Дьячков* на *Дунаев* (№ 229), *Чудотворцевы* на *Чернышевы* (№ 244), *Боголюбов* на *Липовский* (№ 186). В этом отношении наш первый пример (*Гнида* на *Райский*) нетипичен.

Иногда граждане меняли политически «неблагонадежную» фамилию на «нейтральную» или актуально «советскую», а также «нейтральную» на актуально «советскую»: *Клячкин* на *Леваневский* (№ 167) – в честь спасения «Челюскина», *Чупеткин* на *Маяковский* (№ 175), *Жандармов* на *Октябрь* (№ 244). Похожая ситуация когда-то была описана в фельетоне Михаила Булгакова «Игра природы», в финале которого пролетарий Петр Николаевич Врангель обращается к властям со следующим слезным заявлением:

«Ввиду того, что никакого мне проходу нету в жизни, прошу мою роковую фамилию сменить на многоуважаемую фамилию по матери – Иванов».

В «Известиях» за 1934 г. обнаруживается немало объявлений, в которых еврейские имена, фамилии и отчества меняются на русские: *Хусид Абрам Ильич* на *Медведь Алексей* (№ 74), *Исаак* на *Вадим* (№ 159), *Ицхак* на *Александр* (№ 124), *Сарра* на *Александра* (№ 135), *Давид Маркович Гринберг* на *Валентин Вольский* (№ 135), *Хаим* на *Сергей* (№ 139), *Абрам* на *Адольф* (№ 145), *Калкштейн* на *Поэма* (№ 167) и многие другие сходные примеры.

В свою очередь, «слишком» русские имена граждане Страны Советов стремились сменить на нейтральные (и никогда – наоборот). Примеры из «Известий» за 1934 г.: *Пантелеймон* на *Валентин* (№ 119), *Фёкла* на *Валентина* (№ 124), *Никанор* на *Михаил* (№ 124), *Тит* на *Евгений* (№ 124), *Парфён* на *Геннадий* (№ 139), *Трофим* на *Леонид* (№ 149), *Лука* на *Дмитрий* (№ 227), *Никанор* на *Николай* (№ 178), *Прасковья* (в полном, хотя и непреднамеренном соответствии с хрестоматийными строками из «Евгения Онегина») на *Полина* (№ 178).

Во избежание недоразумений особо оговорим, что речь в этой заметке не идет о тех самых многочисленных случаях перемены фамилии, когда жена брала фамилию мужа (*Лидия Суок* на *Багрицкая* в 119-м номере «Известий» за 1934 г., уже после смерти автора «Птицелова» и «Контрабандистов»).

Микроанализ причин, руководствуясь которыми «уважаемые граждане» СССР меняли свои имена и фамилии, позволяет в очередной раз подметить характерно советское противоречие: декрет «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвища» был выработан специально для того, чтобы люди новой формации могли во всей полноте проявлять собственную индивидуальность и свободу воли. Однако реальная жизнь подталкивала граждан, меняя фамилии и имена, стремиться как раз к размыванию личности и, в частности, к утрате отчетливо выраженных через имя или фамилию национальности и памяти о своем про-

исхождении (например, из духовенства). Случаи, когда из чисто эстетического удовольствия советский гражданин в 1934 г. менял «некрасивые» фамилию, имя и отчество на «красивые» (как *Белокопытов Борис Константинович* на *Туман Май* в 74-м номере «Известий»), можно пересчитать по пальцам.

И вот теперь самое время обратить внимание на то, что герой стихотворения Олейникова «Перемена фамилии» оказывается типично советским человеком не до конца, а ровно наполовину. Неблагозвучную фамилию *Козлов* он на красивую *Орлов* меняет, но одновременно из неброского *Александра* превращается в отнюдь не обычного по советским меркам *Никандра*: это имя в качестве обретенного взамен утраченного в 1934 г. не выбрал ни один человек.

Имя греческого происхождения *Никандр* нередко давали при рождении мальчикам в семьях православных священников, а в современной Олейникову и предшествующей отечественной литературе это имя, как правило, присваивалось персонажам из русских дворянских, поповских, чиновничьих и крестьянских семей. Будь это Никандр из «Российского Жилблаза» В. Нарезного, или приказчик Никандр Мухояров из пьесы А. Островского «Правда – хорошо, а счастье лучше», или Никандр Пташкин из «Мрачного штурмана» К. Станюковича, или Никандр Рассветов из «Страны негодяев» С. Есенина, или владыка Никандр из пьесы М. Горького «Егор Булычов и другие», или дьякон Никандр из повести С. Сергеева-Ценского «Чудо»... Намеренно не включаем в этой статье имя *Никандр* (как и фамилии *Козлов* и *Орлов*) в обэриутский контекст. Отметим только, что персонаж с таким именем (прототипом которого был приятель Хармса Никандр Тювелёв) появляется в маленькой пьесе в стихах Даниила Хармса «Вода и Хню» (1931), которая согласно ремарке самого Хармса «<p>принадлеж<ала> Н.М. Олейникову».

Выходит, проблема героя «Перемены фамилии» состоит не только в том, что он невольно разбудил в себе двойника, воплощающего затаившееся в личности зло, но и в том, что этот двойник не целен. Его также раздирают

противоречия, как прежде они раздирали героя. Ни утонченный *Орлов Александр*, ни сермяжный *Козлов Никандр*, вероятно, не мучились бы так, как раздвоенный *Орлов Никандр*:

Сознание мое разрывалось,
И мне не хотелось жить.

Тут «сознание» взято из словаря так и не обретшего плоти и крови *Орлова Александра*, а простонародное «не хотелось» – из лексикона *Козлова Никандра*. *Орлов Александр*, движимый механизмом культурной памяти, лучше всех описанным М.Л. Гаспаровым, нагрузил стихотворение «Перемена фамилии» семантическими ореолами, характерными в русской традиции для 3-стопного амфибрахия с рифмующимися окончаниями ЖМЖМ: стихотворение содержит множество бытовых подробностей, торжественная интонация чередуется в нем с романтической, а жанровой основой для «Перемены фамилии» послужили баллада и в меньшей степени (в V строфе) – заздравная песня. Неумелый *Козлов Никандр* дважды разрушил продуманную *Орловым Александром* строфику стихотворения и последовательность рифмовки в нем: между VI и VII строфами в текст вклинивается двустишие (VIa), а схема рифмующихся окончаний X строфы выглядит так: ЖЖЖЖ. Но и самый 3-стопный амфибрахий в IV, V, VI, VIa, VIII, X и XII строфах чередуется с 4-стопным. *Орлов Александр* обогатил стихотворение «Перемена фамилии» романтическими клише вроде «Печальные тусклые очи, / Холодный уверенный взгляд», «Тоска мое сердце сжимала», а также «Друзья, помолитесь за нас!». *Козлов Никандр* – просторечием «вернуса», колоритной и опять же бытовой подробностью: «И в жакте меня обласкает сердитый подлец управдом» плюс неуклюжей строкой: «И мне же моя же нога угрожала».

Остается напомнить, что двойную жизнь в 1920–1930-е годы вел и сам Николай Макарович Олейников, в чьем псевдониме *Макар Свиретый* отчетливо «русское»

отчество поэта преобразилось в имя, заменив нейтральное *Николай* (в газетном примере из 119-го номера «Известий» за 1934 г., разумеется, наоборот: там *Макар* меняет имя на *Николай*). «Олейников в жизни и поэзии был одновременно Орловым и Козловым, имел кроме истинного лица множество фиктивных, скрывающих подлинное», – лишь самую малость утрируя, писала Софья Полякова. Примыкавший к группе ленинградских молодых поэтов-авангардистов, Олейников в решительный момент объединить себя с ними отказался, ведь в зале присутствовали «его ребята из райкома». Собственно, из страха перед «ребятами из райкома» Олейников так никогда официально и не присоединился к ОБЭРИУ.

Для контраста процитируем в заключение фрагмент из дневника Евгения Шварца, рассказывающий о смелом и последовательном поведении Даниила Хармса и затрагивающий важную для нас тему «перемены фамилии»: «Был Даниил Иванович храбр. В паспорте к фамилии Ювачёв приписал он своим корявым почерком псевдоним Хармс, и когда различные учреждения, в том числе и отделения милиции, приходили от этого в ужас, он сохранял ледяное спокойствие».

¹ Литературная газета. 1934. 10 дек. С. 3.

² Поэты группы «ОБЭРИУ». СПб., 1994. С. 618. Большая сер. «Библиотека поэта».

³ Далее во всех примерах будет указываться не число, а номер газеты.

О двух редакциях одного перевода
Даниила Хармса

Сопоставлению текста знаменитой стихотворной повести для детей немецкого поэта Вильгельма Буша «Плих и Плюх» с ее вольным переводом на русский язык, выполненным Даниилом Хармсом, посвящена очень хорошая статья Александра Кобринского. Но А. Кобринский (как и другие исследователи) почти не обращает внимания на многочисленные разночтения (их ровным счетом 30) между двумя редакциями хармсовского перевода: первой, напечатанной в 8-м (августовском) и 12-м (декабрьском) номерах журнала «Чиж» за 1936 г., и второй – вышедшей в 1937 г. отдельной книжкой в Издательстве детской литературы.

Цель настоящей статьи – восполнить этот пробел.

Следует сразу отметить, что целый ряд поправок, внесенных самим Хармсом или Хармсом по подсказке издательского редактора в текст «Плиха и Плюха», был призван исправить очевидные огрехи перевода.

Среди них бросаются в глаза, например, непреднамеренные тавтологии (курсив мой. – *О. Л.*):

Будка. В будке Плюх и Плих.
(Журнальный вариант)

Печатается впервые.

Снова в будке Плюх и Плих.
(Книжный вариант),

неловкие и/или вставленные лишь для заполнения места
в строке обороты:

И случайно, *среди дела*,
Вдруг в окошко поглядела.
(Журнальный вариант)

Вдруг в окошко поглядела
И от страха побледнела...
(Книжный вариант)

Или:

Пауль кнутиком взмахнул,
Брата кнутиком стегнул,
И *при помощи салата* [что это значит? – О. Л.]
Разодрались оба брата.
(Журнальный вариант)

Пауль тоже рассердился,
Быстро к брату подскочил,
В волоса его вцепился
И на землю повалил.
(Книжный вариант)

Иногда исправлялись строки, содержавшие логические неувязки:

И спасенные щенки
Вылезают из реки.
(Журнальный вариант)

Вылезают из реки,
А в руках у них щенки.
(Книжный вариант)

Если щенки сами вылезают из реки, то зачем их было
спасать?

Или:

И на солнышко глядят.
(Журнальный вариант)

Вдаль задумчиво глядят.
(Книжный вариант)

Если долго глядеть «на солнышко», заболят глаза.

Несколько раз Хармсу приходилось переделывать нарочитые неуклюжести первоначального варианта перевода, явно призванные передать своеобразие стиля Буша. От этого текст стал чуть более гладким, но и чуть менее обаятельным:

Было:

И с разбега в реку прыг!
И как рыбы в воду шмыг!

Стало:

И тотчас же с головой
Исчезают под водой.

Было:

Плих и Плюх, вскочив на стол,
Съели все и прыг под стол.

Стало:

Две собаки Плюх и Плих
Съели все за четверых.

Было:

Вдруг с размаху в речку – хлоп!
Телескоп и мистер Хопп.

– Кто-то шел как будто там,
Молвил Фиттих сыновьям. –
Вдруг исчез. Но где же он?
Сон ли это, иль не сон?
Ну, конечно же, не сон –
Вон из речки лезет он.

Стало:

Вдруг о камень он споткнулся,
Прямо в речку окунулся.
Шел с прогулки папа Фиттих,
Слышит крики: «Караул!»
«Эй, – сказал он, – посмотрите,
Кто-то в речке утонул».

Наиболее же интересными кажутся нам поправки, выразительно демонстрирующие один из этапов (заключительный) превращения Даниила Хармса в настоящего детского писателя путем вытравливания из текста «Плиха и Плюха» следов хармсовской «взрослой» поэтики. Превращение это совершалось под очевидным давлением издательского редактора Натальи Леонидовны Дилакторской, в данном случае выступавшей в качестве блюстителя моральных и идеологических устоев советской литературы для самых маленьких.

Как известно, зазор между «взрослым» и «детским» творчеством Хармса очень велик. В частности, он создается за счет того, что в стихах и прозе «взрослого» Хармса особое место отводится эротике, а также кровожадным (связанным со всевозможными проявлениями жестокости) мотивам.

В первом хармсовском варианте перевода «Плиха и Плюха», как это ни удивительно для 1936 г., нашлось место и тому и другому (другому – так даже с избытком).

Что касается «эротики», то в журнальном варианте Плих и Плюх в одной из глав дрались друг с другом не беспричинно, а из-за места поближе к очаровательной

собачке «с красным бантом на груди» (как и в оригинале у Буша):

Вот приятели стоят,
В восхищении глядят:
На окне стоит собачка
С красным бантом на груди.
Плюх стоит немного сзади,
Плих, конечно, впереди.
А потом, конечно, Плюх
Оказался впереди.
И глядит он на собачку
С красным бантом на груди.
Плих ворчит, на Плюха злится,
Плюх на Плиха зло косится,
Плих на Плюха зло глядит,
Из-под ног земля летит.
Плюх на Плиха нападает,
Плих, конечно, побеждает.
Плюх спасается бегом
И как пуля мчится в дом.

Из книжки собачка с красным бантом была беспощадно изгнана, а драка между Плихом и Плюхом теперь мотивировалась лишь их вздорным щенячьим нравом:

Но известно, что собаки
Не умеют жить без драки.
Вот в саду, под старым дубом,
Разодрались Плих и Плюх.
И помчались друг за другом
Прямо к дому во весь дух.

Тщательно вычищались из книжной редакции «Плиха и Плюха» все жестокости, отличающие, между прочим, не только журнальный вариант хармсовского перевода, но и саму стихотворную повесть Буша. Если же совсем избавиться от подобных сцен и слов не удавалось, они

предельно смягчались и нивелировались за счет нового контекста.

Так, в первой редакции развернутый эпизод с мышкой начинался следующим образом:

Мышка, мышка в мышеловке:
Значит, смерть пришла воровке.

Из второй редакции страшное слово «смерть» было убрано (заодно Хармс устранил и повторение «мышка, мышка»):

Мышку, серую плутовку,
Заманили в мышеловку.

В первом варианте перевода утоплению Каспара Шлиха предшествовал разрыв сердца, а финальная строка всего текста звучала намеренно двусмысленно – «конец» наставлял и «повести» и малосимпатичному персонажу:

Тут он вышел из засады,
И от злости и досады
Сердце лопнуло его.
Каспар Шлих воскликнул: – Ох! –
Испустил последний вздох,
Трубку выронил из рук
И свалился в воду вдруг.
Трубка медленно дымится,
Дыма облачко клубится
В виде маленьких колец.
Вот и все. Настал конец.

Во втором варианте Шлих только тонул, а двусмысленность из заключительной строки была устранена:

Каспар Шлих ногою топнул,
Чубуком о землю хлопнул,
Каспар Шлих рукой махнул –
Бух! И в речке утонул.

Трубка старая дымится,
Дыма облачко клубится.
Трубка гаснет наконец.
Вот и повести конец.

Но, пожалуй, самая интересная метаморфоза приключилась во второй редакции с тем эпизодом «Плиха и Плюха», где описывается обучение братьев Пауля и Петера в школе учителя Бокельмана.

В книжке этот эпизод выглядит так:

Очень, очень, очень, очень
Папа Фиттих озабочен...
«Что мне делать? – говорит, –
Голова моя горит.
Петер – дерзкий мальчуган,
Пауль – страшный грубиян,
Я пошлю мальчишек в школу,
Пусть их учит Бокельман!»
Бокельман учил мальчишек
Палкой по столу стучал,
Бокельман ругал мальчишек
И как лев на них рычал.
Если кто не знал урока,
Не умел спрягать глагол, –
Бокельман того жестоко
Тонкой розгой порол.
Впрочем, это очень мало
Иль совсем не помогало,
Потому что от битья
Умным сделаться нельзя.
Кончив школу кое-как,
Стали оба мальчугана
Обучать своих собак
Всем наукам Бокельмана.
Били, били, били, били,
Били палками собак,
А собаки громко выли,
Но не слушались никак.

«Нет, – подумали друзья, –
Так собак учить нельзя!
Палкой делу не помочь!
Мы бросаем палки прочь».
И собаки в самом деле
Поумнели в две недели.

А. Кобринский подробно сопоставил эти строки с оригиналом Буша и резонно отметил, что Хармс здесь сознательно искажил исходный текст: у немецкого поэта и Пауль с Петером, и Плюх с Плихом не поглупели, а, напротив, поумнели от побоев.

Но ведь в первой редакции перевода, напечатанной в «Чиже», все именно так и обстояло, хотя Хармс ощутимо смягчил жестокие подробности из оригинала Буша!

Прочитируем соответствующий отрывок:

– Что мне делать? – крикнул Фиттих. –
Мало толку только бить их.
Пауль страшный хулиган,
Петер – тоже хулиган.
Я пошлю мальчишек в школу,
Пусть их учит Бокельман!
Бокельман учил мальчишек,
И недели через две –
– Пауль и Петер просто прелесть! –
Говорили хором все.
Плих и Плюх учились тоже,
И недели через две –
– Вот собаки, просто прелесть! –
Говорили хором все.

И в оригинале, и в «Чиже» процитированный фрагмент сопровождается иллюстрациями Буша. На первой из них Бокельман стоит с розгой перед умоляюще сложившими руки Паулем и Петером. На второй – уже сами Пауль и Петер порют розгами Плюха и Плиха. На третьей – Плюх и Плих вытянулись перед братьями по струнке, а в руках у Пауля и Петера все те же «воспитательные» розги.

Нельзя, впрочем, не обратить внимания на то обстоятельство, что во второй редакции перевода по сравнению с первой смакование жестоких подробностей исподтишка лишь усилено («Тонкой розгой порол» и проч.). А это провоцирует искать ответ на напрашивающийся вопрос: во вред или на пользу Даниилу Хармсу как писателю пошли категорические требования, выдвигаемые советской эпохой, а также тем сектором литературы, в котором он подвизался для заработка денег?

Впрочем, корректно ответить на данный вопрос в рамках филологической заметки возможным не представляется.

«Я говорю с эпохой...»
Газетный фон стихотворений Мандельштама
1930-х годов

Газетное дожевывая чтиво,
Поэт бежит за жизнью по пятам.
Лекманов доказал красноречиво:
Весь вычитан из «Правды» Мандельштам!
Максим Амелин

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...
Анна Ахматова

Какой цели *не* преследует эта работа? Цели показать и доказать, что советские газетные статьи и заметки 1930-х годов в совокупности образуют плотный подтекстный слой для стихов позднего Мандельштама¹. Не подыскивание конкретных мотивирующих *подтекстов*, а восстановление злободневного *фона* – вот в чем мы чаще всего видели свою задачу. Рассмотренные на этом контрастном примитивном фоне сложные мандельштамовские образы иногда вдруг проясняются или хотя бы перестают казаться безнадежно энигматическими.

Впервые опубликовано: Сохрани мою речь. Вып. 5/2. М., 2011. С. 495–608. Приношу глубокую благодарность Г.А. Левинтону, Е.Э. Ляминой, Н.Н. Мазур, Ф.Б. Успенскому и Ю.Л. Фрейдину за подсказки и замечания.

В ряде случаев у нас все же имелись основания увидеть в том или ином газетном сообщении мотивирующий источник (подтекст) для того или иного фрагмента мандельштамовского текста. Но и здесь картина кардинально отличается от ситуации с литературными подтекстами: достаточно редко газетные статьи и заметки можно уверенно разделить на те, которые непосредственно послужили источниками для строк Мандельштама, и те, где источником послужила изложенная в статьях информация, не обязательно взятая именно из данной статьи². Другими словами, подтекстом зачастую оказывается не газетный текст, а событие, послужившее для него информационным поводом. Важный вопрос о хронологической соотнесенности газетного повода и спровоцировавшего этот повод текста в мандельштамовском случае имеет не один, а множество ответов: иногда поэт откликнулся на газетное событие сразу же, иногда зазор между событием и стихотворным откликом на него составлял несколько дней или даже месяцев.

Мы в полной мере отдаем себе отчет в том, что предлагаемое в этой работе «узко адресное» прочтение стихотворений Мандельштама и их фрагментов, «обогадив реальный комментарий, рискует обеднить поэтическую семантику текста»³. Но ведь реальный комментарий, как мы его понимаем, не противостоит интерпретации, а дополняет ее, служит для нее сырьем и основой. Важно только не считать с неофитским пылом выбранный тобой метод единственно верным и плодотворным, противопоставляя себя предшественникам в трудном деле медленного чтения мандельштамовских стихов и прозы. Поэтому каждое наше объяснение «темной» строки поэта мы мысленно сопровождали примечанием: «А может быть, это объяснение неправильное или недостаточное». Делать такие примечания мы призываем и читателя.

Также просим читателя помнить о полиреферентности большинства мандельштамовских стихотворений, строф и строк.

Из тех работ наших коллег, в которых творчество Мандельштама вписано в газетный контекст, назовем здесь превосходную статью Д.М. Сегала о мандельштамовской

«Египетской марке»⁴, его же книгу о ранней поэзии Мандельштама⁵ и исследование Д.И. Черашней о московских стихотворениях поэта 1931 г.⁶ Очень важную стимулирующую роль сыграла для нашей работы книга М.Л. Гаспарова о «гражданских» стихах Мандельштама 1937 г.⁷ и две монографии Лазаря Флейшмана, соотносящие с советской современностью творчество Бориса Пастернака 1920 и 1930-х годов⁸.

Реконструкция газетного фона для поздней мандельштамовской поэзии – шаг напрашивающийся. Более неожиданные и интересные результаты обещает принести попытка сопоставить с газетным материалом стихи Мандельштама 1920-х годов и особенно его лирику периода «Камня». Такие попытки мы, собравшись с силами, еще надеемся осуществить.

А эту статью нам представляется уместным начать с краткого очерка, суммирующего все выявленные на сегодняшний день прямые высказывания Осипа Мандельштама о газетах и газетном стиле, относящиеся к 1910–1920-м годам, подготовившим позднюю мандельштамовскую поэзию.

1

«<Е>жедневное просматриванье газет входило» «в работу» Мандельштама, – со ссылкой на вдову поэта упоминает А.А. Морозов⁹. «За чаем О. М. обычно просматривал газету; хозяину, как кадровому рабочему, удалось выписать “Правду”», – свидетельствовала Надежда Яковлевна¹⁰. «Это тяжелое и трудное, громоздкое и страшное общесоветское дело, то, о чем *мы ежедневно читаем в газетах*», – обмолвился сам Мандельштам в «Открытом письме советским писателям» (4, 130)^{11*}.

* Здесь и далее ссылки на прозу и письма поэта даются в скобках с указанием номера тома и страниц по изданию, указанному в примечании 11. Курсив в цитатах, кроме специально оговариваемых случаев, везде мой. – О. Л.

Однако привычку ежедневно и внимательно просматривать прессу поэт, судя по всему, завел не ранее Февраля или даже Октября 1917 г.

В заметке о Джеке Лондоне (1913) Мандельштам высказался о газетном языке в целом и об одном из главных газетных жанров в частности с тем полным пренебрежением, которое он тогда разделял с большинством русских модернистов: «Вокруг приключений Джека Лондона – самая обыкновенная духовная пустота, как вокруг газетного фельетона или рассказа Конан-Дойла <...>. Каждая страница дает новую сенсацию подобно тому, как номер американской газеты содержит очередное убийство <...>. Перевод, который очень бранили в прессе, сделан хорошим фельетонным языком; другого перевода Лондон, бесконечно равнодушный к задачам стиля, не заслуживает» (1, 189–190)¹².

Позднее такое свое отношение к газете поэт определит как высокомерие, хотя полностью от него и не откажется. В «Шуме времени» (1923) Мандельштам вспомнит о Николае Гумилеве: «Один из моих друзей, человек высокомерный, не без основания говорил: “Есть люди-книжки и люди-газеты”» (1, 370)¹³. В переводе на поэтический язык автора «Камня» сходная формула звучала так:

Немногие для вечности живут;
Но если ты мгновенным озабочен,
Твой жребий страшен и твой дом непрочен! [328]^{14*}

Из стихотворения

«Паденье – неизменный спутник страха...», 1912

Пренебрежительные и уважительные высказывания о газете – материальном воплощении «мгновенного» – чередуются в мандельштамовских статьях и заметках ранней и относительно ранней пореволюционной поры. «Вот заходит газетчик. У него припасены газеты на всех языках.

* Здесь и далее ссылки на стихотворения поэта приводятся в квадратных скобках с указанием страниц по изданию, указанному в примечании 14.

Каждому – свое. Старый почтенный турок покупает турецкий “Коммунист” и медленно читает вслух другим» (из очерка «Батум», 1922. (2, 231); «Чего же нам особенно удивляться, если Пильняк или серапионовцы вводят в свое повествование записные книжки, строительные сметы, советские циркуляры, *газетные объявления*, отрывки летописей и еще *бог знает что*» (из статьи «Литературная Москва», 1922; 2, 261); «В “Jeu de raume” наблюдается борьба газетной темы и ямбического духа. Почти вся поэма в плену у газеты» (из «Заметок о Шенье», 1922; 2, 280); «“Собачья склока” была напечатана в газете “Журналь де деба”; еще не высохла типографская краска, как имя поэта было у всех на устах» (из статьи «Огюст Барбье», 1923; 2, 304); «Единственная газета в городе – газета военмора “Аврал”. Энергичный листок, умеющий находить крепкие слова, всегда простые и сильные для домашнего военморского быта, типичная “своя” газета, подошедшая вплотную к своему читателю» (из очерка «Севастополь», 1923; 2, 330).

Важное для нас признание, касающееся мандельштамовского распорядка дня этого времени, находим в московском репортажном очерке поэта «Холодное лето» (1923): «А я люблю выбежать утром на омытую светлую улицу, через сад, где за ночь намело сугробы летнего снега, перины пуховых одуванчиков, – прямо в киоск, за “Правдой”» (2, 308). Весьма значимой и многое объясняющей в эволюции отношения Мандельштама к газете представляется нам следующая его оценка поэтической деятельности Владимира Маяковского: «Отвратительную газету недавней современности, в которой никто ничего не мог понять, он заменил простой здоровой школой. Великий реформатор газеты, он оставил глубокий след в поэтическом языке» (из статьи «Буря и натиск», 1922–1923; 2, 297).

К середине 1920-х годов редакции московских и ленинградских газет часто посещались Мандельштамом, находившимся в поэтическом простом, в поисках заработка и приработка¹⁵. «Мы спасены! – писал он жене 1 октября 1926 г. – Давидка <Выгодский> – редактор журн<ала> иностр<анной> лит<ературы> при <“>Кр<асной>

Газ<ете><">! <...> Я взялся им писать реценз<ии> для газ<еты> – по 30 р. с книги – 10–20 стр<очек>» (4, 84). Именно из газет поэт предполагал черпать материал для киносценария, который он собирался писать вместе с Бенедиктом Лившицем: «Мы с Беном решили написать сценарий по “делу Джорыгова”. Прочти в вечерках», – пишет он в письме к жене 23 февраля 1926 г. (4; 68). В это время Мандельштам не видит ничего зазорного и в том, чтобы выписывать газеты для горячо любимой жены: «Завтра подпишусь на вечерние для моей детушки газеты» (из письма к Н.Я. Мандельштам от 5 февраля 1926 г.; 4, 56); «Вечером меня потянуло на вокзал – к тебе – с “Трамваем” и газетками» (из письма к ней же от 18 февраля 1926 г.; 4, 64); «Ты получаешь мои газетки?» (из письма к ней же от 28 февраля 1926 г.; 4, 72).

В номере журнала «Ленинград» за 18 июля 1925 г. Мандельштам под псевдонимом «Колобов» опубликовал обширную рецензию-анонс на переведенную им же анонимную книгу «За кулисами французской печати»: «На этих днях в русском переводе (в Ленгизе) выйдет книга “Кулисы французской печати”, где французским журналистом рассказаны замечательные вещи о чудесах французской газетной кухни» (2, 428).

С конца августа 1929 г. по январь 1930 г. поэт вел «Литературную страничку» в газете «Московский комсомолец»¹⁶. Этот период вместил в себя как чрезвычайно благожелательные суждения поэта о советской прессе, так и резко негативные.

С одной стороны, в статье «О переводах» (1929) Мандельштам чуть ли не единственный раз в жизни противопоставил газету книге со знаком плюс: «Мы должны работать не на традиционное пассивное “быдло”, а навстречу читателю, который двинулся к иностранным языкам, – того читателя, который по складам разбирает немецкие уроки “Комсомольской правды” <...>. Монументальная серия классиков, все та же работа на книжный шкаф – работа по существу бессмысленная» (разрядка Мандельштама. – О. Л.) [2, 518].

С другой стороны, в своей «Четвертой прозе» (1929–1930) Мандельштам, измученный газетной поденщиной и конфликтом с советскими литераторами, изобразил типового газетного редактора, ориентируясь, ни больше, ни меньше, как на Иеронима Босха и страшного раннего Гоголя: «Здесь непрерывная бухгалтерская ночь под желтым пламенем вокзальных ламп второго класса. Здесь, как в пушкинской сказке, жида с лягушкой венчают, то есть происходит непрерывная свадьба козлоногого ферта, мечущего театральную икру, – с парным для него из той же бани нечистым – московским редактором-гробовщиком, изготавливающим глазетовые гробы на понедельник, вторник, среду и четверг. Он саваном газетным шелестит¹⁷. Он отворяет жилы месяцам христианского года, еще хранящим свои пастушески-греческие названия: январю, февралю и марту. Он страшный и безграмотный коновал происшествий, смертей и событий и рад-радешенек, когда брызжет фонтаном черная лошадиная кровь эпохи» [3, 170].

Напрашивающаяся параллель – финал эмигрантского стихотворения Марины Цветаевой «Читатели газет» (1935):

Вот, други, – и куда
Сильней, чем в сих строках!
Что думаю, когда
С рукописью в руках

Стою перед лицом
– Пустее места – нет! –
Так значит – нелицом
Редактора газет-

ной нечисти.

Высказывания Осипа Мандельштама о советской прессе 1930-х годов цитируются в следующих далее разделах этой работы. Пока напомним только, что в стихотворении «Стансы» (июль 1937) он впервые в своей поэтической практике прямо ссылается на газетную передовицу,

а в воронежской рецензии 1935 г. на книгу стихов Григория Санникова «Восток» поэт мимоходом идентифицирует себя с едва ли не самым скромным из работников прессы: «Хочется лишь выправить расстановку слов в таких стихах, как это сделал бы любой *газетный корректор*» (3, 270).

В этой же рецензии Мандельштам наставительно объясняет Санникову, что «такая тематика, как наука, революционная практика, борьба и жизнь масс, требует творчества, а не списывания хотя бы из блестящей газетной статьи» (3, 271). Но можно вспомнить и другую цитату: «...нам кажется, что умение использовать злобу газетного дня для своего вдохновения ничуть не умаляет, а лишь увеличивает заслугу поэта». Так Мандельштам писал об Огюсте Барбье (2, 304).

И не только о нем, как мы попытаемся сейчас показать.

2

Возвращение Осипа Мандельштама к писанию стихов после пятилетнего поэтического молчания пришлось на октябрь 1930 г. Оно совпало с очередным ужесточением политического режима Страны Советов, сигналом к которому послужил XVI съезд ВКП (б). В «Известиях» от 1 октября была опубликована зубодробительная статья К. Радека «Социалистические ударники против капиталистических подрывников»¹⁸; в последнем октябрьском номере – большая редакторская передовица «О двурушничестве»¹⁹. В промежутке между началом и концом месяца вся советская печать дружно громила «правый уклон» партии, осужденный на съезде.

Для наглядности приведем здесь выборку заголовков из «Правды» за октябрь месяц: 6-го числа газета напечатала редакционную статью «Разоблачим до конца кулацких агентов, союзников контрреволюционного троцкизма – правых оппортунистов»^{20*}. На этой же странице

* Здесь и далее ссылки на газету «Правда» 1930 г. приводятся в скобках с указанием страниц.

«Правда» поместила «Постановление президиума ЦК ВКП(б) о М. Рютине»: «За предательски-двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов, признанных XVI съездом несовместимыми с пребыванием в партии, исключить М. РЮТИНА из рядов ВКП (б)»²¹ (с. 3). В «Правде» от 9 и 10 октября напечатан разоблачительный фельетон С. Крылова «Кондратьевщина и правый уклон» (с. 5). 11 октября газета опубликовала большую подборку материалов под общей шапкой «Партийные массы единодушно одобряют решение ЦКК об исключении из рядов партии ВКП (б) оппортуниста – двурушника Рютина» (с. 3). В номере от 15 октября появилась редакционная статья «О с<ельско>-х<озьяйственном> вредительстве. Доклады в международном аграрном институте» (с. 5). В номере от 18 октября – памфлет Емельяна Ярославского «Мечты Чайановых и советская действительность» (с. 2). 24 октября правдинская редакционная заметка призвала: «Сильнее огонь по правым оппортунистам!» (с. 2). 26 октября в газете появилась редакционная статья «В рядах ленинской партии нет места предателям» (с. 3). В номере от 27 октября «Правда» поместила подборку статей под шапкой «Очищая партию от кулацкой агентуры, сплотим еще теснее свои ряды вокруг ленинского ЦК» (с. 3). И наконец, 30 октября газета напечатала двухполосную статью Леопольда Авербаха «О двурушничестве» (с. 4)²².

Стоит ли удивляться, что новый Мандельштам начался со строк

Куда как *страшно* нам с тобой,
Товарищ большеротый мой! [187]

из стихотворения, обращенного поэтом к жене и написанного в Тифлисе в октябре 1930 г.?

Октябрём этого же года помечены и мандельштамовские стихи, в которых тема страха перед действительностью убрана из текста в подтекст:

Не говори никому,
Все, что ты видел, забудь –
Птицу, старуху, тюрьму
Или еще что-нибудь...

Или охватит тебя,
Только уста разомкнешь,
При наступлении дня
Мелкая хвойная дрожь.

Вспомнишь на даче осу,
Детский чернильный пенал
Или чернику в лесу,
Что никогда не собирал. [192]

По меткому наблюдению К.Ф. Тарановского, «<t>риада “птица, старуха, тюрьма”» в первой строфе «автобиографична. Это воспоминание о заключении во врангелевскую тюрьму в Феодосии (в конце 1919 или в начале 1920 г.), по обвинению, угрожавшему поэту расстрелом»²³. Одним из побудительных мотивов для этого воспоминания могла стать статья о тогдашнем Крыме «Десятилетие советского Крыма (В Совнарком РСФСР)», опубликованная в «Известиях»²⁴.

Тарановский акцентирует внимание читателя и на том, что вторая строфа стихотворения «Не говори никому...» «начинается противительным союзом или (‘а не то’), звучащим как угроза. Тема этой строфы – страх перед расстрелом»²⁵. Только-только возвратившийся в поэзию Мандельштам сразу же призывает себя к молчанию: развернувшиеся в стране события требовали от всякого говорящего предельной осторожности. Напомним, что Мартемьян Рютин был не просто исключен из коммунистической партии, но и арестован. Временно освободили его лишь в начале следующего, 1931 г.

В соответствии с отлаженной советской схемой в каждой профессиональной области в октябре 1930 г. отыскивались свои «правые уклонисты», чтобы публично

клеймить их позором. Не стала исключением и писательская среда. «Литературная газета» начала публикацию длиннейшего «письма секретариата РАПП» «всем ассоциациям пролетарских писателей» «о разворачивании творческой дискуссии»²⁶. В этом «Письме» не обошлось без главы «Правая и “левая” опасности в пролетарской литературе на нынешнем этапе».

23 октября к разговору подключилась «Правда», напечатавшая коллективную статью участников мапповского кружка рабочей критики «Натиск» под заглавием «Против правого уклона внутри РАПП (О книгах и статьях В. Ермилова)»: «В литературное движение вливаются новые сотни и тысячи рабочих-ударников. В целях их воспитания необходимо с еще большей силой развернуть идейную борьбу за генеральную линию партии в литературе, в основном правильно проводимую РАПП, против искажений этой линии справа и “слева”. Надо развернуть действительную самокритику, действительно “невзирая на лица”. Наиболее ярким, хотя и не единственным, носителем системы правооппортунистических взглядов внутри РАПП является тов. Ермилов, книга которого “За живого человека в литературе” (равно как и его последующие статьи) осталась до сих пор совершенно не разоблаченной и даже рекомендована ГУС для школьных библиотек <...>. Ермилов заявил, что Гумилева – этого активного белогвардейца, оголтелого врага рабочего класса “революция просто не интересовала, оказалась лежащей вне его личности” <...>. Задача заключается в том, чтобы... очистить наше движение от ермиловщины, лицемерно прикрывающей свою правооппортунистическую сущность заявлениями о согласии с основной линией РАПП» (с. 5).

Однако на следующий день близкая в то время к РАПП «Литературная газета» поместила статью Ермилова «За писателя – бойца». Никак прямо не реагируя на критику со страниц «Правды», Ермилов попытался косвенно дезавуировать едва ли не все обвинения, предъявленные ему кружком «Натиск». Например, он недвусмысленно резко высказался о том самом Гумилеве, в тайной снисхо-

дительности к которому правоверного рапповца уличали рабочие критики. «Буржуазные поэты молились слову, – писал Ермилов, – они стремились окутать слово в глазах трудящейся массы туманом мистической тайны, противопоставляя слово всему мелкому, “земному”:

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог.
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово – это бог.
(Гумилев)»²⁷.

Вероятно, именно на полемику кружка «Натиск» с Ермиловым, а также на свод правил поведения для рядовых рапповцев, напечатанный в «Литературной газете», Мандельштам в октябре 1930 г. откликнулся следующим иронически-иносказательным стихотворением:

На полицейской бумаге верже
Ночь наглоталась колючих ершей.
Звезды живут – канцелярские птички, –
Пишут и пишут свои раппортички.

Сколько бы им ни хотелось мигать,
Могут они заявленье подать –
И на мерцанье, писанье и тленье
Возобновляют всегда разрешенье. [192–193]

Комментарий Н.Я. Мандельштам: «“Раппортички” – два “п” – от слова РАПП. Это <...> заинтересовало когда-то Фадеева»²⁸.

В декабре 1930 г. Мандельштам через Москву возвратился из Тифлиса в Ленинград. Тогда же было написано одно из самых известных его стихотворений о родном городе:

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда – так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург! я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных. [194]

Не сосредоточиваясь сейчас на автобиографических обстоятельствах, отраженных в этом стихотворении, отметим только, что образ подающих голоса «мертвецов» из десятой его строки, по-видимому, уместно будет сопоставить со следующим фрагментом фельетона Бориса Пильняка «Слушайте голос истории!», посвященного итогам процесса по делу о так называемой антисоветской Промышленной партии²⁹. Суд завершился 13 декабря 1930 г. «Процесс закончен. Мертвецы *сказали свои последние слова*, когда их слушали – именно мертвецы, а не смертники. И надо сказать – как слушали эти *последние слова* мертвецов те полторы тысячи людей, которые были в зале суда в этот час последних слов. Мертвецы, убитые не пулей, но приговором истории, – все же были живыми, у них двигались руки, на глазах у них были слезы, *они говорили в смертной тоске*. Каждый в зале, конечно, не мог не подумать о смерти. Лица слушавших были внимательны, только. Ощущения смерти не было в зале, – иль было ощущение освобождения от тысяч, от миллионов смертей, которые стояли за спинами этих мертвецов. Зал слушал так,

как слушают лекции, где требуется не ощущать, но понимать. Мертвецы клали себя на все, которые возможны, лопатки пощады»³⁰.

Может быть, именно эту сильную пыльнаяковскую метафору Мандельштам развернул против самого автора «Голого года», рассказывая в мае 1935 г. С.Б. Рудакову о похоропах Андрея Белого: поэт «стоял в почетном карауле, а до этого – “стояли Пильняки – вертикальный труп над живым”»³¹.

Важно, что в финале своей статьи Пильняк характеризует обвиняемых по делу Промпартии как восемь интеллигентов «разночинского происхождения»³². Нельзя ли предположить, что этот факт, хотя и не только он, откликнулся в следующих строках мандельштамовского стихотворения «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (май – 4 июня 1931):

Чур! Не просить, не жаловаться, цыц!

Не хныкать!

Для того ли *разночинцы*

Рассохлые топтали сапоги,

чтоб я теперь их предал?

Мы умрем, как пехотинцы,

Но не прославим

ни хищн, ни поденщины, ни лжи? [205]

Понятно, что под «мертвецами» в стихотворении «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...» Мандельштам подразумевал, в первую очередь, своих друзей и родных, умерших и погибших в Ленинграде – Петрограде – Петербурге³³. Однако во вторую или в третью очередь, поэт мог иметь в виду и социально близких ему членов «Промышленной партии», некоторые из которых были ленинградцами³⁴.

Следующий за процессом «Промпартии» этап государственных репрессий ознаменовался делом так называемого «Союза борьбы РСДРП (меньшевиков)»: 1 марта 1931 г. «Правда» напечатала подборку материалов под

общей шапкой «Сегодня пролетариат Страны Советов судит врагов социализма, наемных слуг “торпромов” и дердингов – социал-интервентов»; «Известия» в этот день опубликовали редакционную статью «Социал-вредители перед пролетарским судом». 2 марта на первой странице «Правды» была помещена редакционная статья «Строжайшую кару социал-вредителям!»; «Известия» напечатали передовицу «Признание виновных»³⁵.

Вторым марта 1931 г. датировано мандельштамовское стихотворение «Колют ресницы. В груди прикипела слеза...», в заключительной строфе которого отчетливо прозвучали тюремные, лагерные мотивы:

С нар приподнявшись на первый раздавшийся звук,
Дико и сонно еще озираясь вокруг,
Так вот бушлатник шершавую песню поет
В час, как полоской заря над острогом встает. [197]

Эти же мотивы, но уже в автобиографическом ключе вновь возникают в последней строфе стихотворения Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков...» (17–28 марта 1931 г.):

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет [199]³⁶.

Одним из полемических источников для образов «грязи» и «крови», сочетающихся в предпоследней строфе этого стихотворения

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой *грязцы*,
Ни кровавых костей в колесе..., [199]

возможно, послужило выступление поэта Александра Безыменского на VI съезде Советов СССР, опубликованное

в «Правде» и в «Известиях» 16 марта накануне начала работы Мандельштама над стихотворением «За гремучую доблесть грядущих веков...». В речи Безыменского, как и в фельетоне Пильняка, была использована знаковая для эпохи метафора «живые мертвецы». «В настоящее время, – утверждал Безыменский, – традиция воспевания всего того отвратительного, что создавало нищету и забитость крестьянина, продолжают кулацкие поэты типа Клюева и Клычкова, поэты, которые прикрываются некоторыми напудренными под марксизм критиками, поэты, которых я не могу иначе назвать как стихотворными мертвецами»³⁷.

Завершалась речь Безыменского оптимистической зарифмованной констатацией:

Мир подлого рабства,
Мир *грязи и крови*
Ухабами кризисов к смерти идет...³⁸

Может быть, именно в Безыменского, не в последнюю очередь, метила хлесткая строка о «труссе» из стихотворения «За гремучую доблесть грядущих веков...»? Напомним, что в «Путешествии в Армению», над которым Мандельштам начал работать весной 1931 г., поэту-комсомольцу посвящен развернутый, тайно издевательский пассаж³⁹.

В таких стихотворениях Мандельштама апреля 1931 года, как «Нет, не спрятаться мне от великой мурсы...», «Неправда» и «Я пью за военные астры...», неприятие окружающей действительности было столь велико и лично окрашено, что оно просто не могло найти себе точных соответствий в советских газетах того времени. Отметим лишь, что в мандельштамовском стихотворении «Рояль» (16 апреля 1931 г.) почти наверняка идет речь об одном из двух концертов пианиста Генриха Нейгауза, так анонсировавшихся «Известиями»: «Госуд<арственный> Академич<еский> Большой театр Союза ССР. 7 и 8 апреля, в 1 час дня, симфонические концерты. Дириж<ер> Игнац Вагхальтер. Исп<олняют> оркестр ГАБТ СССР и Г. Нейгауз.

В прогр<амме>: Бетховен 3-я симф<ония> (героическая), 5-й конц<ерт> для ф<орте>п<иано> с орк<естром>, Брамс 1-я симфония»⁴⁰.

Однако в двух своих длинных стихотворениях – «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (май – 4 июня 1931) и «Еще далёко мне до патриарха...» (май–сентябрь 1931) – Мандельштам вернулся к заинтересованному диалогу с советской современностью и с советской прессой.

В первом стихотворении присутствует прозрачный намек на мартовский процесс «Союза бюро РСДРП (меньшевики)»: здесь изображается цыганка, на поводу у которой «арестованный медведь гуляет – / Самой природы вечный *меньшевик*» [205]. Еще через две строки поэт дает не слишком лестную характеристику чересчур легко меняющему свой облик, «жуликовато» конъюнктурному времени:

Я подтяну бутылочную гирьку
Кухонных, крупно-скачущих часов.
Уж до чего шероховато время,
А все-таки люблю за хвост его ловить:
Ведь в беге собственном оно не виновато
Да, кажется, чуть-чуть жуликовато. [205]

Эти мандельштамовские строки, как кажется, должны быть поставлены в контекст идеологической групповой полемики, вылившейся на страницы «Литературной газеты» в апреле 1931 г. Сначала Николай Асеев напечатал в газете выдержанную в левовском духе и содержащую прямые отсылки к Маяковскому статью «Мои часы ушли вперед»: «Мои часы уходят вперед. Я купил их в распределителе по ордеру. Они собраны уже на советской фабрике. В первый же день хода они ушли вперед на двадцать минут. Ничего. Я доволен своими часами. Пусть только они не отстают. С ними я не опаздываю <...>. “Наш бог – бег, сердце – наш барабан” ... мои часы ушли вперед. Переводить ли мне их каждодневно? Развинчивать ли их,

копаться ли в них самому или отдать в починку – новые, только пущенные, не желающие отставать от своего времени? Нет, чинить я их никому не отдам. И сам копаться не буду. Они сделаны на советской фабрике. И с ними я не опоздаю»⁴¹.

Затем Асееву с ортодоксальных советских позиций ответил Илья Сельвинский: «Часы на кремлевской башне бьют полден<ь> как раз в тот момент, когда солнце находится в зените. Двенадцать ударов – и куранты вызванивают “Интернационал”. Это символ того, что большевистский циферблат находится в полном соответствии с объективной реальностью. Поэтому он и большевистский. И если какая-нибудь деталь механизма, пораженная оппортунистической ржавчиной, начинает задерживать ход хотя бы на секунду, она моментально извергается вон. И если другая деталь, вырвавшись из общего строя, начинает кружиться в левацком танце и заторапливать бег машины – она выбрасывается туда же, куда и первая»⁴².

Мандельштам в своем стихотворении, как видим, отказался и от сверхсовременной метафоры Асеева, и от верноподданнической метафоры Сельвинского, предпочтя наручным или карманным советским часам и кремлевским курантам допотопные ходики.

И все же в третьей от конца строфе стихотворения «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» поэт с вызовом заявил:

Пора вам знать: я тоже современник,
Я человек эпохи Москвошвея,
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать,
Ручаюсь вам – себе свернете шею! [205–206]

Уже давно было замечено, что в зачине стихотворения Мандельштама «Еще далёко мне до патриарха...» перефразируется «Еще как Патриарх не древен я...» Евгения Баратынского. По точному наблюдению Д.И. Черашней,

переделывается эта строка в духе злободневности: в июле 1931 г. в Советскую Россию приехал Бернард Шоу, 26 июля в Колонном зале Дома союзов в Москве было с помпой отпраздновано его 75-летие⁴³. Почтенный возраст Шоу акцентировался во всех корреспонденциях о его пребывании в СССР. Прочитируем для примера репортаж о встрече писателя в Москве: «<П>оявляется Шоу – высокий прямой старик с белой бородой»⁴⁴. Следовательно, современник должен был понимать мандельштамовскую строку приблизительно так: пусть мне не оказывают столь пышных почестей, как Бернарду Шоу... Сравним в «Четвертой прозе» о визите в октябре–ноябре 1928 г. в СССР французского поэта Шарля Вильдрака: «Французику – Шер мэтр – дорогой учитель, а мне – Мандельштам, чеши собак. Каждому свое» (3, 178).

Без всяких дополнительных комментариев современник Мандельштама должен был понять и о какой конкретно «фильм<e> воровской» идет речь во второй строфе стихотворения «Еще далёко мне до патриарха...»:

Когда подумаешь, чем связан с миром,
То сам себе не веришь: ерунда!
Полночный ключик от чужой квартиры,
Да гривенник серебряный в кармане,
Да целлулоид фильмы воровской. [208]

16 мая 1931 г. в столице состоялся закрытый общественный просмотр первой звуковой советской кинокартины «Путевка в жизнь» режиссера Н. Экка⁴⁵. В фильме рассказывалось о перековке бывших беспризорников под руководством мудрого партийного работника. Украшением картины стала роль вора Жигана, исполненная молодым Михаилом Жаровым. С 1 июня 1931 г. «Путевка в жизнь» широко пошла по экранам Москвы⁴⁶.

Новые для жизненной позиции Мандельштама идеологические оттенки вводятся в стихотворение «Еще далёко мне до патриарха...» с помощью утрированно советских, положительно заряженных реалий:

Люблю разъезды скворчащих трамваев,
И астраханскую икру асфальта,
Накрытую соломенной рогожей,
Напоминающей корзинку асти,
И страусовы перья арматуры
В начале стройки ленинских домов. [209]

Одним из подтекстов этих строк и всего стихотворения, возможно, послужила малоизвестная «Москва» (1920–1923) мандельштамовского знакомого Филиппа Вермеля⁴⁷:

На площадях, на улицах кипенье
Народа напряженной, чем когда-то.
Гудит трамвай. Впервые прошлым летом
В котлах асфальт варился, маляры
Работали на обветшалых крышах.

Как грязно, жалко все кругом, – но скоро
На месте пустырей домов громады
Воздвигнутся, преображая вид
Раскинувшейся широко столицы.

Как я люблю толкаться среди шума
По улицам кривым, холмистым, скользким.
Мороз крепчает, градусов пятнадцать, –
Стоит на небе красный тусклый шар,
И я впиваю тусклое блистанье
И новой жизни свежее дыханье⁴⁸.

Тем сильнее бросается в глаза (отсутствующий в стихотворении Вермеля) мандельштамовский эпитет «*ленинских*» при определяемом слове «домов». Тема ударного жилищного строительства в Москве – одна из основных для столичной прессы мая–сентября 1931 г.⁴⁹ Более того, можно осторожно предположить, что не только к зрительным впечатлениям, как у Вермеля, но и к актуальному газетному контексту восходят мандельштамовские строки об асфальте.

Выбор асфальта вместо булыжника в качестве основного покрытия для московских улиц широко обсуждался и приветствовался в средствах массовой информации того времени. На первой странице «Вечерней Москвы» от 28 мая 1931 г. появилась большая подборка материалов «Строительство жилищ и мостовых – под рабочий контроль. Москву булыжную превратим в Москву асфальтированную». Номер от 15 июня открывался ликующей передовицей «25 июня начинается постройка новых асфальтно-бетонных мостовых». А на третьей странице «Известий» за это же число была помещена «проблемная» статья Эмиля Цейтлина «Асфальт или брусчатка?». Также мандельштамовские строки об асфальте и о «начале стройки ленинских домов» без особой натяжки могут быть сопоставлены со следующим фрагментом июньского репортажа Владимира Зыбина «На улицах Москвы»: «Горячая, тягучая масса асфальта переливается из большого котла в десятки маленьких <...>. Пройдитесь сейчас по московским улицам. На них тысячами квадратиков брусчатки, дымящимися асфальтовыми котлами... выполняется великая задача создания образцовой столицы трудящихся СССР»⁵⁰. Прочитруем еще строку из газетного стихотворения Владимира Луговского «Москва» (сентябрь 1931): «Асфальт лей! Старую дрянь сметай и гони!»⁵¹.

Новая и амбивалентная по отношению к советской действительности гражданская позиция Мандельштама – хочу быть честным / хочу быть понятым и принятым – со всей отчетливостью была обозначена в заключительных строках стихотворения «Еще далёко мне до патриарха...»:

И до чего хочу я разыгаться –
Разговориться – выговорить правду –
Послать хандру к туману, к бесу, к ляду, –
Взять за руку кого-нибудь: будь ласков, –
Сказать ему, – нам по пути с тобой... [209]

В финальной строке мандельштамовского стихотворения прячется еще одно слово из газетного жаргона эпохи – *попутчик*.

Сходным настроением окрашено большинство летних московских стихотворений Мандельштама 1931 г. Так, «отрывок из уничтоженных стихов» «Уж я люблю московские законы...» (6 июня 1931 г.) завершается беспощадной и отважной констатацией: «В Москве черемухи да телефоны, / И казнями там имениты дни» [207]. Зато в стихотворении «Сегодня можно снять декалькомани...» (25 июня – август 1931 г.) находим строки, защищающие советскую Москву от неких загадочных «белогвардейцев»:

Река Москва в четырехтрубном дыме,
И перед нами весь раскрытый город –
Купальщики-заводы и сады
Замоскворецкие. Не так ли,
Откинув палисандровую крышку
Огромного концертного рояля,
Мы проникаем в звучное нутро?
Белогвардейцы, вы его видали?
Рояль Москвы слышали? Гули-гули! [212]

Возможный проясняющий фон этих строк – июньская известинская заметка Л. Кайта, аукнувшаяся на мартовский московский процесс «Союза бюро РСДРП (меньшевиков)». Вот текст этой заметки: «БЕРЛИН. 29 июня (По телеграфу). При большом стечении *белогвардейцев* сегодня происходил судебный процесс, возбужденный Абрамовичем против редакции “Вельм ам абенд” <так! – О. Л.>. Поводом к этому процессу послужил отчет газеты о беседе Абрамовича с германскими и иностранными журналистами, имевшей место в помещении редакции “Форвертс” в связи с процессом меньшевиков в Москве. Как известно, эта беседа кончилась большим конфузом для меньшевиков. Редактор “Вельм ам абенд” Герлах, которого никак нельзя заподозрить в симпатии к СССР, во время беседы спросил Абрамовича, почему он не обратился в Москву с ходатайством вызвать его в суд для очной ставки с Громаном и другими, чтобы иметь возможность опровергнуть их утверждения о его

нелегальном пребывании в Москве. Абрамович был весьма смущен этим вопросом и уклонился от прямого ответа указанием, что “его жизнь подверглась бы в Москве опасности, так как можно-де инсценировать несчастный случай, чтобы избавиться от противника”. Это бесстыдное заявление Абрамовича “Вельм ам абенд” квалифицировала как “подлую и клеветническую отговорку” <...>. Суд отклонил жалобу Абрамовича»⁵².

Помещенный в такой контекст мандельштамовский вопрос: «*Белогвардейцы, вы его видали? // Рояль Москвы слышали?*» звучит весьма актуально⁵³.

Не только это, но и многие другие сиюминутные обстоятельства нашли отражение в июньских московских стихах Мандельштама. В частности, во второй строфе стихотворения «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем...», написанного 7 июня 1931 г.:

Держу пари, что я еще не умер,
И, как жокей, ручаюсь головой,
Что я еще могу набедокурить
На рысистой дорожке беговой, [209]

как представляется, отразились впечатления от вполне конкретного события, следующим образом анонсировавшегося на четвертой странице «Вечерней Москвы» от 4 июня 1931 г.: «1-й Ипподром Коневодства СССР. Сегодня в четверг 4-го июня. Рысистые испытания. 19 заездов – 99 лошадей. Испытание рысью под седлом».

Возможно, что и в трагическом мандельштамовском стихотворении «На высоком перевале...» (12 июня 1931 г.) преобразены не только личные воспоминания поэта от посещения армянского города Шуша осенью 1930 г., но и газетная информация о землетрясении в недавно покинутой Мандельштамом Армении: «По окончательным данным, землетрясением разрушено полностью 61 село. Убито 390 человек, ранено 7420. Погибло 5785 голов скота»⁵⁴.

В советский газетный контекст можно без натяжки вписать, по крайней мере, два мандельштамовских стихотворения следующего, 1932 г. Одно из этих стихотворений, датированное маем, по-видимому, было приурочено к открытию сезона в московском парке культуры и отдыха:

Там, где купальни-бумагопрядильни
И широчайшие зеленые сады,
На Москве-реке есть светоговорильня
С гребешками отдыха, культуры и воды.
Эта слабогрудая речная волокита,
Скучные-нескучные, как халва, холмы,
Эти судходные марки и открытки,
На которых носимся и несемся мы.

У реки Оки вывернуто веко,
Оттого-то и на Москве ветерок.
У сетрицы Клязьмы загнулась ресница,
Оттого на Яузе утка плывет.

На Москве-реке почтовым пахнет клеем,
Там играют Шуберта в раструбы рупоров,
Вода на булавках, и воздух нежнее
Лягушиной кожи воздушных шаров. [217]

Первоначально парк должен был открыться 18 мая, о чем «Вечерняя Москва» поспешила поместить бравурную передовицу Татьяны Тэсс: «Гребные лодки отчаливают от стоянок. Вода расступается, вода отлетает назад, тронутая розовым изумленным солнцем»⁵⁵. Однако погода в столице стояла холодная⁵⁶, и парк заработал лишь 24 мая⁵⁷. Чтобы показать, насколько злободневной для советской столичной прессы мая 1932 г. была тема открытия сезона в парке культуры и отдыха, упомянем здесь и о сусальной «Поэме о парке» Ивана Молчанова⁵⁸.

Очень важные оттенки смысла привлечение газетных подтекстов помогает выявить в третьем составляющем

звене мандельштамовских «Стихов о русской поэзии» – стихотворении «Полюбил я лес прекрасный...» (3–7 июля 1932 г.):

Полюбил я лес прекрасный,
Смешанный, где козырь – дуб,
В листьях клена – перец красный,
В иглах – еж-черноголуб.

Там фисташковые молкнут
Голоса на молоке,
И когда захочешь щелкнуть,
Правды нет на языке.
Там живет народец мелкий,
В желудевых шапках все,
И белок кровавый белки
Крутят в страшном колесе.

Там щавель, там вымя птичьё,
Хвой павлинья кутерьма,
Ротозейство и величье
И скорлупчатая тьма.

Тычут шпагами шишиги,
В треуголках носачи,
На углях читают книги
С самоваром палачи.

И еще грибы-волнушки,
В сбруе тонкого дождя
Вдруг поднимутся с опушки
Так – немного погода...

Там без выгоды уроды
Режутся в девятый вал,
Храп коня и крап колоды,
Кто кого? Пошел развал...

И деревья – брат на брата –
Восстают. Понять спеши:
До чего аляповаты,
До чего как хороши! [220]

Е.А. Тоддес, комментируя это стихотворение, очень уместно сопоставляет его со следующим фрагментом мандельштамовских «Заметок о поэзии»: «В поэзии всегда война... Корневоды, как полководцы, ополчаются друг на друга»⁵⁹. Вместе с тем в третьей–восьмой строфах стихотворения «Полюбил я лес прекрасный...», на наш взгляд, аллегорически отразилась и ситуация, сложившаяся вокруг важнейшего для советской литературы начала 1930-х годов документа: постановления ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», ликвидирующего ассоциацию пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП)⁶⁰. На протяжении нескольких последующих месяцев бывшие рапповцы с разной степенью успеха и эмоционального накала каялись во всевозможных грехах. С ними упоенно сводили счеты вчерашние враги и союзники. В частности, на первой странице «Литературной газеты» от 5 июля 1932 г., в самый разгар работы Мандельштама над стихотворением «Полюбил я лес прекрасный...», была напечатана большая статья И. Жиги «Литературное дело превратить в часть общепролетарского дела» (ср. фамилию автора статьи с мандельштамовским словечком «шишиги» – подсказано Н.Н. Мазур).

Заметим, что ключевой для седьмой строфы стихотворения «Полюбил я лес прекрасный...» вопрос «кто кого?» задается и тут же разрешается в установочной редакционной статье «Будем создавать большую литературу страны социализма», появившейся в «Литературной газете» вскоре после опубликования постановления ЦК: «Вопрос “кто кого” внутри нашей страны решен окончательно и бесповоротно в пользу социализма»⁶¹.

Новая и бескомпромиссная переоценка поэтом всего того, что совершается дома, произошла поздней весной – летом 1933 г. «На днях вернулся из Крыма О. Мандель-

штам, – в середине июля докладывал по начальству агент ОГПУ⁶². – Настроение его резко окрасилось в антисоветские тона. Он взвинчен, резок в характеристиках и оценках, явно нетерпим к чужим взглядам. Резко отгородился от соседей, даже окна держит закрытыми со спущенными занавесками. Его очень угнетают картины голода, виденные в Крыму»⁶³. «К 1930 г<одам> в моем политическом сознании и социальном самочувствии наступает большая депрессия, – показал сам поэт на допросе 25 мая 1934 г. – Социальной подоплекой этой депрессии является ликвидация кулачества как класса. Мое восприятие этого процесса выражено в моем стихотворении “Холодная весна”»⁶⁴, датированном летом 1933 г.:

Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым,
Как был при Врангеле – такой же виноватый.
Комочки на земле. На рубищах заплаты.
Все тот же кисленький, кусающийся дым.

Все так же хороша рассеянная даль.
Деревья, почками набухшие на малость,
Стоят как пришлые, и вызывает жалость
Пасхальной глупостью украшенный миндаль.

Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украины и Кубани...
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца [224].

Комментарий Н.Я. Мандельштам: «Калитку действительно стерегли день и ночь – и собаки, и люди, чтобы бродяги не разбили саманную стенку дома и не вытащили последних запасов муки. Тогда ведь хозяева сами стали бы бродягами. Они бы пошли побираться, чтобы не погибнуть от отсутствия хлеба. Магазины “закрытого типа” обеспечивали только городское начальство»⁶⁵.

Можно легко себе представить, насколько должны были раздражать и угнетать Мандельштама бодряческие официальные сводки и передовицы, докладывавшие о по-

ложении с хлебом в стране и, в частности, в Крыму, а главное, безапелляционные требования центральных властей еще нажать на крестьянина, доведившиеся до народонаселения СССР через газеты. Вот как это в июне 1933 г. делала «Правда».

4-го числа на второй ее странице был помещен обзор провинциальной печати под названием «Хлеб уже зреет на полях». В этом обзоре помимо всего прочего сообщалось: «Крымские колхозы закончили сев колосовых еще в апреле. Крым раньше всех областей начнет уборку хлеба». На следующий день газета опубликовала речь председателя колхоза «Социалистическая реконструкция» Дубинина. «Первыми закончили сев, первыми сдадим хлеб государству»^{66*}. На этой же странице было напечатано выступление колхозного бригадира Добрыдина «Вся бригада зорко охраняет урожай колхозных полей». Номер от 7 июня открылся передовицей «Развернем всесоюзное соревнование за первенство в уборке и поставке зерна государству» (с. 1). 8 июня «Правда» напечатала большую статью Л. Паперного «Накануне уборки (Из опыта политотделов Винницкой области)» (с. 2). На первой странице номера газеты от 13 июня появилась редакционная статья «Социалистическому урожаю – хорошую дорогу». От 18 июня – «1933 г. должен быть годом высокого урожая».

Важной вехой в пропагандистской «урожайной» кампании, развернутой «Правдой», стала установочная редакционная статья «Выполнение плана хлебосдачи – первая заповедь», опубликованная в номере от 22 июня 1933 г. Прочитаем фрагменты этой статьи, выразительно оттеняющие стихотворение «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым...»: «Что же нужно сделать сейчас, чтобы успешно выполнить закон об обязательной поставке хлеба государству? <...> Во-первых, нужно, чтобы каждый коммунист, комсомолец и сельский активист поняли разницу между обязательной поставкой хлеба в нынешнем году

* Здесь и далее ссылки на газету «Правда» 1933 г. даются в скобках с указанием страниц.

и хлебозаготовками прошлых лет. В нынешнем году зернопоставки – не контрактационный договор, а закон. Поставки зерна обязательны к выполнению всеми колхозниками и единоличниками <...>. На время выполнения плана поставки зерна необходимо приостановить колхозную торговлю хлебом» (с. 1). В этом же номере «Правды» была напечатана «Речь тов. Постышева на пленуме ЦК КП(б)У 10 июня 1933 г.». В ней внимательный и опытный советский читатель только и мог найти непроизвольную проговорку-указание на страшный украинский голод 1932 г.: «<P>азве прошлый год может являться для нас мерилом, разве можем мы исходить из показателей прошлого года, который является самым позорным годом для большевиков Украины?» (с. 3). На исходе месяца, 28 июня 1933 г. «Правда» поместила на своих страницах обширную подборку материалов под общей шапкой «Не позволим кулакам и лодырям растащить ни одного зерна из социалистического урожая» (с. 2).

Своеобразным легковесным прологом к стихотворению «Холодная весна. Беспхлебный робкий Крым...» может считаться шуточное мандельштамовское четверостишие, которое мы предлагаем датировать февралем 1933 г.:

Какой-то гражданин, наверное попович,
Наевшись коммерческих хлебов,
– Благодарю, – воскликнул, – Каганович!
И был таков. [386]

16 февраля 1933 г., выступая с программной речью на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников, Лазарь Каганович отпустил такую шутку: «Попы, которые служат помещикам и капиталистам, устраивают молебны, чтобы была засуха. Пожалуй, можно было бы им отправить для этих молебнов значительную часть наших безработных попов. (*Смех, аплодисменты.*) Они быстро приспособятся к американским капиталистам, и молебны перестроят: вместо просьбы бога о дожде начнут просить бога о засухе (*Смех*)»⁶⁷. «Благодарю» мандельштамовского поповича, не

говоря уже о финальной строке четверостишия (– «И был таков») в свете предложения Кагановича обретает совершенно особое звучание: быть отправленным к «американским капиталистам» в это время стало не самой плачевной перспективой.

По понятным причинам Мандельштама летом 1933 г. должны были особенно злить сервильные статьи и корреспонденции, во множестве печатавшиеся в главном органе советских писателей – «Литературной газете». В уже цитировавшемся нами июльском доносе на поэта приводится следующее мандельштамовское развернутое суждение: «“Литературы у нас нет, имя литератора стало позорным, писатель стал чиновником, регистратором лжи. ‘Лит<ературная> газета’ – эта старая проститутка – права в одном: отрицает у нас литературу. В каждом номере вопль, что литература отстает, не перестроилась и проч<ее>. Писатели жаждут не успеха, а того, чтобы их Ворошилов вешал на стенку, как художников (теперь вообще понятие лит<ературного> успеха – нонсенс, ибо нет общества)”. Коснувшись вопроса о том, что на художественной выставке “за 15 лет” висят “дрянные” пейзажи Бухарина, Мандельштам добавляет: “Ну что же, читали мы стихи Луначарского, скоро, наверное, услышим рапсодии Крупской”»⁶⁸.

Период острой ненависти поэта к сталинскому режиму увенчался серией открыто антисоветских стихотворений, датированных ноябрем 1933 г.

Первая строфа одного из них представляет собой довольно точный, хотя и издевательский пересказ сразу нескольких материалов «Литературной газеты», объединенных общей темой – обсуждением проблемы переводов на русский язык произведений, написанных на языках народов СССР:

Татары, узбеки и ненцы,
И весь украинский народ,
И даже приволжские немцы
К себе переводчиков ждут.

И, может быть, в эту минуту
Меня на турецкий язык
Японец какой переводит
И прямо мне в душу проник. [356]

На первой странице «Литературной газеты» от 23 октября 1933 г. была опубликована большая статья А. Гидаша «Выше качество художественного перевода», в которой подчеркивалось: «Особого внимания заслуживает вопрос о переводах литературы отдельных социалистических республик Советского Союза. Эти литературы национальные по форме и социалистические по содержанию уже сейчас создали такие произведения, передача которых путем перевода не только В ПОЛИТИЧЕСКОМ, но и с точки зрения ЛИТЕРАТУРНОЙ является делом неотложной важности». На третьей странице этого же номера газеты находим несколько статей, помещенных под общей шапкой: «Художественный перевод – на высоту оригинала!» Самая обширная статья озаглавлена: «Теснее сплотить братские литературы. На заседании украинской комиссии Оргкомитета». Процитируем ее финальный абзац: «На заседании украинской комиссии Оргкомитета ССП СССР принято решение о конкретном изучении творчества отдельных украинских писателей. Тов. Стецкому поручено изучить творчество П. Панча, т. Безыменскому – Кулика, Бажана, Первомайского и Косынка, т. Юдину – Эпика, т. Гладкову – Копыленко, Кириленко и Досвитного, т. Форш – Любченко, т. Динамову – Микитиенко, Кулиша и Ивана Ле, т. Катаеву – Остапа Вишни, т. Багрицкому – Терещенко и Тычины, т. Коваленко – Головка, т. Шагинян – молодых писателей Одессщины, тт. Стецкому, Березовскому и Форш – Кузьмича». Рядом были напечатаны статьи Гейши Шариповой «Качество ошибок» и П. Карабана «Осторожнее на переводах!», а также коллективное письмо четырех переводчиков (Ю. Березовского, Дзахо Гатуева, В. Нейштадта и А. Ромма) с самокритичным названием «Довольно

барства»: «Значительно слабее обстоит дело с переводом литератур братских народов СССР».

23 ноября 1933 г. на первой странице «Литературной газеты» появилась программная редакционная статья «Понастоящему изучить богатейшую литературу народов СССР». Приведем несколько выдержек из нее: «<З>наем ли мы нацлитературу республик и областей РСФСР? Если и знаем, то очень слабо. <...> Одиннадцать писательских бригад всесоюзного Оргкомитета по изучению нацлитератур республик и областей РСФСР должны были уже давно приступить к работе <...>. В результате из 11 бригад по-настоящему работает только 3 бригады <...> (только эти три бригады уже выехали или выезжали на места) ... Совсем пока не работает ... бригада т. Шульца (республика немцев Поволжья)».

Вот эти добровольно-принудительные поездки переводческих бригад в республики и области СССР и были высмеяны Мандельштамом в стихотворении «Татары, узбеки и ненцы...». Почему в последних его строках «японец» переводит поэта именно на «турецкий язык»? Возможно, потому, что в этот период взаимоотношения СССР и Турции значительно потеплели, свидетельством чему служит, например, серия заголовков из газеты «Правда»: «Пребывание советской делегации в Турции. Тов. Ворошилов о высоких качествах турецкой армии»; «Представителям СССР отведено центральное место в торжествах»; «Турецкая печать приветствует СССР»⁶⁹.

Еще в нескольких стихотворениях Мандельштама, датированных ноябрем 1933 г., своеобразно отразилось пышное официальное празднование 15-летия ВЛКСМ⁷⁰. Мы имеем в виду следующие две строфы из лютого мандельштамовского стихотворения «Квартира»:

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать,
А я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть.

Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни бойчей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей, [225]⁷¹

а также восемь мандельштамовских строк, которые, по-видимому, правомерно считать поэтическим отводком от процитированных строф «Квартиры»:

У нашей святой молодежи
Хорошие песни в крови:
На баюшки-баю похожи
И баю борьбу объяви.
И я за собой примечаю
И что-то такое пою:
Колхозного бая качаю,
Кулацкого пая пою. [356]

Больше писать о комсомольцах и для комсомольцев (в переводе на язык тогдашнего Мандельштама – усерднее играть «на гребенке») советских писателей призвала статья «Идти в ногу с ростом нашей молодежи. Накануне 15-летия ВЛКСМ», помещенная на первой странице «Литературной газеты» 11 октября 1933 г. Встык с ней газета напечатала обзор Н. Оружейникова «Герои жизни и литературы», где были перечислены и кратко оценены некоторые произведения начала 1930-х годов, в которых действовали комсомольцы и комсомолки: «Вот и в рассказе Я. Шведова секретарь комсомольской ячейки попал под влияние своего соседа по станку с кулацким душком» и так далее, и тому подобное... Может быть, стоит провести параллели между «комсомольскими» строками Мандельштама и ноябрьским правдинским очерком Сергея Третьякова «Дозорные урожая», в котором советская молодежь, колхоз, кулаки и патриотическая песня тоже объединены в рамках цельного текста. В очерке рассказывается о сельских ребятах, зорко берегущих собранный урожай от посягательства крестьян-

кулаков: «Вот Леня Селезнев. Он хотел проверить тачанку бригадира, не везут ли зерно. Конюх исхлестал его кнутом до крови, но пока не швырнул его наземь, держал Леня коня под уздцы <...>. Трех задержали воров с зерном <...>. Аня Сычова из колхоза “Магнитогорск” заверяет: “Вора еще не поймали, но следим и непременно поймаем”»⁷². В финале очерка изображено, как «Леня Селезнев читал с трибуны рапорт и песню...

Мы что день, то крепче стали,
Враг что день, то глубже вниз.
Нас ведет товарищ Сталин
По дороге в коммунизм»⁷³.

Важно отметить, что в ноябрьской советской прессе 1933 г. не удается найти конкретного веского повода к написанию самоубийственного мандельштамовского стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны...», направленного лично против Сталина⁷⁴. Не означает ли это, что такого решающего повода просто не было, а был месяцами копившийся гнев, чью поэтическую вспышку мог спровоцировать любой пустяк? Возможно, подобным пустяковым поводом стало уже цитировавшееся нами заглавие доклада Кагановича на пленуме ВЛКСМ «Ленин и Сталин с исключительной заботливостью выпестовали комсомол». Сравним у Мандельштама в стихотворении: «А где хватит на полразговорца, / Там припомнят кремлевского горца» [226]. Также во всех праздничных ноябрьских газетах появилась фотография Сталина в окружении Молотова, Кагановича, Орджоникидзе, Калинина, Рудзутака, Куйбышева, Микояна и Енукидзе на трибуне Мавзолея во время демонстрации⁷⁵. Сравним у Мандельштама в стихотворении: «А вокруг него сброд тонкошеих вождей» [226]. Может быть, но менее вероятно, поскольку это прямо не отразилось в стихотворении «Мы живем, под собою не чуя страны...», таким поводом стала напечатанная на третьей странице «Литературной газеты» 23 ноября 1933 г. боль-

шая подборка материалов «Писатели работают над книгой о Беломоро-Балтийском водном пути». Эта подборка включала в себя статью профессора Института советского строительства и права С.Я. Булатова «Чего мы ждем от книги о Беломорском канале», где содержалось, такое, например, рассуждение: «Лагеря ОГПУ и концентрационные лагеря фашистской Германии – вот два пункта, отражающие, как капли воды, всю противоположность двух систем – системы гниющего капитализма и системы строящегося социализма».

В том же ноябре Мандельштам начал работу над циклом «Восьмистишия», в котором он едва ли не сознательно уклонился от использования сырого жизненного, а следовательно, и газетного материала. Новое приобщение поэта к советской прессе произошло лишь спустя полтора года, в апреле 1935-го.

4

Воронежские стихотворения в 1935 г. Мандельштам создавал в тот период жизни, когда как минимум по двум причинам он с обостренным вниманием должен был вчитываться в советские газеты. Во-первых, пресса и радио оказались пусть не единственными, но уж точно главными источниками информации для Мандельштама о событиях, творившихся в «большом мире», прежде всего в Москве и в Ленинграде⁷⁶. Об этом, опираясь на радио-впечатления, очень выразительно рассказано в следующем мандельштамовском восьмистишии (апрель 1935 г.):

Наушнички, наушники мои!
Попомню я воронежские ночки:
Недопитого голоса Аи
И в полночь с Красной площади гудочки..
Ну как метро?.. Молчи, в себе таи...
Не спрашивай, как набухают почки...
И вы, часов кремлевские бои, –
Язык пространства, сжатого до точки... [239]⁷⁷

Во-вторых, в промежуток с апреля по июль, в который и были написаны все мандельштамовские стихи 1935 г., поэта с особой силой переполняла «благодарность за жизнь»⁷⁸, не отнятую советским государством из-за написания крамольного стихотворения о Сталине «Мы живем, под собою не чуя страны...». «Никаких лишений нет и в помине... – в конце июля 1935 г. сообщал Мандельштам отцу из Воронежа. – Впервые за много лет я не чувствую себя отщепенцем, *живу социально* [курсив Мандельштама. – О. Л.], и мне по-настоящему хорошо <...>. Хочу массу вещей видеть и теоретически работать, учиться... Совсем как и ты... Мы с тобой молодые. Нам бы в Вуз поступить...» (4, 160)⁷⁹.

Соответственно в это время создаются те самые мандельштамовские вещи, которые М.Л. Гаспаров определяет как «стихи о прятии действительности»⁸⁰, а воронежский друг Мандельштама С.Б. Рудаков в письме к жене от 24 мая 1935 г., как «*открыт<ые>* политически<е> стих<и>»⁸¹ (курсив Рудакова. – О. Л.). Понятно, что материал для таких стихов Мандельштам, мысливший как никогда масштабно, должен был черпать, прежде всего, именно из газетных и радиоисточников. При этом мы отнюдь не считаем газетные заметки и радиопередачи единственными объясняющими источниками для написания воронежских вещей Мандельштама. Почерпнутая из них информация сложно переплелась в стихах поэта с литературными и иными подтекстами.

Далеко не все мандельштамовские стихотворения начальной воронежской поры откликнулись на газетный материал. Многие из них, такие как «Я живу на важных огородах...» (апрель 1935 г.), «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...» (апрель 1935 г.), «Я должен жить, хотя я дважды умер...» (апрель 1935 г.), «Чернозем» (апрель 1935 г.), «Это какая улица?..» (апрель 1935 г.)⁸², «Как на Каме-реке глазу тёмно, когда...» (апрель–май 1935 г.), «Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток...» (апрель–май 1935 г.), «Лишив меня морей, разбега и разлета...» (май 1935 г.), были порождены визуальными впечатлениями Мандельштама от пора-

живших его пейзажей Черноземья и водного пути в Чердынь, а также осмыслением обстоятельств своей ссылки. Стимулом к написанию стихотворения «За Паганини длиннопалым...» (5 апреля – 18 июня 1935 г.) послужил воронежский концерт скрипачки Галины Бариновой, а поводом к написанию стихотворений «Возможна ли женщине мертвой хвала...» (3 июня 1935 г.) и «На мертвых ресницах Исаакий замерз...» (3 июня 1935 г.) – известие о смерти Ольги Ваксель, в которую Мандельштам был когда-то кратко, но сильно влюблен. Стихотворение «Исполню дымчатый обряд...» (июль 1935 г.) появилось под впечатлением коктейбельских воспоминаний автора «Разговора о Данте». Кроме того, для некоторых «открытых политических стихотворений» поэта, таких как «Мир начинался страшен и велик...» (апрель 1935 г.) и «Мир должно в черном теле брать...» (май 1935 г.), явно напрашивающихся газетных ключей нам подыскать не удалось.

Из мандельштамовских стихотворений 1935 г., проясняемых с помощью привлечения материалов из прессы, сначала поговорим о тех, в которых «газетного» комментария требуют отдельные строки и строфы.

Как известно, в стихотворениях «От сырой простыни говорящая...» (<апрель>–июнь 1935 г.)⁸³ и «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...» (апрель – 1 июня 1935 г.) отразились впечатления Мандельштама от несколько запоздалого просмотра фильма братьев Васильевых «Чапаев» (1934⁸⁴). Этот фильм занял такое большое место в мыслях и в творчестве поэта, вероятно, и потому, что его на все лады расхваливали в столичной прессе в качестве эталона нового советского искусства.

Вот несколько микроцитат из апрельских газет 1935 г. «У нас есть “Чапаев”» (А.М. Горький. «Литература и кино. Речь на совещании писателей, композиторов, художников и кинорежиссеров 10 апреля 1935 года»)⁸⁵. «“Чапаев” лента – законного движения» (Виктор Шкловский. «О Чапаеве еще раз»)⁸⁶. «Представьте себе, что вышла энциклопедия, вместившая в себя все события и дела минувшего

года, толстая книга “Весь год”: раскроем ее на разделе буквы “Ч”. Два прекрасных, несокрушимых и всенародных слова остановят наше внимание: “Челюскинцы” и “Чапаев”» (Лев Кассиль. «Год»)⁸⁷.

Прочитируем также фрагменты из правдинской статьи С. Динамова «О стиле советского искусства», где в зачине гневно осуждается «художник Филонов (имеющий, к сожалению, до сих пор последователей в Ленинграде)», который «создает издевательские картины, как, например, “Формула ленинградского пролетариата” и др<угие>, представляющие мозаику из частей тела, с которого снята кожа, и каких-то мистических кристаллов». Затем этому «псевдоискусству» противопоставляется фильм братьев Васильевых: «Пафос гражданской войны горит в “Чапаеве”. Он влит в сильный характер, множество героев стало одним образом, разнообразие эпохи зазвучало в нескольких голосах, и эпоха стала живой через человека, а человек стал живым через эпоху»⁸⁸.

Упоминание в очерке Кассиля о челюскинцах позволяет нам перейти к комментированию отдельных образов мандельштамовских «Стансов» (май 1935 г.)⁸⁹ и начать со строки «Я слышу в Арктике машин советских стук» [244]. 13 апреля 1935 г. в стране широко отмечалась «годовщина героического спасения челюскинцев нашими летчиками и одновременно пятнадцатилетняя годовщина всесоюзного арктического института»⁹⁰, о чем «Известия» напомнили в специальной передовице, помещенной в номере от 12 апреля. Через два дня газета опубликовала еще одну редакционную передовую статью «Воспитательное значение челюскинской эпопеи», посвященную героям Арктики⁹¹. Тема освоения Арктики вообще не сходила со страниц советских газет того времени. Из многочисленных материалов, напечатанных о Севере в мае 1935 г., стоит особо выделить три правдинских очерка Бориса Горбатова – «Арктика слушала первомайский парад в Москве», «Будни Арктики» и «Газета Арктики»⁹².

С помощью привлечения газетного материала могут быть прокомментированы и две из трех соседних с только что разобранный строки «Стансов»:

Я помню всё: немецких братьев шеи
И что лиловым гребнем Лорелен
Садовник и палач наполнил свой досуг. [244]

Тема казней в фашистской Германии относится к числу весьма частотных для советской майской прессы 1935 г. Сошлемся на редакционную статью «Пытки политзаключенных в Германии»⁹³, опубликованную в воронежской «Коммуне», на заметку в этой же газете «Погромных дел мастера», рассказывающую о гонениях на евреев в нацистском Берлине⁹⁴, а также на известинский фельетон Д. Бухарцева «Маразм прессы третьей империи»⁹⁵.

Образ садовника-палача в мандельштамовском стихотворении, возможно, был навеян прочтением большой известинской статьи Ильи Эренбурга «Добрые взаимоотношения». В начале этой статьи саркастически пересказывается заметка из некоей профашистской швейцарской газеты, в которой даются рецепты, как правильно сохранять садовые цветы: «Стр<аница> 7 называется “Немецкая женщина в Швейцарии” <...>. Лирическое отступление: “Ответы нашим читательницам”. Г-же Л. Б. в Цюрихе: “Левкои, которые вы получили в подарок, положите на ночь в ванну, опустив предварительно в воду таблетку аспирина”». Ближе к финалу левкои упоминаются вновь в соседстве со зловещим описанием тайного вывоза из Швейцарии в фашистский Берлин коммуниста Якоба: «Я видел и пограничный шлагбаум: когда Якоба везли в Германию, шлагбаум был поднят. Это никак не связано ни с левкоями, ни с кулинарными добродетелями немецкой женщины. Это – настоящее дело»⁹⁶ (с. 2, 3).

Из другого майского фельетона И. Эренбурга, также напечатанного в «Известиях», в мандельштамовское стихотворение, возможно, перекочевало название величайшего памятника древнерусской литературы. Сравним в «Стансах»:

И не ограблен я, и не надломлен,
Но только что всего переогромлен...
Как «Слово о полку», струна моя туга... [244]⁹⁷

и у Эренбурга, в статье «Наша Родина» (как и у Мандельштама, в близком и важном соседстве с «немецкими» мотивами): «Мы не дети и не кафры. Наша страна дала многое миру и в те жестокие времена, которые мы теперь с радостью зовем историей. Историки литературы в том же Франкфурте хорошо знают и “Песню о полке Игореве” и “Носящий барсову шкуру”»⁹⁸.

Теперь приведем несколько газетных параллелей к зачину пятой строфы «Стансов»:

И ты, Москва, сестра моя, легка,
Когда встречаешь в самолете брата
До первого трамвайного звонка... [244]

Тема радостной встречи столицы со славными советскими летчиками неоднократно возникает в газетной периодике мая 1935 г.⁹⁹, например, в отчете «Правды» о первомайском военном параде на Красной площади: слышен «рокот пропеллеров приближающихся воздушных эскадрилий. Это был апогей первомайского парада ... в небе плыли гигантские воздушные корабли, предводительствуемые исполином – “Максимом Горьким” <...>. Прошли уже бомбовозы, рой разведчиков. И тогда над нашими головами понеслись невиданные по красоте и изяществу линий новые двухмоторные самолеты. Скорость огромная. Но ее побилла скорость истребителей. Они были чудесны в своей легкости»¹⁰⁰. На соседней странице «Правда» поместила информационную редакционную заметку «Товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Орджоникидзе, Чубарь на центральном аэродроме»¹⁰¹. А в «Правде» от 6 мая 1935 г., в репортаже Б. Галина сообщались трогательные подробности о встрече руководителей страны с советскими летчиками на центральном московском аэродроме¹⁰².

Газетные заметки помогают откомментировать финальные строки в примыкающем к «Стансам» мандельштамовском стихотворении «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (май 1935 г.)¹⁰³:

На Красной площади земля всего круглей,
И скат ее нечаянно-раздольный,

Откидываясь вниз – до рисовых полей,
Покуда на земле последний жив невольник. [242]

Тема революции и гражданской войны в Китае многократно возникает в советской майской прессе 1935 г. Приведем только одну цитату из первомайского правдинского отчета, изображающего как раз демонстрацию на Красной площади: «С улиц и площадей Советского Союза несется сегодня привет Эрнсту Тельману, Матиасу Ракоши, тысячам и десяткам тысяч узников фашистских тюрем, бесстрашным солдатам германской компартии, мужественным бойцам китайских Советов и их легендарным командирам – Чжу Де и Мао Цзе-Дуну»¹⁰⁴. Образ «рисовых полей» как метонимия Китая появляется в рецензии Ру-Сина на книгу Агнессы Смэдли «Рассказы о китайской красной армии». Эта рецензия была опубликована в «Литературной газете» от 10 мая 1935 г.: «Вокруг деревень, посреди рисовых и опиумных полей возвышаются невысокие, круглые холмики, под ними покоятся мертвые»¹⁰⁵.

Разговор о заметках из советской прессы, *существенно* меняющих читательское представление о произведениях Мандельштама, начнем с самого неочевидного примера и перечислим гипотетические газетные подтексты к мандельштамовскому стихотворению «Бежит волна – волной волне хребет ломая...» (27 июня 1935 г.):

Бежит волна – волной волне хребет ломая,
Кидаясь на луну в невольничьей тоске,
И янычарская пучина молодая,
Неусыпленная столица волновая,
Кривеет, мечется и роет ров в песке.

А через воздух сумрачно-хлопчатый
Неначатой стены мерещатся зубцы,
А с пенных лестниц падают солдаты
Султанов мнительных – разбрызганы, разъяты –
И яд разносят хладные скопцы [248–249]¹⁰⁶.

Общее нагнетание смертоносных мотивов в этом стихотворении, вероятно, было отчасти спровоцировано вне-текстовыми обстоятельствами: как раз 27 июня 1935 г. над Воронежем пронесся страшный ураган, лишивший жизни нескольких человек, причем «<о>собенной силы достиг ураган на реке»¹⁰⁷.

Выстроить восточные декорации в стихотворении «Бежит волна – волной волне хребет ломая...» Мандельштама могло спровоцировать прочтение следующего фрагмента из статьи В. Ивинга «Бахчисарайский фонтан» в составе подборки «Успех ленинградского балета» (о московских гастролях Кировского театра): «<М.> Дудко <в партии Гирея> дает великолепную остро отточенную рыцарственную фигуру хана, представляя его блистательным воителем старого феодального Востока во вкусе вальтер-скоттовского султана Саладина. За острым сарацинским профилем Гирея словно *мерещится* глубокий золотой фон сказок 1.001 ночи, душистые от полыни пески пустынь и *зубцы* крепостных *стен* Акры»¹⁰⁸ (сравним у Мандельштама: «Неначатой стены мерещатся зубцы»).

К этому можно прибавить, что 27 июня 1935 г., т. е. в тот день, которым датируется стихотворение Мандельштама, в «Известиях» был напечатан отрывок из речи Г. Лахути на международном конгрессе защиты искусств в Париже, где возникает образ опасной для жизни восточной водной стихии: «В Таджикистане многие века бурлила и пенилась “дикая река” Вахш. Как кровожадный дракон, она поглощала сотни тонн грузов и сотни человеческих жизней при переправе через ее бешеные воды»¹⁰⁹.

Теперь обратимся к мандельштамовскому стихотворению, которое исследователями датируется апрелем–

маем 1935 г., причем май под вопросом. Мы сейчас попробуем показать, как этот знак следует убрать:

Ты должен мной повелевать,
А я обязан быть послушным.
На честь, на имя наплевать –
Я рос больным и стал щедедушным.

Так пробуй выдуманный метод
Напропалую, напрямик:
Я – беспартийный большевик,
Как все друзья, как недруг этот. [358]

Два авторитетных исследователя в одном издании предлагают взаимоисключающие трактовки этого восьмистишия. Сначала М.Л. Гаспаров в предисловии к «Полному собранию стихотворений» Мандельштама пишет, что строки «Ты должен мной повелевать, / А я обязан быть послушным» «получают разработку» в просоветских «Стансах»¹¹⁰. Затем А.Г. Мец в комментарии к тому же стихотворению замечает, что «<п>о жанру» оно «близко эпиграмме» на Сталина¹¹¹.

Относительную ясность в этот заочный неакцентированный спор, как кажется, вносит соотнесение двух финальных строк мандельштамовского стихотворения с тостом И.В. Сталина, прозвучавшим на встрече участников первомайского парада с членами ЦК и правительством Советского Союза в зале Большого Дворца в Кремле 2 мая 1935 г. Сталинский тост цитирует Николай Бухарин, а Мандельштам в разбираемом стихотворении к этому тосту отсылает читателя. На встрече в Кремле вождь народов поднял бокал «<з>а всех большевиков: партийных и непартийных. Да. И непартийных. Партийных меньшинство. Непартийных большинство. Но разве среди непартийных нет настоящих большевиков? Большевик, это – тот, кто предан до конца делу пролетарской революции. Таких много среди непартийных. Они или не успели вступить в ряды партии. Или они так высоко ценят партию, видят в ней такую святыню, что хотят подготовиться еще

и еще к вступлению в партийные ряды. Часто такие люди, такие товарищи, такие бойцы стоят даже выше многих и многих членов партии. Они верны ей до гроба»¹¹².

Назвавшись «беспартийным большевиком», Мандельштам не просто приложил к себе характеристику, которую дал «непартийным большевикам» Сталин: в первой строфе своего стихотворения поэт адресовался к рабочему классу; цитата из сталинского тоста во второй строфе превращает весь текст в обращение персонально к вождю. Почти не рискуя ошибиться, можно предположить, что стихотворение «Ты должен мной повелевать...» относится к тем мандельштамовским вещам, о которых он запрашивал Надежду Яковлевну 26 декабря 1935 г.: «...постарайся узнать, как отвечает Союз, т. е. Ц. К. партии, на мои стихи» (4, 163). «Разрыва с партией большевиков у меня быть не может при любом ответе, при молчании даже, даже при ухудшении ситуации. Никакой обиды. Никакого брюзжания. Партия не нянька и не доктор», – писал поэт жене 3 января 1936 г. (4, 170).

Тем не менее отражающий особенности мироощущения поэта невнятный перевод на язык поэзии внятного языка советской газеты превращает стихотворение «Ты должен мной повелевать...» и многие другие стихотворения позднего Мандельштама в не вполне однозначные, полные темнот и идеологических оттенков. Как читатель должен понимать такие, например, строки: «*На честь*, на имя *наплевать*», «Так пробуй *выдуманый* метод»... И о каком «недруге» идет речь в предпоследней строке стихотворения?

Использование газетного материала позволяет уловить важные смысловые обертоны еще одного мандельштамовского стихотворения, написанного в мае 1935 г. и пародийно, почти по-зощенковски, воспроизводящего язык советских радиопередач и передовиц (в начале второй строфы):

Тянули жилы, жили-были,
Не жили, не были нигде.
Бетховен и Воронеж – или
Один или другой – злодей.

На базе мелких отношений
Производили глухоту
Семидесяти стульев тени
На первомайском холоду.

В театре публики лежало
Не больше трех карандашей,
И дирижер, стараясь мало,
Казался чертом средь людей. [358–359]

Комментируя это стихотворение, А.Г. Мец отмечает, что его «<с>ужет связан, возможно, с концертом в “летнем” театре в Первомайском саду в Воронеже»¹¹³. Действительно, в воронежской «Коммуне» от 28 апреля 1935 г. находим следующий анонс: «Первомайский театр. 30 апреля днем, 1 и 2 мая вечером. Концерты симфонич<еского> оркестра Облрадиокомитета под управлением дирижера А.В. Дементьева. В концертах принимают участие: 30 апреля – артист Облрадиокомитета Н.И. Колесник (тенор) и А.И. Цирюльникова (меццо-сопрано). 1 мая – солист ГАБТа СССР Садомов (бас)¹¹⁴. 2 мая – скрипач Мирон Полякин (Ленингр<ад>) и солист ГАБТа СССР Садомов (бас). Начало – днем в 11 час<ов>, вечер – в 21 час»¹¹⁵.

Однако у неудачного, судя по мандельштамовскому описанию, провинциального концерта наблюдался мощный столичный фон, который превращал недостаточное рвение воронежского дирижера Дементьева в уже совсем недопустимое и почти преступное. В «Известиях» 1 мая 1935 г. была напечатана большая статья видного музыковеда И.И. Соллертинского «Бетховен и советская культура», в которой творчество великого композитора определялось как ценнейшее достояние победившего рабочего класса, требующее к себе бережного и трепетного отношения: «Единственным законным наследником величайших культурных ценностей прошлого столетия становится пролетариат. Он сумел отвоевать Бетховена у капиталистического мира, он сумел насытить свои массовые празднества, дни побед великой социалистической стройки ликующими звуками бетховенской музыки. Он сумеет и воспитать компо-

зителей, которые, творчески овладевая лучшими принципами героического искусства Бетховена, создадут своих симфонических Чапаевых»¹¹⁶.

Важную деталь, подтверждающую этот тезис Соллертинского, Мандельштам мог найти в первомайском отчете «Правды» за 1935 г.: «Без конца и без края льется человеческая река. Как чудесно поют нынче над ней трубы. Оркестры завода им. Сталина, завода им. Кирова, Станкостроя, красной “Трехгорки” пришли сегодня с Бетховеном и Вагнером, с Прокофьевым и Верди»¹¹⁷.

Добавим, что главный дирижер воронежского симфонического оркестра Александр Васильевич Дементьев считался специалистом по Бетховену и за сезон 1935 г. трижды исполнял со своим оркестром Девятую симфонию композитора. «Бетховена, создавшего непревзойденные образцы драматической музыки, отличающейся необыкновенным богатством и в то же время простотой своих мелодий, Бетховена, воспевшего человеческий разум и героизм, любят народные массы. Цикл из его произведений, осуществленный на протяжении прошлого сезона, пользовался большим успехом у наших слушателей, и сейчас каждое из его творений неизменно встречает теплый прием»¹¹⁸ – так со слов Дементьева записал корреспондент «Коммуны».

Стихотворение Мандельштама «Еще мы жизнью полны в высшей мере...» было завершено 24 мая 1935 г.:

Еще мы жизнью полны в высшей мере,
Еще гуляют в городах Союза
Из мотыльковых, лапчатых материй
Китайчатые платица и блузы.
Еще машинка номер первый едко
Каштановые собирает взятки,
И падают на чистую салфетку
Разумные густеющие прядки.

Еще стрижей довольно и касаток,
Еще комета нас не очумила,
И пишут звездоносно и хвостато
Толковые, лиловые чернила. [246]

А.Г. Мец следующим образом откомментировал мандельштамовский текст: «Поводом к ст<ихотворе>нию послужило постановление ЦИК и СНК СССР о привлечении несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания, принятое 7 апр<еля> 1935 г. На это и дан намек в словах “высшей мере”»¹¹⁹. Это, безусловно, верно, но важно еще отметить, что страшный мандельштамовский намек вживлен в праздничные декорации. День 24 мая 1935 г., хотя и пришелся на пятницу, был объявлен всесоюзным выходным по случаю десятилетия «Комсомольской правды». Выходной ознаменовался массовыми гуляниями, упомянутыми в стихотворении Мандельштама. Процитируем информацию из рубрики «Сегодня, в выходной день» из столичной «Правды» от 24 мая 1935 г.: «В парке культуры и отдыха им. Горького – большое гулянье, посвященное 10-летию газеты “Комсомольская правда”»¹²⁰ и анонс из рубрики «Завтра – выходной день» из воронежской «Коммуны» от 23 мая 1935 г.: «Куда пойти? Сад пионеров и октябрят открыт с 10 час<ов>. Работают читальня, песнетка, игротка и физкультурные площадки. Вечером – большое гулянье. Играет оркестр духовой музыки»¹²¹.

Праздничный контекст, в который мы поставили стихотворение «Еще мы жизнью полны в высшей мере...», позволяет предложить злободневное каламбурное объяснение для двух его последних строк («И пишут *звездоносно* и хвостато / Толковые, лиловые чернила»): в «Правде» от 24 мая 1935 г. сообщается, что постановлением Центрального исполнительного комитета Союза ССР от 23 мая «<з>а выдающиеся заслуги в деле улучшения газеты “Комсомольская правда”» ее главный редактор В.М. Бубекин награжден орденом Красной *Звезды*¹²².

Нам остается сопроводить кратким газетным комментарием мандельштамовское четверостишие, датированное июнем 1935 г.:

Римских ночей полновесные слитки,
Юношу Гёте манившее лоно –
Пусть я в ответе, но не в убытке:
Есть многодонная жизнь вне закона. [246]

Н.Я. Мандельштам отмечает, что процитированное стихотворение связано с радиокомпозицией «Молодость Гёте», над которой поэт в это время работал¹²³. М.Л. Гаспаров это наблюдение развивает и конкретизирует: «В мае–июне 1935 г. О<сип> М<андельштам> работает над “Молодостью Гёте”, кончая ее размышлениями о дружбе Гёте с женщинами, о встрече с *Миньоной* (будущей героиней “Вильгельма Майстера” на пути в Италию) и, наконец, итальянским путешествием с любовными элегиями и эпиграммами. Отсюда – сентенциозное “Римских ночей полновесные слитки...”»¹²⁴.

На наш взгляд, в двух финальных строках четверостишия Мандельштама трактуется не только любовная тема, но и тема поэта, насильственно выкинутого из советской литературы и тем не менее продолжающего существовать в ней тайно и «многодонно». Не случайно в стихотворении возникает и топографическое указание на две страны, попавшие в 1935 г. под власть нацистской идеологии: на мандельштамовские впечатления от чтения Гёте, по видимому, наслоились его ощущения от знакомства с речью Николая Тихонова на Международном конгрессе защиты культуры в Париже. Сначала Тихонов декларативно заявил, что «<с>оветская поэзия прежде всего принесла в мир новую силу, новые голоса, новые жанры, новые слова»¹²⁵. Потом Тихонов перечислил и кратко охарактеризовал творчество четырех самых видных на его взгляд советских поэтов: «Маяковский! Вот мастер советской оды, сатиры, буффонадного и комедийного стихового театра... Багрицкий! Вот стих пламенный и простой... Сложный мир психологических пространств представляет нам Борис Пастернак. Какое кипение стиха, стремительное и напряженное, какое искусство непрерывного дыхания»¹²⁶, какая поэтическая и глубоко искренняя попытка увидеть, совме-

стить в мире сразу множество пересекающихся поэтических движений... Если мы хотим контраста, возьмем стихи Демьяна Бедного...»¹²⁷. Затем Тихонов неодобрительно высказался о поэтах Запада, прежде всего о поэтах фашистских Италии и Германии. Заметим, что, как и у Мандельштама в разбираемом четверостишии, метонимическими символами этих двух стран послужили в речи Тихонова Рим и Гёте: «Маринетти – поэт “гастрономической архитектуры” – превозносит в стихах искусство есть так, чтобы от удивительных блюд, ценных и причудливых, к итальянцам вернулся дух древнего Рима <...>. Увы, увы! Никакой Гёте не возвышается над серой пеленой казарменного тумана, окутавшего Германию <...>. Нет, Гёте не возвышается над Германией»¹²⁸.

О Мандельштаме Тихонов в своей речи, конечно, не вспомнил. Между тем старший поэт как раз летом 1935 г. был озабочен составлением собственного перечня советских стихотворцев «не на вчера, не на сегодня, а навсегда»¹²⁹. Вот мандельштамовский вариант списка, как и тихоновский, состоящий из четырех имен: «Сказал фразу: “В России пишут четверо: я, Пастернак, Ахматова и П. Васильев”» (из письма С.Б. Рудакова к жене от 6 августа 1935 г.)¹³⁰. «Пусть меня замалчивают, но я все равно существую в составе советской поэзии», – приблизительно так можно перевести стихотворную мандельштамовскую реплику с поэтического языка на общеупотребительный.

5

В уже цитировавшемся нами письме Сергея Рудакова к жене от 24 мая 1935 г. приводится следующая его развернутая реплика, обращенная к поэту: «...кончен цикл *открытых* политических стихов. Теперь вы – вольноотпущенник, и не должны, а вольны. Последние вещи живут отдельно, а это сейчас самое главное». Далее, может быть, не без хвастовства, описана реакция Мандельштама на рудаковские слова: «Он счастлив, поняв это»¹³¹ (курсив Рудакова. – О. Л.).

Действительно, почти все вещи Мандельштама, создававшиеся в декабре 1936 г., т. е. в начале его второго воронежского периода, в отличие от большинства мандельштамовских стихотворений 1935 г., «живут отдельно» от политической злободневности, вне газетного контекста (при этом, если судить хотя бы по письму Мандельштама к Николаю Тихонову от 31 декабря 1936 г., поэт отнюдь не утратил интереса к текущим политическим событиям: «Вам, делегату VIII-го съезда (я слышал по радио Ваше прекрасное мужественное приветствие съезду), я сообщаю...» и т. д. (4, 174)).

Конечно, мы можем предположить, что, например, в финальных строках одного из вариантов стихотворения Мандельштама «Ночь. Дорога. Сон первичный...», находившегося в работе с 23 по 27 декабря 1936 г., отразились газетные сообщения о смерти Николая Островского¹³², в чьем романе «Как закалялась сталь», как и в мандельштамовском стихотворении, описана

В гуще воздуха степного
Перекличка поездов
Да украинская мова
Их растянутых гудков [497]¹³³.

А ритмический рисунок и образность этого и еще целого ряда стихотворений декабря 1936 г., возможно, были подсказаны Мандельштаму тем отрывком из поэмы Аделины Адалис «Киров», который был напечатан на первой странице «Литературной газеты» 30 апреля 1935 г.¹³⁴

Сравним:

Напишу я, братья, книгу
Про колхозную зарю, –
Ленинградскому обкому
В красной папке подарю!
Адалис

Трудодень страны знакомой
Я запомнил навсегда:
Воробьевского райкома
Не забуду никогда! [497]
Мандельштам

(Обратим особое внимание на использование в стихотворении Мандельштама «газетного» слова «трудодень».) Однако газетные подтексты и газетный фон оказываются для процитированного и других стихотворений Мандельштама, написанных в декабре 1936 г., периферийными, т. е. лишенными решающей объяснительной силы.

Это справедливо уже в отношении датированного 6–9 декабря 1936 г. начального мандельштамовского стихотворения его второго воронежского периода¹³⁵:

Из-за домов, из-за лесов,
Длинней товарных поездов –
Гуди за власть ночных трудов,
Садко заводов и садов.

Гуди, старик, дыши сладко,
Как новгородский гость Садко
Под синим морем глубоко, –
Гуди протяжно в глубь веков,
Гудок советских городов [251]¹³⁶.

Газетный фон у приведенного мандельштамовского стихотворения такой: 5 декабря 1936 г. на том самом чрезвычайном VIII съезде Советов, о котором Мандельштам упоминал в письме к Н. Тихонову, был утвержден текст новой Конституции Советского Союза. 6 декабря вся страна с воодушевлением отмечала это событие, о чем красноречиво свидетельствуют заголовки газетных подборок: «Великий день народного ликования»¹³⁷, «Всенародное ликование»¹³⁸, «Великий день. 90 000 трудящихся на улицах Воронежа»¹³⁹ и многие другие.

Первостепенно важная роль в ритуале принятия и празднования сталинской Конституции была отведена звуковой составляющей, что подметил, в частности, Всеволод Вишневский в своем экспрессивном правдинском репортаже «Чудесное расположение духа»: «Из тумана, сквозь туман – со всех сторон шли звуковые и возбуждающие нервные волны и токи»¹⁴⁰. В этой звуковой составляющей были отчетливо различимы и заводские гудки – символ пролетарского приветствия новой Конституции. Приведем здесь только два примера, выбранные почти наудачу из воронежской «Коммуны»: «Заводской гудок. Рабочие, стахановцы, инженеры и техники 2-го механического цеха воронежского завода им. Сталина спешат на митинг, посвященный докладу товарища Сталина» о проекте новой Конституции¹⁴¹; «Гудок возвестил об окончании работы. Ворота цехов Острожского завода им. Тельмана распахнулись, и сотни людей – рабочие, работницы, инженеры, техники, конторщицы, пробираясь между пахнущих свежей краской вагонов, вереницей потянулись к клубу, потоком влились в его просторный и нарядный зал»¹⁴².

В намеченный ряд без натяжки встраивается финал мандельштамовского стихотворения («Гуди протяжно в глубь веков, / Гудок советских городов»)¹⁴³, а также синонимичная пара («заводов и садов») из его четвертой строки: отработавшие «за власть ночных трудов» стахановцы в садах, парках и в заводских цехах радостно отмечают все-народный праздник¹⁴⁴.

В декабре 1936 г., на исходе конституционных торжеств, московский Большой театр показал оперу Н.А. Римского-Корсакова «Садко»¹⁴⁵. Но еще на неделю раньше лезгинский поэт Сулейман Стальский опубликовал в «Правде» свое воображаемое выступление на съезде, принимавшем Конституцию. Это была стихотворная здравица Сталину, одна из причудливых строф которой, как кажется, могла спровоцировать Мандельштама вспомнить о Садко в стихотворении «Из-за домов, из-за лесов...»:

Ты из пучин морских достал
Народной мудрости коралл,
И тот коралл нам в руки дал,
Как знак побед в борьбе великой¹⁴⁶.

Подсвеченное всеми этими газетными подтекстами, стихотворение Мандельштама может быть прочитано как звуковой привет новой Конституции из глубины былинной, оперной русской древности. Тем не менее нужно признать, что злободневная газетная тема в стихотворении «Из-за домов, из-за лесов...» затушевана. Не зная мы о том, что Мандельштам работал над ним 6–9 декабря 1936 г., приурочить стихотворение ко дню принятия сталинской Конституции было бы весьма затруднительно. Еще труднее с помощью отсылок к газетному материалу прояснить остальные мандельштамовские стихотворения декабря 1936 г. – января 1937 г.

Интенсивное возвращение газетной образности в стихи Мандельштама пришлось на вторую половину января – первые числа февраля 1937 г. И связано это было с работой поэта над большим стихотворением о Сталине «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...», в домашнем обиходе получившем заглавие «Ода». Здесь о принятии Конституции, которое, по-видимому, послужило основным актуальным поводом к написанию всего стихотворения¹⁴⁷, отчетливо говорится уже в 7–8-й строках:

Я б рассказал о том, кто сдвинул мира ось,
Ста сорока народов чтя обычай [359].

М.Л. Гаспаров, комментируя эти строки, отметил, что «политический термин “ось Берлин–Рим” прочно вошел в газетный лексикон начиная с 1936 г.¹⁴⁸ Частное дополнение: заглавие «Ось мира» носила статья Анатолия Канторовича, напечатанная в «Известиях» 26 февраля 1937 г.¹⁴⁹

Не менее важно обратить внимание на то обстоятельство, что тема «<с>та сорока народов» Советского Союза, совокупно принимающих сталинскую Конституцию, – одна из ключевых для советской прессы того времени. Так,

«конституционный» праздничный номер «Правды» открывался передовицей «Живет и здравствует дружба народов СССР»¹⁵⁰, а далее следовала обширная подборка материалов, помещенная под шапкой: «Народы СССР единодушно одобряют сталинскую Конституцию»¹⁵¹.

Наверное, не будет натяжкой предположить, что с темой братской дружбы между народами СССР, в очередной раз выдвинувшейся на первые полосы советских газет благодаря принятию союзной Конституции, не в последнюю очередь связано подчеркивание грузинского происхождения Сталина в следующих строках «Оды»:

И я хочу благодарить холмы,
Что эту кость и эту кисть развили:
Он родился в горах и горечь знал тюрьмы.
Хочу назвать его – не Сталин, – Джугашвили! [360]¹⁵²

Со сходными целями грузинское происхождение вождя обыгрывали многие поэты, обращавшиеся к сталинской теме в дни принятия Конституции, например Николай Заболоцкий в «Горийской симфонии», напечатанной в «Известиях»¹⁵³, а также Георгий Леонидзе в стихотворении, прочитанном им в качестве речи на VIII съезде Советов по-русски и по-грузински:

Колыбель там твоя качалась,
Твой букварь лежал в доме том,
Там ты выкован крепче стали,
Чтобы Сталиным стать потом¹⁵⁴.

Возможно, не столько к известному стихотворению Н. Мицишвили о Сталине, переведенному Б. Пастернаком¹⁵⁵, сколько к воспевающему братство советских народов фрагменту речи В.П. Ставского на VIII Всесоюзном съезде Советов, восходит образ Прометея из стихотворения «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...»: «Знать, Прометей раздул свой уголек, – / Гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу!» [359]. «С глубочайшим уважением трудящиеся нашего Союза относятся к истории каждого народа,

к героям в народном эпосе, величавом и могучем, и в произведениях певцов народа, – утверждал Ставский. – Так становятся популярными и любимыми трудящимися нашей страны древнегреческий Прометей и кавказский Аморан...»¹⁵⁶.

С ключевым отрывком другой речи Ставского о Конституции соотносится еще один образ из стихотворения «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...»:

Ставский. «Съезд утвердил сталинскую Конституцию, которую можно сравнить с ослепительной вершиной, откуда видно все наше прошлое, вся борьба за социализм, откуда открываются новые горизонты для всего человечества»¹⁵⁷.

Мандельштам.

Глазами Сталина раздвинута гора
И вдаль прищурилась равнина [361]¹⁵⁸.

Здесь нужно заметить, что газетные репортажи наряду с кинохроникой, портретами, фотографиями и плакатами использовались Мандельштамом при вкраплении в стихотворение «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» черт внешнего облика вождя. В частности, на сталинской «кисти» (ср. у Мандельштама: «Что эту кость и эту кисть развили») акцентировал читательское внимание, описывая речь отца народов о новой Конституции, Борис Агапов: «Иногда он делал короткое движение кистью руки, как бы говорил: “Вот видите, товарищи, вот в чем дело”»¹⁵⁹. Мандельштамовской строке «Лепное, сложное, крутое веко» [360] соответствует в газетной заметке Алексея Толстого о все том же выступлении вождя на съезде: «веки внимательных глаз приподняты». Отыскивается у Толстого и параллель мандельштамовской строке «Я б поднял брови малый уголок» [359]: «Брови поднялись двумя изломами»¹⁶⁰.

Конечно, мы не собираемся доказывать, что подсобным материалом для мандельштамовской «Оды» послужили только те материалы советской печати, в которых рассказывалось о принятии новой Конституции: облик Сталина складывается в стихотворении Мандельштама из отоб-

ранных и особым образом обработанных штампов эпохи, в том числе из чрезвычайно популярных в то время экфрасисов – словесных описаний портретов и плакатных изображений вождя. Сравним, например, самое начало мандельштамовского стихотворения

Когда б я уголь взял для высшей похвалы –
Для радости рисунка непреложной, –
Я б воздух расчертил на хитрые углы
И осторожно и тревожно [359]

со следующим микрофрагментом очерка Валентина Катаева 1935 г. о строительстве московского метро: «Сталин и Каганович шагали в ногу навстречу нам, над нами, из белого воздуха громадного плаката»¹⁶¹. Главным же иконографическим источником для мандельштамовских строк

Он свесился с трибуны, как с горы, –
В бугры голов. Должник сильнее иска,
Могучие глаза решительно добры,
Густая бровь кому-то светит близко, [360]

скорее всего, послужила не фотография Сталина «на трибуне (над съездом Советов, принимающим обнадеживающе демократическую конституцию)» и не популярная картина А. Герасимова «Ленин на трибуне» (как полагал М.Л. Гаспаров)¹⁶², а групповая фотография правдинского корреспондента Н. Кулешова «Товарищ Сталин пожимает руку членам делегации от жен инженерно-технических работников от легкой промышленности, приветствовавшей совещание от жен командиров Рабоче-крестьянской Красной армии». Эта фотография в конце декабря 1936 г. обошла все советские газеты¹⁶³.

Можно тем не менее констатировать, что одна из настойчиво повторяющихся в стихотворении Мандельштама портретных деталей облика Сталина – его добрая улыбка – окончательно закрепилась в реестре канонических примет советского изображения отца народов именно после его речи на VIII съезде Советов. В этой речи, напомним, прозвучала знаменитая сталинская шутка о буржуазных критиках

новой Конституции, немедленно и с умилением подхваченная советскими средствами массовой информации. Приведем здесь лишь небольшую подборку цитат, показывающую, как отлаженно реагировала советская пресса на малейшее изменение выражения сталинского лица, на самое крохотное оживление его речи: «Ну, и смеху же было в зале, когда товарищ Сталин давал этим “критикам” отповедь. Все смеялись. И товарищ Сталин смеялся»¹⁶⁴. «В черных волосах седина, тень от усов прикрывает улыбающийся рот»¹⁶⁵. «Медленно приближается громадный портрет. Кто не знает этого прекрасного лица? Оно приветливо улыбается знакомой мудрой и доброй улыбкой»¹⁶⁶. Сравним у Мандельштама: «И мужество улыбкою связал» [360], а также: «Он улыбается улыбкою жнеца / Рукопожатий в разговоре» [361].

Это был новый и важный оттенок, с понятным ожиданием уловленный Мандельштамом: развернутое печатью после VIII съезда Советов тиражирование образа шутящего Сталина, улыбающегося Сталина, доброго Сталина внушало робкую надежду на скорое потепление нравов. «Взгляд у него такой милый, приятный – будто каждому хочет руку пожать», – рассказывала своим слушателям делегатка съезда М. Журавлева¹⁶⁷, и это ее впечатление знаменательно перекликается с процитированными чуть выше строками «Оды».

Неудивительно, что *явный* мотив тяжелой вины перед вождем сочетается в стихотворении Мандельштама с *тайной* надеждой на прощение (этот мотив неброско вводится с помощью словечка «еще»):

Пусть недостойн я еще иметь друзей,
Пусть не насыщен я и желчью и слезами... [361]¹⁶⁸.

Надеждами на смягчение курса власти по отношению к художнику были окрашены и речи писателей на VIII съезде Советов. Из выступления А. Толстого: «Ругать нас не плохо, но еще лучше надеяться на нас. Не выдадим!»¹⁶⁹. Из речи В. Ставского: «Писателя у нас любят, и если ругают иной раз, то лишь потому, что желают, чтоб он работал лучше, писал хорошие книги»¹⁷⁰.

Сколь эфемерными были все оптимистические надежды, стало ясно очень скоро после принятия сталинской Конституции: 23–30 января 1937 г. в Москве состоялся широко освещавшийся в печати процесс по делу так называемого Параллельного антисоветского троцкистского центра. 30 января было оглашено решение суда. Тринадцать человек приговорили к расстрелу, троим – дали десять лет, одному – восемь. В этот же день «<б>олее 200 тысяч трудящихся Москвы собрались на митинг, чтобы приветствовать приговор Верховного суда и выразить свою преданность партии Ленина–Сталина»¹⁷¹.

В первых рядах «приветствующих» оказались советские писатели. 26 января 1937 г. «Литературная газета»

поместила большую редакционную статью «Нет пощады изменникам». Еще четыре страницы газета в этот день отвела под призывы прозаиков и поэтов стереть с лица земли Ю.Л. Пятакова, К.Б. Радека, Л.П. Серебрякова и их соратников. Среди авторов отметились И. Бабель, Д. Мирский, Ю. Олеша, А. Платонов, Н. Тихонов, А. Толстой, К. Федин, М. Шагинян, В. Шкловский. Из выступления Ю. Олеша: «Ничто не помешает нашему народу жить, побеждать, добиваться счастья! Все враги его будут уничтожены!»¹⁷².

Сразу после вынесения приговора состоялось общемосковское собрание писателей, на котором с лютыми речами выступили Вс. Иванов, В. Ставский, А. Фадеев, К. Федин... В Ленинграде на аналогичном собрании участников Параллельного антисоветского троцкистского центра клеймили М. Зощенко, В. Лидин, Ю. Тынянов...

По предположению М.Л. Гаспарова¹⁷³, именно на этот процесс Мандельштам откликнулся стихотворением, датированным февралем 1937 г.:

Если б меня наши враги взяли
И перестали со мной говорить люди,
Если б лишили меня всего в мире:
Права дышать и открывать двери,
И утверждать, что бытие будет
И что народ, как судия, судит,
Если б меня смели держать зверем,
Пищу мою на пол кидать стали б –
Я не смолчу, не заглушу боли,
Но начерчу то, что чертить волен,
И, раскачав колокол стен голый
И разбудив вражеской тьмы угол,
Я запрягу десять волов в голос
И поведу руку во тьме плугом –
И в глубине сторожевой ночи
Чернорабочей вспыхнут земли очи,
И, в легион братских очей сжатый,
Я упаду тяжестью всей жатвы,
Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы, –

И налетит пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
И на земле, что избежит тленья,
Будет будить разум и жизнь Сталин. [362]

Легко заметить, что многие строки этого стихотворения идеально вписываются в соответствующий газетный контекст. Сравним хотя бы мандельштамовский зачин («Если б меня наши враги взяли») с заглавием редакционной передовицы, напечатанной на первой странице «Коммуны» 27 января 1937 г. («Наши заклятые враги»), а также строку Мандельштама «И разбудив *вражеской тьмы* угол» со следующими фрагментами из речей А. Платонова и В. Ставского: «...враг не сдастся, он будет заострять свое оружие против нас. Поэтому надо попытаться осветить точным светом искусства самую “середину тьмы”, – тогда мы будем иметь еще один способ предвидения наиболее опасных врагов» (А. Платонов)¹⁷⁴; «У нас с вами дочери и сыновья – какое будущее готовили им эти враги народа? Тьму кромешную, всю адскую тьму капиталистического строя – вот что готовили для наших детей» (В. Ставский)¹⁷⁵.

Однако Мандельштам и в данном случае, как обычно, выступил наособицу. Если авторы газетных заметок и отчетов о процессе по делу Параллельного антисоветского троцкистского центра исходили из реального положения вещей (*мы судим врагов*), автор стихотворения «Если б меня наши враги взяли...» вывернул ситуацию наизнанку (*что было бы, если бы враги захватили меня*). Взгляд на события с точки зрения унижаемого пленника позволил Мандельштаму избежать сервильного прославления аргюи сильнейшей стороны, кровожадно добивавшей поверженного противника. Важно, вслед за М.Л. Гаспаровым, напомнить, что 27 февраля 1937 г. был арестован единственный высокопоставленный партийный покровитель Мандельштама Н.И. Бухарин¹⁷⁶.

Активная публичная травля Бухарина и его ближайших соратников, начатая советской печатью на волне «пятакского» процесса в конце января 1937 г., по-види-

мому, послужила одним из ситуативных поводов к написанию мандельштамовского стихотворения «Куда мне деться в этом январе...»¹⁷⁷:

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок...
От замкнутых я, что ли, пьян дверей? –
И хочется мычать от всех замков и скрепок...

И переулков лающих чулки,
И улиц перекошенных чуланы –
И прячутся поспешно в уголки,
И выбегают из углов угланы...
И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке
И, спотыкаясь, мертвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке, –

А я за ними ахаю, крича
В какой-то мерзлый деревянный короб:
Читателя! советчика! врача!
На лестнице колючей разговора б! [265]

М.Л. Гаспаров выявил важный подтекст этого стихотворения. «Слова “...выбегают из углов угланы”, – писал он, – неминуемо напоминают имя давно устранившегося Н.А. Угланова, который был партийным начальником Москвы, когда в 1928 г. Мандельштам через Бухарина спасал от расстрела приговоренных по делу Общества взаимного кредита»¹⁷⁸. К сказанному обязательно нужно прибавить, что фамилии Бухарина, Рыкова и арестованного еще в августе 1936 г. Угланова подряд перечислены в речи В. Ставского на Общемосковском собрании писателей. Эта, уже цитировавшаяся, речь была напечатана «Литературной газетой» 1 февраля 1937 г., в тот самый день, каким датировано мандельштамовское стихотворение «Куда мне деться в этом январе...»:

С чувством облегчения и радости переживаешь: нанесен еще удар, удар нанесен крепкий. Но надо помнить:

враг – главный враг народа – он еще на свободе: это Троцкий, это правые – Бухарин, Рыков, Угланов, тоже злейшие заклятые враги народа, это те, которые еще не разоблачены, которые хотят пускать поезда под откос, чтобы вновь пылали во тьме ночей цистерны, озаряя ночное небо и снег, чтобы вновь крошились вагоны, чтобы вновь в глухих степях стонали раненые, изувеченные стахановцы и защитники-бойцы нашей великой родины. Об этом не надо забывать¹⁷⁹.

Понятно, что арест Бухарина (и уже только во вторую очередь – метонимически заместившего его в стихотворении «Куда мне деться в этом январе...» Угланова) окончательно лишил Мандельштама надежды на действительную помощь сверху и потому был для поэта равносителен соскальзыванию в воронежскую «бородавчатую тьму», в смерть.

Тема внутренних врагов, готовых по дешевке продать Советский Союз внешним врагам, раздутая советской пропагандой во время процесса над участниками Параллельного антисоветского троцкистского центра, превратилась из актуальной в сверхактуальную тему обороны страны и неизбежности надвигающейся большой войны¹⁸⁰. У Мандельштама эта тема впервые отчетливо прозвучала в отколовшемся от основного текста «Оды» стихотворении «Обороняет сон мою донскую сонь...» (3–11 февраля 1937 г.):

Обороняет сон мою донскую сонь,
И разворачиваются черепях маневры –
Их быстроходная, взволнованная бронь,
И любопытные ковры людского говора...

И в бой меня ведут понятные слова –
За оборону жизни, оборону
Страны-земли, где смерть уснет, как днем сова...
Стекло Москвы горит меж ребрами гранеными.

Необоримые кремлевские слова –
В них оборона обороны;
И брони боевой – и бровь, и голова
Вместе с глазами полюбовно собраны.

И слушает земля – другие страны – бой,
Из хорового падающий короба:
– Рабу не быть рабом, рабе не быть рабой, –
И хор поет с часами рука об руку. [270]

Непосредственным подтекстом второй–третьей строф этого стихотворения, возможно, послужило произнесенное в декабре 1936 г. заключительное слово народного комиссара обороны маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова на Всесоюзном совещании жен командного и начальствующего состава Рабоче-крестьянской Красной армии в Кремле: «Ваша оборонная работа, товарищи, дорогá, и мы ее высоко ценим потому, что вы облегчаете жизнь, деятельность, напряженную работу ваших мужей, отцов и братьев. Чем больше и лучше вы будете заниматься общественной и непосредственно оборонной работой, тем легче будет нашим командирам и начальникам делать свое непосредственное дело – повышать боевую подготовку Красной Армии, тем легче будет им готовиться к тому, чтобы в нужную минуту выйти против врага во всеоружии, выставить против него могучую силу, не только физически и технически хорошо сколоченную, но также и духовно сталински подготовленную»¹⁸¹.

Советских поэтов и прозаиков больше писать о надвигающейся войне призвала Вера Инбер в своем выступлении на Общественном собрании писателей 1 февраля 1937 г.: «В чем заключается наша задача, задача советской литературы? Превратить всю нашу литературу в оборонную секцию, озабоченную тематикой будущей войны. Сейчас, перед лицом грозной военной опасности, надвигающейся извне, мы, писатели, должны сделать всю литературу оборонной. Мы должны много, действенно и сильно писать о войне»¹⁸².

17 февраля сходный заказ всем советским литераторам сделал В. Ставский в своем выступлении на специально созванном собрании оборонных писателей. «Вчера в Москве открылось совещание актива писателей-оборонников, работающих над произведениями о Красной Армии... – писала 18 февраля «Правда». – Во вступительном слове тов. Ставский говорил о большом значении оборонной литературы, особенно теперь, в период бешеной подготовки империалистов к войне против СССР»¹⁸³. В этом же номере «Правды» был приведен пример удачного и оперативного исполнения социального заказа, спущенного сверху советским писателям. Газета поместила рецензию Б. Резникова на постановку пьесы В. Киршона «Большой день» в Центральном театре Красной армии: «Новая пьеса В. Киршона написана на очень серьезную и актуальную тему. В этом – первое, но не единственное ее достоинство. В “Большом дне” речь идет о советской авиации. Наши славные летчики являются действующими лицами пьесы. Киршона интересует в данном случае не только среда летчиков, их жизнь и быт, хотя с этого и начинается пьеса. Он хочет заглянуть вперед, показать тот страшный для наших врагов момент, когда они попытаются напасть на Советский Союз. Тогда, говорит пьеса, наступит Большой день расплаты с поджигателями войны»¹⁸⁴.

23 февраля 1937 г., в день Красной армии, редакционные статьи о скорой войне с буржуазным агрессором напечатали на своих первых страницах все советские газеты (Мандельштам, напомним, сделал для «Московского комсомольца» «громадный монтаж о Кр<асной> Армии (23 февраля)» (4, 134) еще в 1930 г.). А 26 февраля «Правда» опубликовала отчет об очередном Пленуме правления Союза писателей, где сообщалось, что делегатам был роздан «Полевой устав Красной Армии, вводную главу которого писал лично нарком тов. К.Е. Ворошилов»¹⁸⁵.

Мандельштам не остался в стороне от движения «писателей-оборонников». 1 марта 1937 г. датирован его первый подступ к грандиозным «Стихам о неизвестном солдате», в которых газетные заметки о приближающейся

мировой войне и участии в этой войне авиации были переведены на образный язык апокалипсиса.

Непосредственным стимулирующим раздражителем для поэта, возможно, послужило длинное антивоенное стихотворение Николая Заболоцкого «Война – войне», напечатанное в «Известиях» 23 февраля 1937 г.¹⁸⁶ Рьяным поклонником поэзии Заболоцкого был Сергей Рудаков, упорно пытавшийся приобщить к творчеству автора «Столбцов» своего старшего друга. Приведем здесь несколько выразительных выдержек из писем Рудакова к жене: «О Заболоцком он молчит, а потом мрачно ругается»¹⁸⁷; «...он сделал умный вид и стал многословно ругать. Ругань такая – “Обращение к читателю как к идиоту, поучение (“и мы должны понять”) – тоже Тютчев нашелся... Многословие... Подробности... Все на нездоровой основе. И стихи это *не Заболоцкого, а ваши*”. Я сказал, что они из “Известий”. Надін <– Надежда Яковлевна Мандельштам> вспомнила об этом»¹⁸⁸. И, наконец: «Говорили о Заболоцком, Ходасевиче и Цветаевой – он (и я) очень хочет их перечесть»¹⁸⁹. Неудивительно, если в марте 1937 г. Мандельштам решил вступить в заочное соревнование с автором «Столбцов»¹⁹⁰.

Как и Заболоцкий, Мандельштам поставил в центр своего стихотворения тему поколения, хранящего в памяти ужасы Первой мировой войны:

Война вздымает голову с кладбища,
Уж новая ей требуется пища.
За 18 лет народу подросло,
Проходят годы, не проходит зло¹⁹¹.
Заболоцкий

Напрягаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
– Я рожден в девяносто четвертом...
– Я рожден в девяносто втором... [275]
Мандельштам

В обоих стихотворениях, как о знаковых событиях упоминается о газовых отравлениях (у Мандельштама в варианте: «Яд Вердена всеядный и деятельный» [500]; у Заболоцкого: «уроки Марны и Вердена») ¹⁹² и о самолетных атаках с воздуха (у Мандельштама: «ласточка хилая, / Разучившаяся летать» [272]; у Заболоцкого: «язык железных птиц») ¹⁹³.

На излете работы над «Стихами о неизвестном солдате», 16 марта 1937 г., Мандельштам написал остропублицистическое стихотворение «Рим» – свою последнюю воронежскую вещь, в которой явственно различим «газетный след»:

Где лягушки фонтанов, расквакавшись
И разбрызгавшись, больше не спят
И, однажды проснувшись, расплакавшись,
Во всю мочь своих глоток и раковин
Город, любящий сильным поддакивать,
Земноводной водою кропят, –

Древность легкая, летняя, наглая,
С жадным взглядом и плоской ступней,
Словно мост ненарушенный Ангела
В плоскоступьи над желтой водой, –

Голубой, онелепленный, пепельный,
В барабанном наросте домов,
Город, ласточкой купола лепленный
Из проулков и из сквозняков, –
Превратили в убийства питомник
Вы, коричневой крови наемники –
Италийские чернорубашечники –
Мертвых цезарей злые щенки...

Все твои, Микель-Анджело, сироты,
Облеченные в камень и стыд;
Ночь, сырая от слез, и невинный,
Молодой, легконогий Давид,

И постель, на которой несдвинутый
Моисей водопадом лежит, –
Мошь свободная и мера львиная
В усыпленьи и в рабстве молчит.

И морщинистых лестниц уступки
В площадь льющихся лестничных рек, –
Чтоб звучали шаги, как поступки,
Поднял медленный Рим-человек,
А не для искалеченных нег,
Как морские ленивые губки.
Ямы Форума заново вырыты,
И открыты ворота для Ирода –
И над Римом диктатора-выродка
Подбородок тяжелый висит. [280–281]

Важные наблюдения над поэтикой этого стихотворения содержатся в комментарии М.Л. Гаспарова: «<В> противоположность ранним стихам 1914–1915 гг. <Рим здесь> изображен как *Рим-человек*, томящийся под гнетом фашистов-*чернорубашечников* и их диктатора. Образ Рима – синтетический: на самом деле микеланджеловские *Давид* и *Ночь* (из капеллы Медичи, памятной скорбным четверостишием самого Микеланджело: “...О, в этот век преступный и постыдный... отраднo спать, отрадней камнем быть”) находятся не в Риме, а во Флоренции, *лягушки фонтанов* – в Милане (в римских фонтанах не лягушки, а черепахи), *Моисей* не лежит, как *Ночь*, а сидит (О<сип> М<андельштам> быстро вспомнил это, «но менять не захотел» – Н<адежда> Я<ковлевна> М<андельштам>). *Мост Ангела* – через Тибр, к замку, бывшему прежде императорской гробницей, а потом папской тюрьмой; *купол* – святого Петра; *лестничные реки* – на площади Испании; *ямы Форума* – новые раскопки при перестройке центра Рима; ворота Тита на краю Форума (в честь победы над Иудеей) представлены, наоборот, воротами для въезда злодея *Ирода*»¹⁹⁴.

Гаспаров обратил внимание и на то, что Рим в стихотворении показан как «убийства питомник», «откуда

вышла абиссинская и затем испанская война»¹⁹⁵. Конкретизируя и детализируя это наблюдение, мы убеждаемся, что в отличие от архитектурного облика вечного города политическая жизнь Рима запрототоколирована Мандельштамом с почти хроникерской точностью. Приведем соответствующую краткую сводку материалов из газеты «Правда» конца февраля – середины марта 1937 г.

26 февраля «Правда» напечатала статью Джузеппе Росси «Римские “цивилизаторы”» о зверствах итальянских фашистов в Абиссинии (с. 5)*. 3 марта в газете появилась корреспонденция И. Майорского «Рим на поводу у Берлина». (Здесь же газета опубликовала редакционную заметку «Вооружение Италии».) Его же заметку «Германо-итальянский шантаж» «Правда» опубликовала 4 марта (с. 5), 5 марта газета поместила краткую информационную статью «Италия на военном положении»: «РИМ. 3 марта. (ТАСС): В иностранных кругах Рима отмечают, что решения Большого фашистского совета означают фактический перевод всей страны на военное положение. Об этом свидетельствуют полная милитаризация всего населения в возрасте от 18 до 55 лет и установка на военное хозяйство, вплоть до готовности целиком пожертвовать “гражданскими потребностями” (о чем сообщало официальное коммюнике)» (с. 5). 8 марта в «Правде» была опубликована редакционная заметка «Итальянские войска на помощь Франко» (с. 1), 9 марта – «Военные приготовления Италии в Африке» (с. 5), 10 марта – «Итальянские дивизии под Мадридом» (с. 1). В этом же номере появилась заметка М. Кобелева «Путешествие Муссолини в Ливию»: «Поездке Муссолини предшествовала сессия Большого фашистского совета, на которой Муссолини провозгласил новую программу усиления итальянских вооружений» (с. 5), 12 марта – «Поездка Муссолини в Ливию» (с. 5). 14 марта в «Правде» появилась корреспонденция Б. Михайлова

* Здесь и далее ссылки на газету «Правда» 1937 г. даются в скобках с указанием страниц.

«Итальянский экспедиционный корпус в Испании» (с. 5), 15 марта – большая статья Михаила Кольцова «Жестокие удары по итало-германскому экспедиционному корпусу. Успех республиканцев на Гвадалахарском фронте» (с. 1). 16 марта «Правда» поместила на пятой странице краткую редакционную заметку «Не усмиренная Абиссиния».

К этим правдинским материалам прибавим еще большой фельетон Ильи Эренбурга «Как в Абиссинии», напечатанный в «Известиях» 14 марта 1937 г. Общий пафос эренбурговского фельетона совпадает с пафосом комментируемого мандельштамовского стихотворения, которое М.Л. Гаспаровым было пересказано так: «...для того ли цвел микеланджеловский Рим, чтобы Муссолини с фашистами его “превратили в убийства питомник”?»¹⁹⁶. Сравним с финальным пассажем фельетона Эренбурга: «Испанский солдат, который слушал мою беседу с пленным <итальянским> учителем, вздохнул и, показав на голову, сказал: “Темные люди!..” Этот солдат – простой крестьянин из Андалузии. Он понимает, что рядом с ним – дикарь. Даже дикари-марокканцы кажутся мудрецами и учеными, дикарь с зубной щеткой и противогазом. Дикарь, которого фашизм послал, чтобы уничтожить прекрасную, богатую, подлинно народную культуру»¹⁹⁷.

Остается отметить, что почти идеальным иконографическим комментарием к двум последним строкам стихотворения «Рим» может послужить серия из шести карикатур Бориса Ефимова на итальянскую тему, опубликованных на первых страницах «Известий» в номерах с 22 февраля по 16 марта 1937 г.¹⁹⁸ На всех этих карикатурах условному итальянскому фашисту-завоевателю приданы черты сходства с Бенито Муссолини, причем едва ли не определяющей чертой оказывается выступающий вперед тяжелый, мясистый подбородок.

В заключение разговора о воронежском Мандельштаме обозначим существенное для нас различие между стихами поэта 1935 г. и 1936–1937 гг. В мандельштамовских вещах первого периода горячая газетная сиюминутность «прорывается на поверхность в самых неожиданных местах»¹⁹⁹; в

мандельштамовских вещах второго периода для раскрытия газетных тем, как правило, отводятся пусть и самые значительные, но совсем не все, а только отдельные стихотворения.

6

16 мая 1937 г. истек срок воронежского заточения поэта. Конец мая – начало июня Мандельштамы провели в Москве. Затем они вынуждены были переехать в поселок Савёлово, на берегу Волги, напротив Кимр. В столице Мандельштаму как недавнему ссыльному прожить не полагалось.

Неудивительно, что образ Москвы – близкой и недоступной – возникает во всех пяти сохранившихся мандельштамовских стихотворениях, написанных после Воронежа: «Чарли Чаплин», «Пароходик с петухами...», «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...», «С примесью вóрона голуби...» и «Стансы». В трех последних из них тоска по Москве сопряжена с тоской по москвичке Еликониде Поповой, которой Мандельштам не на шутку увлекся в эту пору. Жена актера Владимира Яхонтова Попова была «сталинисткой умильного типа» (как спустя многие годы охарактеризовала ее Н.Я. Мандельштам в своих мемуарах)²⁰⁰. Поэтому не стоит удивляться, что «лирическая» и «газетная» темы в савёловских мандельштамовских стихах оказались тесно переплетенными. Впрочем, при разборе обращенного к Поповой стихотворения «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь» (4 июля 1937 г.) привлечение газетных подтекстов (да и то не политических, а метеорологических) помогает привнести дополнительные оттенки смысла лишь в первую строфу:

На откосы, Волга, хлынь,
Волга, хлынь,
Гром, ударь в теснины новые,
Крупный град, по стеклам двинь, –
грянь и двинь, –
А в Москве ты, чернобровая,
Выше голову закинь. [293]

Июнь и начало июля 1937 г. в Москве и в Московской области выдались необычайно жаркими и засушливыми. «В Москве уже семь дней стоит жаркая погода. Среднесуточная температура значительно превышает норму», – писала «Правда» 30 июня (с. 6)²⁰¹. «Укрыться от палящих лучей июньского солнца не представляло никакой возможности», – сетовал С. Богорад в репортаже «Вчера на Москве-реке», помещенном в «Правде» 1 июля (с. 6). Лишь 2 июля 1937 г. по всей средней полосе России наконец прошла гроза. «В Москве вчера, в 1 час дня, термометр показывал 27,5 градуса в тени, – сообщала газета 3 июля в редакционной заметке “Дожди”. – Во второй половине дня над столицей разразилась сильная гроза, сопровождавшаяся ливнем. К 19 часам температура упала до 20,8 градуса. Дожди вчера прошли также в Московской, Ленинградской, Калининской, Ярославской, Западной и Северной областях. Разразившаяся над Москвой гроза продолжалась до позднего вечера. Она бушевала не только над столицей, но захватила и пригороды» (с. 6). «После жары и зноя во многих районах европейской территории Союза ... прошли грозы и ливни», – отчитывались в этот же день «Известия»²⁰².

По-видимому, в первой строфе мандельштамовского стихотворения как раз и описана эта самая долгожданная и свежая гроза, целительная и для томящегося вне столицы поэта, и для его возлюбленной, закинувшей голову и любящейся грозой в Москве²⁰³.

Очень мало, но все же кое-что дают газетные источники для прояснения самого загадочного стихотворения Мандельштама, написанного после пребывания в Воронеже – «Пароходик с петухами...» (3 июля 1937 г.):

Пароходик с петухами
По́ небу плывет,
И подвода с битюгами
Никуда нейдет.

И звенит будильник сонный –
Хочешь, повтори, –

«Полторы воздушных тонны,
Тонны полторы»...

И, паяльных звуков море
В перебой взяв,
Москва слышит, Москва смотрит,
Зорко смотрит в явь.

Только на крапивах пыльных –
Вот чего боюсь –
Не изволил бы в напильник
Шею выжать гусь. [292–293]

Здесь представлены два локуса: Москва (в третьей строфе) и провинция (в первой – второй и четвертой строфах). С Москвой связываются мотивы энергичной, подтянутой реальности («Москва слышит, Москва смотрит, / *Зорко смотрит в явь*»), с провинцией вполне традиционно – мотивы аморфного, полусказочного сонного царства. Соответственно, Москва в качестве метонимии советской действительности изображается почти газетным языком, с использованием пропагандистских клише современной Манделъштаму эпохи. Сравним с совпадением в более поздних виршах Е. Долматовского: «Родина слышит, Родина знает...» и со следующим фрагментом стилизованного под радиорепортаж очерка Льва Кассиля с Красной площади, напечатанного в «Литературной газете» 5 мая 1937 г.: «Наш микрофон, помещенный в фокусе огромного вогнутого слухового зеркала, *вбирает в себя слова приветствий, такты оркестра и наш рассказ о празднике*²⁰⁴. Диковский включает канал Волга–Москва, и с Красной площади кричат пароходы первой флотилии, приплывшей с Волги в Москву»²⁰⁵.

Напротив, провинция показана у Манделъштама как бы сквозь призму утреннего сна, и это дает поэту возможность густо насытить ее изображение образами из фольклорной небывальщины.

Едва ли не единственное (кроме «пароходика») слово из современного лексикона в первых шести строках сти-

хотворения – это «будильник». Звон будильника, по-видимому, врывается в сновидения лирического героя одновременно с голосом, зачитывающим по радио прогноз погоды: сказочное небо, по которому плыл пароходик, преобразается в научные «[п]олторы воздушных тонны, / Тонны полторы»²⁰⁶. А радиоточка становится местом соприкосновения мира провинции со столицей.

Подключив к интерпретации свое знание о биографических обстоятельствах Мандельштама этого периода, мы получим возможность выстроить следующую реконструкцию событий, изображаемых в стихотворении: [1-я строфа] ранним утром, в субботний день 3 июля 1937 г. поэт спит и видит во сне причудливо преображенные впечатления предшествующего савёловского дня: петухов (плывущих на волжском пароходике по небу)²⁰⁷ и стоящую неподвижно запряженную подводку. [2-я строфа] Звенит будильник, и просыпающийся поэт слышит по радио (и машинально повторяет про себя?) информацию о погодном атмосферном давлении. [3-я строфа] Ему нельзя показываться в Москве, тем более жадно он ловит ухом море радиозвуков из столицы («Говорит Москва!», а далее – сводки об очередных победах и достижениях). В том, что Москва в отличие от провинции наделяется в разбираемом стихотворении однозначно положительной семантикой – в этом нам помогает убедиться ознакомление с отброшенным позднее вариантом 3-я строфы:

И полуторное море
К небу припаяв,
Москва слышит, Москва смотрит
В силу, в славу, в явь. [506]

Здесь же содержится объяснение странной метафоры «И паяльных звуков море» из окончательного варианта 3-й строфы: звуки радиопаяльные, потому что они доходят из Москвы в Савёлово как бы по проводу, *припаянному* к небу.

[4-я строфа] Но день впереди намечается, увы, не московский, а савёловский, и страх перед ним совсем по-

детски персонифицируется в сознании поэта в образе угрожающе выгнувшего шею гуся (только что вылезшего из воды? – отсюда, возможно, глагол «*выжать*» в последней строке стихотворения). Сон еще не окончательно оставил лирического героя, поэтому финальный образ такой причудливый.

Попробуем теперь чуть подробнее прокомментировать некоторые конкретные строки стихотворения.

Пароходик с петухами / По небу плывет – здесь травестируется один из ключевых для позднего Мандельштама словесных пейзажей, восходящих к «Воздушному кораблю» Лермонтова: небо и поверхность земного шара меняются местами (ср., например, в «Стихах о неизвестном солдате»: «И за Лермонтова Михаила / Я отдам тебе строгий отчет, / Как горбатого учит могила / И *воздушная яма* влечет» [272] и «Неподкупное небо окопное» [273])²⁰⁸. Может быть, стоит также указать на то, что тема открытия канала «Волга–Москва» и начала движения по этому маршруту пароходного транспорта – одна из ключевых для советской прессы мая–июля 1937 г. «Все чаще и чаще появляются на канале грузовые суда. С 15 июня по 1 июля по каналу перевезено 12 000 тонн различных грузов»²⁰⁹.

И, паяльных звуков море / В перебои взял – бой кремлевских курантов, воспроизводимый по радио?

Москва слышит, Москва смотрит, / Зорко смотрит в явь – эти строки, по-видимому, следует соотнести с воспевающим зоркость зрения и слуха Сталина фрагментом стихотворения «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...»: «И я хотел бы стрелкой указать / На твердость рта – отца речей упрямых. / Лепное, сложное, *крутое* веко, знать, / Работает из миллиона рамок. / Весь – откровенность, весь – признанья медь / И *зоркий слух*, не терпящий сурдинки» [360].

Не изволил бы в напильник / Шею выжать гусь – однозначно расшифровать эти загадочные, почти сюрреалистические строки мы не беремся. Заметим только, что вся финальная строфа разбираемого стихотворения груп-

пируется вокруг глагола «боюсь». Жгучая крапива, жесткий клюв гуся, острое напильника (которым на дальнем савёловском огороде могут ведь и пырнуть), пупырышки этого напильника, гусиная кожа – перечисленные мотивы и возможные ассоциации в совокупности создают болезненное общее впечатление.

Зато очень многое газетные подтексты объясняют последнем из известных нам стихотворений Мандельштама «Стансы», датированном 4–5 июля 1937 г. Как и стихотворение «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...», «Стансы» обращены к Еликониде Поповой. Стихотворение состоит из десяти строф. Каждая из первых четырех строф вводит новый «газетный» мотив. Два из них уже выявлены нашими предшественниками; на два попробуем указать мы:

Необходимо сердцу биться:
Входить в поля, вращать в леса.
Вот «Правды» первая страница,
Вот с приговором полоса. [363]

Комментаторами уже замечено, что в строке «Вот с приговором полоса» из зачина «Стансов» подразумевается номер «Правды» от 12 июня 1937 г. На первой странице этого номера газеты большими буквами сообщалось о смертном приговоре по делу Тухачевского, Уборевича, Якира и других крупных советских военачальников: «Вчера Верховный суд Союза ССР приговорил к расстрелу восемь шпионов, находившихся на службе у военной разведки одного из иностранных государств. Разгром военно-шпионского ядра – признак силы великого Советского государства и большой удар по поджигателям войны и их планам расчленения СССР и восстановления власти помещиков и капиталистов» (с. 1)²¹⁰.

Дорога к Сталину – не сказка,
Но только – жизнь без укоризн:
Футбол – для молодого баска,
Мадрида пламенная жизнь. [363–364]

В двух заключительных строках 2-й строфы «Стансов» (как тоже отмечалось комментаторами) речь идет о приехавшей в Москву в июне 1937 г. сборной команде Страны басков, в которой были девять бойцов-республиканцев, а если точнее – восемь бойцов, приехавших 16 июня²¹¹.

Сборная Страны басков провела с ведущими московскими и ленинградскими футбольными командами несколько матчей; 5 июля – этим днем датированы мандельштамовские «Стансы» – состоялся матч сборной Страны басков с московским «Динамо», о чем «Правда» поместила специальную заметку²¹². Пафосом, сходным с мандельштамовским, окрашен, например, следующий фрагмент отчета Льва Кассиля о матче сборной Страны басков – «Локомотив»: «У наших гостей двойная слава. Восемь из них были игроками знаменитой национальной сборной команды, защищавшей цвета Испании в самых ответственных международных матчах. Но есть еще одно обстоятельство, и вот оно-то делает баскских товарищей близкими, родными, знакомыми нам, – все они дрались на фронтах республики. И если в команде Страны басков не хватает 2–3 прославленных игроков, то это потому, что славные бойцы футбольного зеленого поля сложили свои смелые головы на поле битвы»²¹³.

В 3-й строфе «Стансов» специального комментария требует не очень понятная первая строка:

*Москва повтóрится в Париже,
Дозреют новые плоды,
Но я скажу о том, что ближе,
Нужнее хлеба и воды...*

Загадка отгадывается просто и предельно конкретно: подразумевается вовсе не грядущая мировая революция, как это может показаться без чтения прессы соответствующего периода, а советский павильон на международной выставке «Искусство и техника в современной жизни», открывшейся в Париже 31 мая 1937 г. 1 июля павильон по-

сетил Ромен Роллан, о чем «Правда» бравадно писала в первых номерах июля²¹⁴. Приведем также фрагмент из репортажа И. Маньэна, напечатанного в «Правде» 1 июля. В этом репортаже особое внимание было уделено скульптуре В. Мухиной «Рабочий и колхозница», изготовленной специально для советского павильона парижской выставки: «По общему мнению, СССР оказался на высоте науки и цивилизации. Советский павильон, находящийся у входа на большую трассу Трокадеро, приковывает внимание посетителей монументальной группой, возвышающейся над ним. Группа в радостном порыве стремится вперед»²¹⁵.

В 4-й строфе «Стансов» с помощью привлечения газетного материала должно быть прокомментировано одно, но ключевое слово последней строки:

О том, как вырвалось однажды:
– Я не отдам его! – и с ним,
С тобой, дитя высокой жажды,
И мы его обороним... [364]

Здесь подразумевается опять же не абстрактная коллективная защита Сталина от гипотетических врагов, а вполне конкретная акция, лично Сталиным инициированная: 2 июля 1937 г. «Правда» напечатала правительственное постановление «О выпуске “Займа Укрепления Оборона Союза ССР”» (с. 1), которое затем в течение нескольких дней обсуждалось и восхвалялось на страницах всех советских газет. В частности, 4 июля «Правда» опубликовала большую подборку материалов «Подписка на заем развертывается по всей стране» (с. 1)²¹⁶.

Мы видим, что в «Стансах» Мандельштам отреферировал новости текущей политической и общественной жизни весьма оперативно, хотя и не везде со скоростью репортера. С понятными оговорками его стихотворение правомерно было бы сравнить с обзором знаковых событий в стране приблизительно за месяц, выполненным по главной государственной газете – «Правде».

Если до сих пор мы восстанавливали газетный фон поздних мандельштамовских вещей, теперь попробуем на конкретном примере показать, как этот фон может быть использован для интерпретации стихотворений поэта 1930-х годов. Чтобы не облегчать себе задачу, выберем едва ли самое «темное» из них – «Идут года железными полками...» (22 мая 1935 г.), которое в домашнем обиходе четы Мандельштамов также называлось «Железо»:

Идут года железными полками,
И воздух полн железными шарами.

Оно бесцветное – в воде железясь,
И розовое на подушке грезясь.

Железная правда – живой на зависть,
Железен пестик и железна завязь.

И железой поэзия в железе,
Слезящаяся в родовом разрезе. [359]

На возможные живописные подтексты второй строки этого стихотворения (картины К. Юона 1921 г. и В. Маяковского 1919 г.) нам указал Н.Г. Охотин (устное наблюдение). Омри Роненом в «Железе» были выявлены лермонтовские реминисценции²¹⁷. Специальный разбор мандельштамовского восьмистрочия предпринят в большой статье М.С. Павлова, где восстановлен мандельштамовский контекст (в смысле К.Ф. Тарановского) для ключевых мотивов стихотворения²¹⁸. Тем не менее итоговые выводы этой статьи кажутся нам слишком обобщенными и потому мало что объясняющими в «Железе».

Для нас же сейчас важно, что стихотворение «Идут года железными полками...» было включено Мандельштамом в подборку, предназначавшуюся для публикации в советской печати. К письму, адресованному Надежде Яковлевне Мандельштам из Воронежа в Москву 25–26 мая

1935 г., поэт приложил автографы стихотворений «Мне кажется, мы говорить должны...», «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...», «Идут года железными полками...», «Еще мы жизнью полны в высшей мере...» и «Мир должно в черном теле брать...» (4, 158). В следующем за этим письме он интересовался у жены «<x>орошо ли “железясь» в стихотворении «Идут года железными полками...»? (4, 158). А еще в следующем распоряжался: «К “подборке” прибавь “Стансы” плюс “Железо”. Выясни печатание. Для Москвы условие: в с ё или ничего [разрядка Мандельштама. – О. Л.]. Широкий показ цикла. Хорошо бы в Литгазете. Все варианты окончательные. Только в начале Стансов могут быть изменения» (4, 159).

Из этого напрашиваются два вывода. Во-первых, «Железо» относится к числу «открытых политических» воронежских стихотворений Мандельштама, раз в отчетной подборке оно должно было соседствовать с такими яркими образцами текстов этого типа, как «Мне кажется, мы говорить должны...» и «Стансы». Во-вторых, поэт несколько не смущался загадочностью своего стихотворения, раз собирался печатать его в газете, хотя бы и в «Литературной». Не потому ли, что советский читатель того времени, исходя из злобы газетного дня, сам должен был восстановить актуальный для стихотворения контекст?

Учитывая, что «Железо» датировано 22 мая 1935 г., заглянем в газеты этого, а также нескольких предшествующих дней. Здесь мы найдем множество откликов на событие, потрясшее Мандельштама и положенное в основу фабулы его позднейшего стихотворения «Не мучнистой бабочкою белой...» (21 июля 1935 – 30 мая 1936 г.). Речь идет о гибели 18 мая 1935 г. гигантского советского самолета «Максим Горький» вместе с экипажем и 36 пассажирами. По официальной версии катастрофа произошла потому, что один из двух самолетов сопровождения принялся выделывать в небе фигуры высшего пилотажа и случайно столкнулся с «Максимом Горьким».

Из письма С.Б. Рудакова к жене от 21 мая 1935 г. мы знаем, что в парном по отношению к «Железу» стихотворе-

нии «Мне кажется, мы говорить должны...» (апрель–май 1935 г.) строка «Войны и мира гнутая подкова» была заменена на строку «Воздушно-океанская подкова» под «влияние<м> катастрофы с “М. Горьким”»²¹⁹:

Мне кажется, мы говорить должны
О будущем советской старины.

Что ленинское-сталинское слово –
Воздушно-океанская²²⁰ подкова.

И лучше бросить тысячу поэзий,
Чем захлебнуться в родовом железе,

И пращурьы нам больше не страшны:
Они у нас в крови растворены. [357]

Кажется очевидным, что и в нашем стихотворении исходным сырьем для ключевого образа *железа* послужила не только ходовая советская метафора, использованная, например, в известинском первомайском отчете 1935 г. («Железные шеренги держат... знамя и дружным боевым шагом, мерным и энергичным, идут вперед») ²²¹, но и железо погибших 18 мая самолетов. А во второй строке стихотворения («И воздух полн железными шарами») изображены эти самые самолеты, зависшие в воздушном пространстве. Понять, почему самолеты в «Железе» почти утратили сходство с реальными воздушными машинами, помогает раздраженное замечание из уже цитировавшегося письма Рудакова, касающееся мандельштамовских исправлений в стихотворении «Мне кажется, мы говорить должны...»: «...по мне это безлепица, оттеснившая классику. Называется “борьба с акмеизмом”» ²²². То есть Мандельштам деформировал «акмеистические», четко прорисованные предметы. Понять, почему самолеты в «Железе» превратились именно в «шары», нам поможет анализ четырех заключительных строк стихотворения.

Адекватно перевести эти строки с языка позднего Мандельштама на общепонятный мы попробуем, опираясь

на очень хороший устный разбор Натальей Мазур темного
восьмистишия поэта 1934 г.:

Преодолев затверженность природы,
Голуботвердый глаз проник в ее закон:
В земной коре юродствуют породы,
И, как руда, из груди рвется стон.
И тянется глухой недоразвиток
Как бы дорогой, согнутою в рог, –
Понять пространства внутренний избыток,
И лепестка, и купола залог. [228]

Исследовательница убедительно продемонстрировала, что в этом стихотворении с помощью метафорических образов «земной коры», «лепестка» и «купола», «дороги, согнутой в рог», а также звукового сходства слов «природы», «породы» и *роды* показана беременная женщина²²³. Вспомним также шуточное мандельштамовское четверостишие 1933 или 1934 г., обращенное к страстной театралке Марии Петровых:

Уста запékлись и разверзлись чресла.
Весь воздух в столах родовых:
Это Мария Петровых
Рождает близнецов – два театральные кресла [4, 363].

Если под этим углом взглянуть на финал стихотворения «Идут года железными полками...», сразу же станет видно, что и тут возникает цепочка родовспомогательных метафор, обусловленная, прежде всего, звуковым сходством слов «железо» и «железá». Газетной основой для всех этих метафор послужили прозвучавшие в советской печати многочисленные призывы восстановить самолет «Максим Горький» и дополнительно построить еще два самолета-гиганта. Для экономии места процитируем здесь только микрофрагмент редакционной известинской статьи от 21 мая 1935 г.: «Любимый самолет стал жертвой катастрофы. Да размножается славное племя!»²²⁴, а также передовицу

«Правды» от 22 мая 1935 г., озаглавленную «40 тысяч тонн стали в сутки -- не меньше!» и поднимающую важную для нас тему «железа» («<t>раурные номера “Правды”» Мандельштам упоминает в своей записной книжке, заполнявшейся летом 1935 г., З: 436): «Просто и скромно сформулировано решение правительства и партии... “...взамен погибшего самолета ‘Максим Горький’ построить три больших самолета такого же типа и таких же размеров” <...>. Так могут ответить на несчастье только правительство и страна, имеющая мощную и качественную металлургию»²²⁵.

Это дает нам ключ к пятой–шестой строкам стихотворения:

Железная правда – живой на зависть,
Железен пестик, и железа завязь.

Читай: летчики и пассажиры, увы, погибли, их не воскресить («живой на зависть»), но самолеты будут «рождены» заново²²⁶. Вероятно, это и побудило Мандельштама в начале стихотворения показать самолеты как распухшие «шары», *беременные* новыми воздушными машинами. Напомним строку» из «авиационного» мандельштамовского стихотворения 1923 г.: «А небо будущим беременно...» [353].

В двух заключительных строках «Железа» Мандельштам венчает ассоциативную метафорическую цепочку образом оплодотворяющей «поэзии»:

И железой поэзия в железе,
Слезящаяся в родовом разрезе.

Читай: поэзия оплакивает гибель людей, но она и способствует рождению нового самолетного «железа». Еще в 1922 г. будущий автор стихотворения «Идут года железными полками...» осуждал поэзию Николая Асеева за то, что она «бесплодна и бесполо» (2, 259)²²⁷. Тогда, впрочем, он решительно отказывался от допущения, положенного

в основу «Железа»: «... семени от машины не существует» (2, 259).

Теперь вернемся к третьей–четвертой строкам стихотворения Мандельштама:

Оно бесцветное – в воде железясь,
И розовое на подушке грезясь

и предположим, что в них обыгран средний род двух слов, составляющих центральную метафору всего текста, – «железо» и «дитя». Колыхающееся в родовых водах *бесцветное* дитя-плод соотнесено в грезах будущей матери с уже родившимся розовым ребенком. Не забудем, что среди погибших пассажиров самолета «Максим Горький» было шестеро детей.

Попытаемся теперь внятно пересказать мандельштамовское стихотворение целиком, восстанавливая затемненные и опущенные в нем смысловые звенья: время беспощадно в своем движении, и самолеты, парившие в небе, даже если они погибли, будут восстановлены, «рождены» заново (поэтому они «беременны» новыми летательными машинами). Еще не рожденное дитя представляется матери уже обретшим плоть и кровь – розовым. Разница между ним – воплощающим человека как такового – и самолетом состоит в том, что самолет может быть собран заново, а человек погибает безвозвратно. Задача гражданской поэзии – оплакать смерть советского человека и воспеть рождение новой советской машины.

Плодотворность рассмотрения стихов поэта на фоне прессы может быть доказана и от противного. Тот, кто полагает, что простые газетные ключи не подходят для вскрытия герметичных стихов позднего Мандельштама, формулируя свое несогласие, получает удобную возможность предложить их собственную интерпретацию. Пусть финалом не только этого этюда о стихотворении «Идут года железными полками...», но и всей работы станет гипотеза, предложенная в письме А.А. Долинина к нам от 22 мая 2007 г.: «Я не думаю, что падение самолета “Максим Горь-

кий” есть ключ к “Железу”. По-моему, для первоначального понимания стихотворения достаточно учитывать три вещи: 1. Элементарные энциклопедические сведения о железе, а именно то, что в чистом виде оно встречается лишь в метеоритах (“железные шары”) и содержится в воде (стих 3), в крови (стих 4 – окрашивает розовое тело младенца или желанной женщины) и в растениях (стих 6). Последнее слово текста тоже можно связать не только с кесаревым сечением, но и с добычей руды в железнорудных разрезах (лексикон пятилетки). 2. Ленинско-сталинскую политическую риторику, в которой “железный” имеет позитивное значение и обычно ассоциируется с неумолимым историческим движением к победе коммунизма: “железная воля пролетариата”, “железная диктатура”, “железная логика истории”, “Железный поток” Серафимовича и т. п. Особенно важен ленинский афоризм из “Очередных задач советской власти”: “Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата”. Это, по-видимому, и есть железная правда, изреченная тем, кто, как известно, живет всех живых (“живой на зависть”). 3. Знаменитую апофегму Маркса о “родовых муках истории”. Если учитывать эти опорные смысловые поля, общая схема стихотворения, как мне кажется, становится прозрачной. Поэт принимает и оправдывает “железную” власть, понимая, что “железо” так же исторически необходимо для будущего, как железо без кавычек необходимо для космоса и органической жизни, а нож хирурга при кесаревом сечении – для спасения младенца и матери. Однако “родовые муки истории” не могут не причинять боль и потому поэзии в общественном теле отводится функция слезной железы: она отзывается как на страдания, так и на радость рождения»²²⁸.

Возвращаясь в финале этой работы к первому, полухитливому, эпиграфу к ней, приведем здесь еще одну цитату. Она взята из дневника протоиерея Александра Шмемана, чьи замечательные богословские тексты уж точно ни в коей мере «не вычитаны» из «Правды» или «Нью-Йорк Таймс»: «Чтение газет... Помню, Эммануэль Мунье когда-

то где-то писал, что газет читать не нужно. Но это неверно. Для меня чтение газет (особенно тут, в вынужденном безделье) всегда источник размышлений, “контакт” с реальностью, в которой мы живем, та необходимая “поправка на реальность”, вне которой все “идеи” и “решения проблем” отвлеченны, беспочвенны. Чем живет человек сейчас, сегодня? И “как дошел он до жизни такой”? И почему? Для размышлений над этими вопросами газета – сущий клад, хотя и страшный...»²²⁹.

¹ Напомним, что школа К.Ф. Тарановского «исходит из предположения о мотивированности всех элементов стихов Мандельштама, причем мотивация может лежать вне текста, прежде всего – в ином тексте. Этот мотивирующий текст и является подтекстом данного анализируемого текста» (см.: *Левинтон Г.А., Тищенко Р.Д.* Книга К.Ф. Тарановского о поэзии Мандельштама // Тарановский К.Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 404).

² Есть и еще один способ деления всех предложенных газетных подтекстов на группы: некоторые газетные заметки помещают мандельштамовские стихи в новый контекст, комментируют отдельные их фрагменты, но общего смысла этих стихов существенно не меняют; некоторые радикально обновляют наше представление о комментируемых текстах.

³ *Мазур Н.Н.* Еще раз о деве-розе (в связи со стихотворением Баратынского «Еще как Патриарх не древен я...») // Пушкинские чтения в Тарту. [Вып.] 4: Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментария: Материалы междунар. конф. Тарту, 2007. С. 366.

⁴ См.: *Сегал Д.М.* «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати. 1917–1918 гг. // Минувшее. Париж, 1987. [Вып.] 3.

⁵ См.: *Сегал Д.М.* Осип Мандельштам: История и поэтика. Jerusalem, 1998.

⁶ См.: *Черашняя Д.И.* Московские белые стихи как смысловое единство // Черашняя Д.И. Поэтика Осипа Мандельштама: субъектный подход. Ижевск, 2004.

⁷ См.: *Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М., 1996.

⁸ См.: *Флейшман Л.С.* Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003; *Он же.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005; см. также нашу заметку, вписывающую в газетный контекст одно из самых загадочных стихотворений Мандельштама 1918 г.: *Лекманов О.А.* «О возможном “реальном” подтексте стихотворения О. Мандельштама “Телефон”» // Даугава. 1996. № 2.

⁹ *Морозов А.А.* К истории «Стихов о неизвестном солдате» // Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 434.

¹⁰ *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М., 1999. С. 399.

¹¹ Цит. по: *Мандельштам О.Э.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1993–1997. Приведем еще две цитаты из статьи и письма Мандельштама, показывающие, что он начиная, по крайней мере, с 1920-х годов сделался прилежным читателем газет. «Беру пример наудачу: ленинградская “Красная вечерняя газета” от 12 января. Рецензия о романе Алексея Липецкого “Наперекор”. Подписана – Гельштейн. <...> О книге Перегудова <в рецензии>, помещенной на днях в “Известиях”, сказано, что “близость к изумрудным перелескам и березовым рощам спасает его от нутряной критики в духе Всеволода Иванова”, которого, очевидно, перелески не спасли. Это улов рецензий за день из разных газет» (из статьи «Веер герцогини», 1928–1929 (2, 500); «Еще курьез: сегодня в Вечерней я прочел, что “вчера я ходил в Финотдел жаловаться на налоги”. И не думал ходить! Врет газетка» (из письма к жене от 11 ноября 1925 г.) (4: 48–49).

¹² В качестве характерной детали общего унылого русского фона 1890-х годов «<n>еподвижные газетчики на углах, без выкриков, без движений, неуклюже приросшие к тротуарам» изображены в мандельштамовском «Шуме времени» (2, 347). А в своей «Четвертой прозе» Мандельштам иронически упоминает одну из ведущих петербургских газет 1910-х годов – «Биржевые ведомости»: «Дяденька Горнфельд! Зачем ты пошел жаловаться в “Биржовку” в двадцать девятом советском году?» (3, 174).

¹³ Сравним в письме Мандельштама к отцу, отправленном в середине мая 1931 г., где с горечью констатируется: «Ты умеешь

вычитать человеческий смысл в своей <“>Вечерней Газете<”>, а я и мои сверстники едва улавливаем его в лучших *книгах* мировой литературы» (4, 140).

¹⁴ Цит. по: *Мандельштам О.Э.* Полное собрание стихотворений. СПб., 1995 / Вступ. ст.: М.Л. Гаспаров и А.Г. Мец; сост., подгот. текста и примеч. А.Г. Меца.

¹⁵ Впрочем, редакция газеты, как место, где могут вырвать или хотя бы поддержать, описана уже в очерке Мандельштама «Возвращение», рассказывающем о скитаниях поэта по Крыму и Кавказу в 1920 г.: «...вооруженный спутником, я пошел в русскую газету, но газета, как на грех, оказалась врангелевской, и там сказали: “Если вы не сделали ничего дурного, почему бы вам не поехать в Крым?” После долгих мытарств мы нашли другую, более подходящую газету» (2, 315).

¹⁶ В январе 1930 г. Мандельштам перешел на работу в газету «Вечерняя Москва». См. его письмо к жене, отправленное в середине февраля: «В газете положение улучшилось. Прилив “уважения”. Начинают понимать, что дали мне маниловское задание невыполнимое. Веду рабк<оровский> кружок в “Веч<ерней> Москве” <...> Но товарищей в газете – нет. Бюрократизм и бездарность отчаянные» (4, 133).

¹⁷ «Он саваном бумажным шелестит» – строка из пьесы в стихах Э. Толера «Человек-масса», переведенной Мандельштамом. Обратим внимание на замену эпитета «бумажным» на «газетным», произведенную автором «Четвертой прозы».

¹⁸ Известия. 1930. 1 окт. С. 2–3. При подготовке к написанию этой главы нами были насквозь просмотрены комплекты «Известий», «Литературной газеты» и «Правды» за 1930–1933 гг.

¹⁹ Там же. 31 окт. С. 1.

²⁰ Правда. 1930. 6 окт. С. 3.

²¹ Судьбы Рютина как сознательного борца против произвола Сталина и Мандельштама как автора стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны...» в одном из своих эссе сопоставил Омри Ронен (*Ронен О.* Шрам: Вторая книга из города Энн. СПб., 2007. С. 250–254).

²² Напомним, что это «газетное» слово встречается в мандельштамовской «Грифельной оде» (1923): «Кто я? Не камен-

щик прямой, / Не кровельщик, не корабельщик – / Двурушник я, с двойной душой, / Я ночи друг, я дня застрельщик» [177].

²³ Тарановский К.Ф. Указ. соч. С. 189.

²⁴ Известия. 1930. 13 окт. С. 2.

²⁵ Тарановский К.Ф. Указ. соч. С. 190.

²⁶ Литературная газета. 1930. 4 окт. С. 1, 3. Публикация этого «Письма» была продолжена в номерах газеты от 9 и 14 октября.

²⁷ Ермилов В. За писателя – бойца // Литературная газета. 1930. 24 окт. С. 2.

²⁸ Мандельштам Н.Я. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // Мандельштам О. Собрание произведений: Стихотворения / Сост., подг. текста и примеч. С.В. Василенко и Ю.Л. Фрейдина. М., 1992. С. 397. По понятным причинам, мандельштамовское внимание должны были привлечь оба упоминания о Гумилеве, встречающиеся в только что процитированных отрывках. Строки, которые приводит Ермилов, в свое время были выбраны эпиграфом к эссе Мандельштама «О природе слова» (1922). Нужно заметить, что последующая история противостояния Ермилова и кружка «Натиск» полностью вписывается в картину, набросанную поэтом в стихотворении «На полицейской бумаге верже...». В номере «Правды» от 3 ноября 1930 г., на странице 3 было опубликовано письмо Ермилова в редакцию газеты: «Я считаю необходимым указать, что за 5 лет моей работы в руководстве РАПП я совершил, главным образом на первых этапах моей работы, в 1926 – 27 гг., ошибки, которые совершенно правильно характеризуются в письме секретариата РАПП о развертывании творческой дискуссии, как ошибки правого характера <...>. Признавая указанные ошибки, я, само собою разумеется, не собираюсь ограничиться лишь словесным признанием, а обязуюсь в дальнейшем вести непримиримую борьбу с этими и подобными ошибками». А на странице 5-го номера «Правды» от 21 ноября 1930 г. было напечатано «Письмо фракции секретариата РАПП по поводу статьи “Против правого уклона внутри РАПП”», берущее Ермилова под защиту от ретивых вапповцев и одновременно признающее, что им были допущены серьезные идеологические просчеты.

²⁹ См. также стихотворение Мандельштама «Рояль» (16 апреля 1931 г.): «Чтоб смолою соната джина / Проступила из позвонков, / Нюренбергская есть пружина, / Выпрямляющая мертвецов» [201].

³⁰ *Пильняк Б.* Слушайте поступь истории! // Правда. 1930. 14 дек. С. 3.

³¹ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. 1993: Материалы об О.Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 52.

³² *Пильняк Б.* Указ. соч. С. 3. См. в этой же статье абзац, многое предсказывающий в мандельштамовских «Стихах о неизвестном солдате» (1937): «Война: миллионы людей пойдут в окопы и в ужас, миллионы людей будут убиты, миллионы людей вернутся калеками и сумасшедшими, миллионы семейств, стариков, женщин и детей окажутся нищими <...>. <К>ровь, человеческое мясо и смрад трупины, пепел пожарищ, дым, удушливые газы, слезы, отчаянная физическая боль, моральный ужас и смерть, смерть!».

³³ Ср. в «Четвертой прозе» (1929–1930): «В карманах – дрянь: прошлогодние зашифрованные записки, телефоны умерших родственников и не известно чьи адреса» (3, 177).

³⁴ Подробнее о влиянии процесса промпартии на тогдашние литературные настроения см.: *Флейшман Л.С.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 35–54.

³⁵ Правда. 1931. 1 марта. С. 1.

³⁶ Подробнее об этом стихотворении см.: *Эткинд Е.Г.* Осип Мандельштам – трилогия о веке // Слово и судьба. Осип Мандельштам. М., 1991. С. 242–245.

³⁷ Правда. 1931. 16 марта. С. 3; Известия. 1931. 16 марта. С. 3.

³⁸ Там же.

³⁹ Подробнее см.: *Флейшман Л.С.* Эпизод с Безыменским в «Путешествии в Армению» // *Slavica Hierosolymitana*. 1978. Vol. 3. P. 194–195. Интересно, что в «Путешествии в Армению» про Безыменского сообщается, что «он жил на струне романса» (3, 197), а про стихотворение «За гремучую доблесть грядущих веков...» Мандельштам, по свидетельству жены, «говорил, что это вроде романса» (*Мандельштам Н.Я.* Комментарий к стихам 1930–1937 гг. С. 403).

⁴⁰ Известия. 1931. 4 апр. С. 4.

⁴¹ *Асеев Н.* Мои часы ушли вперед // Литературная газета. 1931. 9 апр. С. 2.

⁴² *Сельвинский И.* О часах, о времени, об организации ЛОСП: В порядке постановки вопроса // Литературная газета. 1931. 24 апр. С. 2.

⁴³ См.: *Черашняя Д.И.* Московские белые стихи как смысловое единство. С. 171.

⁴⁴ *Дека.* Бернард Шоу в Москве // Литературная газета. 1931. 25 июля. С. 1.

⁴⁵ См.: Вечерняя Москва. 1931. 15 мая. С. 4. Эту газету мы, по примеру Д.И. Черашней, решили добавить в список изданий, «фоновых» для московских стихотворений поэта 1930-х годов.

⁴⁶ Там же. 27 мая. С. 3.

⁴⁷ Подробнее о нем см.: *Парнис А.Е.* Из комментариев к В. Хлебникову: К истории одного конфликта // Русская литература конца XIX – начала XX века в зеркале современной науки. В честь В.А. Келдыша. М., 2008. С. 278–279.

⁴⁸ См.: *Вермель Ф.* Ковш. М., 1997. С. 30. На пушкинский подтекст («Какая ночь! Мороз трескучий...») в обоих стихотворениях мое внимание было любезно обращено Н.Н. Мазур.

⁴⁹ Приведем здесь краткую и заведомо неполную выборку соответствующих газетных материалов: <Редакционная заметка>. Жилищное и дорожное строительство в Москве (На пленуме московского совета К и КД) // Известия. 1931. 30 мая. С. 4; *Среберк Н.* Рабочие кадры для строительства // Там же. 7 июня. С. 3; <Редакционная заметка>. Студенты – на ударную стройку // Там же. 9 июня. С. 4; <Редакционная заметка>. Больше цемента, больше кирпича // Правда. 1931. 2 июля. С. 1; *Кузьмин К.* Улицы многоэтажных домов // Вечерняя Москва. 1931. 19 сент. С. 1.

⁵⁰ *Зыбин В.* На улицах Москвы // Вечерняя Москва. 1931. 27 июня. С. 2.

⁵¹ Там же. 19 сент. С. 1.

⁵² *Кайт Л.* Отголоски процесса меньшевиков // Известия. 1931. 30 июня. С. 1. Характеристика «белогвардейцы» в советском газетном лексиконе того времени уже потеряла свое точ-

ное терминологическое значение и стала синонимом слова «эмигранты» (ср.: *Чудакова М.О.* Новые работы. 2003–2006. М., 2007. С. 361).

⁵³ По остроумному предположению Г.А. Левинтона, «гулигули» в мандельштамовских строках может намекать на Романа Гуля (устное наблюдение).

⁵⁴ Вечерняя Москва. 1931. 5 мая. С. 1.

⁵⁵ *Тэсс Т.* 18 мая открываются ворота Парка культуры // Вечерняя Москва. 1932. 10 мая. С. 1.

⁵⁶ См. редакционную заметку в «Вечерней Москве»: Купаться еще рановато. Температура воды 12 градусов / Вечерняя Москва. 1932. 15 мая. С. 3.

⁵⁷ См. соответствующую газетную информацию: *Храбр А.* Открылся Парк культуры. Все ново в парке / Вечерняя Москва. 1932. 25 мая. С. 2; см. также информационную редакционную заметку от 19 мая 1932 г.: «Парк культуры и отдыха. Приступила к работе морская учебная база на Москве-реке. У берега стоит военно-морское судно. Судно неподвижно – это макет с настоящей палубой и с настоящей оснасткой. Морской парусный бот (это уже не макет) вчера выплыл на середину реки» (Вечерняя Москва. 1932. 19 мая. С. 1). Эта заметка сопровождалась фотографией, на которой был запечатлен парусный бот на Москве-реке.

⁵⁸ См.: *Молчанов И.* Поэма о парке // Вечерняя Москва. 1932. 30 мая. С. 3.

⁵⁹ *Тоддес Е.А.* Мандельштам и опоязовская филология // Тыняновский сборник: Вторые тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 89.

⁶⁰ См. текст: Литературная газета. 1932. 5 мая. С. 1; см. также редакционную статью: На уровень новых задач // Правда. 1932. 9 мая. С. 2. Об атмосфере, царившей в советских литературных кругах в эту эпоху, см.: *Флейшман Л.С.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 91–144.

⁶¹ <Редакционная статья>. Будем создавать большую литературу страны социализма // Литературная газета. 1932. 17 мая. С. 1; см. также: Ромов С. «Кто кого». Картина художника Дейнека // Там же. 5 июля. С. 4 («<К>артина не решает “кто – кого”, а только констатирует определенные факты: “Взятие Зимне-

го Дворца”, “Разгром белых”, “Период нэпа”, “Индустриализация страны”»).

⁶² Данное донесение датируется нами серединой июля, поскольку в нем содержатся отсылки к материалам, печатавшимся в «Литературной газете» 5 июля, 11 июля и 17 июля 1933 г.

⁶³ Цит. по: *Флейшман Л.С.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 184–185.

⁶⁴ Цит. по: *Поляновский Э.* Гибель Осипа Мандельштама. СПб.; Париж, 1993. С. 90.

⁶⁵ *Мандельштам Н.Я.* Комментарий к стихам 1930–1937 гг. С. 430.

⁶⁶ Правда. 1933. 5 июня. С. 3.

⁶⁷ Укрепление колхозов и задачи весеннего сева: Доклад т. Л.М. Кагановича на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 16 февраля 1933 года // Правда. 1933. 17 февр. С. 1.

⁶⁸ Цит. по: *Флейшман Л.С.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 185. В реплике Мандельштама подразумевается выставка «15 лет советского искусства». (<Редакционная статья>. Успехи живописи // Литературная газета. 1933. 5 июля. С. 1), а также статья С. Динамова «Москва – боевая тема творческой перестройки» (Литературная газета. 1933. 11 июля. С. 1) и редакционная литгазетовская передовица «На высоту действительности!» (Литературная газета. 1933. 17 июля. С. 1), посвященная главным образом критике недостаточно быстро перестраивающихся писательских организаций.

⁶⁹ Правда. 1933. 1 нояб. С. 1; см. также: Десятилетие турецкой республики. Речь Гази Мустафа Кемаль в национальном собрании // Известия. 1933. 3 нояб. С. 1; *Магазинник Д., Михайлов Мих.* Язык и литература современной Турции // Там же. С. 2.

⁷⁰ См., например: Ленин и Сталин с исключительной заботливостью выпестовали комсомол: Речь тов. Кагановича на VIII пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 15-летней годовщине Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи // Известия. 1933. 2 нояб. С. 1; О задачах комсомола: Речь тов. Молотова на юбилейном пленуме ЦК ВЛКСМ 29 октября 1933 г. // Там же.

⁷¹ Подробнее об этом стихотворении см., например: *Кушнер А.С.* Мандельштам и Ходасевич // Столетие Мандельштама:

Материалы симпозиума. Терафу, 1994. С. 48–52. В стихотворении отразилась и служба поэта в газете «Московский комсомолец».

⁷² Третьяков С. Дозорные урожая // Правда. 1933. 4 нояб. С. 4.

⁷³ Там же. О том, какие еще песни были «в крови» «у нашей святой молодежи», см. снабженную многочисленными цитатами статью: Цейтлин А. Революционные песни в сочинениях В.И. Ленина // Литературная газета. 1933. 5 нояб. С. 2; см. также праздничное ноябрьское стихотворение: Безыменский А. Песня начальника политотдела // Правда. 1933. 7 нояб. С. 5.

⁷⁴ Подробнее см.: Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002 (по «Указателю произведений Мандельштама»).

⁷⁵ См., например: Правда. 1933. 10 нояб. С. 1; Известия. 1933. 10 нояб. С. 1.

⁷⁶ Ср. письмо Мандельштама к жене, отправленное в конце мая 1935 г.: «Мне сейчас необходима прямая литературная связь с Москвой» (4, 159).

⁷⁷ На третьей странице «Известий» от 29 мая 1934 г. была опубликована статья В. Шостаковича о достижениях советского радио, которая называлась «Язык пространства». Подробности о строительстве московского метро, которое официально было открыто 15 мая 1935 г., Мандельштам узнавал не только из радиорепортажей, но и из отчетов газет. Так, большая подборка материалов о метро появилась на страницах 5–7 «Правды» от 27 апреля 1935 г. (среди авторов небезразличные Мандельштаму Д.И. Заславский и В.П. Катаев), на страницах 1 и 4 «Известий» от того же числа и на странице 1 воронежской «Коммуны» от 24 апреля. Готовя в конце июня рецензию на сборник «Стихи о метро» для воронежского журнала «Подъем», поэт, по его собственному признанию, воспользовался материалами, появившимися «в печати» (3, 265). При подготовке к написанию этой главы нами были насквозь просмотрены комплекты тех четырех газет, которые точно внимательно читались Мандельштамом в Воронеже: «Известий», воронежской «Коммуны», «Литературной газеты» и «Правды» за апрель 1934 – май 1937 г.

⁷⁸ См.: Гаспаров М.Л. О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. С. 18.

⁷⁹ Ср. со свидетельством Я.Я. Рогинского, тоже относящимся к лету 1935 г.: «В Воронеже Мандельштам, как известно, был поселен по прямому распоряжению Сталина. Говорил Мандельштам о Сталине благожелательно» (*Рогинский Я.Я.* Встречи в Воронеже // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 43).

⁸⁰ *Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. С. 18.

⁸¹ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 54.

⁸² Одним, правда, не самым главным стимулом к написанию этого стихотворения, возможно, послужила беглая цитата из статьи Д.П. Мирского о советской поэзии 1934 г.: «...ленинградец А. Прокофьев писал: «Я хочу, чтобы одна из улиц называлась проспектом Маяковского» (*Мирский Д.* Стихи 1934 года. Статья II // Литературная газета. 1935. 24 апр. С. 2). Ср. с генеалогией этого мотива, выявленной в: *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М., 2000. С. 178.

⁸³ Так это стихотворение датируется в издании: *Мандельштам О.Э.* Стихотворения. Проза / Сост. Ю. Фрейдин; предисл., коммент. М. Гаспаров; подг. текста С. Василенко. М., 2001. С. 187. В издании, подготовленном А.Г. Мецем, проставлена дата «июнь 1935» (см.: *Мандельштам О.Э.* Полное собрание стихотворений. С. 246).

⁸⁴ Первое известное нам стихотворение об этом фильме было опубликовано почти на полгода раньше, чем написано мандельштамовское (см.: *Рывина Е.* Чапаев: На просмотре кинофильма // Известия. 1934. 15 нояб. С. 2.

⁸⁵ Литературная газета. 1935. 15 апр. С. 1.

⁸⁶ Там же. 24 апр. С. 3. Ср. в мандельштамовском стихотворении «От сырой простыни говорящая...»: «*Надвигалась картина звучащая...*» [245].

⁸⁷ Известия. 1935. 14 апр. С. 4.

⁸⁸ Правда. 1935. 29 апр. С. 3.

⁸⁹ См.: *Мандельштам О.Э.* Стихотворения. Проза. С. 185. По Мецу, май–июль 1935 г. (*Мандельштам О.Э.* Полное собрание стихотворений. С. 244).

90 <Редакционная статья>. Освоение Арктики // Известия. 1935. 12 апр. С. 1.

91 См.: Известия. 1935. 14 апр. С. 1.

92 Правда. 1935. 5 мая. С. 6; 13 мая. С. 4; 15 мая. С. 6.

93 Коммуна. 1935. 5 мая. С. 4.

94 Там же. 28 мая. С. 1.

95 Известия. 1935. 5 мая. С. 2.

96 См. также гитлеровскую метафору начала 1930-х годов: «Ничего не раздражает еврейство больше, чем садовник, который намерен сохранять свой сад чистым и здоровым» (эта метафора приводится, например, в монографии: *Wagener O. Hitler aus nächster Nähe: Aufzeichn. e. Vertrauten, 1929/1932. Frankfurt a/M, 1978*).

97 О полемическом обыгрывании в этих строках образов из стихотворения Л. Длигача «Я в жизни шел сквозь все снега...» (где «Слово о полку» не упоминается) см.: *Мец А.Г. Комментарии / Мандельштам О.Э. Полное собрание стихотворений. С. 611*.

98 Известия. 1935. 1 мая. С. 6. Трудно отделаться от ощущения, что один из образов этой статьи Эренбурга («Ночью опускаются виевы веки города») восходит не только к Гоголю, но и к следующему фрагменту мандельштамовской крамольной «Четвертой прозы»: «Вий читает телефонную книгу на Красной площади. Поднимите мне веки. Дайте Цека» (3, 179).

99 Пр процитируем также фрагмент апрельской «Программы массового перелета учебно-спортивных самолетов 1935»: «Перелет и организуемые в связи с ним соревнования состоятся между 10 июля и 15 августа и будут заключаться... в круговом перелете по маршруту Москва–Горький–Казань–Сарапул–Пермь–Свердловск–Челябинск–Магнитогорск–Оренбург–Самара–Саратов–Сталинград–Луганск–Сталино–Днепропетровск–Киев–Брянск–Москва» (Правда. 1935. 18 апр. С. 3).

100 См.: <Редакционная статья>. Марш вооруженного парада // Правда. 1935. 4 мая. С. 2.

101 Там же. С. 3.

102 См.: *Галин Б. Испытание* // Правда. 1935. 8 мая. С. 3.

103 Разбор этого стихотворения см.: *Тарановский К.Ф. Указ. соч. С. 191–199*.

104 <Редакционная статья>. Ликующий марш победителей // Правда. 1935. 1 мая. С. 1; см.: также: *Ван Син. Комбриг Лун*

Юн // Там же. С. 2; Китайская Красная Армия заняла Сичан и Юэян // Коммуна. 1935. 12 мая. С. 1.

¹⁰⁵ Литературная газета. 1935. 10 мая. С. 4. Еще одну рецензию (Ал. Хамадана) на книгу Смэдди напечатала газета «Правда» (1935. 8 мая. С. 4).

¹⁰⁶ Разбор этого стихотворения см.: *Безродный М.В.* Пиши пропало. СПб., 2003. С. 121–124.

¹⁰⁷ <Редакционная заметка>. Ураган над Воронежем // Коммуна. 1935. 28 июня. С. 4.

¹⁰⁸ *Ивинг В.* «Бахчисарайский фонтан» // Известия. 1935. 22 июня. С. 4. В эту подборку вошли также статьи А. Вагановой «Новый балет», И. Москвина «Прекрасный спектакль»; см. также рецензию: *Кригер В.* Ленинградский балет в Москве // Правда. 1935. 22 июня. С. 4.

¹⁰⁹ *Лахути Г.* Новая жизнь – новые песни // Известия. 1935. 27 июня. С. 2; полностью речь Лахути см.: Литературная газета. 1935. 30 июня. С. 4.

¹¹⁰ *Гаспаров М.Л.* Поэт и культура: Три поэтики Осипа Мандельштама // Мандельштам О.Э. Полное собрание стихотворений. С. 52.

¹¹¹ *Мец А.Г.* Указ. соч. С. 655.

¹¹² *Б<ухарин>Н.* Железное единство бойцов // Известия. 1935. 4 мая. С. 2. См. также редакционную передовицу «Большевики, партийные и непартийные», напечатанную на первой странице «Правды» от 30 мая 1935 г. Провозглашая свой гост, Сталин руководствовался той логикой, которая не так давно была описана и проанализирована М.О. Чудаковой: «Сталин не хочет отделять “действительно” советских от внешне, неискренне советских. Его не интересует степень искренности <...>. Сталин открыл то, до чего никто не додумался, – для того, чтобы все стали советскими, достаточно их таковыми объявить. При этом обратного хода ни для кого нет» (*Чудакова М.О.* Указ. соч. С. 152).

¹¹³ *Мец А.Г.* Указ. соч. С. 655.

¹¹⁴ Речь идет об Анатолии Николаевиче Садомове (1884–1942).

¹¹⁵ Коммуна. 1935. 28 апр. С. 4; см. также информацию на четвертой странице «Коммуны» от 1 мая 1935 г.: «Театр Перво-

майского сада. 1 и 2 мая – концерты воронежского симфонического оркестра под управлением А.В. Дементьева». Ради полноты картины приведем здесь анонс еще одного первомайского воронежского концерта: «Сад ДКА. 29, 30 апреля, 1, 2, 3, 4, 5, 6 мая – с 8 часов веч<ера> концерты духового оркестра под упр<авлением> П.М. Сергеева». Ср. комментарии М.Л. Гаспарова к разбираемому стихотворению: «На какой случай местной театральной жизни написано шуточное “Тянули жилы, жили-были...” о несовместимости *Бетховена* и *Воронежа* – точно не известно» (*Гаспаров М.Л. Комментарии // Манделъштам О.Э. Стихотворения. Проза. С. 797*).

¹¹⁶ Известия. 1935. 1 мая. С. 7.

¹¹⁷ <Редакционная статья>. Как шла Москва // Правда. 1935. 4 мая. С. 2. Не следует забывать, что ленинская любовь к Бетховену в это время уже превратилась в общее место воспоминаний о вожде.

¹¹⁸ *Садковой Н.* В 1937 году... Беседа с гл<авным> дирижером воронежского симфонического оркестра А.В. Дементьевым // Коммуна. 1936. 23 дек. С. 4. В начале марта 1936 г. Н. Садковой опубликовал в «Коммуне» рецензию на постановку «Отелло» в воронежском Большом советском театре: «Принципиальным является вопрос о переводе, по которому ставится то или иное классическое произведение на нашей сцене. Перевод “Отелло”, сделанный А. Радловой, значительно отличается от прежних переводов, у него много преимуществ перед ними: он не так декламационен, он ближе к разговорному языку, хотя и не утрачивает поэтического звучания стройности стихотворной речи <...>. В.А. Поляков играет Отелло с большим подъемом. Артист увлечен своей новой ролью, в отдельных местах ее он достигает настоящего трагического пафоса. Вот эта продуманность в игре, верный показ перехода от одних чувств к другим, от детской доверчивости до отчаяния и зверского безумия есть у Полякова. Перед нами человек, пораженный страданием. И гнев, и злоба, и мгновенная вспышка доверчивости к той, которая так “обманула”, – все это правдивые человеческие чувства. <...> Роль Дездемоны не удалась ни <А.> Войлошниковой, ни Мариуц. Лучше все же играет Войлошникова. Она находит порой те подкупающие интонации, которыми пленяет Дездемона, но найдя их, она тотчас

же сбивается на совершенно иной лад <...>. Юная Дездемона превращается у Войлошниковой в зрелую женщину, играющую в инфантильность <...>. Много труда в спектакль внесли худ. Стернин и музыкальный руководитель Каминский. Если бы иногда декорации Стернина не были слишком помпезными и громоздкими (пятый акт), декоративное и вещественное оформление спектакля можно было бы назвать целиком удавшимся, но художник, к сожалению, кое-где излишне подзолотил» (Садковой Н. «Отелло» (Большой советский театр) // Коммуна. 1936. 1 марта. С. 3). Ср. черновые записи Мандельштама об этом же спектакле и о пьесе Шекспира в целом: «Отелло никогда никого не убил. В сцене скандала, сколько бы он ни грозил, никто не верит, что он кого-нибудь проткнет шпагой. Он скорее может вылечить рану, быть хирургом, чем убить. Недаром его последние слова – про турка. Это нечто такое, что можно изрыгнуть, только заколов потом самого себя. Дездемона (Войлошникова) – идеал средневековой женщины, жены. Этот идеал никогда не обрабатывался в литературе. Но он в ней присутствовал. Жена по образу какого-то средневекового Домостроя, лишённого восточной жестокости. Дошекспировский идеал. В шекспировское время женщина уже изменяется под влиянием напора буржуазии. В войлошникова инстинктивно вернула Дездемону средневековью, и в этом ее сила» (3, 417–418).

¹¹⁹ Мец А.Г. Указ. соч. С. 613. Это постановление см.: Известия. 1935. 8 апр. С. 1.

¹²⁰ Правда. 1935. 24 мая. С. 6.

¹²¹ Коммуна. 1935. 23 мая. С. 4; см. также рубрику «По Союзу советских республик»: «Погода в СССР. Новосибирск, 23 мая (По телеграфу от собственного корреспондента). В Западной Сибири установилась прекрасная теплая погода. Деревья покрылись листвой <...> Новороссийск, 23 мая (По телеграфу от собственного корреспондента). На Черноморье стоит жаркая погода. Температура достигает 30 градусов; температура морской воды – плюс 19 градусов. В море – множество купающихся. На рынке появились в продаже черешня и клубника» (Известия. 1935. 24 мая. С. 4). В стихотворении отразилась подготовка к еще одному советскому празднику – 1 Мая. Ср. комментарии Н.Я. Мандельштам: «...реалии простей-

шие – пришлось долго ждать у парикмахера – детей к Первому мая стригли, как баранов» (*Мандельштам Н.Я.* Комментарий к стихам 1930–1937 гг. С. 447).

¹²² Правда. 1935. 24 мая. С. 1; см. также: Известия. 1935. 24 мая. С. 1. Подчеркнем, что в данном случае речь идет лишь о гипотетических и периферийных оттенках смысла, заложенных в финальных строках стихотворения Мандельштама.

¹²³ См.: *Мандельштам Н.Я.* Комментарий к стихам 1930–1937 гг. С. 452.

¹²⁴ *Гаспаров М.Л.* Комментарии. С. 797.

¹²⁵ Литературная газета. 1935. 30 июня. С. 3.

¹²⁶ Ср. в статье Мандельштама «Борис Пастернак» (1922–1923): «Стихи Пастернака почитать – горло прочистить, дыханье укрепить» (2, 302). О «пастернаковском» сегменте речи Тихонова подробнее см.: *Флейшман Л.С.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 331–332.

¹²⁷ Литературная газета. 1935. 30 июня. С. 3.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Из статьи Мандельштама «Выпад» (1924; 2, 409).

¹³⁰ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 81–82.

¹³¹ Там же. С. 54.

¹³² См. соответствующие подборки траурных материалов, например: Известия. 1936. 23 дек. С. 1; Коммуна. 1936. 24 дек. С. 4.

¹³³ О реминисценциях из «Как закалялась сталь» в другом воронежском стихотворении поэта см.: *Жонж Алекс де.* Как закалялось стихотворение: Мандельштам и Н. Островский // Русская литература XX века в исследованиях американских ученых. СПб., 1993.

¹³⁴ Поэма не вошла в книгу Адалис «Власть», которую Мандельштам рецензировал в 1935 г. (см.: 2, 275–278).

¹³⁵ Дату приводим по: *Мандельштам О.Э.* Полное собрание стихотворений. С. 251. Согласно другому авторитетному изданию стихотворение писалось с 6 по 8 декабря (см.: *Мандельштам О.Э.* Стихотворения. Проза. С. 191).

¹³⁶ Без привлечения газетных подтекстов это стихотворение разобрано в работе: *Черашняя Д.И.* Гудок, гудки, гудочки...

(к семантике единственного и множественного в воронежских стихах) // Черашняя Д.И. Поэтика Осипа Мандельштама. Субъектный подход. Ижевск, 2004.

¹³⁷ Известия. 1936. 7 дек. С. 3.

¹³⁸ Правда. 1936. 7 дек. С. 1.

¹³⁹ Коммуна. 1936. 8 дек. С. 1.

¹⁴⁰ *Вишневский В.* Чудесное расположение духа // Правда. 1936. 7 дек. С. 2. Вишневскому Мандельштам передавал привет в письме к жене от 28 декабря 1936 г. (4, 166).

¹⁴¹ <Редакционная статья>. Приятно и радостно иметь такую конституцию // Коммуна. 1936. 28 нояб. С. 3.

¹⁴² Слова горячей любви. Там же. С. 3.

¹⁴³ «В глубь веков» тут, по-видимому, означает – в две стороны, в глубь прошедших и в глубь еще не наступивших веков.

¹⁴⁴ Отметим, впрочем, что, по мнению А.Г. Меца, в третьей строке стихотворения «<п>одразумевается труд поэтический» (*Мандельштам О.Э.* Полное собрание стихотворений. С. 615).

¹⁴⁵ См., например: Известия. 1936. 10 дек. С. 4. Стоит также отметить, что 2 октября 1936 г. «Известия» напечатали статью профессора Р. Самойловича «Научная работа на “Садко”», в которой рассказывалось о советском ледоколе с таким именем. Может быть, именно поэтому к Садко в стихотворении Мандельштама обращен призыв: «Гуди!»? (А. Футорян; устное наблюдение).

¹⁴⁶ Перевод Эффенди Капиева (см.: *Стальский С.* Прошу слова // Правда. 1936. 4 дек. С. 2). Привлечение этого подтекста, возможно, позволит привнести дополнительные смысловые оттенки в обращение «старик», с которым Мандельштам адресуется к гудку «заводов и садов», ведь это было едва ли не официальное наименование Сулеймана Стальского, словом «старик» завершается и мандельштамовская эпиграмма на лезгинского поэта, предположительно датированная 1934 г.: «Там, где край был дик, / Там шумит арык, / Где шумел арык, / Там пасется бык, / А где пасся бык, / Там поет старик» [382].

¹⁴⁷ Иные поводы см.: *Кацис Л.Ф.* Из истории взаимоотношений писателей и советских вождей в 1930-е годы // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2008. № 2. Т. 67. С. 37.

¹⁴⁸ *Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. С. 92. Работа Гаспарова содержит подробный обзор

многочисленных статей, написанных о стихотворении «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...».

149 «<Г>лавные усилия германских поджигателей войны направлены к тому, чтобы перегрызть ось мира, соединяющую Лондон и Париж с Москвой» (см.: *Канторович А.* Ось мира // *Известия.* 1937. 26 февр. С. 2).

150 См.: *Правда.* 1936. 4 дек. С. 1. Об «оси» у позднего Мандельштама также см.: *Ронен О.* Шрам... С. 198.

151 *Правда.* 1936. 4 дек. С. 2. Процитируем также широко растиражированную советскими газетами характеристику отца народов, данную Леоном Фейхтвангером, в которой, кстати сказать, содержится важное для стихотворения «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» сопоставление фигур вождя и художника: Сталин это «настоящий представитель 160-миллионного Советского Союза, более достойный, чем мог бы вообразить любой художник» (Выступление Л. Фейхтвангера // *Правда.* 1937. 13 янв. С. 4; см. также: *Коммуна.* 1937. 14 янв. С. 1).

152 Дополнительно грузинскую тему в эти строки привносит хрестоматийный подтекст: мандельштамовские «холмы», без сомнения, должны были напомнить читателю о пушкинских «хóлм<ах> Грузии».

153 См.: *Заболоцкий Н.* Горийская симфония // *Известия.* 1936. 4 дек. С. 2.

154 *Известия.* 1936. 3 дек. С. 3; см. также: *Правда.* 1936. 3 дек. С. 3.

155 Как полагал М.Л. Гаспаров (*Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. С. 97–98).

156 *Литературная газета.* 1936. 1 дек. С. 1 (параллель подмечена А. Футорян).

157 Доклад В.П. Ставского о Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов // *Литературная газета.* 1936. 20 дек. С. 1.

158 Параллель подмечена А. Футорян.

159 *Агапов Б.* Встреча // *Правда.* 1936. 1 дек. С. 3.

160 *Толстой А.* Сталин на трибуне // *Известия.* 1936. 26 нояб. С. 4; см. также: *Коммуна.* 1936. 28 нояб. С. 3. Ср. также мандельштамовскую строку «Весь – откровенность, весь – признанья медь» [360] со следующим фрагментом из уже цитировав-

шегося «конституционного» стихотворения Сулеймана Стальского: «И с каждой песней о тебе / Всё легче Сулейману петь, / Моложе голос и, как медь, / Звучат слова – в них смысл великий!..» (Правда. 1936. 4 дек. С. 2).

¹⁶¹ Катаев В. Разговор с инженером // Правда. 1935. 27 апр. С. 5.

¹⁶² Гаспаров М.Л. О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. С. 90.

¹⁶³ См., например: Известия. 1936. 22 дек. С. 1; Правда. 1936. 22 дек. С. 1; Коммуна. 1936. 24 дек. С. 3. Ср. рассуждения об этих мандельштамовских строках в трогательной, но неубедительной, на наш взгляд, книге: *Лахути Д.Г.* Образ Сталина в стихах и прозе Мандельштама: Попытка внимательного чтения (с картинками). М., 2008. С. 14–102.

¹⁶⁴ См.: Рассказ депутата съезда А. Осипова // Известия. 1936. 4 дек. С. 3.

¹⁶⁵ См.: Толстой А. Сталин на трибуне // Известия. 1936. 26 нояб. С. 4; см. также фрагмент уже цитировавшегося нами выступления Л. Фейхтвангера: «...при этом он не лишен известного, почти добродушного лукавства» (Правда. 1937. 13 янв. С. 4; Коммуна. 1937. 14 янв. С. 1). Подтекст из книги А. Барбюса в мандельштамовских строках о сталинской улыбке выявлен в работе: *Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. С. 100.

¹⁶⁶ См.: Великий день. 90 000 трудящихся на улицах Воронежа // Коммуна. 1936. 8 дек. С. 1. Описывается демонстрация в честь принятия новой Конституции; см. также большую статью о речи Сталина на VIII съезде Советов: *Ясенский Б.* Аплодисменты и смех // Известия. 1935. 27 нояб. С. 5.

¹⁶⁷ Отчет делегатки Съезда Советов М.А. Журавлевой // Правда. 1936. 10 дек. С. 2.

¹⁶⁸ См. также в стихотворении Мандельштама «Средь народного шума и спеха...» (январь 1937 г.), примыкающем к «Оде»: «И к нему – в его сердцевину – / Я без пропуска в Кремль вошел, / Разорвав расстояний холстину, / Головою повинной тяжел...» [267].

¹⁶⁹ Коммуна. 1936. 2 дек. С. 3.

¹⁷⁰ Известия. 1936. 17 дек. С. 3.

171 Там же. 1937. 1 февр. С. 1. Далее в этой передовице: «В сгущающихся сумерках, навстречу морозному ветру, высоко подняв знамена, шел трудовой народ Москвы, охваченный гневом и презрением к гнусным бандитам из троцкистской шайки изменников, предателей и убийц. Эта грозная демонстрация все-народного гнева возникла стихийно на московских предприятиях. От края до края заполняли трудящиеся Москвы гранитные просторы Красной площади. Над сияющими звездами кремлевских башен клубился морозный туман, белые лучи прожекторов скрещивались над стенами Кремля, скользили над колоннами, освещающая знамена, портреты товарища Сталина и его ближайших соратников, огромные транспаранты и лозунги». См. также заметки о митингах на Красной площади в Москве и на Никитинской площади в Воронеже. Грозный гнев народа: Слово трудящихся Воронежа // Коммуна. 1937. 1 февр. С. 1. Ср. также стихотворение Мандельштама «Как дерево и медь Фаворского полет...» (11 февраля 1937 г.): «Час, насыщающий бесчисленных друзей, / Час грозных площадей с счастливыми глазами... / Я обведу еще глазами площадь всей, / Всей этой площади с ее знамен лесами» [271]. Как известно, В.А. Фаворский никогда на меди не работал. Не переключалась ли «медь» в стихотворение Мандельштама из разоблачительной заметки «Медь будет!», напечатанной на второй странице того же номера «Известий», который нами только что цитировался? «Подлый убийца, предатель нашей родины Пятаков сколотил целую банду, занимавшуюся вредительством в цветной металлургии Урала. Матерый атаман неустанно твердил своим подручным: “Меди не давать!”» (Известия. 1937. 1 февр. С. 2) (А. Футорян, устное наблюдение).

172 Литературная газета. 1937. 26 янв. С. 4.

173 См.: *Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. С. 106.

174 Литературная газета. 1937. 26 янв. С. 5.

175 Там же. 1 февр. С. 3.

176 Ср.: *Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. С. 106. О Бухарине и Мандельштаме см., например: *Галушкин А.Ю.* «Вы, вероятно, знаете поэта О.Э. Мандельштама...»: Николай Бухарин об Осипе Мандельштаме // Русская мысль. 2000. № 4321 (8–4 июня). С. 13.

177 О другом важном поводе к написанию этого стихотворения – праздновании 100-летия со дня смерти Пушкина см.: Рейнольдс Э. Смерть автора, Или смерть поэта? (Интертекстуальность в стихотворении «Куда мне деться в этом январе?») // «Отдай меня, Воронеж...»: Третьи международные Мандельштамовские чтения. Воронеж, 1995. С. 200–214.

178 Гаспаров М.Л. О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. С. 96. Остроумный, но, как кажется, менее убедительный подтекст из «Бориса Годунова» к строке «И выбегают из углов угланы» предлагает Омри Ронен (Ронен О. Шрам... С. 98–99).

179 См.: Сплотим писательские ряды: Из речи В. Ставского <на Общемосковском собрании писателей> // Литературная газета. 1937. 1 февр. С. 3; см. также редакторскую передовицу: Бухарина, Рыкова, Угланова – на скамью подсудимых // Коммуна. 1937. 28 янв. С. 1.

180 Ср.: Гаспаров М.Л. О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. С. 20.

181 Правда. 1936. 26 дек. С. 1. Возможно, впрочем, что речь идет о речи того же К.Е. Ворошилова на военном параде 7 Ноября 1936 г. Ср. мандельштамовское стихотворение и известинское описание этого парада: «Шли, шурша резиной по мостовой, бронированные автомобили. Потом двинулись танки. Они заполнили всю площадь» (<Редакционная статья>. На Красной площади // Известия. 1936. 10 нояб. С. 1).

182 Литература – могучее орудие обороны страны: Из речи В. Инбер <на Общемосковском собрании писателей> // Литературная газета. 1937. 1 февр. С. 4. На этой же странице газеты был напечатан фрагмент из речи Ф. Березовского под красноречивым названием «Мы готовы к обороне нашей страны».

183 <Редакционная заметка>. Совещание писателей по вопросам обороны // Правда. 1937. 18 февр. С. 6. Полный текст речи Ставского см.: Литературная газета. 1937. 20 февр. С. 6.

184 Правда. 1937. 18 февр. С. 6.

185 Там же. 26 февр. С. 6.

186 Вот какие актуальные поводы к написанию «Стихов о неизвестном солдате» перечисляет М.Л. Гаспаров в своей работе о гражданских стихотворениях Мандельштама: «Только на

фоне испанской войны можно представить себе гражданскую актуальность «Стихов о неизвестном солдате». 23–26 января 1937 г. проходил второй московский процесс «антисоветского троцкистского центра» (Пятаков, Сокольников, Радек), итоги процесса подвел февральско-мартовский пленум ЦК с речами Жданова, Молотова и Сталина; как обычно, утверждалось, что обвиняемые были агентами германской и японской империалистической военщины и замыслили интервенцию в целях восстановления капитализма и Троцкого. Наконец, в феврале с неслышанной помпой был отмечен столетний юбилей Пушкина, без конца цитировалось стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» – эта тема «памятника» стала общим знаменателем, связавшим оду Сталину, которая писалась в те дни, и стихи о знаменитой могиле неизвестного солдата, начавшиеся через месяц» (См.: *Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. С. 20). Отметим, кстати, что соседство реминисценции из пушкинского «Памятника» со скрытыми цитатами из произведений Маяковского в отброшенном финале «Стихов о неизвестном солдате» (см.: *Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. С. 15) могло возникнуть не без влияния от прочтения Мандельштамом юбилейной статьи К.И. Чуковского о Маяковском как о «советском Пушкине», перепечатанной воронежской «Коммуной» из ленинградской «Смены» (*Чуковский К.* Два поэта // Коммуна. 1937. 4 февр. С. 3). О газетных и радиоподтекстах мандельштамовских «Стихов о неизвестном солдате» см. также: *Морозов А.А.* К истории «Стихов о неизвестном солдате». С. 427–428.

¹⁸⁷ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 42.

¹⁸⁸ Там же. С. 70.

¹⁸⁹ Там же. С. 135.

¹⁹⁰ О Мандельштаме и Заболоцком см., например. *Лоцилов И.Е.* Заболоцкий // О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М., 2007. С. 71–74.

¹⁹¹ Известия. 1937. 23 февр. С. 2.

¹⁹² Там же. Наверное, стоит отметить, что в разгар работы Мандельштама над «Стихами о неизвестном солдате» 6 марта

1937 г. на второй странице «Правды» была напечатана большая статья Я. Авиновицкого «Химия и война».

¹⁹³ Там же. С. 3. Может быть, стоит также указать на газетную параллель к многократно комментированной строке «Ядовитого холода ягодами» [273] из «Стихов о неизвестном солдате». Это строки из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин», процитированные в статье С. Вышеславцевой «“Ленин” В. Маяковского» (Литературная газета. 1937. 21 янв.): «Пройдут / года / сегодняшних тягот, / летом коммуны / согреет лета, / и счастье – / сладстью / огромных ягод – / дозреет / на красных / октябрьских цветах». (Параллель подмечена А. Футорян.)

¹⁹⁴ Гаспаров М.Л. Комментарии. С. 810.

¹⁹⁵ Гаспаров М.Л. О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. С. 56. Ср. также строку «Я видел озеро, стоявшее отвесно» [276] о Реймском соборе из стихотворения Мандельштама, датированного 4 марта 1937 г., со следующим фрагментом статьи Рафаэля Альберти «В музее Прадо», напечатанной «Известиями» 3 марта 1937 г.: «О картинах, лучших произведениях нашей живописи, у меня осталось воспоминание, как о глубоком зеркальном озере, пронизанном солнечными лучами <...>. Шахтерский фонарь круглым пятном осветил передо мной ступеньки одной из тех *отвесных* лестниц, которые ведут в подвалы или в глубокие подземные трюмы <...>. Весь музей Прадо был спущен в подвалы из боязни, что он будет уничтожен трехмоторными бомбовозами под управлением германских варваров... Многие залы были пробиты бомбами». (Параллель подмечена А. Футорян.)

¹⁹⁶ Там же. С. 56.

¹⁹⁷ Эренбург И. Как в Абиссинии // Известия. 1937. 14 марта. С. 2. Ср. также фельетон Эренбурга «Трагедия Италии»: «На рукавах пленных нашивки: голубое поле Итальянской империи и черное пламя фашио. Год назад они расстреливали безоружных эфиопов. Теперь их послали под Гвадалахару: завоевывать империю. Дуче, мечтающий о лаврах Цезаря, подписывая “джентльменское соглашение”, не забывал о формировании боевых дивизий... Рим снова станет Римом... Они (хозяева новой Римской империи) зовут своих солдат гордым именем – легионеры. Они полны классического пафоса... Кто же эти люди, кото-

рым Рим поручает завоевать мир? Злосчастные рабочие, запуганные, затравленные, голодные, вшивые. Они должны были идти на смерть только потому, что на римской площади “Венеция” красиво звучат классические цитаты лже-Цезаря» (Известия. 1937. 12 марта). 16 марта 1937 г. «Известия» опубликовали на своей первой странице заметку «Фашистский волк на европейской псарне», подписанную «Vig».

¹⁹⁸ См.: Известия. 1937. 22 февр. С. 1; 27 февр. С. 1; 28 февр. С. 1; 4 марта. С. 1; 15 марта. С. 1; 16 марта. С. 1.

¹⁹⁹ *Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. С. 99.

²⁰⁰ *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. С. 243. Подробнее о Поповой см.: *Швейцер В.А.* Мандельштам после Воронежа // Вопросы литературы. 1990. № 4.

²⁰¹ См. также: Жара в Москве // Известия. 1937. 12 июня. С. 4. При подготовке к написанию этой главы нами были насквозь просмотрены комплекты «Известий», «Литературной газеты» и «Правды» за июнь–июль 1937 г.

²⁰² Известия. 1937. 3 июля. С. 4.

²⁰³ Появление в последней строфе стихотворения Мандельштама метафорических ливневых «косар<ей>» [294], возможно, было спровоцировано знанием поэта о том, что в стране начался сенокос (см.: <Редакционная заметка>. Медлят с сенокосом // Правда. 1937. 4 июля. С. 3).

²⁰⁴ Ср. у Мандельштама: «Москва слышит...»

²⁰⁵ *Кассиль Л.* Говорит Красная площадь: Заметки у микрофона // Литературная газета. 1937. 5 мая. С. 1.

²⁰⁶ Ср. комментарии М.Л. Гаспарова к этому стихотворению: «Москва, радио, сводка погоды, небо и непонятная последняя строфа» (*Гаспаров М.Л.* Комментарии. С. 813–814).

²⁰⁷ Ср., однако, с объяснением образа «петухов» комментарии А.Г. Меца: «С петухами. Здесь, вероятно, образное выражение, означающее “рано утром”» (*Мец А.Г.* Комментарии. С. 636). Не оспаривая возможности такой интерпретации, отметим, что петухи из первой строки мандельштамовского стихотворения отчетливо перекликаются с гусем из последней его строфы.

²⁰⁸ Подробнее об этом образе у Мандельштама см.: *Долинин А.А.* Воздушная могила: О некоторых подтекстах стихотво-

рения Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба» // Эткин-довские чтения. II–III: Сб. статей по материалам Чтений памяти Е.Г. Эткинда. СПб., 2006. С. 280–281.

²⁰⁹ На канале Волга–Москва // Известия. 1937. 4 июля. С. 4; см. также на 6-й странице «Литературной газеты» от 5 мая 1937 г. карикатуру Лиса на советских писателей, плывущих на пароходе по каналу «Волга–Москва». Этой карикатуре посвящена в нашей книге особая статья

²¹⁰ Здесь же подборка материалов: «Шпионов, презренных слуг фашизма, изменников Родине – расстрелять!»; Не дадим житья врагам Советского Союза: Письмо советских писателей <о Тухачевском, Якире, Уборевиче и др.> // Литературная газета. 1937. 15 июня. С. 1. Ср., например: *Мец А.Г.* Комментарии. С. 657.

²¹¹ *Мец А.Г.* Комментарии. С. 657.

²¹² <Редакционная заметка>. «Динамо» – Страна Басков. Сегодня на стадионе «Динамо» // Правда. 1937. 5 июля. С. 6; см. также: <Редакционная заметка>. Матч Сборная Басков – «Локомотив» // Известия. 1937. 24 июня. С. 4; *Соловьев В.* Футбольный матч Страна Басков – Ленинград // Правда. 1937. 1 июля. С. 6 и др.

²¹³ *Кассиль Л.* Матч с басками // Известия. 1937. 26 июня. С. 4.

²¹⁴ <Редакционная заметка>. Ромен Роллан в советском павильоне // Правда. 1937. 2 июля. С. 5; <Редакционная заметка>. На парижской выставке. Ромен Роллан о советском павильоне // Там же. 3 июля. С. 5. В течение двух месяцев советские газеты регулярно рапортовали об успехе советского павильона на Парижской выставке. См., например: *Блок Ж.Р.* Письма из Парижа. Вокруг выставки // Известия. 1937. 12 мая. С. 4; <Подборка материалов>. Что Советский Союз покажет на международной Парижской выставке // Правда. 1937. 16 мая. С. 6; *Аганов Б.* Через неделю в Париже // Известия. 1937. 18 мая. С. 4; <Редакционная заметка>. Сегодня открытие всемирной выставки в Париже // Там же. 24 мая. С. 4; *Москвич.* Советская книга на Парижской выставке // Литературная газета. 1937. 26 мая. С. 3 и мн. др.

²¹⁵ *Маньэн И.* На Парижской выставке: Демонстрация труда и мира // Правда. 1937. 1 июля. С. 5.

²¹⁶ См. также на первой странице «Правды» от 3 июля 1937 г. подборку материалов «С огромным подъемом трудящиеся подписываются на заем» и редакционную передовицу «Заем укрепления обороны нашей Родины».

²¹⁷ См.: *Ronen O.* An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983. P. 86–87.

²¹⁸ См.: *Павлов М.С.* Разбор одного стихотворения (О. Мандельштам. «Железо») // Вестник Удмуртского университета: Спец. выпуск [Ижевск]. 1992. Остроумную интерпретацию «Железа» см. также: *Амелин Г.Г., Мордереp В.Я.* Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М., 2000. С. 143–144.

²¹⁹ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 52. См. также в не пошедшем дальше наброска очерке Мандельштама, навеянном гибелью самолета «Максим Горький»: «Что ж тут особенного? Ничего. Только вот что: мы живем в стране, где работа сильнее смерти, где дикая случайность, стихия, катастрофа – не властны поколебать великой тяги к будущему, охватившей всех нас, где гибель драгоценного близкого человека на славном посту рождает гордое и мужественное горе, где нормой является самозабвение и великолепная героическая выдержка – самая будничная вещь. Наша социалистическая страна – первый друг и утешитель в личном горе для своих верных сынов» («Брат т. Назарова» – неизвестный прозаический набросок Осипа Мандельштама // «Сохрани мою речь...» Вып. 4/1. М., 2008. С. 62).

²²⁰ Ср. стихотворение Александра Жарова, посвященное памяти летчика, управлявшего «Максимом Горьким»: «Мы плавали с тобой в воздушном океане, / Избороздив немало сотен верст» (Известия. 1935. 20 мая). Подмечено А. Футорян.

²²¹ <Редакционная статья>. Первое мая // Известия. 1935. Май. С. 1.

²²² О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 52.

²²³ Заметим, что в 1935 г. Мандельштам неоднократно возвращался к работе над циклом «Восьмистишия», куда вошло стихотворение «Преодолев затверженность природы..». Нельзя ли предположить, что и «Железо» могло найти там свое место (хотя его строфическое деление иное, чем в стихотворениях, соста-

вивших «Восьмистишия»)? Общую интерпретацию мандельштамовского цикла см.: *Гаспаров М.Л.* «Восьмистишия» Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.). М., 2001. С. 47–54.

²²⁴ <Редакционная статья>. Люди и дела великой страны // Известия. 1935. 21 мая. С. 1.

²²⁵ <Редакционная статья>. 40 тысяч тонн стали в сутки – не меньше! // Правда. 1935. 22 мая. С. 1; см. также подборку в газете «Коммуна» от 21 и 22 мая 1935 г.

²²⁶ Не обязательно, но возможно, что строка о «железной правде» отсылает к только что процитированной заметке, опубликованной в газете «Правда». Ср. сходный прием в стихотворении Мандельштама «Кассандре» (1917): «Один ограблен волею народа, / Другой ограбил сам себя». «Воля народа» – название эсеровской газеты. Отметим также визуальное сходство пестика и тычинок некоторых цветов с пропеллером самолета.

²²⁷ Подсказано нам Ю.Л. Фрейдиным.

²²⁸ Приносим А.А. Долинину благодарность за разрешение процитировать его письмо в данной статье.

²²⁹ *Шмеман А., прот.* Дневники 1973–1983. М., 2003. С. 445.

Об одной групповой карикатуре на советских писателей

Кажется очевидным, что задача филолога, взявшегося за построение истории «литературы советского времени» (формулировка М.О. Чудаковой), заключается не столько в отборе «правильных» писательских имен из некоторого условного и заведомо необъятного списка, сколько в поиске концепции, способной изящно и ненасильственно объединить эти имена в рамках общей репрезентативной картины¹. Иногда, впрочем, самый принцип исследовательского отбора латентно содержит в себе будущую концепцию. Пример: серия работ Михаила Леоновича Гаспарова, заложивших фундамент для такой истории русской литературы, в которой «гений не противопоставляется детям ничтожным мира, а вырастает из них и опирается на них»², т. е. для такой истории, в которой Мандельштаму достается почета не больше, чем Вере Меркурьевой или Семену Кирсанову. Прочитируем фрагмент инскрипта Гаспарова одному из авторов работы на развороте книги «Метр и смысл», где помещены портреты Пушкина, Лермонтова,

Впервые опубликовано: *From Medieval Russian Culture to Modernism: Studies in Honor of Ronald Vroon*. Frankfurt a/M; Berlin; Bern; Bruxelles; N.Y.; Oxford; Wien, 2012. P. 331–346. Работа написана в соавторстве с И. Венявкиным и М. Котовой.

Брюсова, Блока и Некрасова: «Я писал о литературных рядовых, а здесь поместили литературных генералов!»

Для фигур советских «литературных генералов» и «литературных рядовых», которые будут представлены на будущей картине, необходимо найти бытовой фон: ведь все они жили не в безвоздушном пространстве, а в больших и малых городах, переезжали из провинции в столицы и реже, как Шолохов, из столицы в провинцию. Значит, у исследователя имеется законное право построить свою историю как системное описание сложных взаимоотношений писателей Москвы и Петрограда/Ленинграда, а также поэтов и прозаиков из провинции³.

«Литературные генералы» и «литературные рядовые» жили не только в стране, но и в государстве. Все они создавали свои произведения в диалоге (сочувственном и/или полемическом) с советской идеологической системой, поэтому изучение текстов того или иного автора как своеобразных «реплик» в разговоре с государством тоже способно дать впечатляющие результаты⁴.

Если же помнить, что писатели пишут для читателей, то придется втянуть в пространство нашей картины и зрителей, попытавшись дополнить «писательскую» историю литературы «читательской», цель которой будет состоять в анализе динамики усвоения произведений поэтов и прозаиков воспринимающей аудиторией⁵.

В разные годы читательским вниманием завладевали разные жанры, так что для полноты картины нужно показать, как периферийные жанры боролись в советских изданиях с центральными за право стать «литературным фактом» (Ю.Н. Тынянов), т. е. выдвинуться в центр литературного процесса⁶.

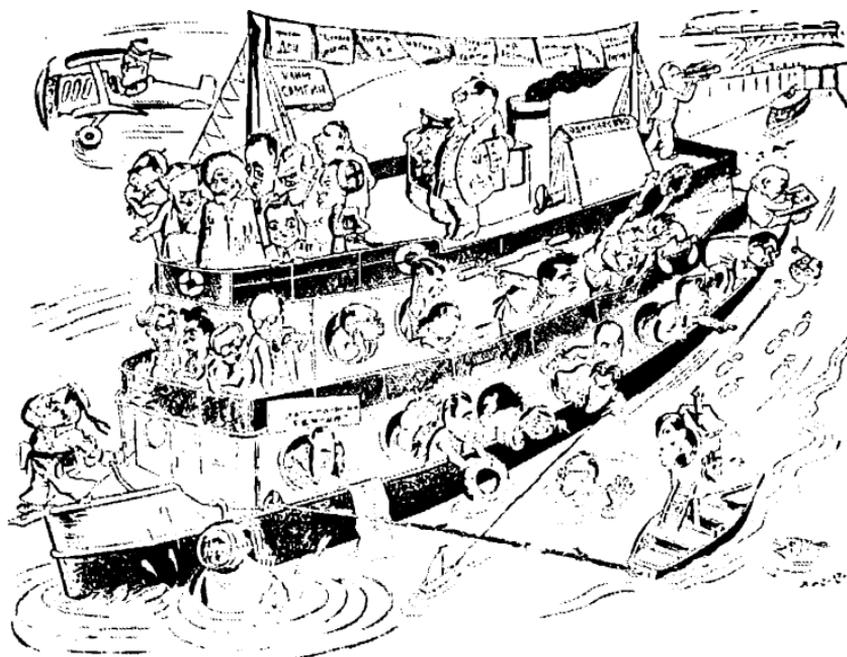
Вероятно, не следует забывать и о дальнем плане складывающейся картины. Даже и в советское время, когда мы оказались насильственно отгороженными ото всех других стран, русская словесность продолжала оставаться важным сегментом мировой культуры, а поэтому исторически корректное выявление в советской литературе мотивов и тем, общих с мировой, – дело насущно необходимое⁷.

А какие результаты может дать пристальное рассмотрение групповых карикатур на советских писателей? Такие карикатуры, как известно, часто печатались в отечественной прессе 1920–1930-х годов.

Преподавательские и научные резоны этого подхода очевидны: писатели на коллективных шаржах располагались не абы как, а в строгой иерархии (ближе и дальше от центра, на более или менее престижных местах и проч.). Размеры писательских фигур зачастую варьировались в зависимости от представлений карикатуриста о размере таланта того или иного автора, а также о местоположении этого автора в (полу)официальной табели о рангах. В предметном мире и в «немых сценах» групповых писательских карикатур отражались злободневные подробности общественной, литературной и околосредовой жизни эпохи. Иными словами, коллективные карикатуры на совет-

ПО ШИРОКОМУ РАЗДОЛЬЮ...

Талант в расклинах. А. М. СЕРГЕЕВ. Архивный номер ГИМ

ских прозаиков и поэтов должны были вложить в сознание читательской (и писательской) аудитории компактную и четко структурированную информацию о положении дел в современной советской литературе. Следовательно, аналитическое описание этих карикатур предоставляет возможность взглянуть на литературный процесс 1920–1930-х годов глазами тогдашнего среднестатистического читателя.

Соотношение же с общей парадной картиной фигур «писателей-невидимок», чьи изображения на групповых карикатурах значимо отсутствуют, и анализ причин, по которым они там отсутствуют, позволит сопоставить ценностные представления о советской литературе тогдашних читателей с сегодняшней шкалой оценок. Сразу же оговорим, что сформулированная здесь задача в нашей работе не решается.

Проиллюстрируем высказанные соображения развернутым примером. Выбор пришелся на «дружеский шарж» Лиса (Наума Лисогорского) «По широкому раздолью...», напечатанный в «Литературной газете» 5 мая 1937 г. (№ 24) и сопровождавшийся, как это водилось, «пояснительным» стихотворением Александра Раскина и Мориса Слободского⁸. Шарж представляет собой изображение корабля советской литературы, плывущего по водам канала Москва–Волга, строительство которого было торжественно завершено 1 мая 1937 г. Экипаж корабля и пассажиры представлены фигурами 35 советских писателей, если считать и тех из них, кто по разным причинам оказался «за бортом», но тем не менее попал на карикатуру.

Сразу же отметим, что метафора «корабль писателей» отнюдь не нова. Помимо примера со знаменитым «Сумасшедшим кораблем» Ольги Форш (1931) можно привести и более актуальные для того времени случаи употребления этой метафоры, в частности фрагмент выступления Николая Заболоцкого на собрании ленинградских писателей в марте 1937 г.: «Корабль советской поэзии не будет ориентироваться на поэзию Пастернака. Корабль советской поэзии взял курс на искусство народное, на высокока-

чественное искусство, близкое и понятное массам. “Комнатное” искусство остается в стороне»⁹.

Важно также, что сам образ корабля и мешающей ему лодочки, символизирующей оппозицию, был использован Сталиным в одном из выступлений и воспринимался читателями 1930-х годов как образец политического юмора. Вот характерный пассаж из статьи 1933 г., в которой писателей призывали учиться стилю и остроумию у Сталина: «XV съезд партии. Вколачиваются последние гвозди в гроб пресловутого “оппозиционного блока” Троцкого, Зиновьева, Каменева и компании. После уничтожающей критики установок оппозиции т. Сталин в заключительном слове вышучивает претензии оппозиционеров изобразить себя “сигнализаторами”, предупреждающими, мол, партию о грозящих опасностях, трудностях, гибели нашей страны... <...>. “Представьте себе маленькую лодку, которая еле держится на поверхности моря и вот-вот должна погибнуть, и представьте себе великолепный пароход, который мощно прорезает волны и уверенно движется вперед. Что бы вы сказали, если бы эта маленькая лодочка сунулась спасти громадный пароход? (Смех). Не правда ли, это было бы более чем смешно? В таком именно положении находятся теперь наши сигнализаторы из оппозиции. Они сигнализируют нам об опасности, о трудностях, о гибели и обо всем о чем угодно, а сами идут ко дну, не замечая, что они уже спустились на дно”»¹⁰.

Однако самое интересное состоит в том, что совсем незадолго до опубликования карикатуры Лиса, 23 апреля 1937 г., на одном из московских литературных собраний П. Юдин воспользовался классической метафорой корабля из второй книги «Посланий» Горация: «В заключение я хотел бы сказать, что нашим поэтам и писателям нужно очень много учиться. Гораций сказал, что тот, кто не сведущ, корабль боится вести, и больному / Дать абротон не дерзнет, кто тому не учился, леченье – / Дело врачей; и искусств творенье творит лишь художник; / Мы же, – учен, неучен, – безразлично, поэмы все пишем»¹¹.

Очень легко, хотя и не очень интересно, было бы дать подробные и последовательные разъяснения по поводу ме-

стоположения каждого из писателей на корабле, подкрепляя их соответствующими цитатами из «Литературной газеты» и других источников. Мы, однако, делать этого здесь не будем, чтобы лишний раз не повторять всем очевидных трюизмов («героический корреспондент» Михаил Кольцов (1), «одиночка» Исаак Бабель (18), «пушкинианец» Юрий Тынянов (26), «нарцисс» Илья Сельвинский (33) и т. д.), а лучше попытаемся ответить на несколько напрашивающихся и, действительно, интересных вопросов.

Как общий романтический пафос, заложенный в метафоре «корабля», соотносится с юмористическим заданием шаржа Лиса и стихотворения Раскина и Слободского? Каков был (если был) принцип отбора фигур писателей для их помещения на карикатуре? Как место того или иного писателя в парадной иерархии советской литературы мая 1937 г. отразилось в его местоположении на «карикатурном» корабле? И наконец, на первый взгляд частный, но едва ли не ключевой для понимания общего замысла Лиса вопрос: почему на передний план шаржа вынесло утлую лодочку поэта Бориса Пастернака, отчетливо соотнесенную с дружным кораблем остальных советских писателей?

Ответ на первый из поставленных вопросов начнем с указания на то, что романтический ореол метафоры «корабль советских писателей, движущийся в светлое будущее», был на шарже Лиса и особенно в стихотворении Раскина и Слободского задействован. На карикатуре его воплощали фигуры трех членов экипажа, расположенные строго впереди остальных писателей и символизирующие освоение советской литературой всех трех стихий, изображенных Лисом на рисунке. Впереди в воздухе реет на аэроплане Михаил Кольцов, который «начал летать еще тогда, когда огромное большинство наших журналистов медленно передвигалось в поездах... писатель-большевик, всегда оказывающийся на линии огня, всегда в центре событий»¹². На носу корабля несет вахту впередсмотрящий¹³ – драматург Всеволод Вишневский (23): снятый в 1936 г. по его сценарию фильм «Мы из Кронштадта» якобы научил «испански<x> народны<x> дружинник<ов>» «метать гра-

наты и разрушать вражеские танки»¹⁴. Впереди из воды высунулся писатель-маринист, автор рассказа «Водолаз» и повести «Подводники», недавний тогдашний юбиляр Алексей Новиков-Прибой (24)¹⁵.

В стихотворении Раскина и Слободского средоточием социалистической романтики, как можно легко догадаться, стали зачин и финал.

Зачин:

Любая смелая мечта,
Когда она в руках надежных,
Ясна, доступна и проста,
Близка, реальна и возможна.
Величественный путь открыт
И новым курсом, в синей дымке,
Буксиры, разводя пары,
Спешат из Астрахани в Химки.
И вот, снимаясь с якорей,
По голубому полноводью,
В далекий и прекрасный рейс
Корабль писателей уходит.

Финал:

Плыви ж, корабль, пути ясны,
Плыви сквозь алых флагов пламя,
На реках солнечной страны
Сверкай цветными вымпелами!

Однако конкретные «немые сцены», разыгрывающиеся на корабле советских писателей, от романтической приподнятости и идиллической слащавости очень далеки, поскольку намекают на весьма приземленные литературные и околотрудовые будни.

Из ряда писателей, помещенных Лисом на верхней палубе, выделим Владимира Луговского (2), который согласно аттестации Раскина и Слободского: «На берега взирает хмуро / Он ищет родину... / Тоской овеяна его фигура». Дело в том, что весной 1937 г. вокруг переиздания старых

стихов этого поэта разразился нешуточный скандал. 26 апреля «Литературная газета» опубликовала редакционную статью, в которой говорилось: «Президиум Правления Союза Советских Писателей считает, что поэт Вл. Луговской допустил крупную ошибку, некритически подходя к переизданию старых своих произведений. В результате – в “одно-томник” и сборник “избранных стихов”... оказались включенными стихотворения, политически вредные <...>. Поэт В. Луговской в своих стихотворениях последних лет... показывает, что он отбросил свойственные ему в прошлом классово враждебные представления. Но тем более недопустимо было переиздавать стихотворения, в которых отражены эти классово враждебные настроения». В качестве примера особенно вредного стихотворения цитировались строки «Дороги»: «И нет еще стран на зеленой земле, / Где мог бы я сыном пристроиться. / И глухо стучащее сердце мое / С рожденья в рабы ей продано. / Мне страшно назвать даже имя ее – / Свирипое имя родины»¹⁶.

Отметим, между прочим, что, глядя на карикатуру Лиса, Луговской имел все основания быть довольным: здесь он все-таки оказался на «хорошем месте» и в «хорошей компании» ультраоляльных советских поэтов и прозаиков.

Теперь посмотрим на третью палубу и сразу же увидим вываливающуюся, подобно хармсовским старухам, из корабельного люка Лидию Сейфуллину (28), которая при этом еще пытается утопить барахтающегося в воде Всеволода Иванова (29). Эта сценка иллюстрирует реплику генерального секретаря Союза писателей СССР Владимира Ставского на заключительном заседании апрельского общемосковского собрания писателей, пресекшего нападки Сейфуллиной на бывшего «Серапионова брата»: «Что же касается Л. Сейфуллиной, то она очень “своеобразно” поняла вопрос о критике недостатков творчества Вс. Иванова, – как право и “разрешение” вообще охаять этого подлинного, честного художника»¹⁷.

На второй палубе бросается в глаза отнюдь не романтическая потасовка, затеянная парой литературных крити-

ков (22) у ног некоего поверженного молодого автора (23): «Дубина и еще дубина, / И чьи-то ноги на борту. Ужасен бой. Все ярче пламя... / Свирепой не унять грозы. / И: “Кто не ‘Знамя’, тот не с нами!” / Звучит воинственный призыв. / Печальный автор юн и тих, / За то ему досталось вдвое – / Ведь за “Товарищей” своих / Он отвечает головою» (Раскин и Слободской). Подразумевается разразившийся весной 1937 г. яростный диспут вокруг начинающего беллетриста Владимира Курочкина, опубликовавшего в январском «Знамени» произведение «Мои товарищи, роман в новеллах»¹⁸. Этот роман послужил поводом для многочисленных нападков на «Знамя», причем в первую очередь осуждалась политика редакции при работе с начинающими писателями. Главный спор разгорелся между критиками «Комсомольской правды» и «Знамени». От лица редакции журнала 30 марта в «Литературной газете» со статьей выступил Сергей Вашенцев: «Такие писатели, как Н. Вирта, Юр. Яновский, Ю. Герман, Вас. Гроссман, В. Курочкин, конечно, на много голов выше некоторых незаслуженно “маститых” писателей, пользующихся вниманием правления ССП»¹⁹. В ответ в «Комсомольской правде» от 3 апреля появилась статья И. Бачелиса и С. Трегуба, которая и стала предметом бурного обсуждения среди писателей: «Задолго до появления романа в печати мы уже знали, что редакция журнала “открыла” нового талантливого писателя, что его первое произведение – выдающееся явление советской литературы <...>. Об этом, пользуясь любым поводом, говорили, тт. Рейзин, Вишневский, Вашенцев. <...> Роман “Мои товарищи” прежде всего глубоко и нестерпимо фальшив»²⁰. Ситуацию вокруг романа Курочкина иронично резюмировал Евгений Петров на общемосковском собрании писателей: «Обе стороны ведут себя ужасно. Вашенцев ни с с того, ни с сего размахивает кидлом, а “Комсомольская правда” рубит – и начинающему, несомненно, способному писателю наносится вред с обеих сторон»²¹.

Создавая свой текст, Лис и Раскин со Слободским воспользовались приемом, позаимствованным как раз у Иль-

фа и Петрова и в свое время точно описанным Ю.К. Щегловым. По его наблюдениям, романы «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» «прочитываются одновременно и как документ идеализирующих, героико-романтических настроений тех лет, и как одна из наиболее едких сатир на миропорядок, явившийся следствием революции»²². «Романтический» («положительный») социализм, который присутствует «на горизонте, наподобие величественной цепи горных вершин» контрастирует с «земным» социализмом, имеющим «не вполне удачные и даже неприглядные формы»²³. Как только социализм в своей «высокой ипостаси» приближается к читателю, он тут же теряет «возвышенную ауру» и «разменивается на ряд более или менее комических бытовых положений»²⁴. С понятными поправками эти цитаты идеально описывают пространство карикатуры Лиса и устройство фельетона Раскина и Слободского.

Теперь попробуем проанализировать основные принципы отбора писателей для карикатуры, которыми руководствовался Лис. Ее появление на страницах «Литературной газеты» именно 5 мая 1937 г. представляется вполне закономерным. К этому времени завершился ключевой этап переконцовки всего советского литературного поля, начавшийся после смерти Горького. Важнейшая задача, поставленная руководством страны перед Союзом советских писателей, заключалась в «правильном» освещении открытых политических процессов, проходивших с августа 1936 по январь 1937 г. По окончании «процесса 17-ти» по уже устоявшейся схеме политическая терминология была перенесена в сферу культуры: всю вторую половину апреля 1937 г. писательская общественность активно участвовала в кампании по раскрытию «троцкистского параллельного центра» в литературе, развернутой после ареста Г. Ягоды и призванной разоблачить бывших рапповских вождей и дискредитировать основные горьковские культурные инициативы 1930-х. О том, что к началу мая цикл завершился, красноречиво свидетельствует синхронность, с которой контролировавшие писателей инстанции поспешили информировать партийное руководство о проделанной работе: 3 мая Сталин получил записку от секре-

таря ССП Владимира Ставского и докладную записку из отдела культурно-просветительской работы ЦК ВКП(б), подписанную Ангаровым и Тамаркиным. Степень успешности проведенной кампании авторы двух записок оценивали поразному, однако общей для них были уверенность в исчерпанности предыдущего этапа и потребность в новых директивах – неудивительно, что и Ставский и Ангаров заканчивали свои сообщения просьбой о приеме группы советских писателей в ЦК.

Поэтому Лис, Раскин и Слободской, выстраивая и одновременно моделируя иерархические связи между литераторами, не должны были столкнуться с особыми сложностями, определяя местоположение каждого конкретного писателя. Основная сортировка уже была проведена до них. Главным ориентиром как для сатириков, так и для читателей газеты послужили высказывания секретаря ССП, которые затем тиражировались и развивались в критических статьях на страницах «Литературки». О почти 100%-ной зависимости состава писателей, изображенных на карикатуре, от директивного мнения Ставского красноречиво свидетельствует следующая цитата из его выступления на так называемом Пушкинском пленуме: «Можно ли сказать, что Ю.Н. Тынянов, давший отличную работу о Пушкине, отстают? Кому придет в голову такая нелепая мысль? А Вишневский, Шолохов, Панферов, Павленко, Фадеев и некоторые другие товарищи – разве они отстают? Поэты-орденоносцы – Гасем Лахути, Сулейман Стальский, Джембул и другие – разве они отстают? Разве за отставание дали им ордена?»²⁵

Но и выступление Ставского, в свою очередь, отсылало к высказываниям о литературе самого влиятельного читателя страны, устраняя любые возможные сомнения в авторитетности навязываемой иерархии: «Тов. Сталин лучше, чем многие из нас, знает литературу и помогает советами. Было его указание относительно того, что не надо принуждать писать о колхозах, о Магнитогорске. Такие вещи по принуждению не пишутся²⁶. Тов. Сталин помогает нам, когда звонит, советует написать рецензию о книжке Вирта “Одиночество”. По предложению товарища Сталина

выдвигаются и награждаются поэты, теперешние наши орденосцы. Мы гордимся ими, радуемся их успехам!»²⁷. При этом его оценка могла не только почти необъяснимо с рациональной точки зрения раздувать значение того или иного писателя (Соболев, Вирта), но и издевательски уменьшать его. Едва ли не как пощечину должен был расценить свое место на карикатуре Лиса Демьян Бедный (9). Старейший революционный поэт, долгое время связанный с вождем личной дружбой, после скандала с пьесой «Богатыри» был фактически изгнан из советской литературы. Появление некогда сановного баснописца в общей группе за спинами поэтов-орденосцев, да еще в контрастном соседстве рядом с гигантом Алексеем Толстым наверняка воспринималось самим Бедным и разбирающимися в ситуации читателями как весьма унижительное и условное прощение²⁸.

Символичным представляется и выбор сатириками корабля, плывущего по только что открытому каналу в качестве площадки для выстраивания иерархических связей между литераторами. Этот выбор прекрасно иллюстрирует общую политику, установившуюся к 1937 г. по отношению к горьковскому курсу в литературе: с одной стороны, появление обложки «Жизни Клим Самгина» среди обложек самых достойных произведений советской прозы должно было засвидетельствовать преемственность нового курса у старого; с другой стороны, недавно опубликованные разоблачения Ягоды и Авербаха нанесли сокрушительный удар по репутации Беломоро-балтийской инициативы Горького, которая теперь представлялась осуществленной руками врагов народа и в их собственных корыстных целях. Таким образом, канал Москва–Волга в отличие от Беломорканала теперь мог восприниматься как первое и пока единственное правильно и до конца доведенное воплощение горьковских инициатив по сплочению всех советских писателей в единый трудовой коллектив.

Как местоположение того или иного писателя в парадной иерархии советской литературы мая 1937 г. отразилось на карикатуре? Приглядимся внимательнее.

Пространство рисунка Лиса сформировано тремя вертикальными ярусами (три палубы корабля), причем расположение каждого из писателей по вертикали (вверху, посередине или внизу) меньше говорит о нем зрителю, чем его место по горизонтали (впереди, посередине или сзади). Поэтому, например, позорно дерущихся критиков Лис спокойно поместил на ярус выше по сравнению с Валентином Катаевым (31), чей «прелестный прозрачный роман» «Белеет парус одинокий» сам Алексей Толстой в марте 1937 г. отнес к «высокохудожественным и замечательным достижениям» советской литературы²⁹.

Как раз место, отведенное Толстому (11), предельно ясно демонстрирует, что наиболее престижная площадка на судне – это центр верхней палубы, возле трубы. К весне 1937 г. «красный граф» уже прочно и вкусно вошел в роль патриарха советской литературы, освободившуюся после смерти Горького. Неудивительно, что карикатурист изобразил значительно возвышающегося над остальными писателями «третьего Толстого» в костюме Петра Первого, что не только намекало на недавно экранизированный толстовский роман, но и определяло недостижимо высокий статус автора этого романа на писательском «пароходе современности». В рамках общей картины присутствие на верхней палубе судна фигуры императора-флотоводца тоже было оправдано очевидной государственной символикой. Сравним речь Толстого, опубликованную чуть ранее в «Литературной газете», где похожие декорации окружали фигуру «нового Петра» – Сталина: «У советского корабля трещали мачты и рвались паруса. Иосифу Сталину пришлось крепко держать руль, ведя корабль к поднимающимся из-за горизонта очертаниям новой земли социализма, казавшейся иным призрачной»³⁰. Еще более показательны: щуплый Ставский (10) беззастенчиво отодвинут художником на второй в сравнении с Толстым план, хотя именно он занимает капитанскую рубку и на его голову водружена капитанская фуражка³¹. Так на карикатуре зримо воплотилась сталинская попытка своеобразной реинкарнации руководителя советской литературы – *писателя и организатора*

Горького в двуликом облике *писателя* Толстого и *организатора* Ставского.

Правоверные советские романисты Федор Панферов (21) и Александр Фадеев (19) с Константином Фединным (20) занимают место под Толстым на второй палубе. Место под ними на третьем ярусе отведено Катаеву с Константином Паустовским (30) и Александру Корнейчуку (27) с Юрием Тыняновым, чей доклад «Проза Пушкина» на IV пленуме правления ССП СССР Владимир Ставский охарактеризовал как победу «живого Пушкина над элементами формализма в русской советской литературе»³². Тем не менее Лидия Сейфуллина, которую уж никак нельзя отнести к «положительным» героям шаржа Лиса и фельетона Раскина и Слободского³³, тоже была помещена карикатуристом в центр третьего яруса. Подобным образом, безусловно «положительного» Петра Павленко (13), для того чтобы иметь возможность обыграть название его романа «На Востоке»³⁴, Лис разместил хоть и на верхней палубе, но отнюдь не на престижной корме корабля (на втором ярусе похожие места отведены дерущимся критикам; на третьем – не слишком «положительным» Виктору Шкловскому³⁵, Илье Сельвинскому³⁶ и Леониду Леонову (32)³⁷). Напротив, не вполне обоснованным кажется расположение (да еще и впереди всех) фигуры Владимира Луговского среди правоверных советских национальных поэтов Сулеймана Стальского (4), Паоло Гасема Лахути (5) и Паоло Яшвили (6)³⁸, усердно переводившего этих поэтов Николая Тихонова (7), вечного комсомольца Александра Безыменского (3), Демьяна Бедного и Михаила Шолохова (8). Тем более что на втором ярусе в подобной позиции нарушений общей логики построения карикатуры не наблюдается. Здесь разместился слаженный хор поэтов-песенников: Алексей Сурков (14), Михаил Голодный (15), Виктор Гусев (16) и возвышающийся над ними на целую голову новогодний триумфатор Василий Лебедев-Кумач (17)³⁹; на третьем ярусе впереди всех закономерно красуется фигура Всеволода Вишневского.

Отмеченные случаи явного нарушения жестко заданной схемы кажутся нам чрезвычайно интересными

и показательными, ведь они наглядно демонстрируют, как изначальные идейные установки авторов были деформированы и преобразены логикой творчества, пусть даже фельетонного и карикатурного, а также с трудом поддающимися интерпретации случайными обстоятельствами. Не урок ли это нам самим, очень любящим выстраивать причинные ряды и бестрепетно соотносить идеологию с творчеством?

Заканчивая рассматривать коллективную карикатуру Лиса на советских писателей, более внимательно приглядимся к шаржу на Бориса Пастернака (35), помещенному в ее правом нижнем углу. Попробуем показать, что противопоставление фигуры автора «Сестры моей жизни» «экипажу» остальных советских писателей составляет едва ли не основной сюжет рисунка Лисогорского.

Пастернак изображен в углой лодочке, в отличие от катаевского кораблика, развернутой в противоположную от большого корабля сторону и соединенной с ним тонким канатом, готовым в любой момент порваться... Важно отметить, что этот канат наскоро перехвачен двумя ненадежными узлами, т. е., по мысли Лиса, до мая 1937 г. он уже дважды перетирался, но кое-как подвязывался самим Пастернаком или его доброжелателями. Даже высунувшаяся из воды рыба не может сдерживать усмешки, глядя на нелепое пастернаковское суденышко.

Напомним, что поэт, начиная еще с дискуссии о формализме весной 1936 г., служил постоянной мишенью для критических нападок⁴⁰. Всю первую половину 1937 г. интенсивность травли не ослабевала – до 23 апреля (когда риторический арсенал был перенаправлен против «авербаховцев») имя Пастернака в негативном контексте упоминалось в большинстве номеров «Литературной газеты». Так что к маю 1937 г. успел сформироваться вполне устойчивый репертуар критических штампов, используемых для разговора о поэте. Часть из них и была реализована Лисом графически, отлившись в образ смешного в своем высокомерии стихотворца, пристроившегося то ли в скворечнике, то ли в дачном домике с трубой, неуместно и шатко совме-

шенном с лодкой без весел. Один из возможных собственно пастернаковских подтекстов этого шаржа – стихотворение «Сложь весла».

Традиционный литературный топос, уподобляющий лирического поэта певчей птице, в контексте весны 1937 г. приобрел уничижительный оттенок и острую актуальность в прямой связи с Пастернаком в рамках критики либерального доклада Бухарина, прозвучавшего на Первом съезде писателей в 1934 г. Так, 15 апреля 1937 г. «Литературная газета» поместила уже цитировавшуюся нами выше передовицу, озаглавленную «Поэзия борьбы», в которой находим такой, важный для нас сейчас, пассаж: «Предатель, правый реставратор капитализма Бухарин с презрением говорил о стихах, где есть большевистские политические лозунги о маршах и агитках, как об изживших себя явлениях. Чижики и дрозды, не писатели, а тюльпаны привлекали внимание Бухарина. Он ориентировал советскую поэзию на творчество камерного, замкнутого в своих переживаниях индивидуалиста, далекого от народной жизни и живой народной речи Б. Пастернака»⁴¹.

Отметим, что образ скворечника уже использовался раньше на страницах «Литературной газеты» для травли другого крупного поэта, тоже обвинявшегося в формализме и непонятности поэтического языка: «Вывихнутое, формалистическое творчество Заболоцкого ярко демонстрирует, в какой тупик приходит поэт, не связанный вплотную с жизнью, с нашей действительностью, не понимающий ее процессов. Бытование в скворешнике приводит к скворцовому сознанию, к скворцовой поэзии. А скворцовый язык, как бы ни был он забавен, есть все же только птичий язык»⁴².

Противопоставление поэзии лирической и политической отразилось и в строке «Его девиз: “интим, уют”» фельетона Раскина и Слободского⁴³. Оба слова, составившие фельетонный девиз, а также их контекстуальные синонимы к маю 1937 г. уже неоднократно прозвучали в связи с Пастернаком. Например, в имевшей большой резонанс статье В. Александрова «Частная жизнь» творчество поэта харак-

теризовалось следующим образом: «Мы начали с внешних черт лирики Пастернака, чтобы от них перейти к ее существу. Основная эмоция этой лирики – ощущение уюта (вдвоем нам так хорошо), идиллического покоя, и наименее формально звучит эта лирика там, где она эту эмоцию выражает <...>. <O>бщая жизнь до сих пор не вошла в поэзию Пастернака как основная, органическая тема; до сих пор его лирика остается, к сожалению, лирикой частной жизни; подчеркиваем, ч а с т н о й , а не просто личной; это совсем не одно и то же, потому что личная жизнь вовсе не противостоит жизни общей и именно от нее и получает свои соки»⁴⁴.

Из той же статьи Александрова мог быть позаимствован карикатуристом символизирующий оторванность поэта от жизни замок, которому на рисунке придана «лирическая» форма сердца, пронзенного настоящей стрелой: «Когда-то очень давно (теперь, конечно, он так не думает) Пастернак сравнивал метафору “с тем узорчатым замком, ключ от коего хранит один лишь поэт, да и то в худших случаях (в лучших случаях ключа, очевидно, вовсе не существует. – В. А.), с замком, сквозь скважину которого разве только подсмотришь за таящейся в stanz'e затворницей (см.: Dante, De vulgari eloquio, игра слов stanza – горница и станс, стихотворная форма)”. – Двери открыты, и становится ясным: “подсматривать”-то было не за кем»⁴⁵.

Изображение поэта, спрятавшегося в скворечник с трубой, прозрачно намекало не только на творческую замкнутость Пастернака, но еще и на его добровольную бытовую самоизоляцию. В середине 1936 г. поэт переселился на дачу в Переделкино, где вокруг него и Бориса Пильняка сформировалось подобие кружка, неподконтрольного Союзу писателей и потому спровоцировавшего нешуточное раздражение литературного начальства. Так, в агентурном сообщении от 9 января 1937 г., показавшемся Ежову настолько важным, что он переправил его Сталину, констатировалось: «В свете характеризованных выше настроений писателей приобретает особый интерес ряд сообщений, указывающих на то, что Переделкино (подмосковный

дачный поселок писателей), в котором живут Вс. Иванов, Б. Пильняк, Б. Пастернак, К. Федин, Л. Сейфуллина и др<угие> видные писатели, становится центром особой писательской общественности, пытающимся быть независимым от Союза совет<ских> писателей»⁴⁶.

О неослабевающем беспокойстве и озабоченности разладом между партийными и беспартийными прозаиками и поэтами свидетельствуют и записные книжки Владимира Ставского⁴⁷. Отсутствие единства в рядах Союза писателей в напряженной обстановке 1937 г. в любой момент могло быть расценено высшим начальством как оппозиционность, а значит, дискредитировать работу руководства ССП. Неудивительно, что на протяжении всей первой половины года верхушка союза старательно пыталась повлиять на поэта и вынудить его публично выразить свое отношение к актуальным политическим событиям. Давление на Пастернака осуществлялось как через личные беседы, так и через газеты. Эти газеты помимо публикации критических статей и стенограмм выступлений враждебных поэту литераторов всю использовали сатирический ресурс. В статье «Поэзия борьбы» такое использование сатиры и карикатуры прямо прописывалось в качестве эффективного средства борьбы: «<Ж>анры политической поэзии не исчерпываются лирико-патетическими, пафосными стихами. Любимейшим оружием в жанре политической поэзии у Маяковского была сатира. Политической сатиры в нашей поэзии за последнее время почти совершенно нет. А ведь живет (и очень ярко) политическая сатира в карикатуре. В каждом номере газеты мы видим такую карикатуру. Почему же наши поэты забыли о политической сатире? Разве у нас мало врагов? Разве нет пережитков капитализма в сознании наших людей? Разве сатирические стрелы некуда направлять? Разве развертывание критики и самокритики не указывает со всей убедительностью на необходимость возрождения сатирических жанров? Ими прекрасно владел Маяковский, хорошо знаком этот вид оружия Демьяну Бедному, когда-то в этой области пробовал свои силы Безыменский, сатирические стихотворения

были у Кирсанова, Голодного. Не пора ли товарищам поэтам взяться как следует за могучее оружие сатиры?»⁴⁸

В свете нашего разговора необходимо указать, что коллективная карикатура «По широкому раздолью...» была отнюдь не первой в ряду сатирических выпадов именно «Литературной газеты» против поэта. Еще 20 марта 1937 г. здесь была опубликована пародия А. Архангельского «Сроки»⁴⁹. О том, что читатели «Литературки» уже привыкли видеть в Пастернаке постоянную мишень для обличений, свидетельствует и отправленная в редакцию пародия на поэта, озаглавленная «Картошка, петрушка и пастернак». Эта пародия, написанная корреспондентом «Актюбинской правды» Алексеем Москалёвым, датирована 9 мая 1937 г.⁵⁰

Твердость поэта в последовательном нежелании идти на компромисс с писательским советским начальством делала его практически неуязвимым для подобных нападков, а это, в свою очередь, серьезно нарушало планы руководства ССП. Возможно, наша карикатура помимо других своих назначений играла роль очередного «последнего» предупреждения строптивому поэту. Стертый до тонкой нити канат, связывающий два судна, мог в любой момент порваться, как и отточие в фельетоне Раскина и Слободского, разделявшее поэта с Афиногеновым и Киршоном⁵¹, могло превратиться в смертельно опасную запятую. Фигуры бывших рапповских вождей символично отсутствуют на карикатуре, зато им посвящены девятнадцать строк фельетона, заканчивающиеся прозрачным намеком на ожидавшую их судьбу: «Бьет свежий ветер, и погода / Отставшим предвещает шторм».

В то же время карикатура свидетельствовала об особом статусе поэта и о том, что без санкции свыше руководители ССП не смели самостоятельно определить положение Пастернака среди остальных советских литераторов⁵². Надо думать, Лису пришлось поломать голову, графически отображая вызывающе независимую позицию Пастернака и вместе с тем окончательно не дискредитируя автора «Волн» и «1905 года». Неспособность ССП решить «проблему Пастернака» была вполне очевидной и для отдела

культурно-просветительной работы при ЦК ВКП(б): «Проводившееся врагами народа (Бухариным, Радеком, Авербахом и др.) противопоставление партийных писателей непартийным и сейчас вследствие слабости руководства Союза находит свое отражение в среде писателей <...>. Об этом свидетельствует и такой факт: в Переделкино, где живет около 40 семей писателей, в числе которых 15 коммунистов, беспартийные писатели отдельно от коммунистов обсуждают вопросы, связанные с их работой и работой своего Союза, договариваются о единых выступлениях и т. д. С другой стороны, и коммунисты мало интересуются жизнью, работой и настроениями беспартийных писателей <...>. Неудивительно, если в настроениях “переделкинцев”, где живут Пильняк и Пастернак, много чуждого и наносного. Это прямое следствие бездеятельности Союза. До сих пор не изжита в Союзе групповщина»⁵³.

По убедительному предположению Л.С. Флейшмана, именно в этот период партийным руководством СССР была принята директива, обозначившая резкий перелом в официальном отношении к поэту⁵⁴ Итог: его имя весьма неожиданно для большинства читателей исчезло с газетных страниц, в том числе и в качестве высмеиваемого в фельетонах и на карикатурах⁵⁵.

В следующий раз коллективный шарж на советских писателей, включивший изображение Пастернака, появился в «Литературной газете» лишь в самом конце 1938 г. Поэт с лирой под мышкой одиноко стоит в углу и наблюдает за новогодним весельем своих успешливых собратьев⁵⁶. Было бы очень соблазнительно и небесполезно представить себе на этом писательском корабле, например, Осипа Мандельштама, который как раз в мае 1937 г. после воронежской ссылки сразу же приехал в Москву. Но пока прервемся и переведем дух.

¹ Важные для нашей темы соображения см. в работе: Немзер А.С. Как нам делать историю литературы «эпохи Жуковского» // Тыняновский сборник. Вып. 12: Десятые – Одиннадцатые – Двенадцатые Тыняновские чтения: Исслед. Материалы. М., 2006.

² *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М., 2000. С. 317.

³ См.: *Чудакова М.О.* Москва–Петербург/ Ленинград и русская беллетристика советского времени: Соображения к теме // *The Real Life of Pierre Delalande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin.* P. 2. Stanford, 2007.

⁴ См.: *Флейшман Л.С.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005.

⁵ См. серию работ Р.Д. Тименчика о читательском восприятии поэзии Николая Гумилева в XX в., например недавнюю его статью: *Тименчик Р.Д.* К истории русского читателя: читатель Гумилева // *Natale grate numeras?*: Сб. ст. к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб., 2008.

⁶ Интересно также проследить историю основополагающих для советской литературы идиом (см.: *Ронен О.* «Инженеры человеческих душ»: К истории изречения // *Ронен О.* Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002).

⁷ Такая попытка предпринята (см.: *Лекманов О.А.* Роман «Призрак Александра Вольфа» в культурном контексте эпохи (тезисы к теме) // *Гейто Газданов* и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур: Сб. науч. тр. М., 2005).

⁸ См.: Литературная газета. 1937. № 24. 5 мая. С. 6 (далее – ЛГ).

⁹ Общее собрание ленинградских писателей // ЛГ. 1937. № 16. 26 марта. С. 2. Эти слова Заболоцкого были выделены курсивом при публикации в газете.

¹⁰ *Гиринис С.* Литературные образы на службе генеральной линии: Сравнения и метафоры тов. Сталина // ЛГ. 1933. 29 янв. № 4–5 (232, 233). С. 2.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 611. Л. 127. С радостью отдаем должное пронизательности Н.Н. Мазур, которая на предварительном обсуждении этой статьи напомнила собравшимся о горацианском топосе корабля, хотя приведенная цитата еще не была нами обнаружена.

¹² *Левин Ф.* Перо большевика // ЛГ. 1937. № 2. 10 янв. С. 4.

¹³ Ср. мемуары поэта Евгения Долматовского: «Некоторые люди, знавшие его близко, добродушно, а то и чтобы подколоть,

называли его “матросиком”. Вообще-то человек обидчивый, на “матросика” он никогда не обижался – это были его гордость и честь, его слава и груз, взятый, взваленный на плечи: мы из Кронштадта! Он был, по морской терминологии, впередсмотрящий и не только замечал, что впереди, но и провидел» (*Долматовский Е.* Очевидец // Октябрь. 1995. № 5. С. 59).

¹⁴ Вишневский-орденоносец // Знамя. 1937. № 2. Февр. С. 271, 274. Ср.: «Творчество Всеволода Вишневского с первых его шагов отличалось активным, боевым, действенным отношением к действительности» (*Левин Ф.* Героическая патетика // ЛГ. 1937. № 1. 5 янв. С. 1; см. также: Народное искусство // Там же.)

¹⁵ Ему исполнилось 60 лет 26 марта 1937 г. Юбилею писателя была посвящена отдельная полоса «Литературной газеты» от 20 марта (№ 15). В 16-м номере газеты от 26 марта был напечатан отчет о юбилейном вечере, организованном ССП: «На товарищеской встрече, состоявшейся после официальной части, юбиляра горячо приветствовали ... писатели П. Павленко, Демьян Бедный, В. Луговской и др.» (см.: *Яр.* Народный писатель // ЛГ. 1937. № 16. 26 марта. С. 1). На той же странице помещены стихи Демьяна Бедного в честь Новикова-Прибоя.

¹⁶ О книге поэта В. Луговского // ЛГ. 1937. № 22. 26 апр. С. 1.

¹⁷ Общесоюзное собрание писателей // ЛГ. 1937. № 19. 10 апр. С. 1.

¹⁸ *Курочкин Вл.* Мои товарищи, роман в новеллах // Знамя. 1937. № 1. С. 5–115.

¹⁹ *Вашенцев С.* Хорошие книги – мерило оценок писателя // ЛГ. 1937. № 17. 30 марта. С. 5.

²⁰ *Бачелис И., Трегуб С.* Чьи это товарищи?: О романе В. Курочкина «Мои товарищи» // Комсомольская правда. 1937. № 76. 3 апр. С. 4.

²¹ *Ильф И., Петров Е.* Писатель должен писать // ЛГ. 1937. № 18. 3 апр. С. 4. Об этом же говорил А. Исбах на утреннем заседании общесоюзного собрания писателей 4 апреля 1937 г.: «<Н>ельзя поднимать человека до небес, а потом оглушать его. Надо помогать товарищам преодолевать недостатки, надо работать с молодыми парнями» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 211.

Л. 115). О полемике вокруг романа также см.: Общесоюзное собрание писателей // ЛГ. 1937. № 18. 6 апр. С. 4; *Котляр А.* Благородные спортсмены // Там же. 1937. № 20. 15 апр. С. 4; *Эйдельман Я.* «Мои товарищи» В. Курочкина. На дискуссии в ДСП // ЛГ. 1937. № 21. 20 апр. С. 2.

²² *Щеглов Ю.К.* О романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 1995. С. 7.

²³ Там же. С. 9, 10.

²⁴ Там же. С. 9.

²⁵ Из сообщения тов. Ставского на IV пленуме правления Союза писателей СССР // ЛГ. 1937. № 25. 20 марта. С. 2.

²⁶ Ставский почти дословно цитирует записку Сталина, посвященную Л. Соболеву: «Не надо обязывать его написать вторую книгу “Капитального ремонта”. Такая обязанность откуда не вытекает. Не надо обязывать его написать о колхозах или Магнитогорске. Нельзя писать о таких вещах по обязанности» (см.: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике, 1917–1953. М., 1999. С. 279). Не будь этой сталинской записки, Соболев, не выпустивший ни одного крупного произведения с 1932 г., никогда не оказался бы на литературном корабле.

²⁷ Там же. С. 270–280.

²⁸ О запрете к постановке пьесы Д. Бедного «Богатыри» в ноябре 1936 г. и о реакции потрясенного автора, которого Ставский застал «в состоянии абсолютной растерянности», см.: Власть и художественная интеллигенция. С. 333–341; стенограмму разговора Ставского с Д. Бедным см.: Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М., 2005. С. 431–439.

²⁹ *Толстой А.* Вперед, к счастью! // ЛГ. 1937. № 15. 20 марта. С. 4; см. также: Задачи литературной критики. Речь тов. М. Розенталя // Там же. № 12. 5 марта. С. 3; *Кретов А.* Политическая слепота // Там же. С. 5. Упоминается эта книга и в атаках на редактора «Нового мира» И. Гронского зимой 1937 г.: «И именно рецензент “Нового мира” в хорошем романе В. Катаева “Белеет парус одинокий” находит “неумение соразмерить части произведения, соблюсти глубину перспективы, масштаб действующих

лиц, единство стиля»» (*Не-литератор*. О «Новом мире» // Известия. 1937. № 50. 26 февр. С. 4).

³⁰ Толстой А. Вперед, к счастью! // ЛГ. 1937. № 15. 20 марта. С.4.

³¹ Разумеется, обложка «Петра Первого» в отличие от обложек повестей и романов Ставского, например его «Станицы» (1928), красуется на своеобразной выставке достижений советской литературы, украшающей верхнюю палубу. На протянутом канате здесь также развешены обложки «Тихого Дона» Михаила Шолохова, его же «Поднятой целины», «Цусимы» Алексея Новикова-Прибоя, «Последнего из Удэге» Александра Фадеева, «На Востоке» Петра Павленко, «Капитального ремонта» Леонида Соболева, «Пушкина» Юрия Тынянова, «Одноэтажной Америки» Ильи Ильфа и Евгения Петрова. На последнее из перечисленных названий обратим особое внимание. 13 апреля 1937 г. Ильф умер, так что его и Петрова шаржированные портреты у Лиса, понятное дело, отсутствуют, но и вовсе обойтись без прославленных сатириков карикатурист не захотел. Отдельно и на переднем плане помещена обложка эпопеи «Жизнь Клима Самгина» тоже умершего к этому времени Максима Горького. Его официальный культ при тайном отказе от исповедуемых им принципов построения советской литературы как раз в 1937 г. набрал самые большие обороты. Набор «образцовых» обложек, отобранных Лисом для карикатуры, – вполне типовой. Ср., например, отчетную статью Б. Брайниной «Два пятилетия», опубликованную в «Литературной газете» 26 апреля 1937 г.: «На первое место среди книг, написанных в последнее пятилетие, надо поставить замечательную эпопею А.М. Горького “Жизнь Клима Самгина” <...>. В последнее время появились “Последний из Удэге” Фадеева (III и IV части), “На Востоке” Павленко и “Пушкин” Тынянова. Все это очень разные книги и в то же время близкие по духу, по идее». В список «выдающихся произведений советской прозы за последние пять лет» у Брайниной попали также «Поднятая целина» и «Тихий Дон», «Петр I», «Цусима», «Одиночество», «Одноэтажная Америка» и «Капитальный ремонт».

³² См.: ЛГ. 1937. № 12. 5 марта. С. 1.

³³ «Но что за вопли слышны снова, / Чей там стремительный напор? / За что же топят Иванова, / Столь странно завершая спор? / Исполнить это злое дело / Сейфуллина почти успела».

³⁴ «Павленко рядом упоен: / Куда б ни влек его поток, / Он смотрит только “На Восток”».

³⁵ «Он слишком занят – взят подряд / На повесть, очерк и сценарий». Слово «подряд», по-видимому, переключало в эту характеристику Шкловского из отчета о заключительном заседании общемосковского собрания писателей, напечатанного «Литературной газетой» 10 апреля 1937 г.: «Было бы хорошо, если бы Шкловский сумел перекинуть мостик от красивых и принципиальных речей к не менее принципиальной практике. А это далеко не всегда бывает, о чем правильно напомнил в заключительном слове т. В. Ставский, говоривший о чрезмерном пристрастии Шкловского ко всякого рода “литературным подрядам”. Известно, что эти подряды зачастую являются простыми “кормушками” для некоторых писателей» (см.: ЛГ. 1937. 10 апр. С. 2). Отметим, что в газете цитируемый пассаж речи Ставского был отредактирован. Ср. стенограмму от 5 апреля 1937 г.: «Но дорогой тов. Шкловский, зачем вы лезете в каждый литературный подряд? Как только где-нибудь что-нибудь, Шкловский там. Хорошо, если вы поднимете это дело на высоту, а вы действительно подняли это дело на высоту. Я за коллективную работу, но плохо то, что она сплошь и рядом превращается в очередную кормушку» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 215. Л. 80–81). О том, как в местоположении Шкловского и Тынянова на карикатуре Лиса отразилось представление советской критики об их роли в современной литературе, подробнее см.: *Лекманов О.А.* «Абсолютная сила» и формалисты в 1937 году (по материалам «Литературной газеты») // Даугава. Рига, 2002. № 3. С. 82–84; см. также: <http://www.orojaz.ru/varia/lekmanov.html>).

³⁶ «Сельвинский, воду возлюбя, / Нашел в ней самого себя». Комментарием к шаржу Лиса на Сельвинского может послужить следующий пассаж из речи Петра Павленко на IV пленуме правления ССП: «В сегодняшнем выступлении Сельвинского было как раз много того, за что его и били: чванство и ячество, которые всех нас в нем нервируют, раздражают» (Путь создания книги: Речь тов. П. Павленко // ЛГ. 1937. № 12. 5 марта. С. 3). Прочитируем еще две строки, обращенные к Сельвинскому в фельетоне Раскина и Слободского: «Во сколько тысяч спорных строк / Готовишь ты “Каналиаду”?» Эти строки отсылают пони-

мающего читателя к конфликту, разыгравшемуся на IV пленуме ССП. Напомним, что в «Известиях» от 26 февраля 1937 г. была напечатана погромная статья «О “Новом мире”», содержавшая такой пассаж о творчестве Сельвинского: «Только здесь, в “Новом мире”, неутомимый пошляк с гипертрофированным самомнением Илья Сельвинский может публиковать такие возмутительные строки, какие он позволил себе в своей многотысячестрочной “Челюскиниане” <...>. Это не стихи. Это – бесцеремонное издевательство над культурой русского народа и над элементарными моральными принципами советской литературы. И только в “Новом мире” это может быть напечатано» (*Не-литератор*. Указ. соч. С. 4). В речи на пленуме, вызвавшей резкое осуждение писательского начальства, Сельвинский отнюдь не стал каяться в своих грехах: «Я заранее знаю, что бы я ни написал, все равно найдутся люди, которые выдернут у меня 4 строчки и оплюют все то, что я делаю» (На пушкинском пленуме правления Союза советских писателей // *Известия*. 1937. № 51. 27 февр. С. 4). Обсуждение скандального выступления И. Сельвинского продолжилось и на апрельском общемосковском собрании писателей. См., например, речь драматурга В. Соловьева на утреннем заседании 4 апреля 1937 г.: «Сельвинский вышел на трибуну *пушкинского пленума* и говорил как человек, который стоит не на нашей платформе! Это было не выступление, а это была истерика. Мы должны это понять. Он был озлоблен в тот момент. Вы все на него навалились. Сельвинский имеет очень неплохие произведения» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 211. Л. 100). Курсивом отмечена вставка в тексте стенограммы. Ср. речь Г. Мирошниченко на вечернем заседании 3 апреля: «Нашлись и образцы такой двусмысловой поэзии: Пастернак, Сельвинский – этот знаменитый сумбур поэзии формалистических вывертов» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 215. Л. 103).

³⁷ Изображение Леонида Леонова «в сторонке» (цитата из Раскина и Слободского) весьма точно показывает местоположение этого писателя в литературной иерархии первой половины 1937 г.: «В чем несчастье многих талантливых людей и не только одного Всеволода Иванова, это отчасти относится и к сидящему здесь другу моему, Л.М. Леонову? В том, что то знание жизни, которое было когда-то приобретено своим горбом, когда писа-

лись вещи, имевшие неповторимый цвет, вкус и запах действительности, это знание осталось в прошлом. Теперь многие из писателей первого призыва жизнь наблюдают со стороны, а жизнь огромна и идет и идет вперед» (*Фадеев А.* Учиться у жизни // ЛГ. 1937. № 20. 15 апр. С. 2).

³⁸ Их фигуры должны были наглядно иллюстрировать тезис о многонациональной основе советской литературы. Зачастую эти поэты и в статьях «Литературной газеты» перечислялись через запятую: «Сталинская Конституция, горячая любовь масс к вождю народов товарищу Сталину, радость счастливой жизни народов Советского Союза находят свое выражение в творчестве Сулеймана Стальского, Лахути, Паоле Яшвили...» (*Плиско Н.* О политической поэзии // ЛГ. 1937. № 12. 5 марта. С. 4).

³⁹ «Стихи и песни Безыменского, Суркова, Виктора Гусева, Голодного, Лебедева-Кумача нашли самый широкий отклик в сердцах миллионов трудящихся Советской страны» (*Плиско Н.* Указ. соч.). 31 декабря 1936 г. Лебедев-Кумач и Исаак Дунаевский были награждены орденами Трудового Красного Знамени «за создание ряда советских песен, ставших достоянием широких масс» (*Народное искусство* // ЛГ. 1937. № 1. 5 янв. С. 1).

⁴⁰ Подробный анализ взаимоотношений Пастернака и власти в это время см.: *Флейшман Л.С.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 413–636.

⁴¹ Поэзия борьбы // ЛГ. 1937. № 20. 15 апр. С. 1.

⁴² *Бескин О.* О поэзии Заболоцкого, о жизни и о скворешниках // ЛГ. 1933. № 32. 11 июля. С. 2.

⁴³ Этим фельетоном стихотворная продукция И. Раскина и М. Слободского, высмеивающая творчество Пастернака, не исчерпывается. В журнале «Октябрь», готовившемся к печати в тех же числах, что и интересующий нас номер «Литературной газеты», за их подписью появилась эпиграмма на А. Тарасенкова: «Его статей цветной узор / В литературе мало значит, / И все же молодой фразер / Живет и буйно пастерначит. / По существу он пуст и наг / Холодный Гейзер, но однако, / Ведь есть на свете Пастернак, / И он бубнит про Пастернака» (Октябрь, 1937. № 6. С. 254).

⁴⁴ *Александров В.* Частная жизнь // Литературный критик. 1937. № 3. С. 62–63. Подобное писала о поэте и «Литературная газета»: «Пастернак все еще живет в строю старых видений и ассо-

циаций, ставших его интимным внутренним миром, и наивно думает, что от него ждут деклараций о любви к советской родине, к социалистическому строительству» (Я. Э. Прения по докладу тов. В. Ставского: На IV пленуме правления ССП // ЛГ. 1937, № 12. 5 марта. С. 1).

⁴⁵ Александров В. Указ. соч. С. 77.

⁴⁶ Власть и художественная интеллигенция. С. 348.

⁴⁷ Для примера приведем запись беседы Ставского с Малышкиным от 9 февраля 1937 г.: «Группочки в Переделкино. Читают произв<едения>, ходят друг к другу. Собираются Пильняк, Пастернак, Вера Инбер = *Обрабатывают Федина!*» (РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 99).

⁴⁸ Поэзия борьбы. С. 1.

⁴⁹ Разбор этой пародии см. в заметке: Новиков Вл. Отзвуки и гримасы: Пастернак в пародиях и эпиграммах // Литературное обозрение. 1990. № 3. С. 105–112.

⁵⁰ Нехитрое обыгрывание очевидного каламбура заканчивается обращением к продавцу овощей: «И продавец услужливо заёрзал, / А я чеканю, словно на меди: / Картошки. Поразваристей. Не мерзлой. / А пастернака – нынче не клади!» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 401. Л. 26).

⁵¹ В процессе кампании по разоблачению «авербаховщины» эти два писателя неизменно упоминались рядом в качестве главных проводников идей Л. Авербаха: «Авербах со своей троцкистской школкой выдвигал лозунг “за живого человека”, призывая показывать “доброе в злом” и пролагая этим путь гнилому буржуазному гуманизму в изображении классового врага, и призывал искать “злое в добром”, пролагая путь клевете на большевиков. В популяризации этой гнилой и вредной “теории” немало постарались Киршон и Афиногенов» (Уроки и выводы // ЛГ. 1937. № 22. 26 апр. С. 1). См. также у О. Войтинской: «Рецидивы этой теории существуют и поныне. Достаточно вспомнить о неудаче “Далекого” т. Афиногенова, о ряде пьес Киршона» (Войтинская О. Авербаховщина // Там же. С. 3).

⁵² См. выступление Б. Гроссмана на утреннем заседании общемосковского собрания писателей 3 апреля 1937 г.: «Другая крайность – это литература камерная, изысканная, в худшем смысле слова – литература, уводящая нас от жизни. Очень хоро-

шо, что на пленуме правления Союза писателей, с трибуны (и со страниц газет) открыто-резко поговорили с т.т. Пастернаком и И. Сельвинским об их творчестве. Делалось это не для того, чтобы сбрасывать этих поэтов “со счетов литературы”, а для того, чтобы помочь им приблизиться к читателям; приблизиться же к читателям можно единственным путем: советскими книгами, произведениями, по-настоящему волнующими читателя» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 215. Л. 90).

⁵³ Власть и художественная интеллигенция. С. 371–372. Таким образом, на карикатуре в лодке рядом с Пастернаком оставалось место и для других имплицитных пассажиров, среди которых наиболее значимым был Борис Пильняк. Напомним, что в газетном обиходе первой половины 1937 г. фамилии Пастернака и Пильняка почти всегда ставились рядом.

⁵⁴ См.: *Флейшман Л.С.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 612–619.

⁵⁵ Так, тогдашний редактор «Литературной газеты» Штейнберг был вынужден отказываться от продолжавших поступать статей, критически оценивающих творчество Пастернака: «Тов. Касаткин. Пастернака критиковали много и достаточно глубоко, возьмите хотя бы статью Александрова в “Литературном критике” №. Поэтому Ваша статья не будет помещена в нашей газете» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 401. Л. 17).

⁵⁶ ЛГ. 1938. № 72. 31 дек. С. 6.

Как формировалась советская репутация Сергея Есенина

Практически все, что писалось в «траурном» 1926 г. о Есенине, было так или иначе связано с резолюцией ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г. В п. 5 резолюции, напомним, специально подчеркивалось, что «перед партией пролетариата стоит вопрос о том, как ужиться с крестьянством и медленно переработать его; <...> как поставить на службу революции техническую и всякую иную интеллигенцию и идеологически отвоевать ее у буржуазии». Пути к решению этого вопроса намечались в 9 и 10: пунктах: «Крестьянские писатели должны встречать дружественный прием и пользоваться нашей безусловной поддержкой. Задача состоит в том, чтобы переводить их растущие кадры на рельсы пролетарской идеологии, отнюдь, однако, не вытравливая из их творчества крестьянских литературно-художественных образов, которые и являются необходимой предпосылкой для влияния на крестьянство <...>. Отсеивая антипролетарские элементы (теперь крайне незначительные)... партия должна терпимо относиться к промежу-

Впервые опубликовано: The Real Life of Pierre Delalande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. P. 1. Stanford, 2007. P. 360–377.

точным идеологическим формам, терпеливо помогая эти неизбежно многочисленные формы изживать в процессе все более тесного товарищеского сотрудничества с культурными силами коммунизма»¹.

В свете этих деклараций становятся понятными даже не столько вполне ожидаемые высокие оценки поэзии Есенина, данные в некрологических заметках его друзей и литературных союзников², сколько беспрецедентно лестные характеристики творчества поэта и его личности, прозвучавшие в 1926 г. из уст литераторов, добровольно взявших на себя роль толмачей партийных постановлений и инструкций.

Г. Лелевич: «Революция не усыновит Есенина – мистического певца старой Руси, не усыновит она и протестанта против городской культуры и техники. Но она любовно усыновит того Есенина, который благородно, искренне, напряженно пытался понять эпоху, “догнать стальную рать”, согласовать свое творчество с революционной современностью и сломался под тяжестью принятой на себя тяжелой и почетной ноши»³. В. Киришон: «Ты будешь жить, Сергей Есенин. В любимой тобой новой Советской России не замолкнут твои искренние и звонкие песни»⁴. В. Ермилов в майском номере ортодоксального рапповского журнала «На литературном посту»⁵: «Нежно и так прекрасно, так свободно любивший жизнь и все живое, Есенин родил у читателя [так! – О. Л.] нежное чувство заботливости к нему, тревоги за него, желания помочь ему выйти на настоящую дорогу из кривых переулков “Москвы кабацкой”»⁶. И далее: «...Он, – правда, своими особыми путями, – шел к революции... он не хотел больше обкрадывать себя и огромную массу так трепетно любивших его друзей!»⁷.

Поскольку в резолюции ЦК особо оговаривалась необходимость крепить единство с крестьянскими писателями, важное значение для репутации покойного поэта (в который уже раз) приобрело его происхождение: те, кто был *за* Есенина, как правило, не забывали вспомнить о его крестьянских корнях; те, кто был *против*, в праве называться крестьянским поэтом Есенину отказывали.

Л. Леонов: «За ним – вслед из мужичьих недр, разбу-
женных революцией, выйдут десятки таких же, сильных
и славных»⁸; А. Дивильковский в статье «На трудном подь-
еме (о крестьянских писателях)», напечатанной в «попут-
ническом» «Новом мире» Вяч. Полонского: «Не забудете
никогда... есенинской “сини” и “голубени”, – где ему
удается передать чувство колоссальной, необычайной
мощи великого крестьянского народа, как бы вглядываю-
щегося в глубокие, синие дали своей родины, своей исто-
рической судьбы»⁹.

Демонстративно иную точку зрения отстаивал тог-
дашний заведующий агитационно-пропагандистским отде-
лом ЦК и давний есенинский недоброжелатель Лев Со-
сновский: «Меня всегда поражало, что никто из критиков
не заметил антикрестьянской сущности поэзии Есенина
и Ко. У Есенина никогда не фигурирует труд крестьян»¹⁰.

Взамен внезапно реабилитированного звания «кре-
стьянский поэт» часть критиков спешно подыскивала Есе-
нину такие клички, которые все же позволили бы отнести
его к числу немногочисленных антипролетарских элемен-
тов, упоминаемых в резолюции ЦК. Объявленная сверху
борьба с хулиганством, достигшая своего апогея осенью
1926 г., в разгар так называемого дела Чубарова переулка¹¹,
а также прокатившаяся по стране волна самоубийств, от-
части спровоцированная добровольным уходом из жизни
автора «Москвы кабацкой», позволили обличителям вос-
пользоваться при оценке Есенина синонимическими клич-
ками «богема», «хулиганство», «упадничество» и, наконец,
«есенинщина». Сошлемся на фельетон все того же Сосно-
вского «Развенчайте хулиганство», 19 сентября 1926 г. напе-
чатанный сразу и в «Правде», и в «Комсомольской правде».
Сосновский начинает свою статью с серии зловещих кар-
тин нарастающего по всей стране хулиганства: «Изнасило-
вание в Харькове десятью прохвостами молодой девушки.
Убийство хулиганом в Харькове рабочего Беликова. Напа-
дение хулиганов на комсомольскую манифестацию в Ново-
сибирске. Изнасилование рабфаковки тридцатью хулига-
нами в Новосибирске»¹². Потом он перебрасывает мостик

непосредственно к творчеству Есенина и объявляет умершего поэта вдохновителем и предтечей нынешних насильников и хулиганов: «В этом жутком логове формируется идеология Есенина, которого (не с похмелья ли?) нарекли “великим национальным поэтом” и вывесили над Домом печати соответствующий плакат без всякого протеста со стороны коммунистов, руководителей Дома печати»¹³.

Но в 1926 г. столь однозвонная позиция по отношению к Есенину еще не была официально завизирована и оставалась лишь одной из допустимых точек зрения. В ленинградской «Красной газете» Сосновскому ответил И. Оксенов: «Ясно, что Есенин был объявлен “великим поэтом” не за эти [хулиганские. – *О. Л.*] стихи, точно так же, как Пушкин и Лермонтов велики не своими нецензурными произведениями. Можно бороться с “есенинщиной” как суммой упадочных настроений, вызванных самоубийством поэта, но отсюда еще огромная дистанция до зачислений Есенина в певцы бандитизма»¹⁴. А «Комсомольская правда» на исходе года уравнивала нападки Сосновского заметкой А. Барилы, где поэт был аттестован вполне сочувственно, хотя и с оговорками: «Есенин, при всей своей грусти и подчас упадничестве, именно благодаря своей искренности и большому художественному дарованию куда больше влечет сердца коммунистов, чем многие поэты идеологически безупречные»¹⁵.

Не склонен был двигаться путем, намеченным Сосновским, и видный партийный публицист Карл Радек, выступивший с краткой разъяснительной речью по поводу своей позиции на одном из диспутов о Есенине и «есенинщине»: «Молодежь увлекается Есениным... потому, что он, как скрипка, плачет и смеется в то время, когда большинство пролетарских поэтов только барабанят <...>. Не в борьбе с Есениным путь борьбы против нездорового среди нашей молодежи. Не надо скрываться от важного общественного явления разбором его литературных произведений»¹⁶.

На стороне защитников Есенина от идеологических ярлыков в 1926 г. неожиданно для многих выступил Владимир Маяковский, ядовито пересказавший пассажи из

статей Сосновского и подобных ему хулителей поэта в своем стихотворении «Сергею Есенину»¹⁷: «Почему?/ Зачем?/ Недоуменье смяло./ Критики бормочут:/ – Этому вина/ то.../ да се.../ а главное,/ что смычки мало,/ в результате/ много пива и вина. – / Дескать,/ заменить бы вам/ богему/ классом,/ класс влиял на вас,/ И было б не до драк./ Ну, а класс-то/ жажду/ заливают квасом?/ Класс – он тоже/ выпить не дурак».

Отведя идеологические претензии к Есенину в первой части своего стихотворения, во второй части Маяковский, подобно Радеку, и вовсе ушел от прямого разговора о поэте. Вождь левовцев лишь косвенно упрекнул автора «До свиданья, друг мой, до свиданья...» в том, что у него не хватило сил и мужества словом и делом участвовать в решительном социальном переустройстве жизни. Напомним, кстати, что в статье «Как делать стихи?» того же, 1926 г., Маяковский «с удовольствием» говорил об итоговой «эволюц<ии> Есенина: от имажинизма к ВАППу»¹⁸.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на отдельные опасные симптомы, для посмертной репутации Есенина 1926 г. в целом сложился удачно. Едва ли не триумфом поэта, если поверить газетному отчету, обернулся в итоге очередной диспут о Есенине, состоявшийся в театре Мейерхольда в конце декабря: «Очевидно, термин “есенинщина” (по крайней мере, судя по данной аудитории) есенинская поэзия не только не развенчана, но ее обаяние вряд ли поколеблено <...>. “Приближается годовщина смерти Есенина, пора изъять этот термин из употребления, скорбно и дружественно склонив головы перед этой большой могилой”. Эти слова тов. Воронского, сказанные в этот вечер, можно было бы взять эниграфом к отчету обо всем диспуте»¹⁹.

2

Но уже 16 февраля 1927 г. А. Воронский жаловался в письме Горькому: «Против Есенина объявлен поход. Не одобряю. Нехорошо. Прошлый год превозносили, а сегодня

хают. Всегда у нас так»²⁰. Возможно, Воронский несколько сгустил краски, тем не менее в официальном отношении к Есенину действительно наметилось серьезное охлаждение, причем это охлаждение, заметно усиливаясь, в конце года разрешилось крепким морозом.

Можно назвать две главные причины этой резкой перемены климата – столь губительной для репутации поэта. Во-первых, реноме Есенина в 1927 г. пострадало от сочувственного отношения к есенинскому творчеству Л.Д. Троцкого. Еще в январе прошлого, 1926 г. на вечере памяти Есенина в Большом театре прозвучала его прочувствованная речь. Текст речи был напечатан во многих газетах: тогда это работало на Есенина, теперь стало работать против. Во-вторых, в активное контрнаступление перешли рапповцы: оправившись от первых потрясений, вызванных резолюцией ЦК, они принялись решительно перетолковывать ее в свою пользу.

Почему речь Троцкого о Есенине столь запоздало бросила тень на имя автора «Черного человека» – понятно. Яростная борьба, которая в 1926–1927 гг. развернулась между Сталиным и Бухариным, с одной стороны, и Троцким – с другой, именно в 1927 г. завершилась сокрушительным поражением последнего²¹.

Хотя в январской речи Троцкий и отдал дань теме «поэт и революция», он все же стремился тогда изложить не коллективную партийную, но свою личную точку зрения на свершившиеся трагические события и есенинское творчество: «Поэт погиб потому, что был несроден революции. Но во имя будущего она навсегда усыновит его <...>. Мыслимо ли бросать укор лиричнейшему поэту, которого мы не сумели сохранить для себя <...>. Он ушел из жизни без крикливой обиды, без позы протеста, не хлопнув дверью, а тихо прикрыв ее рукою, из которой сочилась кровь. В этом жесте поэтический и человеческий образ Есенина вспыхнул незабываемым прощальным светом»²².

Теперь, после падения авторитета Троцкого, его вполне «частной» реплике о Есенине был придан отчетливо политический оттенок. «Говорят нам: крестьянский поэт пе-

реходной эпохи, трагически погибший из-за своей непригодности. Не совсем так, милые друзья! Крестьяне бывают разные. Есенинская поэзия по существу своему есть мужичок, наполовину превратившийся в “ухаря-купца”. Эти бухаринские слова из его «Злых заметок», обращенные прежде всего к Троцкому, показывают, в сколь двусмысленном положении оказался в 1927 г. сам Николай Бухарин как один из авторов и вдохновителей резолюции ЦК 1925 г. Вопреки ее примиряющему пролетарских и крестьянских писателей пафосу и ради дискредитации взглядов Троцкого на современную литературу Бухарин в лице Есенина обрушился на «самые отрицательные черты русской деревни и так называемого “национального характера”: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще»²³.

Необходимо, конечно, учитывать и зазор, который почти всегда возникал у Бухарина между литературной политикой и политикой большой. В качестве любителя и ценителя поэзии он даже и в «Злых заметках» признавал, что «[е]сенинский стих звучит нередко, как серебряный ручей»²⁴. В качестве строителя новой советской литературы он стремился обеспечить смычку различных писательских группировок друг с другом. Но в качестве государственного деятеля он призывал дать по «есенинщине» и Есенину «хорошенький залп»²⁵, дабы «нов<ой> российск<ой> буржуази<и>» не удалось влиять «на пролетариат, в особенности на пролетарскую молодежь»²⁶.

Подлинные причины резкого охлаждения государства к Есенину, более или менее аккуратно спрятанные в «Злых заметках» Бухарина, были старательно обнажены в статьях рапповцев, группировавшихся вокруг журнала «На литературном посту». Тринадцатый номер этого журнала за 1927 г. открылся редакционной заметкой «Два года резолюции ЦК ВКП(б)», в которой ее основные положения были перевернуты с ног на голову с почти оруэлловской демагогической изощренностью и афористичностью: «Процесс сплочения есть одновременно процесс отмежевания.

С кем-то – означает и против кого-то»²⁷. В этом же номере была помещена большая установочная статья Леопольда Авербаха «Литературные дискуссии текущего года», прямо возводящая зловредную пропаганду творчества Есенина идеологами новой российской буржуазии к прошлогодней речи Троцкого: «Почему, например, внутриэмигрантствующие ухватились за Есенина после его смерти? – Поэта за-травили, эпоха убила, – кричали они. Они кликушествовали, довели Есенина до петли, потому что не принимал он и не хотел принимать революции. И, наконец, именно поэтому делали они Есенина своим знаменем, рассматривая его как носителя бунта против сегодняшнего дня <...>. Знамя реакционерам дал т. Троцкий <...>. Свойственный тов. Троцкому и его последователям типа Воронского отказ от классового подхода к литературным явлениям, вся троцкистская оппортунистическая теория в вопросах культуры в статье о Есенине нашли блестящее завершение»²⁸.

Впрочем, уже первый номер журнала «На литературном посту» за 1927 г., специально посвященный обличению упадничества, начинался редакционной заметкой, в которой провозглашалось: «Мы живем в условиях обострения классовой борьбы на целом ряде участков идеологического фронта»²⁹, а далее следовала резко критическая статья А. Ревякина «Есенин и Есенинщина»³⁰.

«Комсомольская правда» также продолжила и еще ужесточила курс, начатый статьями Сосновского на вытеснение Есенина из советской литературы. При этом в расчет совершенно не бралось то обстоятельство, что Сосновский входил в число близких соратников Троцкого и в 1927 г. был временно исключен из партии. Как это часто случалось раньше и будет случаться впоследствии, методы поверженного идеологического противника легко брались на вооружение и использовались даже несмотря на то, что само его имя становилось неудобным для упоминания. «Немало глубокомысленных дьячков от чистого и нечистого искусства считали» год назад «даже намеки на наличие “есенинщины” чуть ли не святотатством, кощунством на светлую память “голубоглазого Сере-

жи”, – 8 апреля 1927 г. иронизировал в «Комсомольской правде» критик Бухарцев. – ...В последнее время зная “есенинщины” взяли в свои руки сменовеховские, враждебные нам спецовские и даже меньшевистские элементы <...>. Это не упадничество, а растущее классовое самознание наших врагов. Для них Есенин не герой и идеолог, потому что он никчем, а средство разложить наши ряды, внести в них панику, неверие»³¹.

Откровенным анахронизмом отзывались в конце 1927 г. благодушные рассуждения о Есенине и «есенинщине» наркома просвещения А.В. Луначарского: «Обыкновенно, когда подходят к Есенину, к его поэзии, прежде всего стараются установить, что он сам хулиган, сам пессимист, сам упадочник. Это до некоторой степени верно, но только до некоторой степени. Это односторонняя и для нас мало выгодная позиция. Мы этим замалчиваем кое-что из того, что нам нужно для борьбы с есенинщиной, ибо, по-моему, одним из самых крупных борцов против есенинщины должен явиться сам Есенин»³².

3

Следующие без малого 30 лет превратились в торжество тех деятелей советского официоза, которые занимали по отношению к Есенину и его литературному наследию вполне «одностороннюю», жестко непримиримую позицию. Эпиграфами к этому длительному периоду могли бы послужить заглавия двух газетных статей, напечатанных в самом начале 1928 г. Отчет И. Рудого о вечере памяти поэта, прошедшем во втором МХАТе, назывался «Есенинщина справляет тризну»³³. Заметка К-на, помещенная в газете военных моряков «Красный Балтийский флот», была озаглавлена «Хулиганские стихи Есенина мы отмели: Отметим и его пьяно-плаксивую лирику»³⁴.

Мрачность ситуации еще более усугубилась, когда Сталин в 1929 г. объявил о конце периода нэпа. Следствием стало усиление борьбы с крестьянством как зажи-

точным и несознательным классом. 15 января 1930 г. была создана комиссия Политбюро ЦК ВКП (б) по выработке мер в отношении кулаков, а 23 января газеты опубликовали постановление ЦК ВКП (б) о мерах борьбы против кулачества. Отныне к бранным кличкам, которыми с избытком награждали Есенина, прибавилась еще одна – «идеолог и певец кулачества»³⁵.

Неудивительно, что Осип Мандельштам, зимой 1929/30 г. работавший над самым антисоветским своим произведением «Четвертая проза», вызываясь включил туда панегирик бесконечно далекому от него при жизни Сергею Есенину: «Есть прекрасный русский стих, который я не устану твердить в московские синие ночи, от которого, как наваждение, рассыпается рогатая нечисть. Угадайте, друзья, этот стих – он полозьями пишет по снегу, он ключом верещит в замке, он морозом стреляет в комнату:

...Не расстреливал несчастных по темницам.

Вот символ веры, вот подлинный канон настоящего писателя, смертельного врага литературы.

В Доме Герцена один молочный вегетарианец, филолог с головенкой китайца – этакий ходя – хао-хао, шанго-шанго, – когда рубят головы, из той породы, что на цыпочках ходят по кровавой советской земле, некий Митька Благой – лицейская сволочь, разрешенная большевиками для пользы науки, – сторожит в специальном музее веревку удавленника Сережи Есенина»³⁶.

Упоминание «*Сережи*» удивляет совсем не характерным для Мандельштама сентиментальным надрывом, который нельзя объяснить ироническим контекстом: «Митьки» влекло за собой не «Сережи», а «Сережки». По-видимому, это был мандельштамовский полемический жест по отношению к тому фрагменту статьи Владимира Маяковского «Как делать стихи?», в котором главный поэт советской эпохи рассказывает, как он работал над зачином стихотворения «Сергею Есенину»: «Начинаю подбирать слова.

Вы ушли, Сережа, в мир в иной...
Вы ушли бесповоротно в мир в иной.
Вы ушли, Есенин, в мир в иной.

Какая из этих строчек лучше?

Все дрянь! Почему?

Первая строка фальшива из-за слова “Сережа”. Я никогда так амикошонски не обращался к Есенину, и это слово недопустимо и сейчас, так как оно поведет за собой массу других фальшивых, не свойственных мне и нашим отношениям словечек: “ты”, “милый”, “брат” и т. д.»³⁷.

После самоубийства самого Маяковского 14 апреля 1930 г. советские ортодоксальные критики вменили себе в задачу противопоставить его добровольный уход из жизни смерти Есенина. «Руки прочь от Маяковского, – требовал в некрологе поэту известный публицист Михаил Кольцов, – прочь руки всех, кто посмеет исказить его облик, эксплуатируя акт самоубийства, проводя тонюсенькие параллели, делая ехидные выводы»³⁸.

И все же было бы непростительным огрублением реальных фактов, да и просто неправдой писать, что стихи Есенина даже в худшее для его посмертной судьбы время были запрещены, как были запрещены стихи Николая Клюева или Осипа Мандельштама. С 1934 по 1953 г., пусть и прореженные, есенинские стихотворения и поэмы трижды (в 1934, в 1940 и в 1953 гг.) выходили отдельными книгами в малой серии «Библиотека поэта».

И в советской печати имя Есенина далеко не всегда попадало в однозначно негативный контекст. Так, Вячеслав Полонский в юбилейном номере «Известий» 7 ноября 1928 г. сначала включил Есенина в список поэтов, которые «развернулись» в эпоху Октября, а затем высказал предположение, что будущий историк литературы, когда он «пожелает написать главу о деревенской поэзии в эпоху революции», «будет писать не о П. Радимове, а о Сергее Есенине и есенинской школе»³⁹.

Амбивалентную характеристику есенинского творчества содержала статья умного марксистского критика

А. Селивановского, опубликованная в качестве предисловия к книге Есенина, вышедшей в 1934 г.: «Как и полагается, наиболее усердными замогильными плакальщиками оказались те, кто довел Есенина до самоубийства. Нэпманы, мещане, представители богемы, кулацкие поэты, юноши, говорившие о “мирах, половой истекая истомою” (слова Есенина), буржуазные интеллигенты, троцкисты – все, на свой лад, признали Есенина своим. Зачеркивался большой поэт-лирик, советский поэт Есенин, и превозносился поэт пьяного неврастенического упадка, поэт всяческих извращений в искусстве и жизни»⁴⁰.

На Первом Всесоюзном съезде советских писателей, состоявшемся в августе того же года, имя Есенина прозвучало в речах и выступлениях семи ораторов. Н. Бухарин в своем установочном докладе напомнил слушателям о том, как «с мужицко-кулацким естеством прошел по полям революции Сергей Есенин, звонкий песенник и гуслир, талантливый лирический поэт»⁴¹. Н. Тихонов констатировал, что Есенин «не смог побороть в себе вчерашнего человека ради человека будущего»⁴². А. Александрович поделился наблюдением, что «<и>менно кулацкими элементами фольклора питал свое творчество Есенин»⁴³. А. Безыменский «лестно» объединил Есенина с Гумилевым: «Я думаю, что не надо распространенно доказывать, что в своей борьбе с нами классовый враг до сих пор использует империалистическую романтику Гумилева и кулацко-богемную часть стихов Есенина»⁴⁴. Демьян Бедный отпустил грубую остроту по поводу оценки своего творчества в докладе Бухарина: «Бухарин взял труп Есенина, положил на меня этот труп и присыпал сверху прахом Маяковского»⁴⁵. Один из представителей чехословацкой делегации сообщил, что «<в> Чехословакии сейчас выходит третья антология из Есенина»⁴⁶. И наконец, Н. Браун сопоставил стихи Есенина с поэзией Блока: «Возьмите лирику Блока и сравните ее хотя бы с лирикой сильного поэта Есенина. Насколько Блок шире, богаче, тоньше, сдержанней и сильнее Есенина»⁴⁷.

После победы СССР в Великой Отечественной войне у многих людей возникло ощущение, что политическая

атмосфера в стране потеплела. Это привело к достаточно решительным попыткам восстановить Есенина в статусе безоговорочно советского поэта. В юбилейной заметке В. Перцова, напечатанной в октябре 1945 г. в «Литературной газете», о Есенине говорилось, казалось бы, с навсегда отмененной «задушевной» интонацией: «Поэзия Есенина, грустная и размашистая, цемьящая и озорная, давно нашла свой уголок в душе нашего современника, закалившейся в суровых невзгодах и бурях века <...>. Есенин был честен в своих порывах к новому. И если Есенин казнился тем, что не дал родине всего, что мог и хотел дать на ее новом пути, то в этом сказывался его искренний советский патриотизм»⁴⁸. Похожие слова, судя по отчету в «Литературной газете», звучали на вечере памяти Есенина, проведенном на исходе 1945 г.: «20 лет назад умер Сергей Есенин, – сказал, открывая вечер, А. Жаров. – Время – самый верный критик. Прошли годы, и оказалось, что лучшие произведения Есенина продолжают жить, не утратив своей свежести». Зал почтил вставанием память поэта»⁴⁹.

Последующее ужесточение внутренней политики СССР на какое-то время скорректировало эти восторженные оценки и проявления: не где-нибудь, а в «Литературной газете» в августе 1948 г. Б. Яковлев мимоходом осудил «многие, глубоко чуждые советским людям стихотворения Сергея Есенина»⁵⁰. Однако ярлык «кулацкий поэт» и опасные некогда похвалы Троцкого все же потеряли свою актуальность. Более того, кампания против космополитизма, затеянная и развернутая Сталиным в последние годы его правления, лишь укрепила позиции защитников Есенина. Процитируем финальный абзац предисловия К. Зелинского к есенинскому сборнику 1953 г.: «С вершины величайших преобразований нашей эпохи, на подступах к коммунизму мы вправе по-новому посмотреть на поэзию Есенина <...>. Сегодняшний читатель останется равнодушным и пройдет мимо чуждой нам есенинской богемной “романтики”. <...> Сегодняшний читатель сумеет почувствовать нежную, красивую душу есенинской поэзии и ощутить органическую связь лучшего у Есенина с национальными

истоками русской жизни и советской культурой»⁵¹. 60-летие Есенина в 1955 г. отмечалось уже как юбилей полноценного советского поэта.

Так начался длительный период благостного официозного есениноведения, суть и дух которого идеально передает, например, цитата из юбилейной речи Сергея Михалкова 1975 г.: «Двадцатый век русской советской поэзии определяют три великих имени – Маяковский, Блок, Есенин <...>. Поэзия Есенина удивительно проникновенно и ярко выражает главное в характере национального гения нашего народа – огромную душевную широту и любовь к родной земле, его активный патриотизм, а, как известно, мир с неослабным вниманием вглядывается в те революционные социальные преобразования, которые русский народ совершает вместе с народами нашего советского отечества»⁵².

¹ О политике партии в области художественной литературы: Резолюция ЦК РКП (б) // Правда. 1925. 1 июля. С. 6.

² Например, в некрологе Бориса Пильняка: «Сергей выполнил свой долг перед Россией, перед русской культурой, перед своей эпохой, перед своим поколением» (*Пильняк Б. О Сергее Есенине* // Журналист. 1926. № 11. С. 49). Высокая концентрация сходных оценок – в трех сборниках памяти Есенина, изданных в Москве и в Ленинграде в 1926 г. (см.: Сергей Александрович Есенин: Воспоминания. М.; Л., 1926; Памяти Есенина: Сборник. М., 1926; Есенин: Жизнь, личность, творчество. М., 1926).

³ *Лелевич Г.* Сергей Есенин: Его творения и путь. Гомель, 1926. С. 44. Ключевая метафора этого пассажа (метафора усыновления) характерным образом позаимствована Лелевичем из речи Л.Д. Троцкого о Есенине (об этой речи мы еще будем иметь возможность поговорить).

⁴ *Киршон В.* Сергей Есенин. Л., 1926. С. 31.

⁵ См. Резолюцию совещания при отделе печати ЦК РКП(б) от 9 мая 1924 г.: «Приемы борьбы с “попутчиками”, практикуемые журналом “На посту”, отталкивают от партии и Советской власти

талантливых писателей» (К вопросу о политике РКП (б) в художественной литературе. М., 1924. С. 108).

⁶ *Ермилов В.* Почему мы не любим федоров жицей // На литературном посту. 1926. № 4. С. 11.

⁷ Там же. С. 11–12.

⁸ *Леонов Л.* Умер Поэт // 30 дней. 1926. № 2. С. 17. Ср. с заглавиями некоторых статей памяти поэта: «Последний поэт деревни» (Коммуна, Калуга. 1925. 31 дек.), «Ржаной поэт» (Амурская правда. Благовещенск. 1926. 3 янв.), «Певец земли и родины» (Театр и кино. Баку. 1926. № 1), «Умер Сергей Есенин, лучший крестьянский поэт» (Волховский труженик. 1926. 6 янв.).

⁹ *Дивильковский А.* На трудном подъеме (о крестьянских писателях) // Новый мир. 1926. № 8/9. С. 219. Все же приведем один из немногочисленных примеров, показывающих, что оглядка на резолюцию и память о Есенине как о крестьянском поэте, могли привести к совершенно иным выводам: «Пропать между жизнью деревни и городской культурой еще велика в нашей стране. Революция призвана уничтожить гибельную разницу, совместными усилиями рабочего класса и революционного крестьянства засыпать эту пропасть, втянуть деревню в культурное строительство. Сергей Есенин – один из жертв этой эпохи [так! – *О. Л.*], созданной преступлениями феодального и крепостнического строя» (*Якубовский Г.* «Поэт великого раскола»: О лирике Сергея Есенина // Октябрь. 1926. № 2. С. 137).

¹⁰ *Сосновский Л.* Пафос сепаратора // Правда. 1926. 13 июля. С. 1. Ср. один из первых откликов на гибель Есенина: «...Было бы совершенно неправильно причислять Есенина вплотную к подлинным крестьянским поэтам <...>. Поэт был... скорее “деклассированный интеллигент”, чем крестьянин. Он и революцию воспринял как-то отвлеченно, космически, не видел накопившегося гнева в недавно еще поработанной народной массе» (*Сокольников М.* Сергей Есенин // Город и деревня. 1926. № 1. С. 63–64), а также очерк *М. Левидова*: «Никак не понять, почему Есенин – крестьянский поэт. А, может быть, это и не так?» (*Левидов М.* Простые истины (о читателе, о писателе). М.; Л., 1927. С. 77).

¹¹ По официальной версии 22 августа 1926 г. в Чубаровом переулке в Ленинграде 40 комсомольцев изнасиловали молодую

женщину. Над ними был устроен показательный процесс, широко освещавшийся в советской прессе. Подробнее см.: Чубаровщина. По материалам судебного процесса. М.; Л., 1927.

¹² *Сосновский Л.* Развенчайте хулиганство // Комсомольская правда. 1926. 19 сент. С. 2.

¹³ Там же. Ср. с действительно весьма оперативным откликом М. Быстрого на самоубийство Есенина: «Трагический исход определило наличие ряда предпосылок, существующих и сейчас в той литературной *богеме*, которая захлестывается бульварщиной и определенными сторонами НЭПа» (*Быстрый М.* Урок богеме // Жизнь искусства. 1926. № 2. С. 5).

¹⁴ *Оксенов И.* О порнографии в советской литературе // Красная газета. 1926. 29 сент. Вечерний выпуск. С. 2.

¹⁵ *Бариль А.* Грусть – упадничество – искренность (в порядке обсуждения) // Комсомольская правда // 1926. 5 дек. С. 3.

¹⁶ *Радек К.* Не термометр виноват // Против упадничества. Против «Есенинщины». М., 1926. С. 36. Ср. следующее суждение Г. Бергмана, автора статьи с вполне вроде бы однозначным заглавием «Есенин – знамя упадочных настроений», опубликованной в том же сборнике, что и выступление Радека: «...Не Есенин близок к обывателю, а “есенинщина”, не настоящий поэт Есенин с его чудесной светлой лирикой, а все упадочное и гнилое в творчестве и личности Есенина» (Там же. С. 6). Ср. также, например, и не слишком умелые вирши Леонида Волгина, где упреки поэту сочетаются с признанием его первенства в современной словесности: «И знали мы, что нужно для других, / И были все у времени – гвардийцы [так! – *О. Л.*] / И ради тех, далеких, но родных, / Не ставили клейма самоубийцы! / Позор велик!.. Позору нет конца!.. / – Пока у жизни слабая опека, / Мы, почитая лучшего певца, / Не в силах чтить его, как человека!!!» (Наше слово: На смерть Сергея Есенина // Октябрь. 1926. № 2. С. 83).

¹⁷ При этом Маяковский, как обычно, яростно нападал на «защитника» Есенина – П. Когана, имя которого даже было введено в текст стихотворения. Ср. разбираемый нами чуть ниже финал стихотворения Маяковского со следующим пассажем из некрологической статьи Когана «Памяти Есенина»: «Нет режима, годного для Есенина. Его муки были бы не меньше повсюду,

где жизнь – система, где нет гармонии между личностью и средой, где в вечной схватке находятся между собою требования общест-венности и дух, рвущийся к выявлению всех своих творче-ских сил» (*Коган П.* Памяти Есенина // Печать и революция. 1926. Кн. 2. С. 42).

¹⁸ *Маяковский В.* Как делать стихи? // Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М., 1959. С. 95.

¹⁹ *М. О.* Есенин и есенинщина: (Диспут в театре Мейер-хольда) // Известия. 1926. 22 дек. С. 5.

²⁰ Архив А.М. Горького. Т. 10: Горький и советская печать. Кн. 2. М., 1965. С. 46.

²¹ Подробнее об этом см.: Разгром левой оппозиции в СССР: Письма ссыльных большевиков (1928) / Публ. Ю. Фельштинского // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 7. М., 1992. С. 250–255.

²² *Троцкий Л.* Памяти Сергея Есенина // Правда. 1926. 19 янв. С. 3.

²³ *Бухарин Н.* Злые заметки // О писательской этике, лите-ратурном хулиганстве и богеме. Л., 1927. С. 8.

²⁴ Там же. С. 7.

²⁵ Там же. С. 9.

²⁶ Там же. С. 11.

²⁷ Два года резолюции ЦК ВКП (б) // На литературном посту. 1927. № 13. С. 2.

²⁸ *Авербах Л.* Литературные дискуссии текущего года // Там же. С. 10, 12.

²⁹ <От редакции> // Там же. № 1. С. 1.

³⁰ Ревякин еще в 1926 г. выпустил отдельную брошюру о Есенине, содержащую крайне отрицательную оценку его твор-чества и роли в истории советской литературы: «Все ушибленное жизнью и революцией, малокровное, изживающее себя, угасаю-щее в предсмертных судорогах находит в нем свои настроения, своего поэта» (*Ревякин А.* Чей поэт Сергей Есенин? (беглые за-метки). М., 1926. С. 39). Чуть выше в этой брошюре: «...Револю-ция не может усыновить Есенина. Революция усыновляет только тех, кто отдается ей до дна, без остатка, кто звучит настроениями ее сегодня или ее будущего» (Там же. С. 37). Ср. с итоговым суж-дением из книжки о Есенине 1927 г., куда более просвещенного,

чем Ревякин, В. Друзина: «...Последний символист, Есенин, довольно скоро утратит свою популярность, хотя творчество его останется навсегда свидетельством психического склада людей отмершей культуры» (*Друзин В.* Сергей Есенин. Л., 1927. С. 44).

³¹ *Бухарцев Д.* Где «Хавронья». Под знаменем Есенина // Комсомольская правда. 1927. 8 апр. С. 2.

³² Упадочные настроения среди молодежи: Есенинщина. М., 1927. С. 31.

³³ См.: Молодой Ленинец. 1928. 4 янв.

³⁴ Красный Балтийский флот. 1928. 28 янв.

³⁵ Ср. заметку Б. П. «Неудачный вечер. – Не увлекайтесь Есениным», опубликованную в «Комсомольской правде» в 1928 г.: «Не спорим, что такие взгляды, может быть, только дань мимолетному увлечению Есениным. Но посылать в деревню будущих педагогов с такими настроениями, – перспектива не из приятных» (Комсомольская правда. 1928. 15 февр. С. 4). Заметим, однако, что в заметке речь идет о Есенине как о представителе богемы, но не как о певце кулачества.

³⁶ *Мандельштам О.* Четвертая проза // Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1993. С. 173. Дмитрий Дмитриевич Благой был первым директором Литературного музея при Всероссийском союзе писателей, открытом на втором этаже писательского Дома Герцена в Москве. В этом музее действительно экспонировалась веревка, на которой повесился Есенин. Ср. процитированный фрагмент «Четвертой прозы» с мемуарами А.А. Ахматовой о Мандельштаме: «...Когда я что-то неодобрительное говорила о Есенине – возражал, что может простить Есенину все что угодно за строку: – “Не расстреливал несчастных по темницам”» (*Ахматова А.* Листки из дневника // Ахматова А. Requiem. М., 1989. С. 135).

³⁷ *Маяковский В.* Указ. соч. С. 103.

³⁸ *Кольцов М.* Что случилось // Литературная газета. Комсомольская правда. Экстренный выпуск. 1930. 17 апр. С. 1. Вместе с тем канонизация Маяковского позволила доброжелательно упоминать имя Есенина хотя бы в связи со стихотворением Маяковского «Сергею Есенину». Ср., например, статью Н. Асеева о Маяковском (1936), где Есенин назван «талантлив<ым> по-

эт<ом>» (Асеев Н. Друзья подлинные и мнимые // Литературная газета. 1936. 12 янв. С. 2).

³⁹ Полонский В. Октябрь в художественной литературе // Известия. 1928. 7 нояб. С. 4.

⁴⁰ Селивановский А. Сергей Есенин // Есенин С. Стихотворения. М., 1934 (Малая серия «Библиотеки поэта»). С. 13. Ср. также юбилейную статью Селивановского о Есенине в 1935 г.: «Мы с горечью вспоминаем про смерть этого крупного поэта, который метался между социализмом и капитализмом, который долго шел на поводу за нашими врагами, но который в последние свои годы рванулся к нам, к живым людям – прочь из объятий смрада и глена» (Селивановский А. Через десять лет // Литературная газета. 1935. 24 дек. С. 3).

⁴¹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934: Стенографический отчет. [Репринтное издание]. М., 1990. С. 488. В своем заключительном слове на съезде под давлением оппонентов Бухарин ужесточил эту характеристику: «Разве не сказано ничего о Есенине как идеологе кулачества?» (Там же. С. 574).

⁴² Там же. С. 505.

⁴³ Там же. С. 519.

⁴⁴ Там же. С. 550. Впрочем, это место речи Безыменского менее враждебно по отношению к Есенину, чем может показаться: надо понимать, что, кроме «кулацко-богемной», творчество Есенина состоит и из других «частей», по-видимому, идеологически вполне приемлемых.

⁴⁵ Там же. С. 557.

⁴⁶ Там же. С. 571.

⁴⁷ Там же. С. 648.

⁴⁸ Перцов В. Сергей Есенин // Литературная газета. 1945. 20 окт. С. 3.

⁴⁹ Вечер памяти Сергея Есенина // Литературная газета. 1946. 1 янв. С. 3. Ср. в стихотворении Жарова «На гроб Есенина» 1926 г.: «Мы прощали и дебош, и пьянство, / Сердца звон в стихах твоих любя, / Но такого злого хулиганства / Мы не ждали даже от тебя» (Есенин: Жизнь. Личность. Творчество. М., 1926. С. 23).

⁵⁰ Яковлев Б. По старому рецепту // Литературная газета. 1948. 21 авг. С. 3.

⁵¹ *Зелинский К.* Сергей Есенин // Есенин С. Стихотворения. Л., 1953 (Малая серия «Библиотеки поэта»). С. 52.

⁵² *Михалков С.* Певец России // Михалков С. Приметы времени: Статьи по проблемам современной литературной жизни. М., 1976. С. 161, 162.

Работы Кирилла Федоровича Тарановского и его последователей, посвященные выявлению подтекстов в стихах Мандельштама и Ахматовой, произвели настоящую революцию в той области филологии, которая занимается творчеством поэтов Серебряного века. Выяснилось, что темные места у акмеистов очень часто проясняются при сопоставлении с текстами и фрагментами текстов других авторов. Но когда была предпринята естественная попытка тотального применения подтекстного метода для анализа произведений стихотворцев и прозаиков XX столетия, результаты оказались далеко не столь впечатляющими. В частности, обнаружение многообразных и убедительных подтекстов у Бориса Пастернака, как правило, не играет решающей роли для прояснения темных мест в его стихах и прозе, хотя и позволяет уловить их важные смысловые оттенки. В случае Пастернака разъясняющая функция, которую у акмеистов берут на себя подтексты, часто принадлежит биографическому или историческому факту, положенному в основу тех или иных строк того или иного эпизода. Три примера, иллюстрирующие этот тезис, и будут

Впервые опубликовано: Новый мир. 2010. № 6. С. 155–162.
Работа написана в соавторстве с А. Сергеевой-Клятис.

приведены в данной статье, в дополнение к комментаторским наблюдениям Евгения и Елены Пастернак, Лазаря Флейшмана, Константина Поливанова, а также других исследователей.

Начнем с прозы и внимательно приглядимся к финалу седьмой главки третьей части «Охранной грамоты» (1930), который, насколько нам известно, никогда подробно не комментировался. В нем описывается событие, памятное многим современникам Пастернака, однако большинством читателей начала XXI столетия эта естественная память утрачена: «Как-то в августе в полдень ножи и тарелки на террасе позеленели, на цветник пали сумерки, притихли птицы. Небо, как шапку-невидимку, стало сдирать с себя светлую сетчатую ночь, обманно на него наброшенную. Вымерший парк зловеще закосился ввысь, на унижительную загадку, превращавшую во что-то заштатное землю, громкую славу которой он так горделиво пил всеми корнями. На дорожку выкатился еж. На ней египетским иероглифом, как сложенная узлом веревка, валялась дохлая гадюка. Он шевельнул ее и вдруг бросил и замер. И снова сломал и осыпал сухую охапку игл и высунул и спрятал свиную морду. Все время, что длилось затмение, то сапожком, то шишкой сбирался клубок колючей подозрительности, пока предвестье возрождающейся несомненности не погнало его назад в нору».

Внимательно вчитавшись в этот текст, обязательно обратим внимание на слово «затмение», которое и содержит ключ ко всему процитированному фрагменту. 21 августа (по старому стилю – 8 августа) 1914 г. произошло полное солнечное затмение, которое особенно хорошо наблюдалось в средних широтах Северного полушария. Полоса затмения рассекла надвое Скандинавский полуостров, прошла через Ригу, Минск, Киев, восточную часть Крыма. Затмение также наблюдалось в Москве и ее окрестностях. Николай II записал в своем дневнике 8 августа 1914 г.: «В 12 $\frac{1}{2}$ ч. покинули Москву и поехали в Троице-Сергиевскую лавру. На пути было затмение солнца». В Тульской губернии, где находился в это время Пастернак, затме-

ние началось около 14 ч и продолжалось примерно два часа. Полная фаза составляла 2 мин 14 с. Лето 1914 г. Пастернак проводил в Петровском на Оке на даче Юргиса Балтрушайтиса, куда был приглашен в качестве домашнего учителя его сына Жоржа. Знание этих фактов не оставляет ничего энигматического в процитированном отрывке: ножи и тарелки позеленели из-за наступивших среди дня сумерек. Взгляд автора естественно движется сверху вниз – от потухающего солнечного диска и неба, сдирающего с себя «шапку-невидимку», к верхушкам деревьев, от которых ложатся косые тени («парк зловеще закосился ввысь»), затем к их корням и парковым дорожкам, где разыгрывается сценка с ежом и гадюкой. Интересно, что в газетах того времени вопрос о поведении животных в момент затмения был одним из самых существенных: «Если будут наблюдаться какие-нибудь особенные явления в природе в это время, покорнейше просят сообщить в обсерваторию (как будут вести себя животные?)» (Курская Быль. 1914. № 175. 2 авг.).

По почти всеобщему ретроспективному мнению, солнечное затмение явилось предвестником грядущих бедствий, связанных с Первой мировой войной. Накануне затмения, 20 (7) августа 1914 г., русские войска вступили в Пруссию, что повлекло за собой разрастание локального конфликта между Австро-Венгрией и Сербией. Впоследствии возникло убеждение, что августовское затмение 1914 г. прошло ровно по местам будущих военных действий Первой мировой войны, мистически очертив ее территорию. О затмении как предвестнике катастрофы Пастернак и пишет в «Охранной грамоте».

Этот мотив подчеркнут упоминанием египетского иероглифа, в форме которого валялась на дорожке парка дохлая гадюка. Затмение связывается в сознании автора с Египтом и, вероятно, с десятью египетскими казнями, которые по мере нарастания вины фараона в геометрической прогрессии предвосхищают грядущую катастрофу. Девятая казнь описывается в Библии следующим образом: «И сказал Господь Моисею: прости руку твою к небу, и будет

тьма на земле Египетской, осязаемая тьма. Моисей простер руку свою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня; не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня» (Исх. 10: 21–23). Эта отсылка к библейскому подтексту, впервые отмеченная Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, придает дополнительный оттенок посвященному затмению фрагменту, однако смысл его полностью проясняется лишь благодаря реально-историческому комментарию.

Теперь обратимся к пастернаковской поэзии и первым делом попробуем прояснить две загадочные строки из ранней редакции большого и полного темнот поэтического текста Пастернака «Высокая болезнь», впервые опубликованного в 4-м номере «ЛЕФа» за 1924 г.:

Поздней на те березки, зорьки
Взглянул прямолинейно Горький.

Что за «березки» и «зорьки» имел в виду поэт? В каком конкретно произведении или произведениях Максима Горького он отыскал «прямолинейный взгляд» на эти самые «березки, зорьки»? Как «прямолинейный взгляд» Горького соотносится со взглядами самого Пастернака образца 1924 г.?

Легче всего ответить на первый из поставленных вопросов: на какие такие «березки, зорьки», согласно Пастернаку, «взглянул прямолинейно Горький». Из контекста «Высокой болезни» вполне ясно, что речь идет о русской природе, как о метонимии русской деревни, в свою очередь, выступающей в роли метонимии русского крестьянства, участвовавшего в Октябрьской революции 1917 г. и в Гражданской войне.

Этот мотив впервые звучит в самом начале «Высокой болезни»:

Уместно ли песню звать сущий содом,
Усвоенный с трудом
Землей, бросавшейся от книг
На пики и на штык.

«Земля» здесь – еще одна метонимия темного крестьянства, едва и, скорее всего, со слуха усвоившего азбуку марксизма и революционные песни типа «Интернационала» и не нуждающегося в иных книгах и стихах (читай, в Культуре).

Далее крестьянские голоса звучат в строках, непосредственно предшествующих интересующему нас сейчас микрофрагменту о Горьком:

Где слышалось: вчерась, ночесь,
И в керенку ценилась честь...

Сразу после этого фрагмента следует знаменитая строфа об интеллигенте и «темной силе» – все том же крестьянстве:

А сзади в зареве легенд
Идиот, герой, интеллигент
В огне декретов и реклам
Горел во славу темной силы,
Что потихоньку по углам
Его, зазнавшись, поносила
За подвиг, если не за то,
Что дважды два не сразу сто.

Тема крестьянства продолжена в следующей строфе:

Над драмой реял красный флаг.
Он выступал во всех ролях
Как друг и недруг деревенек,
Как их слуга и их изменник.

«Я был у Вас однажды в институте, – в ноябре 1923 г. писал Пастернак Петру Когану, – и вынес самое тяжелое впечатление именно от той крестьянской аудитории, которая постепенно вытесняет интеллигентский элемент и ради которой все творится. Я завидую тем, кто не чувствует ее, мне же ее насмешливое двуличие далось сразу и дай Бог

мне ошибиться». Приведем еще одну выразительную цитату, на этот раз из «Доктора Живаго»: «В эти первые дни люди, как солдат Памфил Палых, без всякой агитации, лютой озверелой ненавистью ненавидевшие интеллигентов, бар и офицерство, казались редкими находками восторженным левым интеллигентам и были в страшной цене. Их бесчеловечность представлялась чудом классовой сознательности, их варварство – образцом пролетарской твердости и революционного инстинкта».

Теперь попробуем ответить на второй из поставленных вопросов: к какому конкретно тексту Горького Пастернак апеллирует в своем произведении?

В первой части «Высокой болезни» описывается революционная советская Россия конца 1910-х годов; Горький взглянул на нее позднее, а опубликовано пастернаковское произведение было в 1924 г. Следовательно, горьковский текст мы должны искать во временном промежутке, приблизительно между 1920 и 1924 гг. И такой текст отыскивается – это скандально прозвучавшая статья «О русском крестьянстве», напечатанная в 1922 г. в берлинском издательстве И.П. Ладыжникова. Пастернак в это время, напомним, жил в Берлине.

«Где же – наконец – тот добродушный, вдумчивый русский крестьянин, неутомимый искатель правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX века?» Таким вопросом задается Горький в своей статье. И сам же на него подробно отвечает: «В юности моей я усиленно искал такого человека по деревням России и – не нашел его. Я встретил там сурового реалиста и хитреца, который, когда это выгодно ему, прекрасно умеет показать себя простаком <...>. Люди – особенно люди города – очень мешают ему жить, он считает их лишними на земле, буквально удобренной потом и кровью его <...>. Беседуя с верующими крестьянами, присматриваясь к жизни различных сект, я видел прежде всего органическое, слепое недоверие к поискам мысли, к ее работе, наблюдал умонастроение, которое следует называть скептицизмом невежества <...>. Всегда выигрывая на

обмане, крестьяне – в большинстве – старались и умели придать обману унижительный характер милостыни, которую они нехотя дают барину, “прожившемуся на революции” <...>. Интеллигент почти неизбежно подвергался моральному истязанию. Например: установив после долгого спора точные условия обмена, мужик или баба равнодушно говорили человеку, у которого дома дети в цинге: – Нет, иди с Богом. Раздумали мы, не дадим картофеля... Когда человек говорил, что слишком долго приходится ждать, он получал в ответ злопамятные слова: – Мы, бывало, ваших милостей еще больше ждали <...>. Один инженер, возмущенный отношением крестьян к группе городских жителей, которые приплелись в деревню под осенним дождем и долго не могли найти места, где бы обсушиться и отдохнуть, – инженер, работавший в этой деревне на торфу, сказал крестьянам речь о заслугах интеллигенции в истории политического освобождения народа. Он получил из уст русоволосого, голубоглазого славянина сухой ответ: – Читали мы, что действительно ваши довольно пострадали за политику, только ведь это вами же и писано. И вы по своей воле на революцию шли, а не по найму от нас, – значит, мы за горе ваше не отвечаем – за все Бог с вами рассчитается...

<...> вся русская интеллигенция, мужественно пытавшаяся поднять на ноги тяжелый русский народ, лениво, нерадиво и бесталанно лежавший на своей земле, – вся интеллигенция является жертвой истории прозябания народа, который ухитрился жить изумительно нищенски на земле, сказочно богатой. Русский крестьянин, здравый смысл которого ныне пробужден революцией, мог бы сказать о своей интеллигенции: глупа, как солнце, работает так же бескорыстно».

Переключки, часто текстуальные, между горьковской статьей и пастернаковской «Высокой болезнью» сами по себе кажутся нам очевидными и не нуждающимися в дополнительном обосновании. Интереснее обратить внимание на то, что IX съезд Советов, который посетил Пастернак, а затем описал во второй части «Высокой болезни», стал просто триумфом революционного крестьянства, ни

разу с такой силой не повторявшимся. Прочитируем здесь заметку «Черноземная сила» (сравните с «темной силой» в «Высокой болезни»), помещенную в московских «Известиях» 27 декабря 1921 г. и с восторгом пересказывавшую речь на съезде беспартийного крестьянина Головкина: «Крестьянство – это основа. Вот как в этом театре стены – это крестьянин; крыша – рабочий, а окна, двери – это “антиллитгенция”. Покопайте стены, и рухнет всё здание – сломается крыша и лопнут окна и двери. Погибнет крестьянин, – всё погибнет». Мы, разумеется, не беремся утверждать, что эта заметка непременно входила в круг чтения Пастернака, но убеждены, что она отражает общее настроение, характерное для IX съезда Советов.

Понятно, почему Пастернак назвал взгляд Горького на русское крестьянство «прямолинейным»: «великий пролетарский писатель» жил за границей и мог откровенно высказывать мнение о творящихся в России событиях, а Пастернак к моменту написания первой редакции «Высокой болезни» – уже нет. Понятно также, почему из позднейшей редакции, датируемой 1929 г., строки о Горьком были вымараны: к этому времени автор статьи «О русском крестьянстве» свои взгляды существенно пересмотрел. Как раз в 1929 г. он опубликовал в советском журнале «Наши достижения» цикл очерков «По Союзу Советов», в котором рабочие и крестьяне не противопоставлены друг другу и интеллигенции, а объединены в слащавой формуле «власть рабочих и крестьян»: «...дети рабочих и крестьян Советских Социалистических Республик сознательно и смело идут... впереди отцов <...>. Крестьянин – он прежде всего практик, он хорошо видит выгоду коллективного труда» и т. д., и т. п.

Возвращаясь ненадолго к первой редакции «Высокой болезни», позволим себе предположить, что Горький в соответствии с общей «ребусной» поэтикой этого текста (напомним первую его строку: «Мелькает движущийся ребус») появляется в произведении не единожды и не обязательно названный прямо. Во-первых, указание не только на легендарное место отречения последнего русского импе-

ратора от престола, но и на заглавие самой известной горьковской пьесы, возможно, содержится в заключительных строках первой редакции:

Сужался круг, редели сосны,
Два солнца встретились в окне,
Одно всходило из-за Тосно,
Другое заходило в Дне.

(Тут нам видится и переключка с песней, которую поют ночлежники в пьесе «На дне»: «Солнце всходит и заходит, / А в тюрьме моей темно».) Во-вторых, как кажется, не только о пулемете идет речь в следующих строках первой редакции «Высокой болезни»:

В край мукосеев шел максим,
Метелью мелкою косим.

Во всяком случае, достаточно экзотическое слово «мукосеи» в значении «крестьяне» фигурирует в рассказе Горького «Как я учился» (1918), так что «максим» из процитированных строк это может быть и человек, и пулемет или, если угодно, человек-пулемет.

Третий отрывок для комментария мы выбрали из второй редакции «Высокой болезни»:

Уже мне не прописан фарс
В лекарства ото всех мытарств.
Уж я не помню основанья
Для гладкого голосованья.
Уже я позабыл о дне,
Когда на океанском дне
В зияющей японской брешу
Сумела различить депеша
(Какой ученый водолаз)
Класс спрутов и рабочий класс.
А огнедышащие горы,
Казалось, – вне ее разбора.

Но было много дел тупей
Классификации Помпей.
Я долго помнил назубок
Кощунственную телеграмму:
Мы посылали жертвам драмы
В смягченье треска Фузиямы
Агитпрофсожеский лубок.

Начинается отрывок с воспоминаний о все том же IX съезде Советов с его многочисленными единогласными и потому «фарсовыми» голосованиями, ставшими типовыми для советских собраний любого рода («Уж я не помню основанья / Для гладкого голосованья»). Сравните, например, в отчете о съезде, опубликованном в «Известиях»: «Съезд, единогласно подтвердив твердую волю трудящихся масс Советской России и всех входящих в Советскую Федерацию республик к сохранению мира, столь же единогласно подчеркнул свою не менее твердую решимость изыскать все необходимые средства к созданию мощной и бодрой духом боеспособной армии». Вслед за этим автор мысленно переносится в 1923 г. и вспоминает о единодушной (единогласной) реакции советского официоза на так называемое «великое землетрясение» в Канто, которое началось 3 сентября 1923 г. (8,3 бала по шкале Рихтера) и унесло жизни более 143 000 человек. Город Иокагама был полностью стерт с лица Земли. Сильнейшие разрушения коснулись также крупных городов: Токио, Нагоя, Хамамацу. Под «классом спрутов» Пастернак в комментируемом отрывке, издевательски имитируя газетный жаргон, подразумевает японский «правлящий класс», увиденный бездушными глазами советского пропагандиста («ученого водолаза»). Сравните с идиомой «акулы капитализма», а также, например, со строками из стихотворения Демьяна Бедного «Братское дело» (1921): «Раскинув щупальцы, как *спруты-исполины*, / Злом дышат Лондоны, Парижи и Берлины».

Выражение «агитпрофсожеский лубок», употребленное автором в поэме, объяснения в комментариях к «Высо-

кой болезни», а также в работах об этом произведении не нашло. Между тем оно достаточно легко расшифровывается. Прилагательное «агитпрофсоюзский» образовано от сокращения «Агитпрофсоюз» – агитационный комитет профсоюза рабочих железнодорожного транспорта. Следовательно, «кощунственную телеграмму», о которой Пастернак упоминает в поэме, нужно искать в прессе, предназначенной для железнодорожников. Она и находится в номере газеты Центрального комитета союза рабочих железнодорожного транспорта «Гудок» от 5 сентября 1923 г. Телеграмма была отправлена в Японию от лица участников 1-й сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки СССР, так что, определяя ее как «лубок», Пастернак был вполне точен. Очевидно, текст телеграммы попался на глаза поэту, поразил вопиющей – лозунговой – бесчеловечностью и надолго запомнился:

«Мужайтесь, мы – с вами!

Вчера на площади у главного входа выставки состоялся митинг под лозунгом: “Смычка деревни с городом”.

После горячего призыва, с которым обратился к присутствующим председатель митинга Лебедев... о помощи пострадавшему от стихийного бедствия пролетариату многотысячное собрание единогласно вынесло резолюцию:

“Мы, экскурсанты 1-й сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки СССР, собравшиеся на праздник смычки города и деревни, узнав о постигшем японский пролетариат и трудовые массы бедствии, *шлем всему японскому пролетариату и трудящимся Японии от лица многомиллионного крестьянства, рабочих, Красной армии и представителей автономных и союзных с нами республик свое братское соболезнование.*

Мы верим, что рана, нанесенная вам стихией, будет скоро ликвидирована товарищеской помощью со стороны трудящихся СССР. Мы сами всего год как претерпели тяжчайшие бедствия голода, а сегодня мы уже на празднике нашего сельского хозяйства. Раны организма легче изживаются при рабоче-крестьянской власти. Примите наше со-

чувствие и верьте – мы придем к вам, братья, на помощь бескорыстно, по-товарищески, как может только Советская Россия. *Разъехавшись по своим деревням и городам, мы всюду кликнем клич о братской помощи вам.* Мужайтесь – мы с вами.

Да здравствует Советская власть во всем мире!

Да здравствует международная солидарность рабочих и крестьян!”

Резолюцию постановлено передать в Японию по телеграфу».

Как видим, приведенная резолюция «кощунственно» отделяет японский рабочий класс от остальных жертв землетрясения, что не могло глубоко не возмутить поэта. Еще более отчетливо об этом было сказано в ранней редакции поэмы: «А я пред тем готов был клясться, / Что Геркуланум факт вне класса».

Таким образом, реальный комментарий к процитированному фрагменту «Высокой болезни» о японском землетрясении позволяет не просто восстановить общую историческую канву событий, но и объясняет конкретные образы, в выборе которых Пастернак был, как правило, почти фотографически точен. «Кощунственная телеграмма», определенная им как «агитпрофсоюзский лубок», – отнюдь не расплывчатое обобщение, относящееся к советской лозунговой прессе этого времени, а подлинный и чудовищный в своей подлинности человеческий документ.

Следующий и последний пример мы выбрали из поздней лирики Пастернака, стремясь охватить все главные составляющие его творчества – от юношеской усложненности до «неслыханной простоты».

Стихотворение «Вакханалия» (1957), о котором пойдет речь далее, начинается со следующего образа:

Город. Зимнее небо.
Тьма. Пролеты ворот.
У Бориса и Глеба
Свет, и служба идет.

Мы видим, что церковь Бориса и Глеба в этой строфе описана не просто как архитектурный объект, но как действующий храм. Комментируя пастернаковские строки, Е.В. и Е.Б. Пастернаки совершенно справедливо отмечают: «Церковь Бориса и Глеба находилась на площади Арбатских ворот в конце Никитского бульвара, недалеко от Пятой Московской гимназии, где учился Пастернак». К этому, однако, обязательно нужно прибавить, что церковь Бориса и Глеба стояла на этом месте не в 1957 г., когда разворачивается действие «Вакханалии», а гораздо раньше. Действительно, недалеко от Пятой гимназии по официальному адресу ул. Воздвиженка, д. 15 располагалась старинная московская церковь святых Бориса и Глеба на Рву. Первое упоминание об этом храме встречается в Софийском временнике за 1493 г. При Екатерине II церковь была полностью перестроена одним из лучших архитекторов того времени Карлом Бланком. Здесь хранилась древняя почитаемая москвичами икона Бориса и Глеба. Здание церкви было самым заметным на площади и наилучшим образом организовывало окружающее пространство.

Принципиально важный для интерпретации стихотворения «Вакханалия» исторический факт состоит в том, что церковь Бориса и Глеба снесли в 1931 г. Москововед С.К. Романюк рассказывает об этом так: «Еще до принятия документа, направленного на тотальное разрушение Москвы, – так называемого генерального плана 1935 г. – арбатская площадь подверглась перестройке: уютная, зеленая, красивая, она начала уничтожаться. Искажение ее облика началось со сноса церкви Бориса и Глеба...» Зная о том, что церковь Бориса и Глеба была разрушена за четверть века до создания пастернаковского стихотворения, читатель безошибочно воспримет пространственные отношения, выстроенные в тексте, как иллюзорные и легко заменит их временными. Вьюга смешивает в единое целое не только материальные объекты, находящиеся на улицах города, но и разные времена. Буран совсем по-блоковски предстает метафорой исторических бурь, через которые проходит современность в самом широком понимании этого слова.

Не случайно автор соединяет признаки разных эпох, и рядом с несуществующей уже церковью Бориса и Глеба вырастают вполне реальные «экскаваторы, краны, новостройки, дома», «метки шин на снегу», «тучи мачт и антенн». Однако среди этих повседневных деталей современной Москвы упомянута также тюрьма, образ которой воскресает в другой – «шотландской» – части текста, посвященной Марии Стюарт, – «и тюремные своды не сломили ее». Пространственная деталь стягивает разновременность происходящего в одну точку. Если выстроить не синхронную, а диахронную модель текста, то более очевидной становится его главная мысль о взаимоналожении времен, которая отчетливо воплощается во второй и третьей частях стихотворения, повествующих о мхатовском спектакле «Мария Стюарт»:

Все идут вереницей,
Как сквозь строй алебард,
Торопясь протесниться
На «Марию Стюарт».

Героиня пьесы живет одновременно в двух реальностях – сейчас на театральной сцене и в XVI в. (сравните со сходной ситуацией в знаменитом пастернаковском «Гамлете»); актриса, гениально играющая на сцене свою роль, воспринимается автором как историческое лицо – настоящая Мария:

За дверьми еще драка,
А уж среди темноты
Вырастают из мрака
Декораций холсты.
Словно выбежав с танцев
И покинув их круг,
Королева шотландцев
Появляется вдруг...

Органическая связь между прошлым и настоящим, делающая их элементами одной большой мозаики мирозда-

ния, обнажается в разных фрагментах текста. Смысловую параллель между московской и театральной частями стихотворения находим в следующих строках о Марии Стюарт:

В юбке пепельно-сизой
Села с краю за стол.
Рампа яркая снизу
Льет ей свет на подол.

Сравните со стихами, посвященными церкви Бориса и Глеба, где описательная часть также связана с одеждой находящихся в церкви людей и ризами на иконах, которые тоже подсвечены снизу:

Лбы молящихся, ризы
И старух шушуны
Свечек пламенем снизу
Слабо озарены.

Мотивы неминуемой гибели, приговоренности, смерти почти как театрального зрелища и одновременно бессмертия и посмертной славы относятся и к образу Марии Стюарт, и к церкви Бориса и Глеба, которая как град Китеж просвечивает сквозь городскую застройку десятилетия спустя после ее сноса.

Выход на улицу после спектакля вовсе не означает возвращение в реальность современности, потому что эта реальность столь же многослойна, как и театральное действие. Покидающие зрительный зал люди попадают снова в метель и оказываются возле церковного придела, в котором по-прежнему «свет и служба идет».

Составляющее главную тему «Вакханалии» смещение времен, начинающееся в заснеженной Москве и заканчивающееся на подмостках театра, заявлено уже в первых строках стихотворения Пастернака, правильное истолкование которых дает читателю ключ к пониманию всего текста.

Анна Ахматова
в мемуарах Ирины Одоевцевой

Самый точный эпитет, который можно приложить к репутации знаменитой мемуарной книги Ирины Одоевцевой «На берегах Невы», – двусмысленная. С одной стороны, нет, кажется, ни одного серьезного биографического исследования о Гумилеве, Ахматовой, Георгии Иванове, Мандельштаме или об истории петроградского Дома искусств, где бы эта книга не цитировалась. С другой стороны, цитаты в обязательном порядке сопровождаются примечаниями типа «Если верить Одоевцевой...», «Нужно предупредить, что далеко не всему в этих воспоминаниях следует доверять...», «В лживых мемуарах Одоевцевой...» и прочими в том же духе.

Очевидно, что единственный надежный способ определить степень достоверности сведений, сообщаемых в книге «На берегах Невы», – это составление возможно более подробного аналитического комментария к ней с привлечением всех имеющих отношение к делу свидетельств современников, газетных и журнальных статей 1910 – начала

Впервые опубликовано: Озерная школа: Труды пятой Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2009. С. 59-67.

1920-х годов, дневниковых записей, писем и других документов эпохи. Отдаленным подступом к такому комментарию правомерно будет считать нижеследующую заметку, в которой мы попробуем проанализировать финальные страницы книги Одоевцевой, посвященные созданию образа Анны Андреевны Ахматовой.

Именно Ахматовой, хотя и не только ей¹, воспоминания Одоевцевой обязаны своей дурной славой. По-видимому, у Ахматовой была возможность по эмигрантским изданиям прочитать некоторые мемуарные очерки, позднее составившие основу книги «На берегах Невы», в частности те фрагменты, где со слов Гумилева рассказывалось о его непростых отношениях с Анной Горенко в период их брака. Парижская «Русская мысль» напечатала эти фрагменты воспоминаний в номерах от 5, 12, 19 и 26 сентября 1964 г. Резонно предположить, что кто-то ознакомил поэтессу с их содержанием во время ее поездки в Италию в декабре того же года. С тех пор Ахматова не раз очень резко и темпераментно высказывалась о младшей современнице в беседах с друзьями, а затем ее высказывания, обладавшие силой окончательного и не подлежавшего обжалованию приговора, доводились до более широкого круга читателей и читателей русской поэзии начала XX в. «Возможно, — отмечает Р.Д. Тименчик, — какой-то конспект одного из повторяющихся ахматовских монологов дошел до некоторых русских парижан. 13 февраля 1965 г. Глеб Струве спрашивал у Р. Гринберга: “Слыхали ли Вы о том, что в Париже по рукам ходит письменный протест А<нны> А<ндреевны> А<хматовой> против воспоминаний Одоевцевой о Гумилеве и его отношениях с нею, А<хматовой>? До меня этот слух дошел не из Парижа, а оттуда мне никто об этом не писал”»².

Одоевцева хорошо знала Гумилева, «но потом почему-то взбесилась и возвела на него напраслину. И знала то она его всего один год». Так старшая поэтесса судила младшую в разговоре с Л.К. Чуковской³. «Бывают... воспоминания бредовые, вроде как у мегаломанки Одоевцевой». Так под влиянием разговоров с Ахматовой говорил о книге

«На берегах Невы» В.С. Муравьев⁴. Еще более яростные суждения об Одоевцевой и ее роли в посмертной судьбе Гумилева находим в ахматовских записных книжках: «Примерно половина этой достойной шайки (Струве...) честно не представляют себе, чем был Г<умиле>в, другие, вроде Веры Невед<омской>, говоря о Гумилеве, принимают какой-то идиотский покровительств<енный> тон, третьи сознательно и ловко передергивают (Г. Ив<анов>). Ярость И. Одоевцевой уже совсем непонятна»⁵. Или: «Ни Одоевцева, ни Оцуп Петербурга и не нюхали. Они появились в <19>19 г., когда все превратилось в свою противоположность и, во-первых, все уехали. Если Од<оевцева> и Оц<уп> дожили до начала нэп'а – это не меняет дела. Нэп был дьявольской карикатурой на 10-е годы»⁶. Приведем также разнообразные вариации полюбившегося Ахматовой суждения, направленного против мемуаров Одоевцевой, В. Неведомской и А. Гумилевой: «Г<умиле>ва нам описывают три дементные и ничего не помнящие старухи (А.А. Г<умиле>ва, Вера Неведомская и Ирина Одоевцева)»⁷; «Три безумные старухи (А.А. Гумилева, Вера и Одоевцева). Это не конкурс красоты»⁸; «...верить трем дементным старухам (А.А. Гумилевой, В.А. Неведомской, И. Одоевцевой), все забывшим, все мощно опошляющим и еще сводящим какие-то свои темные счета...»⁹. Напомним в скобках, что Одоевцева была младше Ахматовой более чем на пять лет.

Авторше «На берегах Невы», в свою очередь, трудно было примириться с теми злыми словами о Георгии Иванове, которые она нашла в воспоминаниях Ахматовой о Мандельштаме, опубликованных в альманахе «Воздушные пути». «Об Ахматовой я сначала не хотела писать, – признавалась Одоевцева В.Ф. Маркову в письме от 20 августа 1966 г., – так как она гнусно поступила по отношению к Жоржу в “Воздушных путях”, выставив его каким-то врагём, хвастающимся своей вымышленной близостью с Гумилевым и с ней. Оскорбилась же она тем, что Жорж в “Петербургских зимах” ее недостаточно превознес и даже посмел помянуть о поданной ей прохожим копейке –

по рассказу Ольги Судейкиной. Но раз она умерла – то какие могут быть с нею счеты?»¹⁰

В итоге Одоевцева все-таки завершила «На берегах Невы» медальоном автора «Четок» и «Поэмы без героя», причем у мемуаристки хватило здравого смысла и тактической сметки прибегнуть к жесткой автоцензуре и в книжном варианте удержаться от хулы в адрес Ахматовой¹¹. Более того, из воспоминаний Одоевцевой было тщательно вычищено почти всё, что могло восприниматься сметливым читателем как скрытая женская месть старшей современнице. Так, в газетном варианте «ахматовского» фрагмента книги «На берегах Невы» Гумилев причитал, обсуждая с Одоевцевой Владимира Шилейко: «Почему Анна Ахматова выбрала именно самого неподходящего из всех своих поклонников, самого невозможного <...>. Ах, до чего мне жаль Анну Андреевну!»¹². В книжном издании это место было убрано, а в ответ на «простодушный» вопрос Одоевцевой: «...она, кажется, уже хочет разводиться с ним?» [478]¹³, Гумилев отрубал: «Об этом мне ничего не известно. А вам советую не слушать вздорные слухи. И не повторять их» [479].

Единственное, что Одоевцева себе позволила в книжном варианте «На берегах Невы» – это исподволь, но последовательно и отчетливо противопоставить образу Ахматовой собственный образ, начиная с ключевых деталей портрета («горбинк<a> носа» [471] Ахматовой; «короткий нос» [480] самой Одоевцевой) и завершая стилем поведения, усвоенным при общении с Гумилевым. Об Ахматовой (устами Гумилева): «Она была дьявольски горда» [472]. О себе (после реплики Гумилева: «А теперь бегите за чаем!» [486]): «Он прислоняется к стене и закрывает глаза, а я бегу на кухню к Паше» [486].

Еще один прием, к которому прибегает Одоевцева, рассказывая о своей старшей современнице, – это передача инициативы третьему лицу: большинство биографических сведений об Ахматовой мемуаристка вложила в уста Гумилева, косвенно превратив его в ответственного за их правдивость¹⁴.

Вот полный перечень этих сведений.

1. В первый год после свадьбы Гумилев подарил Ахматовой «большую коробку, обтянутую материей в цветы» [472], в которой лежали «шесть пар шелковых чулок, флакон духов “Коти”, два фунта шоколада Крафта, черепаховый гребень с шишками ... и томик “Les amours jaunes” Тристана Корбьера» [472].

2. После того, как Гумилев женился на Ахматовой, он «выдал ей личный вид на жительство и положил в банк на ее имя две тысячи рублей» [473].

3. Возвращаясь в Россию из Парижа после свадебного путешествия, Гумилев и Ахматова встретились с Сергеем Маковским. В коридоре поезда Маковский «вдруг задал ей ошеломивший ее вопрос: “А как вам нравятся супружеские отношения? Вполне ли вы удовлетворены ими?”» [473].

4. Ни собственной собаки, ни кошки у Ахматовой в период замужества с Гумилевым не было [473].

5. «Зато у Анны Андреевны был розовый какаду, тот самый» [473], упоминающийся в ее стихотворении «По аллее проводят лошадок...» (1911).

6. Первое стихотворение Ахматовой «На руке его много блестящих колец...» было напечатано Гумилевым в 1907 г. в его журнале «Сириус», причем финал стихотворения Гумилев безуспешно Ахматовой советовал вовсе отбросить [474].

7. «Ахматова» – фамилия бабушки-татарки поэтессы [474].

8. Еще до замужества Гумилев приезжал к больной свинкой Ахматовой (тогда – Горенко) в Севастополь. Когда Гумилев сказал Ахматовой, что она похожа на Афины Палладу, та решила, что это издевательство, и обиделась [475].

9. Первая книга Ахматовой «Вечер» вышла в издательстве «Цех поэтов» в 1912 г. Составляли ее Гумилев и Ахматова вместе [475].

10. У Гумилева сохранился экземпляр этой книги с инскриптом Ахматовой: «Коле. Потому что я люблю тебя, Господи!» [476].

11. Гумилев советовал Ахматовой подписывать стихи не псевдонимом, а настоящей фамилией. «Горе – лучше не придумать» [477].

12. Инициатива развода принадлежала не Гумилеву, а Ахматовой [477]¹⁵.

13. Ахматова и Гумилев, пока были женаты, любили играть в «Гуси-Лебеди»: «Придя домой, я по раз установленному ритуалу кричал: “Гуси!” И она, если была в хорошем настроении ... звонко отвечала: “Лебеди!”» [478]¹⁶.

14. Участники литературной студии при Доме искусств постоянно допытывались у М.Л. Лозинского: правда ли, что Гумилев «из зависти мешал Ахматовой печататься?» [480].

15. Мандельштам научил Леву Гумилева фразе: «Мой папа поэт, а моя мама истеричка!», и Ахматова заставляла сына помногу раз эту фразу повторять [481].

16. Гумилев не мог простить Ахматовой ее строку из стихотворения «Молитва» (1915): «Отыми¹⁷ и ребенка и друга» [484].

17. Ахматову обидела и раздражила рецензия Георгия Иванова на ее «Подорожник», напечатанная в журнале «Дом Искусства» [485].

18. В минуты нежности Гумилев называл Ахматову «маленький зуб» – «один из ее верхних зубов» был «неправильно посажен и короче других, и это трогало и умиляло его» [493].

Еще пять сведений Одоевцева сообщает от себя.

19. Она запомнила Ахматову на панихиде по Гумилеву в часовне на Невском [486].

20. Наученная Георгием Ивановым, Одоевцева сделала слишком сдержанную надпись Ахматовой на своей книге «Двор чудес» («На добрую память»), и это Ахматовой не понравилось [491].

21. Ахматова рассказала Одоевцевой, что не любит аплодисментов на выступлениях, а вначале «их просто боялась» [491].

22. Зато Ахматова никогда не страшилась возвращаться одна домой «по совершенно пустым, глухим улицам» («Я знала, что Бог хранит меня и со мной ничего не может случиться») [492–493]¹⁸.

23. Ахматова не советовала Одоевцевой уезжать из России [494].

Разумеется, сравнительная ценность всех этих сведений разная. Возьмем хотя бы п. 1 приводимого нами списка: информация о духах «Коти» и шелковых чулках, подаренных Гумилеву Ахматовой в первый год брака, способна живо заинтересовать разве что так называемых простых читателей, да еще, может быть, историков русской моды начала XX в. А вот сведения о книге стихов Тристана Корбьера «*Les amours jaunes*» – филологов самой высокой пробы (в частности, Р.Д. Тименчик приводит их в своей фундаментальной монографии «Анна Ахматова в 1960-е годы»)¹⁹.

Сразу же стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что Одоевцева явно сделала ставку на эксклюзивность, неординарность сообщаемых ею биографических сведений. Исключение представляет собой лишь упоминание об ахматовской прабабушке Прасковье Федосеевне Ахматовой (по мужу – Мотовиловой) (п. 7), явно инициированное первой строкой стихотворения Ахматовой «Мне от бабушки-татарки...» (1917).

Подлинность целого ряда мелких и значительных фактов о жизни Ахматовой и Гумилева, перечисленных в книге Одоевцевой, подтверждается при сверке с документами эпохи. Так, А.А. Гумилева вспоминала, что из Африки поэт привез «красивого живого попугая, светло-серого с розовой грудкой»²⁰ (ср. п. 5 приводимого нами списка сведений). О приезде Гумилева к больной свинкой Ахматовой в Севастополь (п. 8) сама поэтесса рассказывала П.Н. Лукницкому: «<N>а даче у Шмидта у нее была свинка, и лицо ее было до глаз закрыто – чтоб не видно было страшной опухоли. Николай Степанович просил ее открыть лицо, говоря: “Тогда я Вас разлюблю”»²¹. Весьма многочисленны свидетельства современников, удостове-

ряющие, что развода действительно попросил не Гумилев, а Ахматова (ср. п. 12 списка сведений). В.С. Срезневская: «Сидя у меня в небольшой темно-красной комнате, на большом диване, Аня сказала, что хочет навеки расстаться с ним»²². П.Н. Лукницкий: «<К>огда Николай Степанович пришел к Срезневским, А<нна> А<ндреевна> провела его в отдельную комнату и сказала: “Дай мне развод...” Он страшно побледнел и сказал: “Пожалуйста...”»²³. Есть об этом и в записных книжках самой поэтессы: «Почему нигде и никогда <я> не прочла, что развод попросила я, когда Н<иколай> С<тепанович> приехал из-за границы в 1918 <году>»²⁴. Сама Ахматова сообщила Лукницкому и о том, что была на панихиде по Гумилеву в Казанском соборе (не в часовне – ср. п. 19 нашего списка)²⁵. Лукницкий в дневнике со слов Ахматовой рассказывал и о ее бесстрашии (ср. п. 22): «В дни февральской революции А<нна> А<ндреевна> бродила по городу одна (“убегала из дому”). Видела манифестации, пожар охранки, видела, как князь Кирилл Владимирович водил присягать полк к Думе. Не обращая внимания на опасность, ибо была стрельба, бродила и впитывала в себя впечатления»²⁶. Особенно же впечатляет сопоставление текста инскрипта Ахматовой Гумилеву на «Вечере», приводимого в книге Одоевцевой (п. 10 списка) с недавно опубликованным подлинным текстом этой дарственной надписи: «Коле Аня. “...Оттого, что я люблю тебя, Господи!”»²⁷.

Правдивость некоторых других сведений из книги «На берегах Невы» подтверждается косвенно. Так, из мемуаров С.К. Маковского мы знаем о том, что он случайно встретился с Гумилевым и его молодой женой в поезде, отправлявшемся из Парижа в Петербург²⁸. Известна также возмущенная реакция Ахматовой на эти воспоминания главного редактора «Аполлона»: «<Р>азвязность его не имеет предела»²⁹. А потому можно предположить, что бестактный вопрос о «супружеских отношениях» был действительно задан Маковским новобрачной Анне Горенко на обратном пути из ее свадебного путешествия (п. 3). Информацию о том, что дебютную книгу «Вечер» Ахматовой

помогал составлять Гумилев, подтверждает весьма правдоподобный фрагмент из мемуаров поэтессы: «<К>огда 25 марта 1911 г. он вернулся из Адис-Абебы, и я прочла ему то, что впоследствии стало называться “Вечер”, он сразу сказал – “Ты – поэт, надо делать книгу”»³⁰. К этому можно прибавить, что участие синдиков первого «Цеха поэтов» в составлении стихотворных книг вообще и в том числе членов объединения было нормой.

Пожалуй, единственно явным отступлением от истины на встречающихся в посвященных Ахматовой страницах книги «На берегах Невы» является реплика, приписанная Одоевцевой Гумилеву (п. 17): «Представьте себе, Анна Андреевна возмущена, что в журнале “Дом Искусства” о ее “Подорожнике” появился недостаточно хвалебный отзыв Жоржа Иванова <...>. Замятин почтительно заявил ей, что редакция здесь ни при чем – Георгий Иванов сам отвечает за свое мнение своей подписью. Но она, уже совершенно рассердившись, заявила: “Я знаю. Это все Колины проделки. Коля уговорил его не только высказаться обо мне, но еще и привести детский стишок, как будто в “Подорожнике” ничего лучшего нет. Это все Коля, не спорьте! Он виноват. Он все еще мстит мне”» [485]. Неувязка заключается в том, что описываемый разговор Одоевцевой с Гумилевым, по ее собственному признанию, пришелся на весенний день 1921 г. [479], а второй номер журнала со злополучной рецензией Георгия Иванова на ахматовский «Подорожник» вышел из печати только в августе. Даже если предположить, что Одоевцева ошиблась с месяцами и ее разговор с Гумилевым состоялся в августе, ситуация не становится более правдоподобной: 3 августа Гумилева арестовали, 10 августа об этом узнала Ахматова. Так что разговоров, подобных выдуманному Одоевцевой, в августе Ахматова вести бы не стала, и Гумилев об их содержании не смог бы ничего узнать³¹.

Прагматика мемуаристики в данном случае предельно ясна: это был ответ на возмутившие Одоевцеву ахматовские воспоминания, напечатанные в «Воздушных путях»: Ахматова выставила Георгия Иванова «каким-то врелем,

хвастающимся своей вымышленной близостью с Гумилевым и с ней». Сочинив за Гумилева жалобу на Ахматову, якобы ругавшую (и несправедливо ругавшую) бывшего мужа за участие в написании ивановской рецензии на «Подорожник», Одоевцева убивала сразу двух зайцев. Во-первых, она, как бы следуя за самой Ахматовой, показывала, что Иванов к Гумилеву был очень даже близок, во-вторых, подталкивала читателя усомниться и в других, развенчивающих Иванова, ахматовских мемуарных эскападах.

Получается, что из 23 биографических сведений, приведенных в книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы» об Анне Ахматовой, сознательно недостоверным при проверке оказалось только одно, но принципиально важное, выгодное мемуаристке.

Сохранится ли сходное соотношение для всей книги? Этого сказать пока не беремся, но проверить в обозримом будущем надеемся.

¹ Ср., например, письмо Г.В. Адамовича к Ю.П. Иваску от 17 апреля 1960 г.: «Одоевцева... будет врать: о том, какие тайны ей поверял Гумилев» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску / Публикация Н.А. Богомолова // Диаспора. Париж; СПб., 2003. Вып. 5. С. 535). Ср. его же письмо к Одоевцевой от 10 февраля 1962 г.: «Я прочел “На берегах Невы” с удовольствием, вниманием и всякими другими чувствами того же рода <...>. Гумилев особенно. И о Ваших чувствах при лицезрении Ахматовой тоже» («Верной дружбе глубокий поклон»: Письма Георгия Адамовича Ирине Одоевцевой / Публикация Ф. Черкасовой // Диаспора. Вып. 5. С. 590). Адамович подразумевал фрагмент, напечатанный в «Русской мысли» 6 февраля 1962 г. Ср. рецензию близкого друга Одоевцевой Ю. Терапиано на книгу ее мемуаров: «Анна Ахматова, Михаил Кузьмин (так! – *О. Л.*), со своей непременной свитой, Корней Чуковский, М. Лозинский и другие “персоны” тогдашних “берегов Невы”, как живые проходят перед нами» (Русская мысль. 1968. 1 февр. С. 9; см. также: *Седых А.* На берегах Невы: Воспоминания И. Одоевцевой // Новое русское слово. [Нью-Йорк]. 1968. 25 февр.

² *Тименчик Р.Д.* Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto, 2005. С. 712–713.

³ *Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 10.

⁴ Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова. СПб., 2001. С. 46.

⁵ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino, 1996. С. 251.

⁶ Там же. С. 264.

⁷ Там же. С. 254.

⁸ Там же. С. 267.

⁹ Там же. С. 363. Приведем еще один фрагмент из записных книжек Ахматовой: «...кого-то в Париже чрезвычайно устраивала легенда о моей ревности <...>. Идет ли это от Веры, или Лизы, или Одоевцевой, не все ли равно» (Там же. С. 313).

¹⁰ «...Я не имею отношения к Серебряному веку...»: Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956–1975) / Публ. О.А. Коростелева и Ж. Шерона // In Мемогіам: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 505. Эпизод с копеейкой из мемуаров Иванова подробно проанализирован в книге: *Богомолов Н.А.* От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 326–327.

¹¹ Ср. письмо Одоевцевой к В.Ф. Маркову от 12 марта 1965 г.: «<Я> совершенно согласна с Вами насчет Ахматовой, но, конечно, держу свое мнение про себя. А то скажут: “Завидует бедная богadelка”. Для меня Ахматова кончилась в 22-ом году. Остального могло бы и не быть, хотя им как раз и восхищаются самозабвенно» («...Я не имею отношения к Серебряному веку...».. С. 500–501)).

¹² *Одоевцева И.* На берегах Невы // Русская мысль. 1964. 26 сент. С. 7.

¹³ Здесь и далее книжный вариант «На берегах Невы» цитируется по, увы, очень небрежно приготовленному изданию: *Одоевцева И.* На берегах Невы. На берегах Сены. М., 2007, с указанием номера страницы в квадратных скобках.

¹⁴ Впервые этот ход был опробован еще в газетном варианте текста: «Я передаю то, что слышала от Гумилева, но не ручаюсь,

что он не сгушал краски. Ведь не только Шилейко ревновал Ахматову к Гумилеву, но и Гумилев ревновал Ахматову к Шилейко и, конечно, не мог судить о нем беспристрастно» (*Одоевцева И. На берегах Невы. С. 7*).

¹⁵ В рецензии Одоевцевой на американское собрание сочинений Гумилева указано: «Гумилев действительно вернулся в Петербург в мае 1918 г., и вскоре же – по желанию Анны Ахматовой – произошел его развод с ней» (*Новый журнал. Нью-Йорк, 1966. № 84. С. 285*).

¹⁶ Отметим, что игра, в которой участники обмениваются обращениями «Гуси!»-«Лебеди!» пользовалась популярностью еще в годы раннего детства автора настоящей статьи. Отсылку к этой игре находим и в следующих строках восьмистишия Мандельштама (1931): «Иль встретишь воз с поклажей из подушек / И скажешь: гуси-лебеди, домой!»

¹⁷ У Одоевцевой – «Отними» (484).

¹⁸ Об этом же Одоевцева кратко писала в том отрывке из своей будущей книги мемуаров, который был опубликован при жизни Ахматовой (см.: *Одоевцева И.В. На берегах Невы // Мосты. Мюнхен, 1962. № 9. С. 112–113*).

¹⁹ *Тименчик Р.Д.* Указ. соч. С. 611.

²⁰ *Гумилева А.А.* Николай Степанович Гумилев // *Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Л., 1991. С. 73*.

²¹ *Лукницкий П.Н.* Аsumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924–1925. Paris, 1991. С. 147.

²² *Срезневская В.С.* Дафнис и Хлоя // *Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 16*.

²³ *Лукницкий П.Н.* Указ. соч. С. 144.

²⁴ *Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). С. 251*.

²⁵ *Лукницкий П.Н.* Указ. соч. С. 53. Ср.: *Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). С. 223*.

²⁶ *Лукницкий П.Н.* Указ. соч. С. 96.

²⁷ Н. Гумилев. А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого / Публ. В.А. Шошина. СПб., 2005. С. 116.

²⁸ См.: *Маковский С.К.* Николай Гумилев // *Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 59, 83*.

²⁹ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). С. 342.

³⁰ Там же. С. 251.

³¹ О том, что приведенный в этом абзаце настоящей статьи и в мемуарах Одоевцевой монолог Гумилева был вымыслен самой авторшей книги «На берегах Невы», доказательно пишет в одной из своих работ Р.Д. Тименчик. В этой же работе он цитирует письмо Гумилева к К.И. Чуковскому от 27 марта 1921 г., в котором синдик «Цеха поэта» настоятельно рекомендует Чуковскому напечатать рецензию Г. Иванова на «Подорожник» еще до публикации.

Пользуясь случаем, благодарю Романа Давыдовича Тименчика за предоставленную возможность ознакомиться с текстом его статьи (см. теперь: *Тименчик Р.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам» Ахматовой // *Memento vivere: Сборник памяти Л.Н. Ивановой.* СПб., 2009. С. 544–545).

Русские модернисты –
«соавторы» заголовков московских газет
(1985–1995)

Цель этой работы – не «на глазок», не приблизительно, а пользуясь более или менее надежными критериями, установить, кто из отечественных поэтов-модернистов начала XX в. пользовался наибольшей популярностью у читательской аудитории Москвы начиная с 1985 г. и завершая 1995 г. Этот временной отрезок, разумеется, был выбран не случайно: нам показалось интересным проследить за тем, как перелом в истории современной России отразился в читательском сознании.

Для этого были полностью просмотрены подшивки за 1985–1995 гг. пяти московских газет, заведомо разных (по крайней мере – со второй половины 1991 г.) идеологических направлений: «Известия», «Комсомольская правда», «Московская правда», «Правда», «Советская культура».

Исходя из того очевидного факта, что авторы газетных статей были вынуждены чутко реагировать на потенциальный запас эрудиции своих читателей, были отобраны из всех заголовков те, которые представляют собой или включают в себя цитаты из произведений русских модернистов. Ради чистоты эксперимента заголовки тех (чаще всего – юбилейных) статей, в которых шла речь о самих модернистах, во внимание не принимались.

Отметим, что идеологическое направление того или иного органа печати, по нашим наблюдениям, достаточно сильно влияло на вкусовые предпочтения газетных авторов. Например, в январе–марте 1992 г. в осторожничающей газете «Правда» цитата из произведения В. Маяковского использовалась в качестве заголовка 1 раз, цитаты из произведений Б. Пастернака – 2 раза, в апреле–декабре того же года (после закрытия газеты Б.Н. Ельциным и ее повторного открытия) – цитаты из произведений Маяковского – 7 раз, из произведений Пастернака – ни разу.

Сначала речь пойдет о периоде 1985–1990 гг.

* * *

Всего в пяти московских газетах того времени было выявлено 228 заголовков с цитатами из произведений русских модернистов, из них 24 приходятся на 1985 г., 26 – на 1986, 44 – на 1987, 39 – на 1988, 47 – на 1989, 48 – на 1990 г. В целом удельный вес цитат из произведений модернистов в московских газетах этого периода увеличился и вырос к 1990 г. вдвое, что не удивительно, если принять во внимание динамику историко-литературного процесса в Москве и в России во второй половине 1980-х годов.

Всего цитировались 12 модернистов. Из них абсолютным чемпионом стал В.В. Маяковский (120 реминисценций – более половины от всего числа скрытых цитат), причем количество реминисценций из его произведений в заголовках газет с 1985 по 1987 г. (самый «романтический» год перестройки) значимо росло – 15 цитат в 1985 г., 18 – в 1986, 28 – в 1987 г., а потом незначительно уменьшилось, но не до начальной точки – 29 цитат в 1988 г., 18 – в 1989, 21 – в 1990 г. (год 60-летия гибели поэта), причем ироническое обыгрывание цитат из произведений Маяковского типа «На пляж – с “серпастым, молоткастым”» или «Не хочу, чтоб к штыку приравняли перо» даже в позднеперестроечные годы нужно признать скорее исключением.

Объясняется столь значительное предпочтение цитат из произведений Маяковского остальным модернистам

тремя главными причинами. Первая, самая важная, заключается в изначальной легитимности поэта для сознания советского человека и изучении произведений Маяковского в школе. Более того, студентам, обучавшимся на профессиональных журналистов, в советское время просто предписывалось учиться выбирать строки из произведений Маяковского для заголовков своих будущих статей (сообщено мне К.М. Азадовским). Но даже и официальное признание, как мы убедимся чуть дальше, не гарантировало тому или иному модернисту абсолютного первенства.

Вторая причина феноменальной востребованности Маяковского как автора газетных заголовков кроется во всенародной популярности его детских стихов (цитат типа «Кто в конструкторы пошел» было выявлено довольно много). И наконец, третью причину нужно искать в очень высоком заголовочном потенциале творчества Маяковского, в сгущенной афористичности его стихов. Эта особенность отчетливо проявилась в начале 2000-х годов, с их пристрастием к цитации и имитации высказываний Маяковского в рекламных слоганах (следует, впрочем, учитывать и реставраторский пафос нашей эпохи). Приведем только один пример (реклама покупки квартир в рассрочку, 2003 г.; графические особенности расположения строк в рекламе сохранены):

Устами младенца –
 глаголет истина!
Мой первый шаг в жизнь –
 за квартирой в рассрочку.
В Строим Вместе –
 бегу записываться.
А вырасту –
 и приведу сюда дочку!

Второе место по частоте цитирования в московских газетах 1985–1990 гг. принадлежит не А.А. Блоку или С.А. Есенину, как, казалось, можно было ожидать, а Б.Л. Пастернаку (40 реминисценций – $\frac{1}{3}$ от общего числа скрытых

цитат). Количество реминисценций из его произведений в заголовках московских газет возрастало от года к году: 2 цитаты приходятся на 1985 г., 2 – на 1986, 6 – на 1987, 10 – на 1988 г. (год первой публикации «Доктора Живаго» в СССР), 8 – на 1989, 12 – на 1990 г. (год 100-летия со дня рождения поэта). Сказанное выше о заголовочном потенциале творчества Маяковского может быть отнесено едва ли не в еще большей степени к стихам Пастернака. Чтобы в этом убедиться, достаточно перечислить некоторые названия произведений советских писателей 1960 – первой половины 1980-х годов, когда имя Пастернака официально вспоминалось без особой охоты: «Глухая пора листопада» (1968–1970) Ю. Давыдова, «У времени в плену» (1969) А. Штейна, «Уже написан Вертер» (1979) В. Катаева, «Мне четырнадцать лет» (1980) А. Вознесенского, «И дольше века длится день» (1980) Ч. Айтматова. Некоторые выявленные нами «пастернаковские» заголовки московских газет являются цитатами не столько из сочинений Пастернака, сколько из Пастернака, цитируемого Штейном и особенно Айтматовым («Дольше века длится рейс», «И дольше века длится миг», «И дольше века длится жизнь. Изучают геронтологи» и т. п.).

А.А. Блок только на третьем месте (29 реминисценций – приблизительно $\frac{1}{8}$ от всех скрытых цитат). 6 его цитат в заголовках московских газет приходится на 1985 г., 1 – на 1986, 5 – на 1987, 4 – на 1988, 10 – на 1989, 3 – на 1990 г. Самое оригинальное заглавие, представляющее собой цитату из произведений Блока, выявленное нами из газет 1985–1990 гг., – «Соловьиный ад» (автор газеты «Правда» С. Пастухов), было впоследствии заново «изобретено» исследователем С.Л. Слободнюком, автором монографии о Блоке.

Четвертое место занимает А.А. Ахматова (12 реминисценций). Цитаты из ее произведений стабильно встречаются в газетных заголовках 1986–1990 гг.: 2 – в 1986, 1 – в 1987, 2 – в 1988, 4 – в 1989 (год 100-летия со дня рождения поэтессы), 3 – в 1990 г. Кроме восходящего к знаменитой формуле «*fuga temporis*» заглавия ахматовской книги

«Бег времени» (5 цитат), газетчики более других облюбовали строку из ее «Реквиема»: «Хотелось бы всех поименно назвать» (5 цитат).

С.А. Есенину отведено лишь пятое место (8 реминисценций). Случайно или нет, но цитаты из его произведений совершенно отсутствуют в газетных заголовках за 1987 г. – год наибольшего доминирования в газетных названиях цитат из произведений Маяковского. Шестое место принадлежит М.И. Цветаевой (6 реминисценций). Из них 3 не слишком оригинально обыгрывают цветаевскую формулу «Мой Пушкин» – «Наш Пушкин» (В.Я. Брюсов как автор этой формулы явно в расчет не принимался). На седьмом месте стоит О.Э. Мандельштам (3 реминисценции), на восьмом – В. Я. Брюсов и М.А. Волошин (по 2 реминисценции).

По одному разу цитировались в московских газетах периода 1985–1990 гг. И.Ф. Анненский (в 1989 г.), Д.Д. Бурлюк (в 1990 г.), В.В. Хлебников (в 1990 г.) и несколько неожиданно (в 1986 г.) В.Ф. Ходасевич (статья А. Смирнова «Эта “тяжелая” лира», где «лира» – это итальянская денежная единица).

Стоит особо отметить отсутствие в нашем списке имени Н.С. Гумилева – любимца следующего пятилетия.

* * *

Теперь рассмотрим период 1991–1995 гг.

Всего в пяти московских газетах за эти пять лет нами было выявлено 312 заголовков с цитатами из сочинений русских модернистов (т. е. на 84 заголовка больше, чем за шесть предыдущих лет). Из них 47 приходится на 1991 г., 70 – на 1992, 68 – на 1993, 68 – на 1994 и только 53 на 1995 г. Легко заметить, что рост общего числа заголовков из произведений модернистов в московских газетах 1991–1995 гг. (если сравнивать с 1989–1990 гг.) разительно контрастирует с динамикой, наметившейся к 1995 г.: 53 заголовка – это чуть-чуть больше, чем 47 заголовков в 1991 г., стартовом году для нашего периода. Как знать, не отразилась ли в такой динамике некоторая пресыщенность обще-

ства тем периодом русской культуры, который в данном случае будет уместно назвать Серебряным веком?

Всего цитировались 11 модернистов, на два меньше, чем в предыдущий период (минус Анненский, Хлебников и Ходасевич плюс Гумилев).

Первенство, как и в предшествующие шесть лет, прочно удержалось за В.В. Маяковским (158 реминисценций – вновь более половины от всего количества скрытых цитат). По годам цитирование Маяковского распределилось следующим образом: 26 цитат в 1991 г., 40 – в 1992, 29 – в 1993, 31 – в 1994, 32 – в 1995 г. В сравнении с предыдущим шестилетием интерес газетчиков слегка сдвинулся к «лирическому» Маяковскому. Наиболее востребованные в заголовках пяти московских газет периода 1991–1995 гг. строки поэта:

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают –

значит – это кому-нибудь нужно?

(11 случаев; за предыдущие шесть лет – 1 случай), хотя зачастую эти строки вписывались в отнюдь не лирический контекст: «Если телецентр штурмуют, значит, это кому-нибудь нужно?», «Если царя хвалят, значит, это кому-то нужно» и т. п. И гражданская поэзия Маяковского не была забыта: «Ешь перепелок, рябчиков жуй...», «Ваше слово, товарищ Ваучер», «Говорим “МММ”, подразумеваем – Ленин» – вот несколько выбранных почти наугад примеров.

Второе место уверенное (50 цитат – чуть более $\frac{1}{6}$ от всех реминисценций) занимает А.А. Блок (за предыдущие шесть лет, напомним, это место более уверенно занимал Пастернак: 40 реминисценций, что составляет $\frac{1}{3}$ общего числа скрытых цитат).

Как представляется, Блока на второе место не в последнюю очередь выдвинули два сильнейших социальных российских катаклизма, пришедшиеся на рассматриваемый период. В подавляющем числе газетных заголовков обыгрываются строки из так называемых стихийных бло-

ковских вещей: «Ветер, ветер – на всем божьем свете!», «Запирайте этажи! А не то придут бомжи...», «Да, азиаты мы», «Да, скифы мы...» или как вариант «Не “скифы” мы, а евразийцы» (С. Лавров в газете «Правда») и т. п. Самая актуальная для газетчиков 1991–1995 гг. строка Блока «И вечный бой! Покой нам только снится», «Госплан им только снится», «Тэчжон пока только снится», «Правительство: и снова бой, покой им только снится» и проч. (всего – 10 случаев использования – $\frac{1}{5}$ от всех блоковских цитат этого периода).

Третье место принадлежит Б.Л. Пастернаку – 31 цитата, причем уменьшившееся количество реминисценций из стихотворений Бориса Леонидовича в начале нашего пятилетия отчасти компенсировалось возросшим качеством. Если в предыдущий период многие «пастернаковские» заголовки, как уже отмечалось, представляли собой ссылки скорее не на Пастернака, а на Ч. Айтматова и А. Штейна, в 1991–1994 гг. число собственно пастернаковских реминисценций значительно увеличилось, прежде всего за счет «живаговского» цикла: «Его согривало дыханье вола», «И золото второго Спаса», «Во все пределы» и проч. Из пяти пастернаковских цитат 1995 г. три вновь обыгрывали формулу «У времени в плену».

Четвертое место занял очень близко подобравшийся к Пастернаку С.А. Есенин – 28 цитат (по итогам предыдущего периода он был всего лишь пятым). Пятое место у О.Э. Мандельштама (15 цитат; за предыдущий период ему досталось седьмое место). Шестое место принадлежит А.А. Ахматовой (14 цитат; раньше она была четвертой). На М.И. Цветаеву пришлось 6 цитат, на Н.С. Гумилева – 3, на К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова, М.А. Волошина – по 2, на Д.Д. Бурлюка – 1 цитата.

Подводя итоги, позволим себе высказать следующее предположение: столь большое в сравнении с 1989–1990 гг. количество реминисценций из произведений Блока и Есенина в заголовках пяти московских газет периода 1991–1995 гг. отразило не столько увлечение этими поэтами, сколько исподволь зревшую в значительной части пост-

советского общества ностальгию по советским «застойным» временам, с которыми Маяковский, Есенин и Блок (три поэта из школьного учебника) более всех других модернистов ассоциировались.

Этой тенденции противостоит третье место Бориса Пастернака и пятое Осипа Мандельштама.

Приложение

Цитаты из произведений русских модернистов в заголовках пяти московских газет (1985–1995 гг.)

1985 год

А. Блок

Богомолов Ю. «И в час назначенный»... // Советская культура. 6 авг. С. 4.

Бриман М. «И невозможное возможно?»: Как воспитать творческую и социальную активность у театральной молодежи // Там же. 1 июня. С. 4.

Громов В. «Не пустой для сердца звук...»: Исполнилось 80 лет Пушкинскому Дому АН СССР // Комсомольская правда. 10 дек. С. 4.

Игнатъев Р. «Поле Куликово» // Московская правда. 3 февр. С. 3.

Игнатьева М. «Покой только снится» // Советская культура. 9 июля. С. 2.

Киселев В. «Революционный держите шаг!» // Комсомольская правда. 10 авг. С. 1.

С. Есенин

Генкин А. «Я спросил сегодня у менялы...»: Наблюдение нашего читателя // Советская культура. 20 июля. С. 6.

В. Маяковский

Беляева Л. «Без претензий и немножко нервно» // Советская культура. 14 февр. С. 4.

[Без подписи]. «Время, вперед!»: Всесоюзный конкурс на лучший сценарий. Там же. 20 авг. С. 2.

Костин А. «Испытанное оружие атакующего класса»: К 80-летию Октябрьской всероссийской политической стачки. Московская правда. 22 окт. С. 2.

[Сообщение ТАСС]. «К штыку приравняли лиру» // Советская культура. 18 апр. С. 1.

ТАСС. «К штыку приравняли перо» // Там же. 2 февр. С. 1.

-
- Дмитриев И.* «К штыку приравнять перо!» // Советская культура. 14 мая. С. 5.
- Еникеева Д.* «Ленин и теперь живет всех живых» // Московская правда. 6 февр. С. 3.
- Гринько Ю.* «Оружия любимейшего род» // Известия. 26 окт. С. 6.
- Сердюков М.* «Светить всегда!» // Комсомольская правда. 10 авг. С. 1.
- Андреев В.* «Сочтемся славою...» // Советская культура. 5 нояб. С. 2.
- Сейтметов Р.* «Юноше, обдумывающему житье» // Там же. 24 янв. С. 1–2.
- Бобыкин-Эригон П.* «Я – гражданин Советского Союза» // Известия. 23 февр. С. 2.
- Оганян С.* «Я знаю – город будет!» // Комсомольская правда. 1 авг. С. 1.
- Юмашев В.* «Я знаю – саду цвезть!» // Там же. С. 2.
- Кузнецов Л.* «Я русский бы выучил...» // Правда. 19 сент. С. 5.

Б. Пастернак

- Велехова Н.* «Взамен турусов и колес» // Советская культура. 23 марта. С. 4.
- Оренов В.* «Строку диктует чувство» // Там же. 23 апр. С. 4.

1986 год

А. Ахматова

- Бацанова Г.* «Играла музыка в саду...»: Московский праздник песни // Правда. 27 мая. С. 6.
- У А. Ахматовой: «Звенела музыка в саду».
- Синельникова Г.* «Успеть за бегом времени» // Московская правда. 27 мая. С. 3.

А. Блок

- Папков О., Смирнов А.* «О доблести, о славе»: Ускорить открытие музея М.И. Кутузова // Советская культура. 13 февр. С. 8.

М. Волошин

[Без подписи]. «Все воспринять и снова воплотить...» // Известия. 22 окт. С. 6.

С. Есенин

[Без подписи]. «Лихо мчатся сани» // Известия. 8 февр. С. 6.

В. Маяковский

Черных Е. «А вы трамвай собрать могли бы?» // Комсомольская правда. 18 мая. С. 1.

[Без подписи]. «В мастерскую я б пошел...» // Там же. 12 апр. С. 1..

Егоров В. «Во весь голос»: Юмореска // Правда. 7 дек. С. 6.

Чертков В. «Во весь голос» // Там же. 30 дек. С. 6.

Полякова Л. «Время, вперед» // Советское культура. 1 янв. С. 2.

Панков А. «Время, вперед!»: Так понимают реконструкцию производства коммунисты Урала // Известия. 25 февр. С. 2.

Миринова Г. «Город будет» // Комсомольская правда. 21 янв. С. 1.

Козырев С. «До ста расти. И дальше» // Там же. 29 янв. С. 2.

Липатова Е. «Кто в конструкторы пошел» // Там же. 13 февр. С. 2.

[Без подписи]. «Наше знание, сила и оружие» // Известия. 20 янв. С. 1.

Ни-Ли Г. «Разговор с фининспектором о прозе жизни» // Там же. 13 авг. С. 6.

Стуруа Д. «Революцией мобилизованный и призванный»: К 100-летию со дня рождения Серго Орджоникидзе // Там же. 26 окт. С. 3.

Глебова Т. «Сделайте мне красиво!» // Советская культура. 1 февр. С. 4.

Рыбаков Ю. «Чтобы плыть в революцию дальше» // Там же. 15 марта. С. 2.

Поляков Л. «Чтобы плыть в революцию дальше...» // Там же. 7 нояб. С. 4.

Маринина Л., Ивченко Ф. «Чтобы плыть в революцию дальше»: Рассказ о двух коммунистах, в чьих судьбах

отражается судьба нашего народа // Московская правда. 31 дек. С. 2.

[Без подписи]. «Я – гражданин Советского Союза» // Известия. 20 февр. С. 3.

Фролов В. «Я прохожу по строчечному фронту» // Советская культура. 5 апр.

Б. Пастернак

Дедков И. «Во всем дойти до самой сути»: О новой повести В. Быкова «Карьер» // Известия. 9 авг. С. 3.

Раннин Л. «Второе рождение» // Комсомольская правда. 16 сент. С. 4.

В. Ходасевич

Смирнов А. «Эта “тяжелая” лира» // Комсомольская правда. 13 июня. С. 3.

1987 год

А. Ахматова

Сергеева Т. «Бег времени» // Московская правда. 14 июля. С. 3.

А. Блок

[Сообщение ТАСС]. «О доблести, о славе» // Московская правда. 1 окт. С. 2.

Матвеева М. «О подвигах, о славе» // Комсомольская правда. 23 сент. С. 4.

[Без подписи]. «Революционный держите шаг» // Там же. 21 окт. С. 1.

Васильев И. «Слушать голос революции!» // Советская культура. 21 нояб. С. 5.

У А. Блока: «...слушайте революцию».

Азаров В. «Слушайте революцию» // Там же. 22 окт. С. 6.

В. Брюсов

Кисунько В. «Пути и перепутья» // Советская культура. 17 янв. С. 5.

В. Маяковский

[Без подписи]. «Ваше слово, товарищ время!» // Советская культура. 2 июня. С. 4.

Батаен Н., Смирнов П. «Ваше слово, товарищ зритель» // Там же. 18 июля. С. 4.

Пронина Л., Положевец П. «Все работы хороши» // Комсомольская правда. 1 февр. С. 1–2.

Андреев В. «Во весь голос» // Советская культура. 13 окт. С. 1.
[Без подписи]. «И большим, и детям...» // Известия. 22 июня. С. 1.

Зряковский М. «И такое “хорошо”» // Московская правда. 13 февр. С. 2.

[Без подписи]. «И теперь живет всех живых» // Советская культура. 20 янв. С. 1.

Розин В. «И что такое плохо» // Известия. 20 июля. С. 2.

Поволяев В. «К штыку приравнял перо...» // Советская культура. 19 сент. С. 7.

Скрытнин А. «Место в рабочем строю» // Правда. 15 февр. С. 1.

Батушкина Т. «Наше знание – сила и оружие» // Там же. 27 апр. С. 3.

Симанович Г. «Ни о времени, ни о себе» // Советская культура. 12 нояб. С. 4.

Юркин В. «Обдумывающему житью» // Правда. 28 апр. С. 6.

Буденый А., Ивашкевич Ю. «О тех, кто зажигает звезды» // Советская культура. 19 нояб. С. 4..

Федоров В. «Приказ по армии искусств» // Там же. 9 мая. С. 6.

Кондрашов С «Про это» // Известия. 5 июня. С. 7.

Латифи О. «Революцией призванный»: К 100-летию со дня рождения Д. Лахути // Правда. 6 дек. С. 3.

Садовский В. «“Теодор Нетте”: от парохода – к человеку...» // Советская культура. 14 мая. С. 3.

Дашкевич В. «Улица хочет кричать и разговаривать» // Там же. 28 февр. С. 4–5.

Шутеев В. «Что такое хорошо...» // Правда. 17 янв. С. 2.

Чернова Н. «Что такое хорошо...» // Советская культура. 24 окт. С. 4.

Сегура К. «Что такое хорошо и что такое плохо» // Советская культура. 7 июля. С. 7.

Голованов К. «Чтобы плыть в революцию дальше» // Там же. 26 февр. С. 3.

Потапов В. «Чтобы плыть в революцию дальше...» // Там же. 18 апр. С. 3.

[Без подписи]. «Чтобы плыть в революцию дальше...» // Там же. 7 мая. С. 6.

Пирогова И. «Я выучил русский...» // Там же. 15 дек. С. 7.

Алисова Л. «Языком плаката» // Там же. 4 авг. С. 2.

Курилко-Рюмин М. «Ярким языком плаката» // Там же. 23 мая. С. 3.

Б. Пастернак

Лапаницын Е. «Во всем доходить до сути» // Известия. 28 июня. С. 3.

Юнисов В. «Дольше века длится рейс» // Комсомольская правда. Ноябрь. С. 1.

Сахно С. «Идея у времени в плену» // Московская правда. 12 июня. С. 1.

Куцин Н. «И дольше века...» // Известия. 11 мая. С. 6.

Чебанов В., Чертков В. «Музыка во льдах» // Правда. 20 мая. С. 8.

Соколянский А. «Почва и судьба» // Советская культура. 23 апр. С. 5.

М. Цветаева

Панцырев В., Шевченко Д., Некрасов В. «Наш Пушкин» // Комсомольская правда. 10 февр. С. 4.

[Без подписи]. «Наш Пушкин» // Московская правда. 10 февр. С. 3.

[Без подписи]. «Наш Пушкин». Слово гения России – бессмертно // Правда. 10 февр. С. 1.

1988 год

А. Ахматова

[Отдел партийной жизни]. «Не отстать от бега времени» // Советская культура. 14 мая. С. 2.

Латышев А. «Поименно назвать...» // Советская культура.
2 авг. С. 6.

А. Блок

Старосельская Н. «Бытия возвратное движение» // Советская культура. 24 дек. С. 10.

[Сообщение ТАСС]. «О доблести, о славе» // Там же. 4 февр. С. 4.

[Без подписи]. «О подвигах, о славе» // Московская правда. 11 февр. С. 3.

[Без подписи]. «Революционный держите шаг!» // Комсомольская правда. 7 нояб. С. 1.

С. Есенин

Вишневская С. «Клен ты мой, опавший...» // Комсомольская правда. 17 февр. С. 2.

О. Мандельштам

Кузнецова Е. «И музыка, и слово» // Советская культура. 24 сент. С. 10.

Горностаева В. «Мастер Генрих»: К 100-летию со дня рождения Г.Г. Нейгауза // Там же. 12 апр. С. 2.

В. Маяковский

Кищик Н. «Во весь голос» // Известия. 21 марта. С. 6.

[Без подписи]. «Выбирай на вкус» // Правда. 1 янв. С. 3.

Горчаков В. «Высоцкий: пароход и человек» // Комсомольская правда. 5 окт. С. 4.

Кагиров Ш. «Город будет» // Там же. 5 апр. С. 1.

Ильин А. «Громаду лет прорвав...» // Правда. 5 дек. С. 4.

Порк М. «Из реки по имени Факт» // Советская культура. 4 июня. С. 3.

Волкова О. «...И что такое “плохо”» // Комсомольская правда. 23 авг. С. 4.

Липатова Е. «Кто в конструкторы пошел» // Там же. 13 февр. С. 2.

Рытов Ю. «Нигде, кроме как в Минлегпроме» // Известия. 8 янв. С. 1.

-
- Юсин А.* «О времени и о себе» // Правда. 6 янв. С. 6.
- Родионова Н.* «Революцией призванный»: К 110-летию со дня рождения В.П. Ногина // Московская правда. 14 февр. С. 3.
- Костерин Л.* «Хорошее отношение к электричке» // Там же. 6 авг. С. 1.
- Мацкевич Э.* «Чем дышит город-сад» // Известия. 24 мая. С. 2.
- Лайне С.* «Чтобы плыть в революцию дальше» // Комсомольская правда. 21 апр. С. 2.
- [Без подписи]. «Я б в рабочие пошел» // Московская правда. 27 сент. С. 3.
- Пелеханов В.* «Я бы в дворники пошел» // Советская культура. 27 февр. С. 7.
- [Без подписи]. «Я волком бы выгрыз бюрократизм...» // Правда. 9 сент. С. 5.
- Савинова Е.* «Языком плаката» // Советская культура. 23 апр. С. 2.
- [Без подписи]. «Языком плаката» // Там же. 28 мая. С. 12.
- Фазылов Э.* «Я русский бы выучил...» // Там же. 21 янв. С. 1.

Б. Пастернак

- [Сообщение ТАСС]. «Второе рождение» // Правда. 6 сент. С. 3.
- Гарностаева В.* «Другие по живому следу...» // Там же. 3 мая. С.3.
- Агилер А.Р.* «И дольше века длится жизнь» // Советская культура. 8 мая. С. 7.
- Амлинский А.* «Из плена времени» // Комсомольская правда. 8 июня. С. 4.
- Приходько Е.* «Из плена времени, из плена архивов» // Советская культура. 21 нояб. С. 4.
- Левшина Е.* «Какое тысячелетие на дворе?» // Там же. 12 нояб. С. 10.
- Велехова Н.* «Не спи, не спи, художник» // Там же. 18 февр. С. 5.
- Крушевская Н.* «Он управлял течением мыслей...» // Там же. 13 февр. С. 1.

Сейрапетян С. «У времени в плену» // Правда. 9 сент. С. 8.
Кречетова Р. «Я вышел на подмостки...» // Советская культура. 23 янв. С. 10.

1989 год

И. Анненский

Ежов П. «Одной звезды я повторяю имя...» // Московская правда. 31 дек. С. 2.

А. Ахматова

Воробьев В., Кривомазов Н. «Бег времени под стук копыт» // Правда. 31 дек. С. 3.

Бужневич М. «Стремительный бег времени» // Там же. 1 нояб. С. 1–2.

Шабанов Ю. «Хотелось бы всех поименно назвать...» // Московская правда. 31 янв. С. 3.

Фомина Л. «Хотелось бы всех поименно назвать...» // Там же. 29 окт. С. 3–4.

А. Блок

Ладыгин А. «Восторг души первоначальный...» // Правда. 28 дек. С. 3.

Балашова Ю., Шорсткина И. «В час назначенный» // Советская культура. 27 апр. С. 5.

Баялинов К. «Геликоптер только снится» // Комсомольская правда. 1 дек. С. 2.

Анисимов Е. «На поле “Куликовском”» // Там же. 29 июля. С. 1.

Заварин В. «О доблести, о подвигах, о славе» // Известия. 21 июня. С. 3.

Маркарян К. «Покой нам только снится» // Комсомольская правда. 10 нояб. С. 1.

Филиков Ю. «Роковые страсти» // Там же. 1 янв. С. 2.

Шавырин В. «У поля Куликова» // Там же. 1 дек. С. 2.

Горлов В. «Ходы и заходы»: Гари Каспаров – о славе, доблестях и гонорах... // Там же. 20 июля. С. 4.

Марголис Л. «Художник, твердо веруй...»: Актер и режиссер Н. Губенко // Правда. 24 апр. С. 4.

В. Брюсов

Графов Э. «О закрой свои бледные шпалы» // Советская культура. 8 марта. С. 6.

С. Есенин

[Без подписи]. «Снег ты мой, опавший» // Московская правда. 28 янв. С. 2.

О. Мандельштам

Кислов В. «Я вернулся, мой город...» // Комсомольская правда. 30 июля. С. 1.

В. Маяковский

Зайцева Л. «Без хрестоматийного глянца» // Советская культура. 14 февр. С. 6.

Кваша К. «Все мы немножко...» // Московская правда. 31 дек. С. 3.

Пазиков О. «Город – будет» // Комсомольская правда. 1 янв. С. 1.

Смирнов С. «Город – будет...» // Там же. 17 сент. С. 4.

Капица А. «Две морковинки несут...» // Там же. 18 янв. С. 1.
[Без подписи]. «Ешь ананасы?» // Там же. 24 окт. С. 2.

Бутков С., Маслов С. «И праздник “смазал карту будня”» // Там же. 16 авг. С. 3.

Порфирьева Л. «Как к штыку приравняли перо» // Там же. 16 мая. С. 1.

Вирабов И. «Левый марш» // Там же. 21 сент. С. 4.

Никифорова К. «Моя таможня меня бережет» // Там же. 10 марта. С. 3.

Хлыстун В. «Но если звезды зажигали...» // Там же. 29 нояб. С. 3.

Ханцевич А. «О “Времени” и о себе» // Там же. 3 июня. С. 1.

[Без подписи]. «Светить всегда?» // Там же. 31 дек. С. 2.

Зайнетдинов Р. «...учили не по Гегелю...» // Там же. 17 окт. С. 2.

Овчинникова И. «Что такое хорошо и что такое плохо» // Известия. 5 дек. С. 3.

Арапелян Е. «Я бы в мельники пошел» // Комсомольская правда. 7 апр. С. 1.

Назайкин А. «Я в кооператоры пошел...» // Там же. 23 авг. С. 2.

[Без подписи]. «Я в политики пойду...» // Там же. 6 мая. С. 1.

Б. Пастернак

Купцов Ш. «Дойти до самой сути» // Московская правда. 28 марта. С. 3.

Кожемяко В. «До самой сути» // Правда. 29 мая. С. 1.

Славуцкая Н. «И дольше века длится жизнь» // Комсомольская правда. 10 мая. С. 4.

Ромашко А. «И дольше века длится жизнь» // Там же. 1 июля. С. 3.

Кадымбеков З. «И дольше века длится жизнь»: Изучают геронтологи // Правда. 31 окт. С. 6.

Фомин А. «И дольше века длится миг» // Советская культура. 19 февр. С. 11.

Сазонов Г. «Поверх барьеров» // Правда. 10 авг. С. 3.

Борисов Т. «Свеча горела на столе...» // Там же. 28 нояб. С. 6.

Бураков Г. «У ведомства в плену» // Советская культура. 15 апр. С. 4.

Фролов В. «У времени в плену» // Правда. 31 окт. С. 3.

М. Цветаева

Овчинникова И. «И не играть словами!» // Известия. 21 июля. С. 3.

1990 год

А. Ахматова

Кислинская Л. «Всех поименно назвать...» // Московская правда. 28 янв. С. 2.

Череленевская Н. «И назовем поименно» // Советская культура. 21 июля. С. 5.

Друнина Ю. «Туча над темной Россией...» // Правда. 15–16 сент. С. 3.

А. Блок

- Морошина О.* «И вечный бой...» // Известия. 22 окт. С. 3.
Морозов Н. «И в час назначенный...» // Правда. 1 янв. С. 8.
Пастухов С. «Соловьиный ад» // Там же. 24 февр. С. 1, 3.

Д. Бурлюк

- Гладких Ф.* «Пощечина общественному вкусу» // Московская правда. 27 нояб. С. 4.

М. Волошин

- Костиков В.* «Глухонемые демоны»: Заметки об экстремизме // Известия. 25 янв. С. 3.

С. Есенин

- Трусов В.* «Дай, дед, на счастье лапти мне...» // Московская правда. 6 дек. С. 1.
Домбровский Н. «Дай лапу, друг, и паспорт!» // Правда. 2 июля. С. 8.
Вердиян И. «Здрав штаны, бегут из комсомола?» // Советская культура. 10 нояб. С. 2.
Полякова Л. «Лети, лети, золотая Русь» // Там же. 17 нояб. С. 9.

В. Маяковский

- Тумольская Е.* «“Время”, вперед!» // Московская правда. 25 апр. С. 3.
Гусев О. «Время, назад!» // Советская культура. 28 июля. С. 2.
Расторгуев В. «Достаю из широких штанин...» // Комсомольская правда. 29 мая. С. 1.
Ганелин А. «Если пожары зажигают...» // Там же. 28 марта. С. 1–2.
Хвастунова О. «Ешь ананасы...» // Там же. 1 янв. С. 3.
Эсамбаев М. «Жить хорошо» // Советская культура. 3 нояб. С. 9.
Киселев С. «К мандатам почтения нету!» // Комсомольская правда. 18 мая. С. 1.

-
- Гутионов П.* «Кто там шагает правой?» // Известия. 16 мая. С. 1.
- Шаркий А.* «Кто там шагает правой?» // Правда. 30 июля. С. 4.
- Смирнова Н.* «Моя ревизия меня бережет» // Московская правда. 2 авг. С. 2.
- Суханов С.* «На пляж – с “серпастым, молоткастым”» // Советская культура. 14 июля. С. 2.
- Комаров Ю.* «Не стать “прозаседавшимися”» // Правда. 15 марта. С. 2.
- Вердиян И.* «Не хочу, чтоб к штыку приравняли перо» // Советская культура. 15 сент. С. 8.
- Санатин В.* «Послушайте, если комсомол распускают, значит, это кому-нибудь нужно?» // Комсомольская правда. 10 февр. С. 4.
- [Без подписи]. «Приказ по армии искусств» // Советская культура. 6 янв. С. 9.
- Григорьев С.* «Про Это...» // Там же. 23 июня. С. 11.
- Горшенин В.* «Пусть меня научат» // Правда. 30 янв. С. 2.
- Сергеева Т.* «Хорошее отношение к лошадям» // Московская правда. 4 янв. С. 3.
- Зайченко Г.* «Чужая полиция меня бережет» // Там же. 15 авг. С. 1.
- Борисов Ю.* «Шагают правой»: Послесловие к первомайскому митингу-маевке // Советская культура. 5 мая. С. 8.
- Цивилева Т., Фортунатов А.* «Я бы в фермеры пошел» // Комсомольская правда. 9 мая. С. 1, 3.

Б. Пастернак

- Фомина Л.* «Грядущее на все изменит взгляд» // Московская правда. 5 нояб. С. 3.
- Одинец М., Шатуновский И.* «И дольше века длится жизнь» // Правда. 1 нояб. С. 6.
- Белянов К., Положевец П.* «И дольше века длится миг» // Комсомольская правда. 6 апр. С. 2.
- Белова Е.* «И творчество, и чудотворство» // Московская правда. 11 сент. С. 3.

Ермаков А. «Новые приключения Жеваго» // Комсомольская правда. 9 февр. С. 1.
Григорьев О. «Поверх барьеров» // Советская культура. 10 февр. С. 9.
Баталова Н. «Скрещение судеб» // Московская правда. 27 нояб. С. 3.
У Б. Пастернака: «Судьбы скрещенья».
Васильева Г., Левичев Н. «Талант – единственная новость...» // Комсомольская правда. 16 июня. С. 6.
Краснопольская Н. «У времени в плену» // Московская правда. 18 февр. С. 7.
Малухин В. «У гласности в плену» // Известия. 29 мая. С. 8.
Толстых А. «У “Времени” в плену?» // Советская культура. 12 мая. С. 2.
Марьина А. «Цвет небесный...» // Там же. 15 дек. С. 2.
Стихотворение Н. Бараташвили, переведенное Б. Пастернаком.

В. Хлебников

Караганов А. «Свобода приходит нагая?» // Правда. 11 авг. С. 3–4.

М. Цветаева

Владина К. «Откуда такая нежность»: Депардье без грима // Советская культура. 14 июля. С. 14.
Богданов А. «Рукой и сердцем» // Правда. 12 апр. С. 8.

1991 год

А. Ахматова

[Без подписи]. «Когда б вы знали, из какого сора...» // Комсомольская правда. 15 мая. С. 4.
Лукиных Н. «Мы разучились просто, мудро жить...» // Правда. 12 июля. С. 6.
Ср. также у Н. Тихонова: «Мы разучились нищим подавать...»

А. Блок

Швидкой М. «Актеры, правьте ремесло» // Известия. 27 марта. С. 3.

Колесниченко Т. «И невозможное возможно» // Правда. 3 авг. С. 6.

Таиров В. «Ремонт им только снится» // Московская правда. 16 февр. С. 3.

Парин А. «Таясь, проходит Саломея» // Культура. 26 янв. С. 10.

М. Волошин

Побежин В., Ветлиб Е. «Демоны глухонемые» // Культура. 5 мая. С. 3.

[Без подписи]. «Лики творчества» // Там же. 7 сент. С. 11.

Н. Гумилев

Лунев Э. «Не бояться – и делать, что надо...» // Культура. 19 окт. С. 8..

С. Есенин, В. Маяковский

Кудрявцева А. «В нашей жизни умереть не трудно...» // Правда. 18 янв. С. 4.

С. Есенин

Ткаченко В. «В роще по березам белый перезвон...» // Правда. 25 мая. С. 3.

[Без подписи]. «В том краю, где желтая крапива...» // Культура. 10 авг. С. 7.

Кацинский А. «...Лица не увидеть» // Там же. 5 мая. С. 10.

Маркарян Н. «Я спросил сегодня у менялы...» // Комсомольская правда. 1 мая. С. 4.

О. Мандельштам

[Без подписи]. «Мы живем, под собою не чуя страны» // Комсомольская правда. 8 мая. С. 1.

Шадрина И. «Чужих певцов блуждающие сны» // Культура. 21 сент. С. 13.

В. Маяковский

Южанов Ю. «А вы ноктюрн сыграть могли бы?..» // Правда. 17 янв. С. 3.

[Без подписи]. «В июль катилось лето»: Погода на неделе // Правда. 1 июля. С. 8.

Друзенко А. «Время, назад?» // Известия. 3 февр. С. 4.

[Без подписи]. «Время – назад!» // Правда. 14 сент. С. 2.

Гутенев Д. «Время, назад!» // Там же. 10 окт. С. 2.

М. А. «Двое в комнате – я и...» // Культура. 19 янв. С. 6.

Мусиенко Н. «Ешь перепелок, рябчиков жуй...» // Правда. 14 сент. С. 1.

[Без подписи]. «Как живой с живыми» // Известия. 22 апр. С. 1.

Чикин В. «Клячу истории загоним?»: Как выйти из кризиса без гражданской войны // Правда. 21 мая. С. 3.

Никитин А. «Которые тут временные?» // Там же. 4 сент. С. 2.

Коровин Е. «Кто там шагает правой?» // Там же. 20 сент. С. 6.

Шарашин А. «“Моя” милиция?» // Комсомольская правда. 6 июня. С. 2.

Ивченко Л. «Моя санинспекция меня бережет» // Известия. 3 янв. С. 4.

Потехина И. «Мы говорим – Ленин, подразумеваем – Памятник» // Комсомольская правда. 20 апр. С. 3.

Пулатов Т. «Не хочу, чтоб к штыку приравняли перо» // Культура. 2 нояб. С. 8.

Овчинникова И. «Нигде кроме, как в школьном доме» // Известия. 15 апр. С. 3.

[Без подписи]. О времени и о себе // Правда. 12 февр. С. 3.

Беднов С. «Планов громадье...» // Культура. 18 мая. С. 9.

Мирошкин Н. «“Плачущими большевиками” в Италии не удивишь» // Правда. 27 сент. С. 5.

Сапожникова Г. «Правительство свергнем, которое есть, и трижды, которое будет» // Комсомольская правда. 25 июня. С. 2.

Кормилов Л. «Правый марш» // Известия. 11 янв. С. 6.

[Без подписи]. «Чего бы достать из широких штанин...» // Комсомольская правда. 8 июня. С. 1.

[Без подписи]. «Читайте, завидуйте» // Комсомольская правда. 14 июня. С. 3.

Бабаев С. «Шершавым языком плаката» // Культура. 18 мая. С. 2.

Земнова А. «Юноше, обдумывающему житье...» // Там же. 21 дек. С. 5.

Б. Пастернак

Соломинцев М. «Во все пределы» // Правда. 25 апр. С. 3.

Курков В. «И дольше века» // Там же. 22 июля. С. 8.

Н. Н. «Опять Шопен не ищет выгод» // Культура. 21 дек. С. 9.

Егорова О. «Свеча горела...» // Комсомольская правда. 27 апр. С. 1.

Генина Л. «Темы с вариациями» // Правда, 21 янв. С. 4.

Потемкин В. «У времени в плену» // Культура. 1 июня. С. 11.

1992 год

А. Ахматова

Новикова Л. «Есть в близости людей заветная черта...» // Культура. 28 нояб. С. 8–9.

Белелюбский Ф. «И упало каменное слово...»: Скончался Лев Николаевич Гумилев // Правда. 20 июня. С. 3.

Белкин Г. «Какая есть!» // Культура. 18 апр. С. 7.

А. Блок

Песков В. «Ветер, ветер – на всем божьем свете!» // Комсомольская правда. 24 окт. С. 6.

Платковский А. «Да, азиаты мы» // Там же. 24 марта. С. 5.

Гвоздев Л. «Да, профи мы с раскосыми руками» // Московская правда. 4 сент. С. 2.

Берестов С. «Да, скифы мы...» // Комсомольская правда. 21 марта. С. 2.

Швецова Е. «...Имя Пушкинского Дома в Академии наук» // Культура. 8 февр. С. 1, 9.

Вульф В. «Ликуя и скорбя» // Там же. 18 апр. С. 9.

-
- Сафонов В.* «Музыка революции?» // Правда. 4 янв. С. 3.
Синицына Л. «Опять, как в годы молодые...» // Культура. 11 янв. С. 5.
Долгополов Н. «Париж с раскосыми глазами» // Комсомольская правда. 9 июня. С. 3.
Филиппова И. «Покой нам только снится» // Московская правда. 4 апр. С. 8.
Иванов С. «Революционный держат шаг» // Комсомольская правда. 6 авг. С. 3.
Тихомиров С. «Тэчжон пока только снится» // Правда. 23 окт. С. 3.

Н. Гумилев

- Тарутин И.* «Далеко на озере Чад» // Известия. 4 янв. С. 5.

С. Есенин

- Крестников А.* «В переулке каждая собака знает ее легкую походку» // Комсомольская правда. 3 июля. С. 4.
Челноков А. «Дай, Джим, “на лапу” мне» // Там же. 11 февр. С. 1.
Гвоздев Л. «Лицом к лицу яйца не увидеть» // Московская правда. 21 нояб. С. 1, 7.
Анисимов Е. «Рубль ты мой опавший...» // Комсомольская правда. 29 окт. С. 1.
Прихвостнов Р. «Рубль ты мой опавший...» // Там же. 31 дек. С. 5.

О. Мандельштам

- Очаковская М.* «Все перепуталось, и некому сказать...» // Культура. 9 мая. С. 11.
Парин А. «Пенье – кипение крови» // Там же. 7 марта. С. 3.
Шуткевич В. «Россия, Лета, Лорелея...» // Комсомольская правда. 14 апр. С. 3.
Бородулин А. «Я список кораблей прочел до середины...» // Культура. 25 апр. С. 12.

В. Маяковский

- Разин С.* «Больше правительств – хороших и разных» // Комсомольская правда. 16 янв. С. 1.

Разбойников В. «В академики пойду – пусть читать научат» // Известия. 10 июля. С. 8.

Фомина Л. «Ванны, выставка и немножко нервно» // Московская правда. 24 сент. С. 7.

Бобровский С. «Ваше слово, товарищ Ваучер» // Комсомольская правда. 1 окт. С. 1.

Устюжанин В. «Ваше слово, товарищ Маузер?» // Правда. 29 авг. С. 3.

[Без подписи]. «Во весь голос» // Комсомольская правда. 31 марта. С. 3.

[Без подписи]. «Где саду цвезть» // Правда. 12 марта. С. 6.

Резнов Г., Хорошилова Т. «Говорим “МММ”, подразумеваем – Ленин» // Комсомольская правда. 5 авг. С. 2.

Журавлева Н. «Говорим “Франция”, подразумеваем “Польша”» // Московская правда. 10 окт. С. 7.

Кожемяко В. «Если гасят звезды, значит, это кому-нибудь нужно» // Правда. 26 нояб. С. 3.

Перфильев А. «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно» // Московская правда. 26 февр. С. 8.

Сизый Ф. «Если “звезды” крадут – значит, это кому-нибудь нужно?» // Комсомольская правда. 21 окт. С. 1.

Прохватиллов В., Сабов Д. «Если телецентр штурмуют, значит, это кому-нибудь нужно?» // Там же. 16 июня. С. 1.

Серова С. «Ешь ананасы...» // Московская правда. 16 мая. С. 1.

[Без подписи]. «Живее всех живых» // Там же. 23 июля. С. 3.

Афанасьева А. «И сейчас живее всех живых?» // Там же. 17 янв. С. 1.

[Без подписи]. «Кем быть?» // Там же. 1 апр. С. 1.

Никитинский Л. «Которая тут четвертая?..» // Слазь. Комсомольская правда. 21 июля. С. 1.

Глушинов В. «Которые тут временные?» // Правда. 11 дек. С. 1–2.

Колодный Л. «Кто более матери-истории ценен?» // Московская правда. 23 июня. С. 3.

Гладких Ф. «...Ленин будет жить» // Там же. 12 мая. С. 1.

-
- Зайченко Г.* «Моя мойва меня бережет» // Московская правда. 12 февр. С. 2.
- Фомин Л.* «Мы говорим “культура”, подразумеваем...» // Там же. 16 апр. С. 2.
- Игнатов В.* «“Мы говорим – партия” и, по мнению С. Шах-рая, ошибаемся» // Там же. 27 мая. С. 1.
- [Без подписи]. «Нарисуем. Будем жить» // Правда. 18 сент. С. 4.
- [Без подписи]. «Он русский бы выучил только за то...» // Московская правда. 21 нояб. С. 2.
- Шумихин А.* «Он русский учит только за то...» // Комсомольская правда. 26 февр. С. 3.
- Кучкина О.* «Отечество славлю, которое есть...» // Там же. 25 дек. С. 1.
- Бабич Д.* «Поэтом можешь ты не быть, но фининспектору обязан» // Комсомольская правда. 25 марта. С. 1.
- Сова О.* «Пусть меня научат» // Московская правда. 25 окт. С. 6.
- Игнатов В.* «“Серпастый, молоткастый” пока остается» // Там же. 29 дек. С. 2.
- Кожанов Н.* «Следить – и никаких гвоздей!..» // Правда. 15 авг. С. 1.
- Смирнова Н.* «Чтобы плыть в революцию дальше?» // Московская правда. 25 апр. С. 1.
- Стахов М.* «Чтобы плыть в революцию дальше?» // Там же. 5 нояб. С. 1.
- Котляр Э.* «Шершавый язык нежности» // Там же. 30 дек. С. 7.
- Бакулин А.* «Я б в заложники пошел, или “Пионерский отряд” на Пушкинской» // Там же. 15 апр. С. 8.
- Кухинадзе С.* «Я б в разведчики пошел, пусть меня изучат» // Там же. 19 марта. С. 1.
- Фролов С.* «Я б к разведчикам пошел» // Комсомольская правда. 17 апр. С. 1.
- Иванова Н., Савченко И.* «Я бы в дворники пошел...» // Правда. 14 нояб. С. 1.
- С. Б.* «Языком плаката» // Культура. 18 янв. С. 6.
- [Без подписи]. «Я русский бы выучил, только за что?» // Комсомольская правда. 18 июля. С. 2.

Б. Пастернак

[Без подписи]. «Высокая болезнь» // Комсомольская правда. 22 янв. С. 3.

И. М. «Его согривало дыханье вола» // Культура. 4 янв. С. 5.

Ульяшов П. «Игра или гибель всерьез?» // Правда. 18 февр. С. 3..

И. М. «...И золотого второго Спаса» // Культура. 15 авг. С. 2.

Кожанов П. «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» // Правда. 5 марта. С. 1–2.

Резнов Г., Хорошилова Т. «Рояль дрожащий пену с губ облизжет. Тебя сорвет, подкосит этот бред» // Комсомольская правда. 22 авг. С. 6.

Медведев В. «Сестра моя, жизнь...» // Там же. 12 дек. С. 4.

Беднов С. «Я один, все тонет в фарисействе» // Культура. 31 окт. С. 8.

М. Цветаева

[Без подписи]. «Мой милый, что тебе я сделала?» // Комсомольская правда. 30 мая. С. 6.

Анисимов Е. «Черствый хлеб чужбины» // Там же. 28 окт. С. 1.

1993 год

А. Ахматова

Вульф В. «Здесь столько лир повешено на ветку...» // Культура. 9 янв. С. 8.

Волкова П. «И знаем, что в оценке поздней оправдан будет каждый час...» // Известия. 6 янв. С. 7.

Фолкинштейн М. «Когда б вы знали, из какого сора...» // Культура. 30 нояб. С. 8.

К. Бальмонт

Семин И. «Тише, тише совлекайте...» // Культура. 18 сент. С. 9.

А. Блок

Курбанова Е. «Ветер на всем Божьем свете» // Московская правда. 4 мая. С. 7.

-
- Смирнова Н.* «Вхожу я в темные храмы...» // Культура. 8 мая. С. 5.
- Львов-Анохин Б.* «Гляжу за темную вуаль...» // Там же. 24 марта. С. 9.
- [Без подписи]. «Госплан им только снится» // Московская правда. 3 июля. С. 1.
- Панкратов В.* «Закрывают этажи, нынче будут грабежи»: Границы приватизации // Правда. 26 авг. С. 1.
- Петровская И.* «И невозможное – возможно» // Известия. 7 авг. С. 12.
- Спасский О.* «И невозможное – возможно»: Навратилова в Москве // Там же. 6 нояб. С. 12.
- Очаковский М.* «Летун отпущен на свободу» // Культура. 2 окт. С. 4.
- Фомина Л.* «Набежит исчезающий свет» // Московская правда. 17 дек. С. 4.
- Лавров С.* «Не “скифы” мы, а евразийцы» // Правда. 19 нояб. С. 2.
- Бурбыга Н., Яснов В.* «Ночь. Улица. Окоп» // Известия. 14 окт. С. 5.
- Воеводин И.* «По вечерам над ресторанами» // Московская правда. 12 февр. С. 1–2.
- Мягкова И.* «Покой нам только снится» // Культура. 10 июля. С. 8.
- Железнов М.* «Покой нам только снится» // Московская правда. 7 авг. С. 2.
- Салахова Е.* «Правительство: и снова бой, покой им только снится» // Там же. 17 февр. С. 3–4.
- Кожиков И.* «Съедят ли хавроньи “четвертую власть”?» // Правда. 2 июля. С. 3.
- У Блока: «...слопала-таки поганая, гугнивая, родимая ма-тушка Россия, как чушка – своего поросенка».

С. Есенин

- [Без подписи]. «В этой жизни умирать не ново...» // Комсомольская правда. 25 февр. С. 3.
- Медовой И.* «Гой ты, Русь моя родная...» // Культура. 10 июля. С. 5.

[Без подписи]. «И тогда спросил я у менялы...» // Комсомольская правда. 21 окт. С. 3.

[Без подписи]. «Двадцать шесть их было, двадцать шесть...» // Культура. 7 авг. С. 1.

Мартынов И. «Черный человек на кровать ко мне садится» // Комсомольская правда. 8 сент. С. 3.

О. Мандельштам

Беднов С. «Все перепуталось...» // Культура. 6 февр. С. 1.

Дробиз Е. «Дикий ночной хор» // Там же. 8 мая. С. 5.

У Мандельштама: «Ночного хора дикое начало».

Колесников А. «Он вернулся в свой город» // Комсомольская правда. 17 марта. С. 4.

Вольинский Н. «Петербург, я еще не хочу умирать» // Правда. 31 июля. С. 1.

В. Маяковский

Кирилова С. «Барышня и хулиган» // Комсомольская правда. 12 марта. С. 1.

Крафт Н. «Ваше слово, товарищ аустер» // Московская правда. 26 окт. С. 11.

Мартынов И. «Ваше слово, товарищ триллер!» // Комсомольская правда. 29 сент. С. 8.

Беспалов Ю. «ГУЛАГ жил, ГУЛАГ жив» // Известия. 2 июля. С. 5.

Семин И. «Делать жизнь с кого?» // Культура. 31 дек. С. 4.

[Без подписи]. «Если звезды на телеэкране зажигают – значит, это кому-то нужно?» // Комсомольская правда. 16 дек. С. 1.

Беднов С. «Если “звезды” приезжают, значит, это кому-нибудь надо...» // Культура. 18 сент. С. 7.

Александрова Л. «И явится весомо, грубо, зримо...» // Московская правда. 30 апр. С. 4.

Галов А. «К мандатам почтения нету» // Комсомольская правда. 24 авг. С. 1.

[Без подписи]. «Кто там сидит за правым?» // Московская правда. 4 февр. С. 1.

-
- Фомин Л.* «Ленин жил, Ленин жив...» // Московская правда. 16 апр. С. 4.
[Без подписи]. «Мой охранник меня бережет» // Там же. 12 мая. С. 4.
Большаков В. «Моя милиция меня...» // Правда. 4 мая. С. 3.
Чконин Т. «Нигде, кроме...» // Культура. 9 янв. С. 2.
Черных С. «Перо приравняли к штыку» // Комсомольская правда. 16 июня. С. 8.
[Без подписи]. «Перо приравняли к штыку» // Там же. 27 авг. С. 1.
Корнилов Л. «Польша: Левый марш в сторону капитализма» // Известия. 25 сент. С. 8.
Лирз В. «Скрипка и немножко рынка» // Культура. 16 янв. С. 7.
[Без подписи]. «Слово товарищу “вальтеру”» // Московская правда. 17 сент. С. 16.
Филатов А. «Снимите очки-велосипед» // Комсомольская правда. 10 сент. С. 4.
Михалев В. «Сочтемся славою...» // Культура. 6 нояб. С. 2.
Галов А., Коц И., Павлов А. «Улица корчилась от боли» // Комсомольская правда. 5 окт. С. 2.
У Маяковского: «Улица корчится безъязыкая».
Сапожникова Т. «Читайте, завидуйте...» // Там же. 6 окт. С. 7.
Ладный В. «Что же достать из широких штанин?» // Там же. 24 марта. С. 4.
Челноков В. «Что такое хорошо...» // Московская правда. 11 марта. С. 4.
Косицкая Н. «Что такое хорошо?» // Культура. 19 июня. С. 8–9.
Руслова Н. «Я б в гимназию пошел» // Там же. 6 февр. С. 5.
Родкин А. «Я бы в армию пошел, если там научат» // Комсомольская правда. 11 нояб. С. 2.
Берсенев Ю. «Я бы в дворники пошел!..» // Московская правда. 15 июля. С. 3.

Б. Пастернак

- Юферова И.* «И дольше века длится жизнь» // Комсомольская правда. 3 марта. С. 2.

[Без подписи]. «Какой век на дворе?» // Московская правда. 31 марта. С. 2.

Шведова И. «Поверх барьеров» // Там же. 23 апр. С. 1.

Третьякова Е. «Поверх барьеров» // Культура. 6 марта. С. 9.

Кравцов В. «Пусть дольше века длится фильм» // Правда. 14 июля. С. 4.

Каминский М. «Свеча горела на столе...» // Культура. 18 дек. С. 7.

[Без подписи]. «Снег идет» // Там же. 18 дек. С. 2.

М. Цветаева

Субботина Е. «Еще меня любите за то, что я умру» // Московская правда. 8 июня. С. 1, 7.

Кулибаба Ю. «Мне нравится, что вы больны...» // Комсомольская правда. 26 авг. С. 8.

Медовой И. «Наш Пушкин» // Культура. 5 июня. С. 1.

1994 год

А. Ахматова

Слойковская Н. «Вспомним всех поименно...» // Московская правда. 22 февр. С. 7.

Левина М. «Вспомним всех поименно» // Там же. 21 июня. С. 1.

Львов-Анохин Б. «И ногу ножкой называть...» // Культура // 2 апр. С. 9.

Долгачева Л. «Поэма без героев»: Вокал за день до финала // Там же. 27 июня. С. 7.

К. Бальмонт

М. М. «Будьте, как солнце! Если сможете...» // Культура. 19 марта. С. 7.

А. Блок

[Без подписи]. «Война без доблести, без подвигов, без славы...» // Комсомольская правда. 27 янв. С. 1.

Кабанков А. «Да, азиаты, мы» // Там же. 16 нояб. С. 8.

Сергеева Т. «Дай нам руку в непогоду!» // Московская правда. 4 июня. С. 2.

Репин Л. «Дыша духами и Канарами» // Комсомольская правда. 6 авг. С. 2.

[Без подписи]. «И вечный бой» // Московская правда. 17 марта. С. 7.

[Без подписи]. «Ночь. Улица. Арбат. Опасно!» // Комсомольская правда. 15 дек. С. 1.

Размеров В. «Покой в Крыму лишь только снится» // Московская правда. 17 сент. С. 7.

Егитова В. «Покой ему даже не снился» // Там же. 5 окт. С. 15.

Онгостева Т. «Покой нам только снится» // Там же. 5 февр. С. 2.

Медведев А. «Приближается звук...» // Известия. 7 июня. С. 5.

Хорев Б. «Селу покой даже не снится» // Правда. 29 марта. С. 2.

В. Брюсов

Агишева Т. «Не верьте, что у меня бледные ноги» // Комсомольская правда. 3 сент. С. 4.

Д. Бурлюк

Хлопова В. «Будем лопать пустоту?» // Комсомольская правда. 1 июня. С. 4.

Н. Гумилев

Шведов И. «Усадьбы старые разбросаны по всей таинственной Руси» // Московская правда. 5 июля. С. 8.

С. Есенин

[Без подписи]. «Большое – видится» // Московская правда. 8 нояб. С. 2.

Филимонов Р. «Большое видится на расстоянии» // Правда. 17 авг. С. 2.

Долгополов Н. «Дай, Джим, на счастье мячик мне» // Комсомольская правда. 15 марта. С. 8.

Фролов С. «Дай, рэкетир, на счастье лапу мне» // Там же. 19 нояб. С. 2.

Шах-Азизова Т. «Лица не увидеть» // Культура. 7 мая. С. 8.

Енижеева Д. «Несказанное, синее, нежное...» // Московская правда. 1 окт. С. 7.

Ханцевич В. «Нос ты мой опавший» // Комсомольская правда. 17 нояб. С. 3.

[Без подписи]. «Троицыно утро, утренний канон. В роще по березкам белый перезвон» // Московская правда. 16 июня. С. 8.

Медведев В. «Ты жива еще, моя старушка?» // Комсомольская правда. 19 апр. С. 3.

[Без подписи]. «Чек ты мой, опавший...» // Там же. 30 июня. С. 1.

О. Манделъштам

Цытин Г. «И, слово, в музыку вернись!» // Культура. 19 марта. С. 9.

Рохимов П. «К родной земле невольно припадая...» // Московская правда. 10 сент. С. 2.

У Манделъштама: «К пустой земле невольно припадая».

В. Маяковский

Семенов Д. «Ваше слово, товарищ “Калашников”!» // Московская правда. 13 янв. С. 16.

Вирабов И. «Видели ли вы в музее плачущего суперматиста?» // Комсомольская правда. 10 нояб. С. 8.

Зельнова Л. «Все больше новостей хороших и разных» // Московская правда. 22 апр. С. 3.

Огнева О. «Все квартиры хороши – выбирай на вкус!» // Там же. 6 июля. С. 2.

[Без подписи]. «Все мы немного брокеры» // Культура. 13 авг. С. 3.

Гармизе Т. «Все мы – немножко акционеры» // Московская правда. 1 февр. С. 7.

Фомичева Д. «Где меня научат?» // Комсомольская правда. 5 окт. С. 6.

Поведская М. «Год от года расти вам без старости» // Культура. 21 янв. С. 5.

Пахута А. «И все же город будет!» // Там же. 3 дек. С. 1, 5.

-
- Притула В.* «Их милиция меня бережет» // Правда. 24 июня. С. 3.
[Без подписи]. «...И немножко нервно» // Культура. 18 июня. С. 7.
- Гармизе Т.* «Как я мою милицию берегу» // Московская правда. 15 сент. С. 2.
- Чикин М.* «Левый марш Европы» // Комсомольская правда. 15 июня. С. 7.
[Без подписи]. «Лужков как певец воды кипяченой» // Там же. 31 авг. С. 1.
[Без подписи]. «Моя будка меня бережет» // Там же. 8 февр. С. 1.
- Стахов М.* «Не серпастые, не молоткастые» // Там же. 2 нояб. С. 1.
[Без подписи]. «Нигде кроме, как в “Марконе”» // Там же. 27 дек. С. 15.
[Без подписи]. «Планов громадье» Там же. 23 сент. С. 1.
- Дмитриев С.* «Почему моя милиция меня не бережет» // Там же. 16 нояб. С. 2.
- Окунев И.* «Пусть меня научат» // Там же. 22 марта. С. 8.
- Калинова О.* «Скрипка и немножко детства» // Культура. 6 авг. С. 7.
- Горбатов Н.* «Скрипка и немножко нервно» // Там же. 5 марта. С. 7.
- С. Б.* «Слушайте, товарищи потомки» // Комсомольская правда. 6 окт. С. 8.
- Егорунин А.* «Томов многопудье» // Московская правда. 8 февр. С. 1.
- Ефимович Н.* «Ты бы в дворники пошел?» // Комсомольская правда. 12 марта. С. 2.
- Гармизе Т.* «Ты бы в частники пошел...» // Московская правда. 24 марта. С. 1.
[Без подписи]. «Учить всегда! Учить везде!..» // Комсомольская правда. 1 окт. С. 2.
- Арри Мен.* «Хорошо!» // Там же. 14 апр. С. 2.
[Без подписи]. «Читайте, завидуйте!» // Там же. 15 янв. С. 1.

Чикин М. «Что достаем из широких штанин?» // Комсомольская правда. 22 нояб. С. 9.

Валентинова В. «Я бы в Фигаро пошел...» // Московская правда. 5 нояб. С. 8.

Б. Пастернак

Егорунин А. «Вальс с чертовщиной» // Московская правда. 18 февр. С. 8.

Алтатова И. «И здесь кончается искусство...» // Культура. 29 окт. С. 1.

Еникеева Д. «И золото второго Спаса» // Московская правда. 19 авг. С. 2.

Клямина И. «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» // Культура. 17 дек. С. 7.

Пирогова И. «Талант – единственная новость» // Правда. 27 апр. С. 3.

М. Цветаева

Еникеева Д. «Август – астры, август – звезды» // Московская правда. 2 авг. С. 16.

1995 год

А. Ахматова

Фотиев М. «Когда б вы знали, из какого сора...» // Известия. 19 янв. С. 7.

[Без подписи]. «Ритуал» вспомнит всех поименно» // Комсомольская правда. 27 апр. С. 1.

А. Блок

Гармизе Т. «Без конца и без края» // Московская правда. 18 апр. С. 8.

Менжерцицкий С. «Запирайте этажи! А не то придут бомжи...» // Там же. 16 нояб. С. 2.

Субботина А. «И веют древними поверьями ее упругие шелка...» // Там же. 12 авг. С. 8.

Васич И. «Мы – дети страшных лет России, все сожалеем о них» // Культура. 18 февр. С. 3.

Балашова И. «О доблестях, о подвигах, о славе...» // Московская правда. 8 дек. С. 6.

[Без подписи]. «Пусть бой им только снится...» // Московская правда. 21 сент. С. 8.

Большаков В. «Шаги командора» // Правда. 1 февр. С. 5.

Галуненко Л. «И бездны духа в звуках отразить...» // Культура. 15 апр. С. 1.

С. Есенин

Северюков Д. «Здрав штаны, бежать за комсомолом... На нары...» // Комсомольская правда. 16 дек. С. 2.

Кабанков А. «Здрав штаны, бежать от Интерпола» // Там же. 26 окт. С. 3.

Выжutowич В. «Лицом к лицу И. О. не увидеть» // Известия. 10 авг. С. 2.

О. Мандельштам

Фридриштейн Ю. «Когда бы грек увидел наши игры» // Культура. 4 нояб. С. 9.

Торчинский О. «Шум времени» // Московская правда. 21 апр. С. 6.

Мощечков С. «Я люблю этот город, уставший от слез...» // Комсомольская правда. 11 окт. С. 7.

У Мандельштама: «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»

В. Маяковский

Иванова В. «А вы ноктюрн сыграть могли бы?» // Культура. 4 марта. С. 2.

Милнус А. «Возьмем флажочки новые» // Комсомольская правда. 22 нояб. С. 2.

Сухнев В. «Все мы, люди, немножко “куклы”...» // Московская правда. 20 июля. С. 1.

Бовкун Е. «Все мы немного динозавры» // Известия. 31 марта. С. 7.

Гольшан Ю., Харламов В. «...Город будет!» // Правда. 30 авг. С. 2.

Веина С. «Делайте ваш бизнес красиво!» // Комсомольская правда. 20 мая. С. 3.

Листратов В. «Если “звезды” зажигают, значит...» // Московская правда. 2 марта. С. 8.

Офицеров А. «Если самолетам “подрезают” крылья, значит, это кому-нибудь нужно» // Правда. 8 июня. С. 2.

Берестов С. «Если в “Останкино” “гасят” звезды, значит – это кому-нибудь нужно?» // Комсомольская правда. 27 сент. С. 1–2.

Пульсон К. «Если радио отключают, значит, это кому-нибудь нужно» // Культура. 3 июня. С. 6.

Тилле А. «Если царя хвалят, значит, это кому-то нужно» // Правда. 17 июня. С. 1–2.

Баринов Д. «Ешь ананасы, рябчиков жуй...» // Московская правда. 14 янв. С. 2.

Орешина М. «Ешь скорпионов, кузнечиков жуй» // Там же. 26 янв. С. 8.

Шальнев А. «Запросов наших громадь» // Известия. 12 апр. С. 3.

[Без подписи]. «Здесь будет город-клуб» // Комсомольская правда. 7 мая. С. 1.

Дрозд В. «И спросила кроха: “Что такое море?”» // Правда. 3 июня. С. 2.

Нуйкин А. «Кто “сделает нам красиво”?» // Культура. 4 нояб. С. 3.

Ахременко А. «Кто там шагает левой?» // Известия. 25 авг. С. 2.

Крушанский А. «Левый марш» // Правда. 27 сент. С. 6.

В. С. «Много книг, хороших и разных» // Московская правда. 13 сент. С. 4.

[Без подписи]. «Мы говорим – мясник, подразумеваем – пекарь» // Комсомольская правда. 7 мая. С. 1.

[Без подписи]. «Мы говорим “Яблоко” – подразумеваем – “Явлинский”» // Известия. 23 сент. С. 4.

Маслов С. «Мюнхгаузен? Да он живет всех живых» // Комсомольская правда. 2 авг. С. 6.

Петров В. «Перо никак не приравняется к штыку» // Комсомольская правда. 15 февр. С. 1.

Логичева Л. «Про это» // Культура. 6 мая. С. 9.

Балашова И. «Сделайте им красиво» // Московская правда. 1 дек. С. 3.

[Без подписи]. «Смотрите, завидуйте: я – бультерьер» // Комсомольская правда. 1 апр. С. 2.

[Без подписи]. «13-й апостол и его детки» // Известия. 27 июля. С. 5.

[Без подписи]. «Шершавым языком плаката» // Московская правда. 19 окт. С. 1.

Аширова В. «Я б в строители пошел...» // Там же. 26 авг. С. 2.

Амелькин А. «Я бы в брокеры пошел» // Комсомольская правда. 13 мая. С. 2.

Мытарь А. «Я бы в сыщики пошел» // Московская правда. 12 июля. С. 2.

Б. Пастернак

Тюрина Г. «Время у него в плену» // Там же. 22 сент. С. 7.

Туровский В. «И дольше века длится час сериала» // Известия. 19 авг. С. 5.

Вишняков В. «Поверх барьеров. Фестиваль в Тирасполе все-таки состоялся» // Правда. 23 сент. С. 4.

Е. Г. «У времени в плену» // Московская правда. 30 дек. С. 2.

Широкова В. «У времени в плену» // Там же. 8 сент. С. 5.

Стихотворение И. Бродского
«На смерть Жукова»
Конспект анализа

Вижу колонны замерших звуков,
гроб на лафете, лошади круп.
Ветер сюда не доносит мне звуков
русских военных плачущих труб.
Вижу в регалиях убранный труп:
в смерть уезжает пламенный Жуков.

Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьих тупей,
блеском маневра о Ганнибале
напоминавший среди волжских степей.
Кончивший дни свои глухо в опале,
как Велизарий или Помпей.

Впервые опубликовано: Иосиф Бродский в XXI веке: Материалы междунар. науч.-исслед. конф. СПб., 2010. С. 204–207. По совести говоря, эта статья должна быть подписана несколькими именами, поскольку она – плод коллективного мозгового штурма, предпринятого в рамках моего спецсеминара «Медленное чтение текста» (РГГУ). Любопытствующих снабжаю ссылкой: http://community.livejournal.com/medlennoe_chten/751.html?nc=37

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».

К правому делу Жуков десницы
больше уже не приложит в бою.
Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.

Маршал! поглотит алчная Лета
эти слова и твои прахоря.
Все же, прими их – жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и военная флейта,
громко свисти на манер снегиря.

В первой строфе описываются похороны Г.К. Жукова, умершего 18 июня 1974 г. и похороненного 22 июня (символическая дата) в Кремлевской стене. Как минимум две детали описываемых и реальных похорон¹ не совпадают: во-первых, отсутствовал «лошади круп» (лафет был прицеплен к бронетранспортеру)²; во-вторых, никто не мог видеть «в регалии убранный труп» – маршал был кремирован, по слухам – вопреки воле семьи. По-видимому, И. Бродский (находившийся в это время на поэтическом фестивале в Роттердаме) взял на себя задачу написать «государственное» стихотворение вместо официальной советской печати. Он подправил саму жизнь и изобразил похороны Жукова не так, как они проходили, а как они проходили бы в идеале. «Вообще-то я считаю, что это стихотворение в свое время должны были напечатать в газете “Правда”». (Из беседы с Соломоном Волковым.) Поэт не слышал «звуков», сопровождающих похороны (судя по всему, он

смотрел репортаж о них по голландскому TV), и заполнил «государственную» тишину звуками своего стихотворения. «Переписыванис» в стихотворении похорон маршала позволяет переосмыслить уже в первой строфе советские газетные штампы, например эпитет «пламенный» (ср. название книжной серии «Пламенные революционеры» Издательства политической литературы СССР). У Бродского эпитет «пламенный», во-первых, намекает на кремацию Жукова, особенно в соседстве с визуально выразительным «в смерть уезжает», во-вторых, поэт начинает важную для всего текста «адскую» тему. Сходным образом «убранный» (труп) в первой строфе это, вероятно, не только дань газетной риторике («В траурном убранстве Краснознаменный зал, где среди живых цветов на высоком постаменте установлен гроб с телом покойного маршала» (Правда. 1974. 21 июня. С. 3), но и скрытое указание на идиому «убрать с глаз долой». Самая откровенная замена первой строфы – это абсолютно невозможный в газетах той поры эпитет «русских» при «труб» (вместо «советских»)³.

Во второй строфе игра с советскими клише продолжается. Здесь возникает один из главных символов поверженного Берлина мая 1945 г. – «стёны» (Рейхстага), которые «пали» (ср., например, растиражированную кинохронику этого времени). Но из-за соседства с античными именами⁴, завершающими строфу, на «стены» падает тень от разрушенных стен Карфагена и Трои. Формула «меч был вражьих тупей» провоцирует вспомнить о русской античности, с пропагандистскими целями преобразенной С. Эйзенштейном, а именно о лозунге Александра Невского из одноименного фильма – «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!». Упоминание «о Ганнибале» «среди волжских степей» а) открыто начинает античную тему стихотворения; б) скрыто вводит тему Суворова и его перехода через Альпы; в) задает важное для последующих строф противопоставление возвышенности (Альпы) и плоскости («степей»); г) перекладывает на язык оды советское общее место (Сталинград); д) подталкивает читателя вольно или невольно вспомнить о правнуке другого Ганнибала⁵. По-

следнее важно, поскольку в финале строфы Бродский сопоставляет с судьбой опального маршала собственный удел, но не прямо, а через не прямое сравнение с (пушкинским) Овидием. Кроме того, заключительные строки второй строфы исправляют ложь официального мифа о Жукове (в газетных советских некрологах о его опале, разумеется, не говорилось ни слова). Характеристика «глухо» продолжает тему отсутствия звуков, начатую в первой строфе⁶, имя «Помпей» (ср. по ассоциации – «Последний день Помпеи») – цепочку «огненных» образов.

Третья строфа стихотворения самая парадоксальная, она выпадает из традиции не только газетного некролога, но и торжественной оды. Продолжается игра с пространством: вопреки иудео-христианской традиции, согласно которой воины, павшие в правом бою, переносятся в рай, маршал и его солдаты оказываются в «адской области» (вновь перелицовывается советский штамп «такая-то область» – «адская область»). С темой пространства связано и многозначное слово «провал» – провал в памяти, но и провал-бездна. Строфа выделена и грамматически – до нее большинство глаголов употреблялось в настоящем времени; после нее – в будущем. В финале строфы прорывается звуковая блокада – Жуков подает реплику. И после этой реплики все резко меняется. Оказывается, погружение Жукова в ад в третьей строфе стихотворения предпринималось едва ли не для того, чтобы в четвертой строфе вытянуть маршала из «адской бездны» и вознести его чуть ли не в рай. Сигнал этого пространственного перемещения – торжественное слово «десницы» с очевидным обыгрыванием двух значений – правая рука и «правое дело». Формула «правое дело», как известно, была превращена в военный лозунг-штамп Сталиным: «Наше дело правое, мы победим!» В заключительных строках четвертой строфы не просто продолжает корректироваться официальная биография маршала, но и сам он возвращается в правильный («правый») «солдатский» контекст: из «штатской белой кровати» (предыдущая строфа) перемещается в «пехотный строй».

Все это готовит многократно отмеченную прямую отсылку в пятой строфе к державинскому «Снегирю» (и к последнему его стихотворению «Река времён в своем стремленьи...»). Подношение Бродского опальному маршалу оказывается вписанным в традицию оды державинского типа, с ее резкими стилистическими и интонационными контрастами. Вот и в зачине пятой строфы разобранного стихотворения античная и торжественная «Лета» соседствует с позаимствованными из блатного словаря «прахорями», т. е. сапогами (вероятно, с еще одним намеком на кремацию – прахоря/прах). Звуки нарастают – выясняется, что автор свою оду произносил («вслух говоря»), а далее бьет «барабан»⁷ и свистит «военная флейта». Если на реальных похоронах Жукова траурный марш в итоге сменился «величественной мелодией Государственного гимна Советского Союза» (Правда. 1974. 21 июня. С. 3), у Бродского в финале – неизбежный советский гимн заменился русским военным траурным маршем.

¹ Кинофрагмент хроники с похорон Жукова можно найти в Интернете: http://www.youtube.com/watch?v=cbMiyBkWnO4&feature=player_embedded

² Может быть, «лошади круп» был перенесен в стихотворение Бродского с военной «одической» картины Веласкеса «Капитуляция Бреды»?

³ Относительно еще одного штампа первой строфы («колонны замерших внуков») на нашем спецсеминаре было высказано не нашедшее всеобщего сочувствия остроумное предположение: не подразумевается ли тут чеховский внук Ванька Жуков? Тогда бы в роли дедушки парадоксальным образом выступал... сам Бродский (ср. «Ветер сюда не доносит мне звуков» – письмо «на деревню, дедушке»).

⁴ О Помпее Бродский, вероятно, узнал из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха: о Велизарии – из оперы Доницетти «Велизарий».

⁵ Не содержится ли в строках Бродского о полководце «среди волжских степей» еще и намек на усмирение Суворовым

пугачевского бунта (ср. роль Жукова в венгерских событиях) и через это – указания на Державина, принимавшего участие в антипугачевской кампании?

⁶ Ср. еще знаменитое в знаменитых «Письмах римскому другу» Бродского: «Если выпало в Империи родиться, / лучше жить в глухой провинции у моря».

⁷ Ср. стихотворение Цветаевой «Нет, бил барабан перед смутным полком...», а также стихотворение самого Бродского «1972 год»: «Бей в барабан о своем доверии к ножницам...» и т. д.

«Что же пишут в газетах?»
*Смерть Иосифа Бродского
в зеркале московской прессы*

Тема «Смерть поэта» – одна из сквозных в творчестве Бродского – многократно привлекала внимание исследователей его стихов и прозы¹. В настоящей статье сосредоточимся на тех аспектах этой богатой темы, которые до сих пор оставались в тени: проанализируем отклики на смерть Бродского, напечатанные в московских газетах в конце января – начале февраля 1996 г. Следовательно (лучше сразу в этом признаться), речь пойдет не столько о самом Бродском, сколько о восприятии облика и образа Бродского, как он сложился в сознании отечественного интеллигента на излете жизни поэта.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – местоположение большинства сообщений о смерти автора «Рождественского романса» в московских газетах. Исключение составили ожидаемо промолчавшие «Правда» и «Советская Россия», а «Российская газета» поместила некролог Бродскому на восьмой странице. Все остальные СМИ опубликовали анонсы траурных подборок, посвященных Бродскому, на заглавных страницах – крупными буквами и в сопровождении фотографий покойного. Поэтому не

Впервые опубликовано: Новое литературное обозрение. 2004. № 67. С. 233–234.

следует удивляться, что эпитеты «великий» и «гениальный» употреблялись авторами едва ли не всех некрологов – *«Огромное гениальное чело – вот что всегда поражало меня в его портретах»* (И. Медовой. «Культура». 3 февр. С. 1) – зачастую даже не как само собой разумеющиеся, а как уже поднадоевшие, затертые – *«Сказать великого поэта, классика – почти невозможно из-за девальвации этих слов»* (Русский ПЕНцентр. «Литературная газета». 31 янв. С. 3); *«Он достойно, без тени экзальтации пронес через жизнь образ Великого Поэта – как человек современной мировой культуры, прекрасно осознавая его двусмысленность»* (Л. Рубинштейн. «Коммерсантъ-DAILY». 30 янв. С. 13).

Основными атрибутами и знаками величия Бродского в некрологах, как и следовало ожидать, послужили: а) ученичество у Ахматовой – *«Я думаю, где-то там вздрогнула, наверное, душа Ахматовой, которая так его любила»* (А. Вознесенский². «Вечерняя Москва». 30 янв. С. 1), б) ссылка в Норенское; в) изгнание из СССР; г) Нобелевская премия. Характерная деталь: газете «Вечерний клуб», не желавшей упоминать в соседстве с именем Бродского имя Михаила Шолохова, пришлось написать, что Бродский *«стал третьим русским поэтом (вслед за Бунинным и Пастернаком), получившим Нобелевскую премию»* (30 янв. С. 1), хотя Пастернак и особенно Бунин получили премию в первую очередь за прозу.

Из некролога в некролог ожидаемо повторялись уподобление И. Бродского Пушкину и сакраментальная реплика о вновь закатившемся солнце русской поэзии. При этом в полном соответствии с известным принципом, описанным в известной пьесе («С Пушкиным на дружеской ноге»), многие авторы стремились ненавязчиво внести в свои горестные заметки интимную, личную ноту. Прозвучала она и в откликах на смерть поэта, составленных литераторами: при жизни бесконечно от Бродского далеки – *«Сварил мне турецкого кофе...»* (А. Вознесенский. «Комсомольская правда». 30 янв. С. 3), или малознакомыми – *«В 1992 году «НГ» пригласила Иосифа Александровича на свой праздник. Бродский отказался. Сказал – боится,*

что не выдержит сердце» (Г. Заславский, И. Зотов. «Независимая газета». 30 янв. С. 1); *«Я слышал его два раза. Он выл свои стихи в пространство, не обращая на нас внимания»* (А. Аронов. «Московский комсомолец». 30 янв. С. 1); *«Ознакомившись с составом подборки переводов из Стрэнда – моих и американской переводчицы... Бродский согласился написать предисловие к грядущей публикации этих переводов в журнале “Иностранная литература”. Мне больно думать, что эта статья, быть может, последняя лежала на его рабочем столе. Кто знает, вдруг удастся восстановить текст по черновикам»* (А. Кудрявицкий. «Труд». 3 февр. С. 5), или даже незнакомыми вовсе – *«Русский снег за промерзшим московским окном. Навалило за сутки больше, наверное, чем в северном Питере – любимом городе Иосифа»* (С. Скопнов. «Московская правда». 30 янв. С. 2) – именование Бродского Иосифом без фамилии и отчества (ср. Марина Цветаева, но никогда, например, Федор Тютчев) – встречается во многих некрологических откликах на смерть поэта.

На правах утонченных ценителей поэзии Бродского авторы ряда некрологов позволили себе мягко- или жесткоскептическую усмешку, разумеется, не в отношении Бродского, но в отношении его остальных (прежде всего – власть имущих) недалеких читателей: *«...по крайней мере, по словам близких, вдова поэта, Мария, несмотря на настойчивые предложения мэра С.-Петербурга Анатолия Собчака о предоставлении права поэту “похоронных почестей” его родному городу [так! – О. Л.], склоняется к одному из альтернативных вариантов»* (Ю. Горячева. «Независимая газета». 30 янв. С. 1). Полностью на подобного типа укоризнах держится отклик на смерть Бродского, написанный М.Ю. Соколовым: *«Поэтому вряд ли стоит с такой буквальностью повторять слова поэта про... Перед лицом вечности тем более не нужно говорить неуместные пошлости о... Раздавшиеся немедленно после известий о смерти Бродского разговоры о необходимости торжественно перенести прах поэта на родину тем более неэстетичны, ибо...»* («Коммерсантъ-DAILY». 30 янв. С. 13).

Подводя итоги, попробуем наметить основные пункты типовой статьи памяти Иосифа Бродского в московских газетах: Бродский гениальный поэт – он ученик Ахматовой – он был сослан – он был выслан – он получил Нобелевскую премию – Бродский как Пушкин – он солнце русской поэзии – а я его знал (несколько раз видел, видел по телевизору, видел его фотографию) – и лучше понимаю его, чем все остальные обыватели.

¹ Сошлемся здесь только на одну, но зато самую лучшую работу: *Левинтон Г. <Ахиллович>. Смерть поэта: Иосиф Бродский // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба: Итоги трех конференций.* СПб., 1998. С.190–215.

² А.А. Вознесенский опубликовал две некрологические заметки о Бродском.

Интертекст и Интернет
К постановке проблемы

...на все вопросы отвечает Rambler!
Т. Кибиров

Как известно, подтекстный метод, представленный в работах К.Ф. Тарановского и филологов его круга, сложился в процессе изучения творчества Осипа Мандельштама. Школа Тарановского, напомним, «исходит из предположения о мотивированности всех элементов стихов Мандельштама, причем мотивация может лежать вне текста, прежде всего – в ином тексте. Этот мотивирующий текст и является подтекстом данного, анализируемого текста»¹.

Впечатляющие результаты пристального прочтения стихотворных и прозаических текстов (прежде всего – Мандельштама и Ахматовой) сквозь призму подтекстного метода были изложены самим К.Ф. Тарановским и Стивеном Бройдом, Б.М. Гаспаровым, М.Л. Гаспаровым, А.К. Жолковским, Вяч. Вс. Ивановым, Г.А. Левинтоном, Омри Роненом, Д.М. Сегалом, Р.Д. Тименчиком, Е.А. Тоддесом, В.Н. Топоровым, Ю.Л. Фрейдиным, Т.В. Цивьян и другими исследователями. Тем не менее возможности

Впервые опубликовано: Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2004. Т. 63. № 1. С. 64–66.

подтекстного метода, на наш взгляд, до сих пор использованы далеко не полностью. Второе дыхание этому методу, как кажется, способно придать грамотное использование ресурсов Интернета, который является необъятным хранилищем потенциальных подтекстов к произведениям самых разных авторов.

Можно сказать и по-другому: появление и повсеместное распространение Интернета почти свело на нет столь престижную в прежние времена роль филолога как более или менее успешного ловца подтекстов: машина делает это куда лучше и быстрее, не говоря уже о том, что ее память богаче памяти любого ученого. Не отлов, а отсеивание, регистрация, а обоснование – вот в чем, на наш взгляд, состоит сегодня задача приверженцев школы Тарановского².

Существующие уже и сейчас методы поиска позволяют исследователю, отделяя зерна от плевел и сверяя найденные в Интернете фрагменты мотивирующих текстов с более надежными книжными источниками, значительно (в недостижимом идеале – исчерпывающе) пополнить список подтекстов к текстам того или иного автора.

Для иллюстрации к сказанному и демонстрации возможной последовательности работы с текстом с помощью Интернета кратко рассмотрим стихотворение Мандельштама «Как овцы, жалкою толпой...» (1914). Насколько нам известно, оно никогда не привлекало специального внимания исследователей.

- 1 Как овцы, жалкою толпой
- 2 Бежали старцы Еврипида.
- 3 Иду змеиною тропой,
- 4 И в сердце темная обида.

- 5 Но этот час уж недалек:
- 6 Я отряхну мои печали,
- 7 Как мальчик вечером песок
- 8 Вытряхивает из сандалий.

Строки, образы и рифмы этого стихотворения были введены в поисковую систему «Yandex» Интернета. После

(без особого труда) произведенного отсева заведомо неплодотворных интернетовских параллелей к этим строкам, образам и рифмам был сформирован список потенциальных подтекстов к стихотворению «Как овцы, жалкою толпой...» (здесь и далее курсив в цитатах мой. – О. Л.):

1-4 строки – «В них плакала какая-то *обида* / Звенела медь и шла гроза / А там, над шкафом, профиль *Еврипида* / Слепил горящие глаза» (Н. Гумилев. «Памяти Анненского», 1911).

1–4 строки – «Пока спокойною стою / *Иду*, и мыслю, и пою, / Смеюсь над жалкою *толпой* / И вздохов ей не отдаю» (А. Блок. «Пока спокойною стою...», 1899).

1–2 строки – Корифей: Ба! что это?

Иль буря новая грозит нам, *старцы*?

Смотрите, призраки над домом поднялись...

Один из хора: *Беги! Беги!* Ох, унесите ноги, старые, беги! (Еврипид. «Геракл», пер. И. Анненского).

1–2 строки – «Видя *толпы* народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, *как овцы*, не имеющие пастыря» (Матф. 9: 36).

3 строка – «*змеиной тропой*» (как указывает, например, Иосиф Флавий) называли труднопроходимую дорогу к иудейской крепости Массаса, осажденной римлянами (Иосиф Флавий. «Иудейская война». Кн. VII, гл. 8, 3).

4 строка – «Какая *темная обида* / Меня из бездны извлекла» (М. Волошин. «Второе письмо», 1904–1905).

5 строка – «И думают, его последний *час* / *Уж недалек*» (А. Пушкин. Из черновых набросков к «Борису Годуну»).

6–8 строки – «Все в Греции сродни его *печали*, / Все родственней его родной земли. / И прах богов не отряхнет с *сандалий*, / Кто был в краю, где Дельфы встарь цвели» (Байрон. «Паломничество Чайльд Гарольда». Песнь II, 91).

Совершенно очевидно, что отнюдь не все эти параллели правомерно считать мотивирующими подтекстами к стихотворению «Как овцы, жалкою толпой...». Следующий шаг, который неизбежно должен будет сделать исследователь, как раз и состоит в отделении случайных параллеле-

лей к анализируемому тексту от семантически значимых подтекстов к нему. Наиболее надежный критерий здесь – это опора, (во-первых, на наши представления о том, *что* и *когда* читал автор анализируемого текста³ и, во-вторых, – на знание о биографических обстоятельствах автора в тот или иной период его жизни. Так, для обоснования подтекста из волошинского «Второго письма» к стихотворению «Как овцы, жалкою толпой...» может быть привлечено письмо Мандельштама к Волошину (октябрь 1909 г.), тема которого в литературно-бытовом ключе варьирует тему разбираемого стихотворения (одинокость, обида на окружающих и ее преодоление)⁴.

Еще один существенный критерий для отбора убедительных подтекстов к тому или иному тексту предложил Б.М. Гаспаров, указавший, что предлагаемые исследователем разнородные подтексты должны «не уменьшать, а, напротив, увеличивать смысловую слитность текста»⁵. Если и не обнаружить, то укрепить эту смысловую слитность интерпретатору способны помочь ресурсы Интернета. Так, смысловая слитность «анненского» слоя, выявленного нами в стихотворении «Как овцы, жалкою толпой...» еще до обращения к Интернету⁶, теперь может быть дополнительно мотивирована цитатой из статьи Мандельштама «Письмо о русской поэзии» (1922), на которую обратил наше внимание поиск в «Yandex»: «...поэт, рожденный быть русским *Еврипидом* [Анненский. – *О. Л.*], вместо того чтобы спустить на воду корабль всенародной трагедии, бросает в водопад куклу, потому что –

Сердцу *обида* куклы
Обиды своей жалчей»⁷,

где слова «Еврипидом» и «обида», скрепленные именем Анненского, соседствуют, как и в разбираемом нами стихотворении.

Остается обратить внимание на то обстоятельство, что Интернет может оказать посильную помощь при систематизации уже накопленных литературоведческой наукой

подтекстов к текстам того или иного автора, в частности Осипа Мандельштама⁸. Для решения этой конкретной задачи необходимо вывесить на каком-нибудь сайте, например на сайте Мандельштамовского общества, самые значительные работы, содержащие сводки подтекстов к текстам поэта.

Наиболее грандиозная задача состоит в пословном пропускании через базу поиска Интернета всех текстов того или иного автора с последующим коллективным (?) отбором, путем общения через Интернет (?), более или менее вероятных (=доказательных) подтекстов к этим текстам.

¹ Левинтон Г.А., Тименчик Р.Д. Книга К.Ф. Тарановского о поэзии Мандельштама // Тарановский К.Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 404.

² Впрочем, проблема отбора правдоподобных подтекстов к тому или иному произведению актуальна уже давно. Едва ли не первым обратил на это внимание М.Л. Гаспаров, с тонкой издевкой приведший в одной из своих работ упомогающий список заведомо не сводимых воедино подтекстов к мандельштамовским «Стихам о неизвестном солдате» (1937), предложенных исследователями (Гаспаров М.Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М., 1996. С. 67–77).

³ В частности, обобщающая работа, в которой будут максимально учтены и каталогизированы источники мандельштамовского чтения, еще не написана, но насущно необходима. Судя по воспоминаниям Ю.И. Левина, это хорошо понимал еще К.Ф. Тарановский: «...в процессе занятий Мандельштамом К. Ф. решил перечитать все, что читал или мог читать Мандельштам» (Левин Ю.И. Памяти К.Ф. Тарановского // Новое литературное обозрение. [1993]. № 3. С. 89).

⁴ «Глубокоуважаемый Макс Александрович! Оторванный от стихии русского языка – более чем когда-либо, – я вынужден составить сам о себе ясное суждение. Те, кто отказывают мне во внимании, только помогают мне в этом. Так помог мне Мережковский, который на днях, проездом в Гейдельберге, не пожелал выслушать ни строчки моих стихов, помог мне милый Вячеслав

Иванович, который при искреннем ко мне доброжелательстве не ответил мне на письмо, о котором просил однажды. С Вами я только встретился. Но почему-то надеюсь, что Ваше участие в моей трудной работе будет немного иным» (*Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 16).

⁵ *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. М., 1994. С. 300.

⁶ См.: *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 112–113.

⁷ *Мандельштам О.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 266.

⁸ «...есть действительно' опасность напрасной траты сил на установление фактов, которые прежде уже были открыты и не раз» (*Ронен О.* Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 202).

Contents

[From author]	7
General Rayevsky and his sons. From a commentary to one Pushkin's newspaper review	9
"Oh, all the familiar themes". On <i>The Modern Onegin</i> by M.Ya. Pustynin	25
Poems in <i>Niva</i> magazine, 1890–1917. About <i>The Russian Modernism and mass poetry</i>	34
When two loners met	51
On and around one "small" Acmeistic manifest	58
At <i>Lukomoye</i> : about the story of a magazine	69
Does a picture have a hidden message? About Akhmatova's iconography	86
Acmeism and "the Guild of Poets" appraisal by literary criticism of the early 1910s: commented excerpts	90
"Let them now listen...". On Al. Blok's article <i>Without God and Without Inspiration</i> . The Guild of Acmeists	100
15 markings by Aleksandr Tinyakov on Zinaida Gippius'	123

<i>Last Poems</i> . Constructing a reader's history of literature	123
One specification about (from) a newspaper: on a poem by Mayakovsky	135
<i>The Great Combinator</i> : the source for the formula	142
"Kinooleynikov". Constructing the poet's biography	146
<i>The change of surname</i> for N. Oleynikov in the newspaper context	153
On two editions of one translation by Daniil Kharms ...	163
"I'm talking with the epoch...". The newspaper background in Mandelstam's 1930s poetry	172
On one group cartoon of Soviet writers (<i>co-authored with I. Venyavkin and M. Kotova</i>)	282
How Sergey Yesenin's Soviet reputation was formed	311
AgitProfSozh (The Agitation Committee of Railway Transport Professional Union) popular print (<i>co-authored with A. Sergeyeva-Klyatis</i>)	331
Anna Akhmatove in Irina Odoyevtseva's memoirs	346
Russian modernists as co-authors of the headlines of Moscow newspapers (1985–1995)	359
J. Brodsky's <i>On Zhukov's Death</i> : the synopsis of an analysis	399
"What do they write in newspapers?". Joseph Brodsky's death through the Moscow press	405
Intertext and Internet: problem statement	409

Lekmanov O. Poets and newspapers: Essays

The book includes O.A. Lekmanov's works of the latest decade which are united by their common method: in this book, prominent phenomena of the 20th century Russian literature are considered within the magazine and newspaper context of the time. The book examines works by Aleksander Blok, Osip Mandelstam, Joseph Brodsky and many other famous and lesser poets and writers.

The book is intended for students interested in humanities and all readers interested in the Russian literature of the Silver Age and Soviet period.

Лекманов О.А.
Л 43 Поэты и газеты: Очерки / Олег Лекманов. М.:
РГГУ, 2013. 414 с.
ISBN 978-5-7281-1452-9

В книгу вошли работы О.А. Лекманова последних десяти лет, связанные общностью метода: значимые явления русской литературы XX столетия освещаются в журнальном и газетном контекстах эпохи. Рассматриваются произведения Александра Блока, Осипа Мандельштама, Иосифа Бродского и многих других известных и малоизвестных поэтов и прозаиков.

Для гуманитарно ориентированных студентов и всех, кто интересуется отечественной словесностью Серебряного века и советского времени.

УДК 821.161.1
ББК. 83.3(2Рос=Рус)6

Научное издание

Лекманов Олег Андершанович

ПОЭТЫ И ГАЗЕТЫ

Очерки

Редактор *Г.Н. Дюкова*

Художественный редактор *М.К. Гуров*

Корректор *Н.П. Гаврикова*

Технический редактор *Г.П. Каренина*

Компьютерная верстка *Г.И. Гаврикова*

Подписано в печать 20.09.2013 г.

Формат 60 × 84¹/₆.

Усл. печ. л. 24,4. Уч.-изд. л. 25,6.

Тираж 1000 экз. Заказ № 134

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
8-499-973-42-06

